Ф
5245

С. Патканов.

О ПРИРОСТѢ ИНОРОДЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ СИБИРИ.

Статистическіе матеріалы для освѣщенія вопроса о вымираніи первобытныхъ племенъ.

(*Предетавлено въ засѣданіе Историко-Филологическаго Отдѣленія 10 марта 1910 г.*).

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

5245

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1911.

31
П 20
П-84
П-87
П90
пос
342(47)
П203

С. Патканов.

5

О ПРИРОСТѢ ИНОРОДЧЕСКАГО НАСЕЛЕНІЯ СИБИРИ.

Статистическіе матеріалы для освѣщенія вопроса о вымираніи первобытныхъ племенъ.

(Представлено въ засѣданіе Историко-Филологическаго Отдѣленія 10 марта 1910 г.).

26144

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

БИБЛИОТЕКА
МГПИ
им. К. ЛИБКНЕХТА

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 л., № 12.
1911.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ, 1911 г. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

Въ интересномъ докладѣ, читанномъ во время X сессіи Международнаго Статистическаго Института и посвященномъ причинамъ паденія древнихъ монархій, членъ Института П. Фальбекъ сдѣлалъ призывъ къ статистикамъ всѣхъ странъ освѣтить своими изслѣдованіями все еще во многихъ отношеніяхъ темный вопросъ о вымираніи первобытныхъ племенъ, вопросъ, который помимо своего высокаго демографическаго интереса могъ бы помочь пролить свѣтъ на многія неясныя стороны въ настоящее время еще мало изученнаго явленія — упадка историческихъ народовъ [1]).

Отвѣчая на этотъ призывъ, авторъ настоящей работы въ нижеслѣдующемъ небольшомъ очеркѣ дѣлаетъ попытку представить сводъ данныхъ, касающихся измѣненія численности первобытныхъ обитателей Сибири за послѣднія десятилѣтія и дающихъ возможность сдѣлать нѣкоторые выводы касательно жизнеспособности отдѣльныхъ группъ инородческаго населенія названной окраины.

Краткое извлеченіе изъ этой работы было обнародовано въ 1909 г. въ «Ежегодникѣ Россіи» 1908 г. (изд. Центр. Стат. Ком.) и годомъ раньше — въ венгерскомъ журналѣ «Revue Orientale» 1908 г. (вып. 1—2) подъ заглавіемъ: «Ueber die Zunahme der Urbevölkerung Sibiriens». Считаемъ необходимымъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ этомъ послѣднемъ изданіи, составленномъ на основаніи предварительныхъ и не окончательно установленныхъ цифровыхъ данныхъ, встрѣчаются ошибки, которыя по большей части устранены въ вышеупомянутомъ русскомъ извлеченіи изъ настоящаго труда.

Авторъ.

---

1) «Bull. de l'Inst. Internat. de Statist.», XV, 2 liv., 373 s.

1. Общія замѣчанія.

65 лѣтъ тому назадъ подъ тѣмъ же заглавіемъ вышло въ свѣтъ первое спеціальное изслѣдованіе о приростѣ инородческаго населенія Сибири [1]). Авторъ этого труда, извѣстный акад. Беръ, пришелъ къ утѣшительному выводу относительно жизнеспособности первобытныхъ народовъ Сибири, такъ какъ изъ сопоставленія прежнихъ статистическихъ данныхъ съ болѣе новыми выяснилось, что инородческое населеніе Иркутской губ., включавшей въ себя въ то время также Якутскую и бо̀льшую часть нынѣшней Забайкальской области и охватывавшей, такимъ образомъ, половину Сибири, со времени первыхъ ревизій до VIII ревизіи (1835/9 гг.) значительно возросло, причемъ то же наблюдалось и въ другихъ административныхъ единицахъ страны. Изъ отдѣльныхъ народностей онъ болѣе подробно остановился на якутахъ и бурятахъ и цифровыми данными доказалъ, что они значительно увеличились въ числѣ противъ прежняго. Не имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе детальныхъ свѣдѣній о численности за разные годы другихъ, болѣе мелкихъ, народностей Сибири, Беръ не могъ рѣшить, въ какомъ направленіи совершается у нихъ движеніе населенія, но все же онъ высказалъ предположеніе, что, если бродячіе инородцы и дѣйствительно вымираютъ кое-гдѣ, то это явленіе обнаруживается лишь мѣстами, причемъ образовавшаяся убыль населенія быстро пополняется положительнымъ приростомъ другихъ сосѣднихъ группъ инородцевъ, чѣмъ и обусловливается непрерывный ростъ кореннаго населенія не только цѣлыхъ губерній и областей, но и отдѣльныхъ ихъ частей. Эти нѣсколько неожиданные выводы казалось бы ставили инородцевъ С.-Азіи въ особенно выгодное положеніе среди другихъ первобытныхъ расъ Стараго и Новаго Свѣта, какимъ то злымъ рокомъ обреченныхъ на вымираніе при столкновеніи съ высшей культурой. Хотя и раньше изслѣдователи Сибири обращали вниманіе на угасаніе многихъ, главнымъ образомъ сѣверныхъ, племенъ и на полное исчезновеніе нѣкоторыхъ народностей и отдѣльныхъ вѣтвей нынѣ существующихъ инородцевъ, еще застигнутыхъ русскими завоевателями и первыми насельниками страны (аринцы, котты,

---

1) «Zunahme d. eingeborenen Bevölkerung Sibiriens» — («Beitr. z. Kennt. d. Russ. Reich's», VII, 89—117).

шелаги, ходынцы, апаулы и друг.), но болѣе всего для выяснепія интересующаго насъ вопроса сдѣлали Шашковъ[1]) и Ядринцевъ[2]), которые статистическимъ путемъ доказали, что процессъ движенія инородческаго населенія Сибири совершается не повсемѣстно и не у всѣхъ обитающихъ въ ней народностей въ одинаковой степени благопріятно. Просматривая эти и другія тому подобныя работы, можно, повидимому, придти къ тому выводу, что сѣверные бродячіе инородцы и отдѣльныя части другихъ коренныхъ обитателей края не только не увеличились въ числѣ противъ прежнихъ регистрацій, но умепьшились, другими словами, что они находятся въ стадіи медленнаго угасанія, но что главная масса живущихъ далѣе къ югу и востоку кочевниковъ и осѣдлыхъ земледѣльцевъ повидимому растетъ. Твердыхъ основаній для окончательнаго рѣшенія вопроса о приростѣ инородцевъ Сибири подобныя изслѣдованія, однако, все-таки не могли дать, отчасти вслѣдствіе своей отрывочности и отчасти вслѣдствіе неточности и мѣстами невѣрности приводимыхъ въ нихъ данныхъ. Въ особенности это касается трудовъ извѣстнаго изслѣдователя Сибири и публициста Ядринцева, въ которыхъ можно встрѣтить много цифровыхъ данныхъ, явно сомнительнаго характера и часто находящихся въ противорѣчіи съ помѣщенными на слѣдующихъ страницахъ того же труда. Въ числѣ другихъ промаховъ, наблюдаемыхъ въ подобныхъ работахъ, посвященныхъ разсматриваемому вопросу, слѣдуетъ отмѣтить частыя смѣшенія другъ съ другомъ разныхъ народностей, въ общежитіи извѣстныхъ подъ сборными наименованіями «остяковъ, татаръ» и т. д. и игнорированіе факта измѣненія съ теченіемъ времени границъ и слѣдовательно площадей отдѣльныхъ волостей, округовъ и губерній (областей). Эти недосмотры, свидѣтельствующіе о недостаточной критической оцѣнкѣ приводимыхъ статистическихъ данныхъ, а иногда и о полномъ ея отсутствіи, естественно дѣлали выводы подобныхъ авторовъ мало убѣдительными.

За послѣднее время вопросомъ о приростѣ инородческаго населенія Сибири занимались акад. Шренкъ[3]), Майновъ[4]), Якобій[5]), авторъ настоящаго труда[6]) и нѣкоторые другіе.

---

1) «Истор. этюды», т. II. («Сиб. инор. въ XIX стол.»).

2) «Сибирскіе инородцы» 1891 г. и «Сибирь какъ колонія» (88—93).

3) «Объ инородцахъ Пріамурскаго края», I, 1885.

4) «Нѣкот. данныя о тунгусахъ Якутской обл.» («Тр. В.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.», 1898 г., II, 18 сл.).

5) «Остяки сѣв. части Тоб. губ.» («Ежег. Тоб. губ. муз.», IX).

6) «Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie», I, 72—95; «Essai d'une stat. et d'une géogr. d. peuples palaeasiatiques de la Sibérie», 1903; «Опытъ геогр. и стат. тунг. плем. Сиб.», I, 2 вып. (1—5 гл.), т. II, passim.; «Мат. для изуч. эконом. б. крн. и инор. Зап. Сибири», т. I, 14—16, 29 сл., и X стр., 121 сл.; «По Демьянкѣ» («Зап. Зап.-Сиб. О. И. Р. Геогр. Общ.», XVI, вып. 2—3).

Если послѣ этихъ изслѣдованій въ справедливости наблюденія о вымираніи инородцевъ сѣвернаго типа врядъ ли кто еще сомнѣвается, то вопросъ, имѣютъ ли правильный положительный приростъ кочевые и осѣдлые инородцы, обитающіе въ болѣе культурной полосѣ Сибири, все еще возбуждаетъ споры, причемъ то и дѣло появляющіяся въ печати заявленія изслѣдователей и нерѣдко знатоковъ страны о вымираніи вогуловъ, отдѣльныхъ группъ Зап. Сибирскихъ татаръ, абаканцевъ, бурятовъ и якутовъ (см. ниже) показываютъ, что вопросъ о жизнеспособности упомянутыхъ народовъ все еще не рѣшенъ окончательно.

Изслѣдованія въ этой области становились между тѣмъ съ каждымъ годомъ все болѣе затруднительными вслѣдствіе отсутствія послѣ X ревизіи болѣе или менѣе точнаго исчисленія населенія въ Россійской Имперіи, исчисленія, которое доставило бы заслуживающія довѣріе цифровыя данныя для сравненія ихъ съ данными прежнихъ лѣтъ. Дѣйствительно, какими бы недостатками ни обладали ревизскія сказки (главнымъ образомъ неполнотою), для податной (внѣгородской) части населенія, а тѣмъ болѣе для инородцевъ, которыхъ въ городахъ очень мало, онѣ все же представляютъ регистраціи болѣе или менѣе близкія къ истинѣ, въ особенности послѣднія ревизіи, во время которыхъ число женщинъ опредѣлялось почти столь же точно, какъ и число мужчинъ.

Чтобы въ дальнѣйшемъ не возвращаться къ этому вопросу, скажемъ здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ, чѣмъ были вызваны періодическіе учеты населенія Сибири въ прежнее время и каковы были результаты этихъ операцій. Регистрація обитателей разсматриваемой страны, по крайней мѣрѣ ея западной части, получила свое начало еще въ серединѣ XVI стол., т. е. въ то время, когда Сибирь еще не принадлежала русскимъ. Извѣстно, что посолъ Сибирскаго царя Этигера, пріѣхавшій въ 1555 г. въ Москву, чтобы поздравить Іоанна IV съ покореніемъ Казанскаго царства, сообщилъ русскому царю, что его властелинъ имѣетъ 30.700 «черныхъ» людей, т. е. лицъ мужского пола, обязанныхъ ему платить подати [1]).

Вскорѣ послѣ этого событія, уже съ конца того же XVI ст., началось присоединеніе къ Россіи одной области Сибири за другой и русскіе, сдѣлавшись хозяевами страны, сами стали вести учетъ мѣстному инородческому населенію. Въ тѣ эпохи при учетахъ населенія преслѣдовались исключительно фискальныя цѣли, въ виду чего дьяки и сборщики ясака ограничивались при этомъ переписываніемъ лишь здоровыхъ мужчинъ въ работоспособномъ

1) Буцинскій: «Заселеніе Сибири». 1889 г.

возрастѣ, т. е. способныхъ платить подати, не обращая вниманія на лицъ осталыныхъ возрастовъ, на дѣтей, дряхлыхъ, больныхъ и женщинъ. Въ началѣ XVII стол. регистраціи подвергались почти только жившіе осѣдло инородцы и небольшая часть бродячихъ, которая изъявила готовность платить ясакъ. Бо̀льшая же часть бродячихъ инородцевъ спасалась при появленіи сборщиковъ податей въ лѣса и по большей части избѣгала какъ регистрацію, такъ и платежъ ясака. Позже, съ назначеніемъ у инородцевъ отвѣтственныхъ князьковъ или старшинъ, стали поступать болѣе полныя свѣдѣнія о численности окладныхъ душъ. Но все же эти данныя отличались въ теченіе XVII в. столь большой неполнотой, что, если бы мы и помножали ихъ на 4 и даже на 5, то и тогда получалось бы общее число инородцевъ обоего пола значительно меньшее противъ того, которое можно было предполагать даже у тѣхъ изъ нихъ, численность которыхъ за истекшее столѣтіе вовсе не увеличилась и у которыхъ конечно нельзя было ожидать сильнаго прироста населенія въ еще болѣе отдаленныя эпохи. Но и данныя этихъ регистрацій, дошедшія до насъ лишь въ видѣ отрывковъ, не лишены интереса въ другомъ отношеніи — онѣ рисуютъ намъ картину разселенія въ тѣ времена отдѣльныхъ народностей по территоріи Сибири, группировку ихъ въ волости, роды и по населеннымъ пунктамъ и могутъ дать понятіе объ относительной численности отдѣльныхъ группъ населенія въ концѣ XVI и въ XVII стол. Особенно цѣнными данными этого рода мы обладаемъ касательно группировки въ административныя единицы и о численности Тобольскихъ и части Томскихъ татаръ, вогуловъ, остяковъ и осѣдлыхъ самоѣдовъ [1]).

Въ первой четверти XVIII ст. регистрація населенія, сохранившая въ началѣ тотъ же примитивный характеръ, вступила въ новую фазу своего развитія. Въ 1722 г. были учреждены правильно организованныя періодическія переписи податного мужского населенія или *ревизіи*, сначала только лицъ рабочаго возраста, а со времени IV ревизіи (1781/3 гг.) всего мужского и женскаго населенія. И данными первыхъ трехъ ревизій пользоваться для нашей цѣли не представлялось возможнымъ: опредѣленіе *общей численности* извѣстнаго племени на основаніи прежнихъ отрывочныхъ и неполныхъ данныхъ касательно мужского населенія и притомъ *рабочаго возраста*, данныхъ, составленныхъ къ тому же въ разныхъ частяхъ страны различно, естественно не могло бы дать хорошихъ результатовъ. Да и IV ревизія, первая, которая охватывала все населеніе страны, оказывается непригодной для этой цѣли въ виду очевидной неполноты и неточности ея данныхъ.

---

1) См. труды: Буцинскаго, Кузнецова-Красноярскаго и друг.

Значительныя колебанія въ цифровыхъ данныхъ, наблюдаемыя при сопоставленіи между собою цифръ первыхъ учетовъ населенія Сибири, имѣютъ впрочемъ и свои спеціальныя и независящія отъ характера регистраціи причины. Въ первыя $1^1/_2$—2 столѣтія по присоединеніи страны мѣстное коренное населеніе испытало цѣлый рядъ сильныхъ потрясеній и крупныхъ переворотовъ въ своей жизни, которые и отразились на точности регистрацій. Аборигены изъ вольныхъ сыновъ лѣсовъ и тундръ были обращены въ податное состояніе и были поставлены въ полную зависимость отъ хищныхъ чиновниковъ и сборщиковъ податей и отъ корыстолюбивыхъ правителей. Требованія, предъявляемыя къ инородцамъ правительственными агентами, заботившимися при этомъ больше о своемъ карманѣ, чѣмъ о прибыли государственнаго казначейства, по большей части настолько превышали платежныя силы населенія, что оно, выбившись изъ силъ, нерѣдко пыталось вооруженной силой освободиться отъ лежавшаго на немъ непосильнаго гнета. Но, такъ какъ подобныя возмущенія и возстанія всегда кончались не въ пользу инородцевъ, то послѣдніе, боясь послѣдующихъ репрессій со стороны русскихъ, по большей части бросали родныя мѣста и бѣжали въ лѣса, за болота, рѣки и горы, въ мѣстности, лежавшія внѣ крупныхъ рѣкъ, служившихъ трактами, и въ тѣ времена недоступныя для русскихъ властей. Особенные размѣры бѣгство инородцевъ приняло, начиная со второй четверти XVII ст., когда цѣлыя волости якутовъ и бурятовъ опустѣли и послѣдующія исчисленія не находили нерѣдко и половины ихъ жителей на мѣстахъ приписки. Тамъ же, куда они бѣжали: якуты — на Яну, Индигирку и въ Туруханскій край, буряты — изъ Иркутской губ. въ разныя мѣстности Забайкалья, а оттуда вслѣдъ за Забайкальскими бурятами и тунгусами въ Монголію — они по большей части не подвергались регистраціи и исчисленія населенія, сдѣланныя въ серединѣ XVII и въ началѣ XVIII ст., во многихъ случаяхъ вовсе не соотвѣтствовали прежнимъ. Впослѣдствіи часть бѣженцовъ возвращалась въ родныя мѣста, другая селилась въ иныхъ районахъ, вводя этимъ самымъ большую путаницу въ составленные раньше податные списки.

Въ эти самыя столѣтія, когда русскіе впервые столкнулись съ Сибирскими инородцами, они перенесли на дѣвственную почву организмовъ этихъ дѣтей природы разныя заразительныя болѣзни, на первомъ мѣстѣ оспу, тифъ и другія эпидеміи, извѣстныя у мѣстныхъ жителей подъ именованіями: «гнилая горячка, кровавый тифъ» и т. д., а также сифилисъ. Дѣйствіе этихъ болѣзней на инородцевъ было по истинѣ ужасное: какъ подкошенные косой они вымирали цѣлыми родами. Цѣлыя мѣстности быстро опустѣли, впрочемъ не только вслѣдствіе вымиранія жителей, но и потому, что оставшіеся въ живыхъ

въ страхѣ старались спастись бѣгствомъ изъ этихъ очаговъ смерти и этимъ самымъ способствовали распространенію болѣзни по странѣ. За отсутствіемъ точныхъ данныхъ мы даже приблизительно не можемъ опредѣлить число жертвъ, унесенныхъ въ концѣ XVI, въ XVII и въ началѣ XVIII стол. этими эпидеміями, а также голодовками среди Сибирскихъ инородцевъ. Достаточно однако почитать исторію водворенія въ странѣ русскихъ и первыхъ столѣтій ихъ господства, чтобы на каждомъ шагу натолкнуться на сообщенія о вымираніи цѣлыхъ родовъ и волостей коренныхъ жителей [1]).

Въ виду вышеуказанныхъ и имъ подобныхъ причинъ исчисленія даже окладныхъ душъ инородческаго населенія Сибири вплоть до конца XVIII ст. показываютъ нерѣдко столь большія колебанія въ обѣ стороны, что далеко не всегда представляютъ изъ себя достовѣрный матеріалъ, годный для какихъ либо сопоставленій и выводовъ.

Но, начиная съ V ревизіи (1795/7 гг.), когда весь ходъ жизни въ Сибири пришелъ въ извѣстный порядокъ и когда и русскія власти лучше освоились со страной и съ подвѣдомственнымъ имъ населеніемъ, цифровыя данныя ревизій пріобрѣтаютъ все бо́льшую и бо́льшую достовѣрность и вотъ съ этими цифрами можно безбоязненно сопоставлять данныя позднѣйшихъ ревизій и переписи 1897 г., если только подвергнуть тѣ и другія соотвѣтствующимъ измѣненіямъ и поправкамъ, чтобы сдѣлать ихъ болѣе удобосравнимыми. Въ нашемъ распоряженіи, такимъ образомъ, имѣются болѣе или менѣе точныя статистическія данныя о численности инородческаго населенія Сибири за огромный періодъ времени въ 80—100, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже въ 120 и болѣе лѣтъ, данныя, которыми, несмотря на ихъ нѣкоторые недостатки, главнымъ образомъ неполноту, въ особенности касательно числа женщинъ, смѣло можетъ гордиться всякій культурный гражданинъ Россійской Имперіи, потому что врядъ ли въ какомъ-либо другомъ государствѣ всего міра существуютъ столь обстоятельные учеты первобытнаго населенія за столь значительные періоды времени.

Послѣ X ревизіи 1858/9 г. численность населенія отдѣльныхъ частей Сибири опредѣлялась, за исключеніемъ немногихъ частичныхъ переписей спеціальныхъ изслѣдованій, мѣстными статистическими комитетами, по большей части путемъ ежегоднаго прибавленія къ даннымъ послѣдней ревизіи естественнаго прироста населенія за истекшее время. Но, такъ какъ у бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ, въ особенности у пехристіанъ, данныя о

---

1) По Словцову («Истор. обозр. Сиб.», 74) одна оспа, свирѣпствовавшая у Нарымскихъ остяковъ въ 1610 г., у Туруханскихъ остяковъ и самоѣдовъ въ 1631 г., у якутовъ въ 1651 г., у камчадаловъ и др. сократила ихъ численность на $^1/_3$ до $^3/_4$.

движенія населенія или вовсе не собираются или отмѣчаются очень не совершенно, то понятно, что полученныя указаннымъ способомъ данныя о численности отдѣльныхъ группъ инородцевъ далеко не соотвѣтствовали истинному положенію дѣла. Часто же за полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо данныхъ касательно рождаемости и смертности извѣстной группы инородческаго населенія, ея численность къ 1 января наступающаго года опредѣлялась губернскими статистическими комитетами на глазъ или на обумъ, примѣнительно къ даннымъ предыдущихъ лѣтъ. На этомъ основаніи цифровыя данныя о численности инородцевъ разныхъ племенъ за всѣ годы періода 1859—97 гг., а также послѣдующаго періода, начиная съ 1898 г. по настоящее время, за немногими исключеніями, не пригодны въ качествѣ матеріала для какихъ-либо точныхъ статистическихъ работъ. Лишь въ 1897 г., когда была произведена первая всеобщая перепись населенія Имперіи или вѣрнѣе въ 1904/5 гг., когда были обнародованы ея результаты, дѣло измѣнилось къ лучшему.

Хотя ревизіи опредѣляли *постоянное* приписное населеніе, а обнародованные Ц. Стат. Комитетомъ результаты переписи даютъ детальныя свѣдѣнія лишь о *наличномъ* населеніи, но касательно численности инородцевъ, за немногими исключеніями (тунгусы, юраки, коряки, чукчи) постоянно пребывающихъ въ предѣлахъ тѣхъ округовъ, гдѣ они проживали или основались въ первыя времена русскаго владычества, это обстоятельство не имѣетъ серьезнаго значенія: тѣ и другія данныя при условіи необходимыхъ поправокъ могутъ считаться болѣе или менѣе однородными и подходящими для сопоставленій [1]).

---

1) Всѣхъ ревизій было 10, причемъ каждая изъ нихъ продолжалась 2—3 и болѣе лѣтъ. Замѣтимъ, что вслѣдствіе этого обстоятельства автору настоящей работы нерѣдко представлялось затруднительнымъ пріурочить показанія ревизій къ извѣстному году, что необходимо было сдѣлать для вычисленія коэффиціентовъ приращенія населенія за періодъ времени между двумя ревизіями. I ревизія имѣла мѣсто въ 1722/3 г.; II — въ 1741/3 г.; III — въ 1761/3 г.; IV — въ 1781/3 г.; V — въ 1795/7 г.; VI — въ 1811/2 г.; VII — въ 1816/8 г.; VIII — въ 1834/9 г.; IX — въ 1851/2 г. и X — въ 1858/9 г. Въ первыя три ревизіи опредѣлялось лишь мужское работоспособное населеніе (въ Сибири по большей части счетъ велся на «луки»), позже регистрировались всѣ мужскія души, а также женщины; послѣднія, впрочемъ, сначала лишь «для счета» и, такъ какъ за пропускъ женскихъ душъ не полагалось штрафа, то женщины заносились въ ревизскія сказки менѣе аккуратно. Какъ это замѣтилъ еще акад. Бер ъ. «луки» въ разныхъ частяхъ страны имѣли, повидимому, разное значеніе, а не были пріурочены къ извѣстной для населенія цѣлой Сибири возрастной группѣ: напр., у якутовъ подъ этимъ терминомъ, вѣроятно, подразумѣвалось все взрослое мужское населеніе, у тунгусовъ— лишь работоспособное. Изъ данныхъ III ревизіи относительно остяковъ Обдорской и Куноватской волостей Березовскаго окр. видно, что на 366 ясачныхъ душъ въ 1762 г. числилось 312 неясачныхъ м. д. («престарѣлыхъ и недорослей» — см. Словцовъ, ibid., II, 357—8). Такъ какъ, однако, число послѣднихъ навѣрное неполное, то можно для Березовскаго окр.,

Не довольствуясь этими данными, авторъ настоящаго труда путемъ спеціальной разработки матеріаловъ переписи получилъ еще болѣе пригодныя для настоящей цѣли цифры. Въ его распоряженіи оказались данныя не только о наличномъ населеніи извѣстныхъ группъ инородцевъ, но во многихъ случаяхъ и о приписномъ, постоянномъ. Такъ какъ волости и управы кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ состоятъ по большей части изъ опредѣленныхъ родовъ, то стоило лишь подсчитать общее число всѣхъ представителей этихъ родовъ, гдѣ бы они ни находились во время переписи, и присоединить къ нимъ проживавшихъ въ предѣлахъ данной волости или управы осѣдлыхъ инородцевъ и тѣхъ изъ бродячихъ и кочевыхъ, которые не показали своей принадлежности къ извѣстному роду, чтобы получить близкое къ истинѣ число постояннаго населенія разсматриваемыхъ административныхъ единицъ.

Если требовалось опредѣлить число постояннаго населенія осѣдлыхъ инородцевъ, напр. Западно-Сибирскихъ татаръ, которые утратили дѣленіе на роды или роды которыхъ превратились въ управы или волости, то для этого было достаточно подсчитать общее число представителей этихъ управъ или волостей, проживавшихъ не только въ ихъ предѣлахъ, но и въ другихъ управахъ и волостяхъ смежныхъ округовъ или даже цѣлыхъ губерній или областей. Мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть тотъ фактъ, что въ приведенномъ нами примѣрѣ осѣдлыхъ тюрковъ, представители отдѣльныхъ волостей которыхъ живутъ черезполосно и въ перемѣшку другъ съ другомъ (а часто и съ русскими) въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ, знаніе одного *наличнаго* населенія вообще ничего не даетъ. Въ виду этого во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, а тѣмъ болѣе, если дѣло касалось бродячихъ или кочевыхъ инородцевъ, за однимъ, впрочемъ, исключеніемъ—якутовъ, авторъ естественно пользовался лишь приписнымъ населеніемъ, полученнымъ указаннымъ выше путемъ [1]).

а можетъ быть и для другихъ округовъ, принять, что въ серединѣ XVIII стол. 1 платежная м. д. соотвѣтствовала двумъ м. д. всѣхъ возрастовъ и прибл. 4 д. об. п. Лишь со времени II Ясачной Коммиссіи (1828/35 гг.) стали налагать ясакъ на здоровыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 18 до 50 лѣтъ.

1) Ревизіи даютъ цифры внѣгородского населенія. Такъ какъ бродячіе инородцы въ городахъ почти не живутъ, а заходятъ въ нихъ лишь случайно, то мы для этой категоріи инородцевъ сопоставляли данныя ревизій со всѣмъ ихъ числомъ по переписи. Что касается до кочевыхъ и осѣдлыхъ инородцевъ, часть которыхъ, хотя и небольшая, проживаетъ въ городахъ, то мы для 1897 г. брали или одно внѣгородское населеніе, или сравнивали отдѣльно данныя касательно городского и внѣгородского населенія. Замѣтимъ, что ревизіи не даютъ полнаго числа первобытныхъ обитателей страны, живущихъ внѣ городовъ: осѣдлые инородцы, перечисленные или перечислившіеся въ другія сословія: крестьянъ, мѣщанъ и каза-

Имѣя въ виду избѣжать недочеты своихъ предшественниковъ, а также ошибки и неточности въ своихъ таблицахъ и выводахъ, авторъ обратилъ особенное вниманіе на выборъ подходящихъ цифровыхъ данныхъ и путемъ введенія въ нихъ надлежащихъ поправокъ, которыя приводятся и объясняются въ выноскахъ, постарался сдѣлать ихъ болѣе или менѣе однородными, а слѣдовательно и удобосравнимыми. Несмотря, однако, на все это онъ долженъ сознаться, что далеко не во всѣхъ случаяхъ ему это вполнѣ удалось. При наличности нѣсколькихъ данныхъ за прежніе годы онъ всюду отдавалъ предпочтеніе даннымъ послѣднихъ ревизій и II Ясачной Коммиссіи (1828—35 гг.), какъ наиболѣе достовѣрнымъ исчисленіямъ, а также цифрамъ спеціальныхъ изслѣдованій, лишь въ крайности прибѣгая къ другимъ менѣе точнымъ и часто сомнительнымъ источникамъ (см. выше) и къ «Спискамъ населенныхъ мѣстъ» 1864—71 гг. (изд. Центр. Стат. Ком.), въ которыхъ численность отдѣльныхъ народностей опредѣлена не путемъ точной ихъ регистраціи, а путемъ подсчета числа всѣхъ жителей, застигнутыхъ въ селеніяхъ, принадлежащихъ къ извѣстнымъ племеннымъ группамъ, не взирая на ихъ дѣйствительную національность. При этомъ, гдѣ было возможно, авторъ при вычисленіи коэффиціентовъ естественнаго приращенія населенія старался брать данныя, раздѣленныя болѣе или менѣе значительными промежутками времени, потому что только при соблюденіи этого условія можно было разсчитывать учесть и періодически случающіяся въ Сибири эпидеміи, голодовки и тому подобныя задерживающія приростъ населенія бѣдствія и получить болѣе близкую къ истинѣ картину естественнаго приращенія инородцевъ.

Такъ какъ при опредѣленіи численности извѣстнаго племени убыль отдѣльныхъ группъ его можетъ маскироваться положительнымъ приростомъ другихъ, то въ случаяхъ, гдѣ онъ сомнѣвался въ его дѣйствительной жизнеспособности, онъ дѣлалъ сопоставленія, пользуясь болѣе дробными его частями — волостями, управами, селеніями и родами, что всегда давало возможность имѣть болѣе ясный отвѣтъ на вопросъ.

ковъ не могутъ быть выдѣлены изъ главной массы этихъ сословій русскаго происхожденія (см. стр. 11). Чтобы сдѣлать сопоставляемыя данныя болѣе удобосравнимыми, мы и въ нашихъ таблицахъ брали не все коренное населеніе 1897 г., а лишь принадлежащее къ сословію инородцевъ, хотя въ виду очень небольшаго числа туземцевъ, перешедшихъ въ крестьянское, мѣщанское и казачье сословія послѣ 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія, эта поправка можетъ имѣть значеніе лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ. Спѣшимъ оговориться, что численность коренныхъ жителей крестьянскаго и мѣщанскаго сословій можетъ быть опредѣлена въ настоящее время лишь въ томъ случаѣ, если они сохранили родной языкъ (въ противномъ случаѣ ихъ по статистическимъ даннымъ нельзя отличить отъ русскихъ, а такихъ большинство).

Принимая въ соображеніе, что регистрація женщинъ во время составленія ревизскихъ сказокъ, особенно до середины истекшаго столѣтія, совершалась менѣе тщательно, чѣмъ учетъ мужчинъ (см. выше), вычисленія коэффиціентовъ естественнаго приращенія произведены въ настоящей работѣ по большей части лишь для мужского населенія (въ нѣкоторыхъ случаяхъ и для обоего пола и рѣже также для женщинъ).

Несмотря, однако, на указанныя предосторожности, во многихъ случаяхъ обнаружился слишкомъ значительный приростъ инородческаго населенія (12—23 ‰ въ 1 г.) за болѣе отдаленные отъ насъ періоды времени, часто во много разъ превосходившій приростъ его за послѣдніе десятилѣтія. Это столь рѣзкое измѣненіе въ высотѣ коэффиціента прироста нельзя, однако, во всемъ объемѣ принимать за дѣйствительный фактъ и придавать ему серьезное значеніе. Хотя во многихъ случаяхъ и можно допустить, что инородческое населеніе раньше росло быстрѣе, чѣмъ теперь, но въ большинствѣ случаевъ этотъ сильный приростъ находитъ себѣ объясненіе въ неполнотѣ учета населенія въ прежнее время. Если же мы все-таки принуждены были приводить эти данныя, за неимѣніемъ лучшихъ, то въ значительной степени въ виду того соображенія, что они все же являются показателями положительнаго и притомъ значительнаго роста извѣстной группы инородцевъ. Дѣло въ томъ, что встрѣчается не мало и такихъ случаевъ, гдѣ, даже несмотря на указанную неполноту прежнихъ ревизій и другихъ регистрацій, нѣкоторыя инородческія племена или ихъ части все-таки не показываютъ увеличенія населенія, а иногда даже прямо обнаруживаютъ убыль противъ прежнихъ лѣтъ. Подобные случаи, несомнѣнно свидѣтельствующіе о дѣйствительномъ вымираніи инородцевъ, естественно представляютъ для насъ наибольшій интересъ.

Не мѣшаетъ напомнить, что такое уменьшеніе численности инородцевъ нельзя объяснять, ни ихъ обрусѣніемъ, ни ихъ ассимиляціей съ русскими и съ другими народностями Сибири, потому что въ виду различія сословій русскаго и коренного населенія края [1]), сопровождаемаго различіемъ въ правахъ и

---

1) Русское населеніе принадлежитъ, главнымъ образомъ, къ крестьянскому и въ меньшей степени къ мѣщанскому и казачьему сословіямъ (остальныя сословія среди сельскаго населенія малочисленны, если не считать ссыльныхъ разныхъ категорій, представляющихъ изъ себя однако не сословіе, а состояніе). Коренное населеніе, напротивъ, почти въ полномъ составѣ принадлежатъ къ сословію инородцевъ, которое юридически дѣлится на три разряда (бродячихъ, кочевыхъ и осѣдлыхъ) и небольшая часть къ казакамъ (Забайкальская обл.). Остальныхъ сословій среди него крайне мало. Но въ прежнее время, приблизительно отъ середины двадцатыхъ до середины 40-хъ годовъ истекшаго столѣтія, осѣдло жившихъ и занимавшихся земледѣліемъ инородцевъ періодически переводили въ крестьянское и мѣщанское

обязанностяхъ тѣхъ и другихъ, всѣ лица, происшедшія отъ законныхъ браковъ инородцевъ съ инородческими или русскими женщинами, независимо отъ роднаго языка и образа жизни ихъ самихъ и ихъ дѣтей, оффиціально считаются «инородцами», а принадлежность послѣднихъ къ извѣстнымъ волостямъ, инороднымъ управамъ, селеніямъ (улусамъ), родамъ и т. д. даетъ полную возможность опредѣлить и ихъ дѣйствительную національность, не прибѣгая даже къ другимъ статистическимъ признакамъ, напр. къ родному языку.

Не имѣютъ въ данномъ случаѣ значенія и переселенія и передвиженія, потому что за единичными исключеніями, относящимися къ тому почти лишь къ бассейну Амура, инородцы не выселялись и не выселяются изъ предѣловъ Сибири и не иммигрируютъ въ нее.

На этомъ основаніи обнаруженные нашими сопоставленіями случаи убыли инородцевъ противъ прежнихъ лѣтъ зависятъ исключительно отъ неблагопріятнаго поворота въ движеніи ихъ населенія, напр. отъ уменьшившейся рождаемости, или отъ слишкомъ большой смертности, или отъ очень пониженнаго числа браковъ и отъ тому подобныхъ причинъ или отъ ихъ комбинацій.

До сихъ поръ шла рѣчь лишь объ одномъ родѣ матеріаловъ, на основаніи которыхъ можно разрѣшить или вѣрнѣе приблизиться къ разрѣшенію вопроса о приростѣ кореннаго населенія Сибири — этотъ матеріалъ, какъ мы видѣли, состоялъ изъ болѣе или менѣе точныхъ данныхъ касательно численности отдѣльныхъ народностей страны въ разныя эпохи истекшихъ столѣтій. Но кромѣ этихъ матеріаловъ, въ нашемъ случаѣ являющимися главными, имѣются еще двѣ категоріи матеріаловъ, которыя при иныхъ условіяхъ, именно, если бы дѣло касалось болѣе культурныхъ народовъ, могли бы имѣть преобладающее значеніе при разрѣшеніи интересующаго насъ вопроса. Такими матеріалами являются, въ 1-хъ, статистическія данныя касательно движенія населенія, весьма точныя въ цивилизованныхъ странахъ и мало-

---

сословія, даже противъ ихъ воли. Такимъ образомъ, лишь въ одномъ 1824 г. въ тогдашней Иркутской губ., охватывавшей и б. ч. земель нынѣшней Забайкальской обл., было перечислено въ сословіе государственныхъ крестьянъ 6.283 инородцевъ м. п. (бурятовъ и тунгусовъ), изъ коихъ только 425 м. д. изъявили на то свое согласіе. Сверхъ того въ томъ же году перечислились въ мѣщанское сословіе еще 68 д. инородцевъ (см. С. Паткановъ: «Оп. геогр. и стат. тунг. плем. Сиб.» I, 2 вып., 201). Нынѣ подобные окончательно слившіеся съ русскими крестьяне и мѣщане инородческаго происхожденія никакими статистическими признаками не выдѣляются изъ состава русскихъ крестьянъ и мѣщанъ, хотя нѣкоторые изъ первыхъ и по-сейчасъ именуются «крестьянами изъ инородцевъ».

Слѣдуетъ замѣтить, что въ видѣ исключенія и небольшая часть чистокровныхъ русскихъ Бійскаго и Змѣиногорскаго окр. Томской губ. принадлежитъ къ сословію инородцевъ (бывшіе «каменьщики»). Въ приводимыхъ ниже цифровыхъ данныхъ касательно инородческаго населенія названной губерніи они естественно не приняты въ разсчетъ.

достовѣрныя въ мѣстностяхъ, населенныхъ некультурными народами, каковыми являются Сибирскіе инородцы.

Среди сельскаго населенія Имперіи, а слѣдовательно и у инородцевъ православнаго и отчасти магометанскаго вѣроисповѣданій, статистика движенія населенія сосредоточена въ рукахъ мѣстныхъ церковнослужителей, на обязанности которыхъ лежитъ ежегодно отмѣчать всѣ случаи рожденій, смертей и бракосочетаній въ средѣ ихъ приходовъ (отдѣльно для русскихъ и инородцевъ). У бродячихъ инородцевъ-язычниковъ подобной регистраціи по большей части не существуетъ.

Кромѣ этихъ *метрическихъ книгъ* православное духовенство ежегодно, обыкновенно весною, составляетъ *исповѣдныя* или *духовныя росписи*, отмѣчая лицъ, бывшихъ и не бывшихъ на исповѣди, а также всѣ перемѣны, происшедшія за годъ въ составѣ каждой семьи прихожанъ. Подытоживъ число наличныхъ душъ инородцевъ и русскихъ того и другого пола, оно опредѣляетъ численный составъ отдѣльныхъ приходовъ въ данномъ году, свѣдѣнія которыя духовенство ежегодно обязано доставлять въ духовную консисторію [1]).

Если бы указанныя записи велись аккуратно и если бы священники имѣли возможность ежегодно видѣться со всѣми своими прихожанами, подобныя записи имѣли бы высокій научный интересъ, несмотря даже на то, что въ нихъ отмѣчаются не дѣйствительные дни рожденія и смерти, а дни совершенія актовъ крещенія и отпѣванія, что, къ слову сказать, у инородцевъ часто представляетъ огромную разницу. Но на дѣлѣ указанное требованіе трудно исполнимо даже у полуосѣдлаго инородческаго населенія, живущаго разбросанно въ глухихъ мѣстностяхъ и нерѣдко находящагося въ отлучкѣ на промыслѣ, и почти невыполнимо у бродячихъ инородцевъ, не чаще 1—2 раза въ годъ собирающихся въ опредѣленныхъ мѣстахъ (суглапахъ) ради уплаты ясака, совершенія необходимыхъ требъ и для пріятнаго времяпрепровожденія. Дѣло въ томъ, что эти временныя сборища длятся maximum недѣлю, обыкновенно же 3 дня, и инородцы, зашедшіе во время промысла слишкомъ далеко или незапромыслившіе достаточно пушнины, чтобы уплатить ясакъ, или перешедшіе въ другіе округа и губерніи и т. д., даже при желаніи не имѣютъ возможности принять на нихъ участіе. Число инородцевъ, ежегодно посѣщающихъ «суглапы», находится по указанной причинѣ до извѣстной степени въ зависимости отъ

---

1) Подробнѣе объ этомъ см. статью пр. А. Якобія въ «Ежегодн. Тоб. губ. музея», IX вып., статью Шмакова (см. прим. на стр. 14), Майнова (ibid.), нашу работу: «Оп. геогр. и стат. тунг.», I т., 2 вып. (35—38) и др.

изобилія въ данномъ году пушного звѣря, отчасти отъ состоянія путей сообщенія и т. д. Такимъ образомъ, далеко не всѣ инородцы даютъ необходимыя показанія объ измѣненіяхъ въ составѣ ихъ семей ежегодно, иногда же это происходитъ лишь въ нѣсколько лѣтъ разъ, почему и числа родившихся и умершихъ и численность населенія, которую можно вывести, пользуясь этими данными, представляютъ за отдѣльные, даже близкіе другъ къ другу. годы весьма значительныя колебанія въ ту или другую сторону.

Другими недостатками страдаютъ исповѣдныя росписи. Онѣ по большей части касаются лишь наличнаго населенія прихода, не распространяясь на отлучныхъ. Такъ какъ, однако, число послѣднихъ мѣняется съ каждымъ годомъ, то, помимо колебаній въ численности прихода, въ зависимости отъ движенія населенія, во многихъ случаяхъ и указанное обстоятельство является причиной значительныхъ измѣненій въ составѣ прихода въ отдѣльные годы.

На основаніи этихъ соображеній данными метрикъ о движеніи населенія бродячихъ, кочевыхъ и даже полуосѣдлыхъ инородцевъ, а также цифрами исповѣдныхъ росписей касательно численности приходовъ выгоднѣе всего пользоваться въ видѣ *среднихъ* за болѣе или менѣе значительные періоды времени, напр., за 10—25 лѣтъ, потому что въ такомъ случаѣ упомянутыя, часто чисто случайныя, колебанія въ данныхъ въ ту или другую сторону болѣе или менѣе сглаживаются; манипулированіе же подобными данными за отдѣльные годы, что дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи, неизбѣжно ведетъ къ невѣрнымъ выводамъ.

Но бываютъ случаи, при которыхъ данныя метрикъ и росписей даже при предлагаемомъ способѣ пользованія не даютъ надежныхъ результатовъ. Это, напр., имѣетъ мѣсто, когда лица, выселившіяся въ другія, болѣе или менѣе отдаленныя, мѣстности, не возвращаются болѣе домой. Очень часто подобныя лица, особенно если они продолжительное время проживаютъ вдали отъ родного селенія[1]), отмѣчаютъ своихъ умершихъ и родившихся въ другомъ приходѣ, вслѣдствіе чего ежегодно опредѣляемыя данныя о численности населенія перваго прихода могутъ оказаться ниже, а второго выше дѣйствительныхъ. Если подобное выселеніе продолжается цѣлый рядъ лѣтъ, то указанные недочеты и излишки въ цифрахъ, показывающихъ численность приходовъ, постепенно накопляясь, даютъ совершенно ложную картину естественнаго приращенія населенія. Это, замѣтимъ къ слову, одна изъ причинъ, почему выводы пр. А. Якобія о жизнеспособности Березовскихъ вогуловъ и нѣкоторыхъ группъ остяковъ, къ которымъ онъ пришелъ на

1) Замѣтимъ къ слову, что въ каждой волости ведутся особые списки лицамъ, проживающимъ въ другихъ волостяхъ, но обязаннымъ платить ясакъ въ своей волости.

основаніи изслѣдованія данныхъ исповѣдныхъ росписей, расходятся съ истиной (см. ниже)[1]).

Наконецъ, *третьей* категоріей матеріаловъ, которыми можно пользоваться въ видахъ выясненія вопроса о характерѣ и направленіи прироста извѣстной группы населенія и объ ея жизнеспособности, являются цифровыя данныя ревизій и переписи 1897 г., какъ въ видѣ сырого матеріала, напр., рукописныхъ ревизскихъ сказокъ или переписныхъ листовъ, такъ и въ видѣ обнародованныхъ ихъ результатовъ. Ревизіи мы упомянули лишь для полноты, потому что ревизскія сказки лишь кое-гдѣ хранятся въ архивахъ казенныхъ палатъ Сибири и полностью обнародованы не были, въ виду чего ихъ содержаніе доступно лишь очень немногимъ изслѣдователямъ-спеціалистамъ. Да и переписные листы по большей части нынѣ не существуютъ въ полномъ видѣ, а у бродячихъ инородцевъ, какъ извѣстно, составлялись лишь въ одномъ экземплярѣ, который, какъ всѣ подлинные переписные листы, по ихъ разработкѣ въ Центр. Статистическомъ Комитетѣ, вслѣдствіе затруднительности ихъ храненія, были проданы на бумагу.

Въ виду этихъ соображеній въ нашемъ распоряженіи имѣются собственно лишь обнародованные Ц. Стат. Комитетомъ результаты первой переписи населенія Имперіи. Но при умѣломъ пользованіи и этотъ матеріалъ можетъ дать довольно цѣнныя указанія касательно относительнаго богатства отдѣльныхъ народностей дѣтьми (% дѣтей извѣстной возрастной группы по отношенію къ общему числу душъ об. п. и къ числу женщинъ въ возрастѣ дѣторожденія)[2]), объ ихъ семейномъ положеніи, половомъ составѣ и т. д.

---

1) Коэффиціенты прироста населенія извѣстнаго прихода, опредѣленные при помощи данныхъ духовныхъ росписей и метрическихъ книгъ, по большей части не сходятся между собою, причемъ коэффиціентъ, полученный изъ послѣднихъ (т. е. на основаніи данныхъ о числѣ родившихся и умершихъ) въ общемъ слѣдуетъ признать болѣе вѣрнымъ, чѣмъ полученный изъ сопоставленія абсолютныхъ данныхъ о числѣ жителей этого прихода за крайніе годы того же періода времени. Данныя духовныхъ росписей при настоящемъ способѣ ихъ веденія болѣе подвержены вліянію выселеній и приселеній изъ приходовъ, чѣмъ метрики. Въ видахъ упорядоченія веденія духовныхъ росписей г. Шмаковъ предлагаетъ: «чтобы свѣдѣнія объ умершихъ въ другихъ приходахъ аккуратно доставлялись мѣстному причту, чтобы уходящія въ замужество въ чужой приходъ исключались, а взятыя изъ другихъ приходовъ включались своевременно въ духовныя росписи. Кромѣ того, говоритъ онъ, одной изъ важныхъ причинъ несоотвѣтствія естественнаго и дѣйствительнаго прироста мы считаемъ то, что метрики церквей о рождаемости и смертности представляются для отчета въ концѣ каждаго года, а духовныя росписи къ 1 октября, почему несоотвѣтствіе всегда можетъ имѣть мѣсто». («Матер. о рождаем. и смертн. русск. лопарей» въ «Вѣстн. Обществ. гигіены», авг. 09, 1223).

2) За неимѣніемъ болѣе или менѣе точныхъ данныхъ о движеніи населенія у многихъ инородческихъ племенъ Сибири процентное отношеніе дѣтей извѣстнаго возраста къ общему населенію об. п. и къ числу женщинъ въ возрастѣ дѣторожденія можетъ пролить нѣкоторый

Въ виду малой доступности указанныхъ въ п. 2 записей церковнослужителей (т. е. метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей) и въ виду недостатка времени авторъ настоящей работы не имѣлъ возможности въ должной степени использовать интересныя данныя двухъ послѣднихъ категорій матеріаловъ (п.п. 2 и 3) и прибѣгалъ къ первымъ изъ нихъ лишь при ихъ наличности и ко вторымъ при необходимости.

Переходимъ теперь къ изложенію самаго фактическаго матеріала касательно измѣненія численности инородческаго населенія Сибири.

свѣтъ на относительную жизнеспособность отдѣльныхъ группъ или частей жителей (внѣ большихъ эпидемій и голодовокъ). Главнымъ недостаткомъ этого пріема опредѣленія относительнаго богатства дѣтьми отдѣльныхъ частей населенія является вредное вліяніе притяженія круглыхъ чиселъ. Въ мѣстностяхъ, населенныхъ малокультурными бродячими и полуосѣдлыми инородцами, но также кочевыми и осѣдлыми мусульманами многихъ странъ (Кавказъ, Степныя области), въ особенности, гдѣ они не владѣютъ русскимъ языкомъ, это притяженіе крупныхъ чиселъ сильно искажаетъ дѣйствительное положеніе дѣла.

Хотя авторъ въ краткомъ русскомъ извлеченіи изъ этой работы (см. предисловіе) и приводитъ % отношенія дѣтей до 1 г. (невкл.) къ наличному населенію и къ женщинамъ въ возрастѣ дѣторожденія у разныхъ народностей, но въ виду вышеуказанныхъ соображеній лучше избѣгать подобныя сопоставленія, не дающія достаточно убѣдительныхъ выводовъ. Въ настоящей работѣ онъ поэтому пользовался для указанной цѣли лишь соотношеніемъ между дѣтьми до 5 л. (вкл.) и общимъ населеніемъ об. п., потому что внимательный просмотръ данныхъ переписи привелъ его къ убѣжденію, что цифра 5 сравнительно меньше вліяетъ на точность смежныхъ съ нею цифръ. На этомъ же основаніи онъ почти вовсе отказался примѣнять къ инородцамъ Сибири соотношенія между числомъ дѣтей и числомъ женщинъ въ возрастѣ дѣторожденія, такъ какъ при опредѣленіи послѣдняго приходится имѣть дѣло съ цифрами 15 и 45 или 15 и 49 (50), которыя, въ особенности послѣднія, имѣютъ въ указанныхъ случаяхъ значительную притягательную силу (напр. въ числѣ внѣгородского населенія Ковенской губ. въ 1897 г. было показано жителей 49 лѣтъ: 2484 м. и 1727 ж. и 50 лѣтъ — 17.121 м. и 28.199 ж.).

Такъ какъ погодная группировка населенія по возрасту имѣется въ результатахъ переписи лишь для всего населенія цѣлыхъ округовъ (уѣздовъ) и городовъ (табл. IIIб), а отдѣльныя народности, кромѣ дѣтей до 1 г., распредѣляются лишь по десятилѣтнимъ возрастнымъ группамъ (табл. XV), то для полученія числа дѣтей до 5 л. (вкл.), приходилось прибѣгать къ слѣдующему пріему. Опредѣливъ % отношеніе дѣтей отъ 0 до 5 л. (вкл.) къ числу дѣтей отъ 0 до 9 л. (вкл.) въ округѣ или округахъ, гдѣ извѣстная національность численно господствуетъ надъ другими, онъ, пользуясь этимъ коэффиціентомъ и данными табл. XV переписи, получалъ приблизительное число дѣтей до 5 л. (вкл.) у данной народности, которое онъ и сопоставлялъ съ общей ея численностью. Гдѣ извѣстная національность не составляла преобладающей части населенія округа или губерніи (области), для вычисленія требуемаго коэффиціента брались данныя по округамъ, въ которыхъ она встрѣчалась въ наибольшемъ числѣ, или же по цѣлой губерніи (области).

Всѣ указанныя вычисленія производились исключительно надъ *внѣгородскимъ* населеніемъ, потому что бродячіе и кочевые инородцы почти не живутъ въ городахъ, а осѣдлые въ незначительномъ числѣ, причемъ большая часть послѣднихъ ведетъ русскій образъ жизни и въ значительной степени подпала подъ вліяніе своихъ русскихъ сосѣдей.

2. Измѣненія въ численности инородцевъ отдѣльныхъ административныхъ единицъ Сибири.

Изъ подсчета численности инородцевъ (окладныхъ душъ) по регистраціи, совершенной въ первую половину XVII ст., Буцинскій (l. c., 323 сл.) опредѣлилъ, что общее ихъ число въ 7 принадлежавшихъ тогда Россіи уѣздахъ (Березовскомъ, Тобольскомъ, Тюменскомъ, Верхотурскомъ, Тарскомъ, Пелымскомъ и Туринскомъ), охватывавшихъ среднюю и сѣверную часть Тобольской губерніи (кромѣ Сургутскаго окр.) и зауральскую часть Пермской губ., было около 3000 ясачныхъ людей, а со служилыми инородцами 3250 д., т. е. число почти въ 10 разъ меньшее противъ показаннаго въ 1555 г. ханомъ Этигеромъ для Сибирскаго царства (30.700 ясачныхъ душъ), которое, правда, не простиралось такъ далеко на сѣверъ, но за то включало въ себя часть лежавшихъ южнѣе степей. Въ началѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича численность инородцевъ въ указанныхъ 7 уѣздахъ опредѣляли въ 4000 яс. д., а въ концѣ его царствованія (въ 40-хъ гг. XVII ст.) въ 4500 д. Изъ сопоставленія данныхъ этихъ исчисленій за разные годы видно, что въ тѣ отдаленныя эпохи численность инородцевъ послѣ сильнаго паденія стала постепенно увеличиваться [1]), что, однако, въ значительной степени зависѣло отъ лучшей ихъ регистраціи. Въ отдѣльныхъ же административныхъ единицахъ они и тогда показывали въ разные годы значительныя колебанія въ численности въ ту и другую сторону. Мы не будемъ дольше останавливаться на этихъ крайне неполныхъ и недостовѣрныхъ данныхъ, изъ которыхъ почти ничего нельзя вывести.

Въ позднѣйшіе періоды времени, именно, во второй половинѣ XVIII и въ XIX ст., численность инородческаго (мужского) населенія коренной части Сибири измѣнялась приблизительно такъ [2]):

Въ 1763 г. — 131.995 «луковъ» [3]).
» 1797 г. — 180.994 д. м. п. [3]).
Въ 1812 г. — 212.512 д. м. п. [3]).
» 1816/7 г. — 216.466—220.307 д. м. п. [3]).

---

1) Но не всюду, напр. въ Тарскомъ окр. въ 1625 г. считалось 831; въ 1635 г. — 612 и въ 1644 г. — 684 ясачныхъ душъ (740 со включеніемъ служилыхъ инородцевъ) — Буцинскій, ibid., 324.

2) Ради краткости мы въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ приводить лишь авторовъ источниковъ (и иногда ихъ страницы), названія же самихъ трудовъ см. въ концѣ книги.

3) Беръ, 107. Для 30-хъ гг. онъ опредѣляетъ численность инородческаго населенія указанной части Сибири въ 250.000 д. Шашковъ на основаніи данныхъ 2 Ясачной Коммиссіи даетъ нѣсколько большее число, именно 226.452 м. д. бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ и свыше 32.000 осѣдлыхъ инородцевъ (въ 1824 г. — 30.664 д. и въ 1851 г., безъ сѣв. округъ Приморской обл. — 49.207 д.), итого около 258.500 м. д. Выключивъ отсюда населеніе Камчатской обл. и Охотскаго окр. въ 4500 д. (по Беру, 107), мы получимъ 254.000 м. д.

Въ 1824 г. — 246.931 д. м. п.[1]).
» 1835/9 г. — 250.000[2])—274.093 д. м. п.[1]).
Въ 1851 г. — 280.000[3])—298.737 д. м. п.[1]).
» 1897 г. — 396.672 д. м. п.[1]).

Эти данныя относятся къ первобытнымъ жителямъ коренныхъ областей Сибири, т. е. къ той ея части, которая простирается на востокъ до Станового хребта, со времени 1789 г. вплоть до возсоединенія Пріамурья съ Россіей, согласно Айгунскому и Пекинскому договорамъ (1858 и 1860 гг.), служившаго ея юго-восточной границей. Они, такимъ образомъ, не охватываютъ инородческое населеніе Амурской обл., южной части Приморской обл. и о. Сахалина. Не распространяются они и на жителей сѣверной полосы нынѣшней Приморской обл. (прежн. Камчатская обл. и Охотская и Удская округи Якутской обл.), потому что часть ея осѣдлаго и почти все бродячее и кочевое населеніе сѣверныхъ округъ (Петропавловской, Гижигинской и ея Анадырскаго отдѣла) не включено въ данныя прежнихъ ревизій.

Но и изъ этихъ весьма не однородныхъ и для прежнихъ ревизій не полныхъ данныхъ усматривается, что въ своей совокупности инородческое населеніе Сибири имѣетъ и имѣло за все время русскаго владычества надъ страной положительный приростъ: если вѣрить даннымъ V ревизіи, то за истекшее отъ 1797 до 1897 гг. столѣтіе оно увеличилось на 119 %, что составляетъ значительный приростъ, но все же много меньшій противъ наблюдаемаго въ Европ. Россіи, гдѣ населеніе удваивается приблизительно въ 50 лѣтъ.

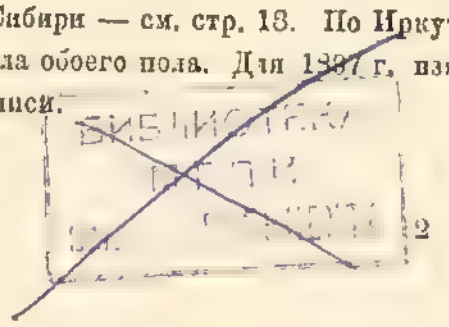
Нижеслѣдующая таблица, въ которой приведены данныя объ измѣненіи численности инородцевъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ и областяхъ коренной Сибири въ 1816/7, 1823/4, 1835/9, 1851 и 1897 гг. (сомнительныя данныя снабжены звѣздочкой) показываетъ, что *инородческое населеніе увеличивается въ числѣ во всѣхъ крупныхъ административныхъ единицахъ Сибири по сю сторону Станового хребта.*

---

1) Итоги данныхъ 6 губерній и областей Сибири — см. стр. 13. По Иркутской губ. и Забайкальской обл. за 1851 г. взята половина числа обоего пола. Для 1897 г. взяты цифры спеціальной разработки авторомъ данныхъ переписи.

2) См. примѣч. 3 на стран. 16.

3) Шашковъ, 283 (исчисленіе).



Названія губерній и областей.	VII ревизія (1816/7 г.) [1]		1823/4 г. [2]		1835/8 г. [2]		1851 г. [2]		Перепись 1897 г.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п
1. Тобольская . . .	31.057	28.562	29.727	27.688	33.813	30.220	40.277	35.347	44.585	40.92
2. Томская . . .	39.874*	33.510*	30.208	30.244	31.000	27.431*	30.453*	28.076*	56.510[5]	52.57
3. Енисейская. .			15.343	15.147	16.745	16.473	16.887*	16.110*	25.473	24.59
4. Иркутская . .	41.403	38.085	—	—	53.855[3]	49.206[3]	—	—	60.810	55.57
5. Забайкальская	41.050	41.178	—	—	52.952[3]	51.373[3]	—	—	91.503[6]	93.1
Итогъ Ирк. и Заб..	82.453	79.263	90.792	86.349	106.807	100.579	221.186		152.313	149.0
6. Якутская. . . .	71.301	71.104	80.861	75.590	85.728[3]	86.589[3]	100.527[4]	94.854[4]	117.791	117.8

Выводить коэффиціенты прироста инородцевъ отдѣльныхъ губерній за разные періоды времени изъ этихъ данныхъ не имѣетъ практическаго интереса въ виду ихъ разнородности и не особенной точности, тѣмъ болѣе, что ввести въ нихъ необходимыя поправки, чтобы сдѣлать ихъ болѣе однообразными, въ большинствѣ случаевъ не представляется возможнымъ. Все же на основаніи этихъ данныхъ можно заключить, что наибольшій приростъ населенія за истекшія до переписи 50—80 лѣтъ показываетъ Томская губ. и наименьшій Тобольская губ. и Якутская обл. Этотъ выводъ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ результатами изслѣдованія объ естественномъ приращеніи отдѣльныхъ инородческихъ племенъ Сибири. Томская губ. главнымъ образомъ населена вполнѣ жизнеспособными осѣдлыми и кочевыми тюрками, имѣющими хорошій, обрусѣлые даже сильный, приростъ населенія. Въ Тобольской губ. бродячіе инородцы сѣвернаго типа, не увеличивающіеся въ числѣ, составляютъ цѣлую треть ея инородческаго населенія, въ Якутской же обл. главная часть жителей — кочевые якуты, въ виду неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, лишь слабо растутъ, а бродячіе пис-

---

1) Андріевичъ, II, 99. Томская губ. тогда обнимала и сѣв. часть Енисейской (Енисейскій и Туруханскій уу.). Сюда не включенъ Красноярскій у., обнимавшій югъ Енисейской губ. Иркутская губ. тогда включала въ себя всю В. Сибирь, кромѣ Енисейской губ. Для собственно Иркутской губ. взяты ея Иркутскій, Нижнеудинскій и Киренскій уу., для Забайкальской обл.: ея Верхнеудинскій и Нерчинскій уу.

2) Данныя отчетовъ губернаторовъ по Гагемейстеру («Стат. Обозр. Сиб.», II). Данныя 1823 г. относятся къ Тобольской и Томской губ.

3) Данныя VIII рев. (1838/9 г.) по Беру (внѣгород. нас.). Цифры Гагемейстера для Якутской обл.: 39.022 м. и 37.000 ж. слишкомъ малы; число мужчинъ оказывается даже низшимъ противъ числа «луковъ» въ 1763 г. — 39.129 д.

4) Для мужчинъ взята цифра Кеппена (безъ Охотск. окр.). Цифра для ж. п. получена вычитаніемъ этого числа изъ числа Гагемейстера для об. п. 195.381.

5) Не принимая въ разсчетъ горныхъ калмыковъ I—II Чуйскихъ управъ: 5.200 д. (2.600 м.), вполнѣ перешедшихъ въ русское подданство лишь въ концѣ 60-хъ гг. истекшаго столѣтія, и инородцевъ русскаго происхожденія (бывш. «каменьщиковъ») Бійскаго и Змѣиногорскаго окр.: 2.211 д. (1.234 м.).

6) Не считая казаковъ-инородцевъ Забайкальской обл.: 27.500 д. (13.700 м.).

родцы или остановились въ ростѣ (тунгусы) или убываютъ въ числѣ (юкагиры). Изъ губерній съ преобладающимъ бурятскимъ элементомъ населеніе сравнительно быстрѣе растетъ въ Забайкальской обл., чѣмъ въ Иркутской губ., именно, за 80 л. (1817—1897 гг.) численность инородцевъ первой возрасла въ 2,25 разъ, а второй только въ 1,46 разъ, что тоже находитъ оправданіе въ бо́льшей жизнеспособности Забайкальскихъ буряговъ и тунгусовъ по сравненіи съ Иркутскими.

Такъ какъ при подобныхъ сопоставленіяхъ огульныхъ данныхъ по цѣлой губерніи теряются характерныя особенности разноплеменнаго ея населенія, то въ дополненіе къ вышеизложенному мы здѣсь еще дадимъ болѣе детальное сопоставленіе данныхъ переписи съ таковыми прежнихъ ревизій касательно бродячаго и полуосѣдлаго, главнымъ образомъ рыбачьяго, населенія сѣверныхъ округовъ трехъ болѣе западныхъ губерній, вымираніе котораго считается установленнымъ фактомъ. Относительно первобытнаго населенія другихъ болѣе южныхъ округовъ этихъ губерній такія сравненія труднѣе провести въ виду неоднократныхъ и значительныхъ перемѣнъ въ ихъ очертаніяхъ съ теченіемъ времени, да и большого интереса подобныя сопоставленія не представили бы въ виду того, что кочевые и осѣдлые инородцы этой полосы Сибири завѣдомо увеличиваются въ числѣ.

Тобольская губ. Березовскій окр. Въ 1797 г. въ немъ числилось 15.330 д. (8136 м.)[1]) инородцевъ и въ 1897 г. 15.597 д. (8205 м.) наличнаго населенія инородческихъ волостей, а съ поправками 15.871 д. (8343 м.)[2]) приписного населенія. Приростъ за 100 л. — 541 д. (207 м.) соотвѣтствуетъ ежегодному приращенію мужчинъ въ 0,25‰ (обоего пола — 0,35‰). Болѣе сильное возрастаніе числа женщинъ наводитъ на мысль о неполнотѣ данныхъ V ревизіи касательно женскаго пола.

Въ Сургутскомъ окр. остяцкое населеніе состояло въ 1797 г. изъ 5135 д. (2660 м.)[3]), въ 1869 г. изъ 5662 д.[4]) и въ 1897 г. изъ 5560 д. (2938 м.) безъ пришлыхъ остяковъ[5]), что соотвѣтствуетъ ежегодному сред-

1) Гагемейстеръ, II. За 1783 г. имѣется болѣе высокая цифра (Словцовъ, II, 357) 16.362 д. (9679 м.; число женщинъ несоразмѣрно мало — 7683), въ т. ч. 4096 д. (2319 м.), самоѣдовъ. Въ 6 остяцкихъ и вогульскихъ волостяхъ округа (за искл. Котской) въ 1783 г. показано 5924 м. противъ 4637 м. въ 1828 г. по Абрамову (цифра Казымской вол. — 520 м., повидимому, слишкомъ низка) и противъ 4592 м. по переписи 1897 г.

2) Итогъ провѣренныхъ данныхъ о числѣ Березовскихъ остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ въ 1897 г. — см. ниже.

3) Гагемейстеръ, ibid, II.

4) «Обзоръ Тобольской губ. на 1870 г.».

5) Въ числѣ 22 д. (13 м.). Сахалинскія юр. — 23 д. (13 м.), до середины истекшаго столѣтія принадлежавшія къ Тобольскому окр., включены, также 12 д. (4 м.) остяковъ Локосовской ин. упр. (Сург. окр.), застигнутыхъ переписью въ Томскомъ окр.

нему приросту въ теченіе 100 л. въ 0,83‰ (мужчинъ — 1,05‰). Возможно, однако, что по данному округу въ переписи 1897 г. имѣются пропуски, потому что оффиціальныя изданія даютъ за позднѣйшіе годы значительно большія числа, хотя цифра 1903 г. 6591 д. (3462 м.) вѣроятно и слишкомъ высока.

Слѣдующія данныя относятся къ обоимъ вышеуказаннымъ округамъ, взятымъ вмѣстѣ (одно время они составляли одинъ Березовскій окр.). Оставляя въ сторонѣ цифру 1763 г. 8303 «луковъ» или платежныхъ душъ[1]), мы для разныхъ годовъ столѣтія 1797—1897 гг. имѣемъ слѣдующія данныя:

1797 г.[2])		1816/7 г.[3])		1828 г.	
м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
10.796	20.465*	10.733	21.204	10.993[4])	19.652*[5])

1850/1 г.		1868 г.[8])		1897 г.[9])	
м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
11.586[6])	21.513[7])	11.699	21.690	11.281	21.431

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, численность инородческаго населенія обоихъ сѣверныхъ округовъ Тобольской губ. (остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ) колебалась въ теченіе разсматриваемаго столѣтія въ довольно тѣсныхъ предѣлахъ, причемъ абсолютная прибыль населенія за весь періодъ въ 100 л. равна 966 д. (485 м.), что составляетъ 0,45‰ ежегоднаго прироста для мужчинъ. Указанное приращеніе падаетъ почти исключительно на періодъ въ 52 г. отъ 1816/7 до 1868 г. Въ теченіе 7 первыхъ десятилѣтій, отъ V ревизіи до 1868 г., средній приростъ былъ 1,2‰, а въ теченіе

---

1) Цифра Абрамова. «Лукъ» (это названіе примѣнялось и по отношенію къ крестьянамъ) въ XVIII ст. соотвѣтствовалъ въ данномъ округѣ возрастной группѣ 16—60 л.

2) См. примѣч. 3 на стр. 19.

3) Андріевичъ, II, 99. У Шашкова численность однихъ остяковъ (!) за этотъ годъ равна 10.793 м. — 21.001 д. об. п.

4) «Спис. нас. мѣстъ Тоб. губ. по свѣд. 1868/9 гг.» 1871 г.

5) Шашковъ, 289. Цифра сомнительная (относительно женщинъ).

6) Кеппенъ. У Абрамова за этотъ годъ показано 10.879 м. — 21.513 д. об. п.

7) Абрамовъ — см. прим. 6.

8) Исправленные итоги численности остяковъ, вогуловъ и самоѣдовъ Березовскаго окр. и остяковъ Сургутскаго окр. за этотъ годъ — см. ниже. По «Пам. кн. Тоб. губ. на 1861 г.» (данныя 1858 г.): 11.818 м. — 22.161 д. об. п. У Шашкова (стр. 289) для об. п. — 21.734 д.

9) Итоги инородцевъ Березовскаго и Сургутскаго окр. — см. стр. 19.

послѣднихъ 29 л. численность инородцевъ этихъ округовъ убыла на 418 м. д. или ежегодно уменьшалась на 1,23‰.

Въ Туринскомъ окр. въ 1816/7 г. считалось 3396 д. (1702 м.)[1]) вогуловъ (и татаръ), въ 1838 г. 3391 д. (1700 м.)[2]); въ 1858 г.— 3724 д. (1880 м.)[3]); въ 1870 г.— 3784 д. (1883 м.)[4]) и въ 1897 г.— 3894 д. (1895 м.)[5])—ежегодный средній приростъ м. п. въ теченіе 81 л., со времени VII ревизіи до переписи, равенъ 1,4‰, а за послѣднія 39 л., со времени X ревизіи, только 0,2‰.

Томская губ. Нарымскій край (Тогоурск. Отд. Томск. окр.). Въ 1797 г. въ немъ было 5513 д. (2959 м.)[6]) инородцевъ (остяко-самоѣдовъ и остяковъ), въ 1816/7 г. 4782 д. (2641 м.)[7]) и въ 1897 г. 3484 д. (1884 м.)[8]). Ежегодная *убыль* населенія противъ 1797 г. равна 3,7‰ и противъ 1816/7 — 3,4‰ (у мужчинъ въ обоихъ случаяхъ 3,6‰). Эта сильная убыль дѣйствительно оправдывается отрицательнымъ естественнымъ приращеніемъ мѣстныхъ остяко-самоѣдовъ и остяковъ.

О вымираніи инородцевъ Тогоурскаго Отдѣленія сообщаетъ свѣдѣнія и Шашковъ. Не давая при этомъ абсолютныхъ данныхъ, онъ передаетъ, что съ 1763 по 1816 гг. ихъ число уменьшилось на 137 д. об. п. (замѣтимъ къ слову, что данныя 1763 г., показывающія платежныя души, не однородны съ таковыми за 1816 г.), съ 1816 по 1832 г. на 306 д. и съ 1869 г. до 1878 г. еще на 478 д.

Енисейская губ. Енисейскій окр. Въ 1797 г. 2385 д. (1205 м.)[6]) инородцевъ, въ 1816/7 г. 2068 д. (1082 м.)[7]); въ 1859 г. 1738 д.[9]) и въ

---

1) См. примѣч. 3 на стр. 20.

2) По Гагемейстеру. По «Спис. нас. мѣстъ Тоб. губ. по свѣд. 1868 г.» (стр. CLX)— 4507 д. (2290 м.) въ Туринскомъ и Тобольскомъ окр. Вычтя число вогуловъ, проживающихъ въ послѣднемъ округѣ — 1116 д. (590 м.), получаемъ для перваго то же число.

3) «Пам. кн. Тоб. губ. на 1861 г.».

4) См. примѣч. 4 на стр. 19.

5) Итогъ вогуловъ и татаръ этого округа — см. ниже.

6) Гагемейстеръ, II, 2 ч. (внѣгородское населеніе).

7) Андріевичъ, II, 99.

8) Это число получено путемъ подсчета инородческаго населенія 24 управъ сѣв. части Томскаго окр. Изъ нихъ одна остяцкая (Васъ-Юганская) и 23 остяко-самоѣдскихъ. На долю собственно Томскаго окр. остается 7 (9) остяко-самоѣдскихъ волостей (Шепецкая, Б.-Байгульско-Чузымско-Остяцкая, М.-Б.-Ч.-О., Б. Чурубаровская, М. Чурубаровская, Чаинская, Кортульская и по переписи (по даннымъ языка) еще Б. и. М. Провскія, которыя по ясачнымъ книгамъ начала XVIII ст. (см. кн. Кузнецова-Красноярскаго: «Приходн. окладн. ясачн. кн. Томск. у. 1706—1718 гг.» 1893 г., passim) были населены *татарами*.

9) «Спис. нас. м. Енис. губ.» 1864 г. Итоги инородцевъ: бродячихъ—см. стр. 58 и осѣдлыхъ: №№ 508—512 селеній списка. Данныя эти, касающіяся приписного населенія, повидимому, не вполнѣ полны (см. стр. 9).

1897 г. 1577 д. (829 м.). Ежегодная средняя убыль мужчинъ за 100 л. равна 3,1‰, за 80 л. съ 1816/7 г.—2,9‰ и за послѣднія до переписи 38 л. 2,4‰ (для об. п.).

Въ Туруханскомъ краѣ разноплеменное туземное населеніе состояло въ 1797 г. изъ 6111 д. (3267 м.)[1]). Это число сохранилось до VI ревизіи (1811/2 г.) — 3268 м. Къ 1816/7 г. оно вслѣдствіе сильныхъ голодовокъ и эпидемій въ 1814 — 16 гг., незадолго до VII ревизіи, уменьшилось до 5035 д. (2904 м.)[2]) или на 17,7% (м. на 11,1%), что соотвѣтствуетъ ежегодной *убыли* въ 8,8‰ (м.—5,6‰). Къ 1859 г. оно опять увеличилось до 5601 д. (3025 м.)[3]). Перепись 1897 г. зарегистрировала въ краѣ 7840 д. (4099 м.) инородцевъ, а за вычетомъ пришлыхъ Березовскихъ самоѣдовъ и остяковъ (Обдорск. ин. упр.)[4]) и Вилюйскихъ тунгусовъ и присоединеніемъ мѣстныхъ тунгусовъ, застигнутыхъ въ Вилюйскомъ окр.[4]), — 7335 д. (3843 м.). Со времени 1797 г. по 1897 г. средняя ежегодная прибыль мужчинъ равна 1,8‰, съ 1817 г.—4,0‰ и съ 1859 г.—7,1‰. Это увеличеніе численности инородцевъ Туруханскаго края дѣйствительно подтверждается положительнымъ приростомъ почти всѣхъ населяющихъ его племенъ (якутовъ, долганъ, тунгусовъ и самоѣдовъ).

Въ Енисейскомъ окр. и Туруханскомъ краѣ вмѣстѣ числилось въ 1797 г. 8496 д. (4472 м.); въ 1816/7 г. 7103 д. (3986 м.); въ 1838 г.[5]) 7740 д. (4152 м.); въ 1859 г. 7339 д., въ 1864 г. 7483 д.[5]) и въ 1897 г. 8912 д. (4672 м.). Средній ежегодный приростъ мужчинъ со времени 1797 г.—0,45‰, съ 1817 г.—2,2‰ (об. п. 3,2‰) и съ 1859 г. об. п. 5,6‰.

Менѣе обстоятельными данными мы обладаемъ касательно прироста инородческаго населенія сѣверныхъ округовъ областей восточной половины Сибири. Изъ нихъ остановимся лишь на Колымскомъ окр. Якутской обл. и на Охотской окр. Приморской обл.

Въ Колымскомъ окр. инородцы (приписное населеніе) за истекшія до переписи 1897 г. 85 лѣтъ измѣнялись въ числѣ слѣдующимъ образомъ:

---

1) См. примѣч. 6 на стран. 21.

2) См. примѣч. 7 на стран. 21.

3) «Сп. нас. м. Енис. губ.» 1864 г. — итогъ населенія на стр. 59 сл.

4) Число Березовскихъ самоѣдовъ 449 д. (235 м.) и остяковъ 17 д. (10 м.) и Вилюйскихъ тунгусовъ 73 д. (35 м.) и застигнутыхъ въ В. окр. Туруханскихъ тунгусовъ 34 д. (24 м.).

5) Цифры за 1838 г. и 1864 г. взяты для об. п. у Шашкова (первая цифра — 7740 д., повидимому, слишкомъ высока) и за 1838 г. для м. п. у Степанова: «Енис. губ.».

	1811/2 г.[1]	1817 г.[2]	1839 г.[2]		1858 г.[3]		1897 г.		Прир. м. п. въ ‰ 1812—58	1858—97
	м. п.	м. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.		
Якуты (кочев. инор.)	933	1034	1325	1336	1532	1615	1483[4]	1600[4]	+ 14,0	— 0,8
Бродячіе инородцы (ламуты, тунгусы, юкагиры, чуванцы)[6]	1166	1148	873*	795*	1120	1041	900[5]	897[5]	— 0,9	— 5,0
Итого . . .	**2099**	**2182**	**2198**	**2131**	**2652**	**2656**	**2416**	**2518**	**+ 5,7**	**— 2,3**

Приростъ *всего* инородческаго населенія Колымскаго округа для насъ интереса не представляетъ, потому что онъ является результатомъ совершенно разныхъ коэффиціентовъ приращенія якутовъ и бродячихъ инородцевъ, изъ которыхъ первые прибываютъ въ числѣ, а вторые уменьшаются. Сильный ростъ якутовъ до X ревизіи объясняется въ значительной степени иммиграціей ихъ извнѣ изъ смежныхъ округовъ Якутской обл., но со времени X ревизіи и якутское населеніе округа стало показывать *убыль* (см. дальше). Бродячіе же инородцы Колымскаго края показываютъ *убыль* съ тѣхъ поръ какъ у насъ имѣются свѣдѣнія объ ихъ численности, причемъ отъ VI до X ревизіи эта убыль была небольшая — въ среднемъ въ 1 г. 0,9‰, но со времени X ревизіи вымираніе юкагировъ и чуванцевъ усилилось и въ результатѣ все бродячее населеніе округа (кромѣ пришлыхъ чукчей) стало показывать отрицательный приростъ въ 5,0‰ въ 1 г. (ср. ежег. убыль за 85 л. равна 2,7‰).

О численности инородцевъ Охотской округи за разные періоды истекшаго столѣтія у насъ имѣются слѣдующія данныя. Въ 1820/5 г., по Беру, ихъ было 2822 м., въ 1851 г. (IX рев.), по Кеппену, — 2129 м. и въ 1897 г., по переписи, — 2159 м. Сильная *убыль* инородческаго населенія округи (тунгусовъ, якутовъ и коряковъ) во вторую четверть прошлаго столѣтія не подлежатъ такимъ образомъ сомнѣнію.

---

1) «Казанскія извѣстія», 1816 г., 404 сл. — Въ 1739 г. въ Колымскомъ краѣ было объясачено всего 397 д. якутовъ и другихъ инородцевъ («Изв. В. Сиб. О. И. Р. Геогр. О.», т. XXV, 4—5, стр. 82 сл.).

2) Беръ, ibid. (цифры Щукина).

3) «Пам. книж. Якут. обл. на 1863 г.».

4) Все якутское инородческое населеніе Колымскаго окр. безъ г. Средне-Колымска — 193 д. (87 м.) и безъ прочихъ сословій въ числѣ 54 д. (33 м.).

5) Для чуванцевъ взято число 190 д. (99 м.), т. е. включая оленныхъ, проживающихъ въ Анадырской окр.; для юкагировъ — 261 д. (132 м.) и для тунгусовъ и ламутовъ: 1346 д. (669 м.), включая 253 д. (124 м.) I Дельянскаго р., живущихъ въ Анадырской окр. (см. ниже), хотя, вѣроятно, не всѣ они приписаны къ Колымскому окр. Число 1897 г., такимъ образомъ, скорѣе слишкомъ высоко.

6) Не считая пришлыхъ чукчей.

Изъ приведенныхъ выше данныхъ можно вывести, что *инородческое населеніе сѣверныхъ округовъ 3 западныхъ губерній Сибири дѣйствительно не отличается жизнеспособностью: въ нѣкоторыхъ районахъ (Нарымскій край и Енисейскій округъ) оно вымираетъ, въ другихъ (3 сѣв. округа Тобольской губ.) оно остановилось въ ростѣ и, наконецъ, въ Туруханскомъ краѣ оно показываетъ небольшой положительный приростъ*[1]). *Вымираетъ бродячее населеніе и въ Колымскомъ окр. Якутской обл.* (также и кочевое со времени X ревизіи), *а въ Охотской окр., уменьшившись въ числѣ до IX ревизіи, оно съ тѣхъ поръ повидимому почти не измѣнилось въ числѣ.*

---

3. Измѣненія въ численности отдѣльныхъ инородческихъ племенъ.

Теперь прослѣдимъ тотъ же процессъ измѣненія численности коренныхъ жителей страны по отдѣльнымъ племенамъ, причемъ замѣтимъ, что при опредѣленіи національности мы руководствовались главнымъ образомъ происхожденіемъ и мѣстомъ приписки инородцевъ (см. стр. 11).

---

1) Если бы мы вздумали провѣрить эти выводы на основаніи данныхъ объ естественномъ приращеніи инородческаго населенія, то мы натолкнулись бы на непреодолимыя затрудненія, вслѣдствіе полной несостоятельности имѣющихся по этому вопросу данныхъ. Возьмемъ примѣръ. По даннымъ обзоровъ Тобольской губ., средняя чистая прибыль внѣгородского населенія Березовскаго округа (76% инородцевъ) за 3-хлѣтіе 1897—1899 гг. оказывается 508 д. об. п., Сургутскаго округа съ 84% инородческаго населенія — 198 д. и Ялуторовскаго съ преобладающимъ русскимъ земледѣльческимъ населеніемъ — 2461 д. Сопоставивъ эти данныя съ наличнымъ населеніемъ этихъ округовъ въ 1897 г. по переписи, мы получаемъ слѣдующіе коэффиціенты прироста: въ Березовскомъ окр. 25‰, въ Сургутскомъ — 30‰ и въ Ялуторовскомъ только 13‰. Такимъ образомъ, въ округахъ съ преобладающимъ остяцкимъ и самоѣдскимъ населеніемъ, живущимъ часто впроголодь, коэффиціенты прироста оказываются въ 2 и почти 3 раза выше противъ наблюдаемаго въ Ялуторовскомъ окр., расположенномъ въ земледѣльческой полосѣ страны, и въ $1^1/_2$ раза выше сравнительно съ приростомъ населенія въ 50 губ. Европ. Россіи (ок. 17‰). Поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы лишь въ тѣхъ случаяхъ будемъ пользоваться данными касательно естественнаго приращенія инородцевъ, когда имѣется основаніе предполагать ихъ болѣе достовѣрными.

Сопоставляя число дѣтей до 5 л. (вкл.) съ общимъ числомъ жителей об. пола въ 1897 г., мы можемъ убѣдиться, что сѣверные инородцы округовъ, въ которыхъ не наблюдается прироста, не богаты дѣтьми. Такимъ образомъ, въ Березовскомъ и Сургутскомъ округахъ при вышеуказанномъ % инородцевъ среди внѣгородского населенія на 1000 д. об. п. приходится по 161 дѣтей, а въ Туруханскомъ краѣ (72% инородцевъ), инор. населеніе котораго растетъ, — 179 (во всей Тобольской губ. соотвѣтствующимъ числомъ является — 175).

Коренное населеніе Сибири группируется, какъ извѣстно, главнымъ образомъ на основаніи лингвистическихъ данныхъ, въ два большихъ отдѣла: Алтайскій и Палэазіатскій. Первый изъ нихъ распадается на 5 генетическихъ группъ: финскую, самоѣдскую, тюркскую, монгольскую и тунгусскую, которыя въ свою очередь подраздѣляются на подгруппы и народности. Палэазіаты, какъ сборный отдѣлъ, не распадаются, за однимъ исключеніемъ, на группы, а представляютъ изъ себя конгломератъ небольшихъ самостоятельныхъ племенъ.

Финны.

Остяки (угорскіе).

Къ кореннымъ финнамъ принадлежатъ въ Сибири лишь остяки (угорскіе) и вогулы. Остяки живутъ въ сѣверной половинѣ Тобольскаго окр.: въ Березовскомъ окр. внизъ по Оби до ея губы, въ Сургутскомъ окр. и въ бассейнѣ р. Васъ-Югана Томскаго округа. По имѣющимся даннымъ численность этого племени въ 1840, 1868 и 1897 гг. представлялась въ такомъ видѣ:

Тобольская губ.	1840 г. [1]		1868 г. [4]		1897 г. [3]		Ср. ежег. прир. об. п. въ ‰ за пер. 1840—97 гг.
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	
1. Тобольскій окр. . .	—	2982	1356 [2]	2742 [2]	1197	2374	— 3,58
2. Березовскій » . . .	—	8560*	4702	8693	4508	8583	+ 0,05
3. Сургутскій » . . .	—	4745*	3076*	5714*	2938	5560	—
Итого . . .	8596	16.287*	9134	17.149	8643	16.517	—

1) Castren: «Reiseber. u. Briefe», 125 сл. — данныя мѣстной полиціи. Изъ данныхъ касательно Березовскаго окр. мы выключили жителей вогульскихъ Ляпинской и Соевинской управъ въ 2553 д. Цифра Кастрена касательно Сургутскаго окр.: 4492 д. слишкомъ низка и замѣнена нами вычисленной. За основаніе мы взяли цифру остяковъ 1838 г. (по Гагемейстеру) 18.840 д. (9908 м.). Вычтя изъ нея ошибочно включенныхъ въ нее Березовскихъ вогуловъ 2553 д. (1312 м.), мы получили общее число однихъ остяковъ губерніи. Исключивъ изъ числа об. п. (16.287) остяковъ Тобольскаго и Березовскаго окр. за 1840 г., по Кастрену, мы получили цифру 4745 д., тоже, повидимому, нѣсколько низкую (вѣроятно часть бродячихъ остяковъ округа не попала въ счетъ).

2) S. Patkanow: «Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie», I, 167 — исправленныя данныя X ревизіи 1858 г. (безъ юр. Чагиныхъ).

3) Остяки, проживавшіе во время переписи 1897 г. въ другихъ округахъ, отнесены къ тѣмъ, гдѣ они приписаны: такимъ образомъ, къ даннымъ по Сургутскому окр. присоединены 12 д. (4 м.) остяковъ, переписанныхъ въ Томскомъ окр., къ Березовскому 17 д. (10 м.), застигнутыхъ въ Туруханскомъ краѣ (Енис. губ.).

Въ 1904 г. по «Тоб. губ. вѣд.» 1906 г., № 6, въ Тобольскомъ окр. числилось 2285 д. (1100 м.) и въ Сургутскомъ 6591 д. (3462 м.) остяковъ.

4) «Списки нас. мѣстъ Тоб. губ. по свѣд. 1868/9 г.» Общее число остяковъ Березовскаго и Сургутскаго округовъ по этому источнику 14.407 д. (7778 м.). Если взять цифру за

Томская губ.	1840 г.		1859 г.		1897 г.		Ср. ежег. прир. об. п. въ ‰ за пер. 1840—97 гг.
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	
Васъ-Юганск. вол. (Нарымскій край) . . .	—	—	532[1])	948[1])	361[2])	694[2])	—

Изъ этихъ данныхъ наглядно видно, что вымираніе остяцкаго народа особенно рѣзко проявляется въ Тобольскомъ окр. (прежнемъ Денщиковскомъ Отд.) и въ Томской губ. Остановимся на этомъ вопросѣ нѣсколько подробнѣе.

Тобольскій окр. Что сильно выраженная убыль остяковъ этого округа не является результатомъ неточности цифровыхъ данныхъ за прежніе годы усматривается изъ слѣдующаго ряда выписанныхъ нами лично изъ архива Тобольской казенной палаты и тщательно провѣренныхъ данныхъ ревизскихъ сказокъ 1781 г. (IV рев.), 1816 г. (VII р.) и 1858 г. (X рев.).

Въ 1781 г. численность остяковъ Тобольскаго окр. простиралась до 2962 д. (1555 м.)[3]), въ 1816 г. до 3143 д. (1534 м.)[3]); въ 1840 г. до 2982 д.[4]); въ 1858 г. до 2742 д. (1356 м.)[3]); въ 1888 г. до 2432 д. (1233 м.)[3]) и въ 1897 г. (приписное населеніе) до 2373 д. (1197 м.)[5]).

1858 г. по «Пам. кн. Тоб. губ. на 1861 г.» — 22.161 д. (11.818 м.) и вычесть изъ нея число вогуловъ и самоѣдовъ по нашимъ таблицамъ (см. ниже), то получится число остяковъ въ обоихъ округахъ 14.878 д. (7897 м.).

Число бродячихъ инородцевъ обоихъ округовъ (до 1867 г. оба составляли одинъ Березовскій окр.) было по только что указанному источнику 6335 д. (3275 м.), причемъ они проживали въ 1217 чумахъ. Вычтя изъ числа инородцевъ число самоѣдовъ по нашей таблицѣ (см. ниже), мы получимъ численность фактически бродячихъ остяковъ 1579 д. (702 м.). Между тѣмъ по даннымъ «Сп. нас. м. Тоб. губ.» за 1868—69 гг. (стр. 99) число бродячихъ остяковъ одного Сургутскаго окр. опредѣлено въ 2892 д. (1599 м.), число слишкомъ высокое и вѣроятно относящееся ко всѣмъ остякамъ, проживающимъ по рр. Тремъ-Югану, Агану, Салыму, Балыку, Пиму, Лямину.

Данныя таблицы касательно Сургутскаго окр. включаютъ Сахалинскія юр., въ прежнее время принадлежавшія къ Тобольскому окр. Въ 1869 г. въ данномъ округѣ по «Обзору Тобольск. губ. на 1870 г.» предполагалось 5676 д. (3020 м.) инородцевъ.

1) «Сп. нас. м. Томской губ.» 1868 г.—№№ селеній 634—656 и 664—666 (на стр. 30—32). Цифру с. Васьюганскаго 39 д. (22 м.), гдѣ проживаютъ и русскіе, мы замѣнили цифрою Григоровскаго за 1862 г. 16 д. (10 м.) остяковъ (см. ниже).

2) Включая 28 д. (16 м.) остяковъ Васъ-Юганской ин. вол., застигнутыхъ въ другихъ округахъ: въ Сургутскомъ 6 д. (4 м.), Тарскомъ 7 д. (3 м.) и въ Каинскомъ 15 д. (9 м.).

3) «Irtysch-Ostjak. u. ihre Volkspoesie», I. Въ цифры по Темлячевской вол. не включены данныя касательно Сахалинскихъ и Чагиныхъ юр., а по М. Кондинской вол. включены данныя по Д. Согомскимъ юртамъ.

4) Castren: «Reiseber. u. Br.» 1856, 125. Неизвѣстно, включены ли въ цифру М. Кондинской вол. остяки Д. Согомскихъ юр.

5) Приписное населеніе; не включены остяки Котской вол. — 12 д. (1 м.), застигнутые въ Тобольскомъ окр.; кромѣ того живущіе въ Тобольскѣ и въ др. мѣстахъ остяки неизвѣстныхъ волостей — 23 д. (12 м.) и 5 д. (2 м.) остяковъ Надзинской вол. (Тоб. окр.), итого 28 д.

Неуклонное паденіе численности остяцкаго населенія даннаго округа, начиная съ 1781 г., не подлежитъ такимъ образомъ сомнѣнію, хотя для нѣкоторыхъ волостей цифры IV ревизіи и несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ. Средняя ежегодная убыль мужчинъ со времени 1816 г. равна 2,7‰ и съ 1858 г. — 3,0‰. Если расчленить остяцкое населеніе округа на его составныя части — волости, то, какъ видно изъ нижеслѣдующей таблицы, заимствованной изъ одной изъ нашихъ прежнихъ работъ, этотъ общій выводъ является справедливымъ для трехъ изъ пяти его остяцкихъ волостей (сомнительныя цифры, какъ и въ другихъ мѣстахъ, снабжены звѣздочкой).

Остяцкія волости Тобольск. окр.	1781 г.[1]		1816 г.[1]		1840 г.[2]		1858 г.[1]		1888 г.[1]		1897 г.[3]	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Нарымская. . .	513*	1036*	586	1208	—	1144	432	868	335	664	306	620
2. Назымская[4]). .	277	500	218	436	—	419	160	332	124*	239*	131	261
3. В. Демьянская .	217	393	169	346	—	286	114	216	80	156	76	138
4. Темлячевская .	209	380	178*	334*	—	305*	201	396	212	404	202	408
5. М. Кондинская .	339	653	383	819	—	828	449	930	482	969	468	918

Изъ этихъ данныхъ выясняется, что въ трехъ первыхъ волостяхъ остяцкое населеніе показываетъ непрерывное паденіе численности со времени IV ревизіи (мы не принимаемъ въ соображеніе сомнительныя цифры)[5]), въ одной (Темлячевской) оно (мужчины) не измѣнилось за указанный періодъ времени и въ одной (Меньше-Кондинской) наблюдается непрерывный ростъ населенія вплоть до 1888 г. т. е. въ теченіе 107 лѣтъ (хотя и не во всѣхъ селеніяхъ), но послѣ 1888 г. и въ этой волости остяцкое населеніе повидимому стало убывать.

Съ приведенными данными интересно сопоставить данныя о движеніи остяцкаго населенія Тобольскаго округа. Данныя эти заимствованы авторомъ изъ метрикъ священнослужителей и относятся къ періоду времени

(14 м.). Въ итогъ по округу эти послѣднія цифры включены. Включены въ данныя по волостямъ и по округу числа остяковъ даннаго округа, застигнутыхъ въ другихъ округахъ: В. Демьянской вол. 8 д. (5 м.) въ Сург. окр., Темлячевской вол. 7 д. (3 м.) въ Сург. и Берез. окр.; Нарымской вол. 3 м. и М. Кондинской вол. 2 д. (1 м.) въ Берез. окр. — итого 20 д. (12 м.).

1) См. примѣч. 3 на стран. 26.

2) См. примѣч. 4 на стран. 26.

3) См. примѣч. 5 на стран. 26.

4) По Буцинскому, въ 1640 г. въ вол. Назымской и Туртасской (съ Културской), которыя соотвѣтствуютъ нынѣшней Назымской вол., числилось 115 ясачныхъ душъ, что могло соотвѣтствовать населенію об. п. въ 460—575 д. Данныя касательно другихъ остяцкихъ волостей округа за 1640 г. оказываются несравнимыми съ таковыми за позднѣйшіе годы.

5) По Назымской вол. цифра за 1888 г. ниже дѣйствительной — она относится лишь къ остякамъ, проживавшимъ въ своихъ селеніяхъ, а не распространяется на жившихъ въ русскихъ деревняхъ. Въ 1897 г. число остяковъ первой категоріи было 222 д. т. е. оно оказывается тоже нисшимъ противъ цифры 1888 г.

1877—86 гг. (частью къ 1878—87 гг.). Нижеслѣдующія цифровыя данныя представляютъ изъ себя итоги по волостямъ общаго числа умершихъ и родившихся остяковъ, выведенные изъ подсчета соотвѣтствующихъ данныхъ по отдѣльнымъ приходамъ съ присоединеніемъ къ нимъ немногихъ умершихъ и родившихся, вслѣдствіе разныхъ причинъ занесенныхъ въ книги не своихъ приходскихъ церквей, а сосѣднихъ русскихъ.

Остяцкія волости Тобольск. окр.	*Родившіеся.*			*Умершіе.*			*Естеств. приращеніе.*		
	м. п.	ж. п.	об. п.	м. п.	ж. п.	об. п.	м. п.	ж. п.	об. п.
1. Назымская (среднее теченіе Иртыша) .	72	56	128	61	56	117	+11	± 0	+11
2. Нарымская, безъ селеній по Салыму (нижн. течен. Ирт.)	191	149	340	168	148	316	+23	+ 1	+24
3. Темлячевская (средн. Обь)	200	199	399	231	233	464	—31	—34	—65
4. В. Демьянская (нижн. теч. Демьянки) . .	27	22	49	30	44	74	— 3	—22	—25
5. М. Кондинская (нижняя и ср. Конда) [1]).	217	225	442	204	253	457[1])	+13	—28	—15
Итого . . .	**707**	**651**	**1358**	**694**	**734**	**1428**	**+13**	**—83**	**—70**

Несмотря на всѣ несовершенства метрикъ священнослужителей (см. стр. 12), и на основаніи этихъ данныхъ обнаруживается несомнѣнное вымираніе остяцкаго населенія округа. Что касается до значительной разницы въ естественномъ приращеніи мужчинъ и женщинъ за указанное десятилѣтіе, то данныя касательно прироста женщинъ слѣдуетъ считать болѣе близкими къ истинѣ, чѣмъ данныя о приростѣ мужчинъ, часть умершихъ которыхъ, повидимому, не попала въ метрическія книги Тобольскаго окр. и ближайшей части Березовскаго окр., частью можетъ быть погибнувъ въ урманахъ во время промысла или въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ, напр., въ Березовскомъ окр., куда многіе остяки уходятъ на рыбные промыслы (съ женщинами подобныхъ случаевъ не бываетъ, потому что онѣ по большей части не передвигаются со своихъ мѣстъ).

Мы воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ этой таблицы и переходимъ къ анализу данныхъ касательно измѣненія численности остяцкаго населенія въ другихъ округахъ Тобольской губ.

Данныя о численности остяцкаго населенія Сургутскаго окр. (прежн. Сургутскаго Отд.) представляютъ столь значительныя колебанія за разные

1) Изъ 381 умершихъ остяковъ ея Болчаровскаго прихода за 10 л.: 1877-86 г. 206 д. или 54,1% приходилось на возрастъ до 5 л. (на дѣлѣ больше, потому что умершіе вскорѣ послѣ рожденія часто не отмѣчаются въ метрикахъ, не говоря уже о мертворожденныхъ).

годы столѣтняго періода времени 1797—1897 гг., что сдѣлать на ихъ основаніи опредѣленный выводъ о направленіи движенія его остяцкаго населенія затруднительно, особенно въ виду возможныхъ пропусковъ и въ переписи 1897 г. Ограничиваясь поэтому лучше зарегистрированнымъ мужскимъ населеніемъ, мы получаемъ слѣдующій рядъ данныхъ: въ 1797 г.—2660 м.[1]); въ 1828/9 г.—2144 м.[2]); въ 1847 г.—2360 м.[3]); въ 1851 (?) г.[2])—2330 м.; въ 1868 г.—3076 м.[4]); въ 1870 г.—3020 м.[5]); въ 1897 г.—2938 м. и 1903 г.—3462* м.[6]).

Цифры эти столь разнорѣчивы, что мы не рѣшаемся дѣлать изъ нихъ какіе-либо выводы и ограничимся сопоставленіемъ данныхъ 1797 и 1897 гг., изъ котораго видно, что коэффиціентъ прироста остяковъ Сургутскаго окр., за истекшее столѣтіе былъ 1,05‰ (см. стр. 20).

Для полноты изложенія приводимъ численность остяковъ Сургутскаго округа за 1828/9, 1847 и 1851 гг. по волостямъ (прежнимъ родамъ).

Остяцкія волости Сургутскаго окр.	1828 г.[7]) м. п.	1847 г.[8]) м. п.	1851 г.[7]) м. п.
1. Пирчинская	162	200	201
2. Салтыковская	200	220	195
3. Лумпокольская. . . .	437	440	440
4. Ваховская.	322	320	316
5. Аганская	48	50	52
6. Тремъ-Юганская. . .	176	820	174
7. Подгородно-Юганская	153		188
8. Мало-Юганская . . .	137		155
9. Больше-Юганская . .	264		302
10. Нимская	68	80	78
11. Салымская	131	170	168
12. Селіярская	46	60	61
Итого . . .	**2144**	**2360**	**2330**

Изъ этихъ данныхъ видно, что остяцкое населеніе Сургутскаго округа увеличилось въ числѣ за 23 года 1828—51 гг. на 186 д., что соотвѣтствуетъ ежегодному среднему приросту въ 3,8‰. При этомъ прибыль насе-

1) Гагемейстеръ, II.

2) Абрамовъ. Обѣ цифры вѣроятно ниже дѣйствительныхъ. Цифра 1828/9 г. — 2 Ясачной Коммиссіи и 1850-хъ гг. — IX ревизіи (?); Павловъ («3000 вер. по рѣкамъ З.-Спб.») приводитъ ту же цифру 2330 д. за 1858 г.

3) «Геогр.-Статист. слов.» Семенова.

4) По «Списк. нас. м. Тоб. губ.» 1871 г., CLIX.

5) «Обз. Тоб. губ. на 1870 г.». Цифра приблизительная.

6) Дунинъ-Горкавичъ: «Тобольскій сѣверъ», 78.

7) Абрамовъ, l. c.

8) Семеновъ, ibid.

ленія наблюдается въ 9 изъ 12 волостей, а въ 3-хъ (въ Салтыковской, Ваховской и Тремъ-Юганской) ничтожная убыль.

Сдѣлать такое же подробное сопоставленіе остяцкаго населенія округа и за прежніе годы съ данными переписи не представляется возможнымъ, потому что въ настоящее время группировка остяцкаго населенія округа нѣсколько иная: большая часть вышеприведенныхъ прежнихъ волостей разбилась на двѣ самостоятельныхъ волости, по большей части обозначаемыхъ знаками I, II, и всѣ онѣ нынѣ въ административномъ отношеніи сгруппированы въ 5 управъ, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ части прежнихъ волостей (нынѣ самостоятельныя волости) отошли къ разнымъ управамъ. Въ виду этого возстановить прежній объемъ волостей не легко, тѣмъ болѣе, что показанія переписного матеріала въ этомъ отношеніи довольно сбивчивы, да и не у всѣхъ остяковъ показаны волости, къ которымъ они приписаны. Чтобы, однако, все же дать матеріалъ для подобныхъ работъ въ будущемъ, мы здѣсь приводимъ численность остяковъ Сургутскаго окр. по управамъ въ 1897 г. (приписное населеніе) и въ 1903 г.

Названія управъ Сургутск. окр.	Число волостей.	1897 г. [1]		1903 г. [2]	
		м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Тундринская	4	431	844	378	750
2. Юганская	3	466	867	512	986
3. Локосовская	5	499	909	609	1198
4. Лумпокольская	5	606	1217	822	1586
5. Ларіатская	3 (4)	936	1723	1141	2071
Всего . . .	20 (21)	2938	5560	3462	6591

Несмотря на ничтожный промежутокъ времени, протекшій со времени переписи до 1903 г., разницы въ данныхъ по отдѣльнымъ управамъ столь значительны, что онѣ исключаютъ возможность какихъ либо сопоставленій. Въ особенности велика разница въ данныхъ касательно численности двухъ послѣднихъ управъ, причемъ въ одной Ларіатской разница въ пользу 1903 г., если взять за 1897 г. ея наличное населеніе, доходитъ до 590 д. (332 м.). Къ тому же по даннымъ 1903 г. въ этой управѣ числится 4 волости, а по даннымъ переписи, судя по населеннымъ пунктамъ, 3 (Лумпокольская, II Салтыкова и Тымская). Въ изданіи «Вол. и нас. мѣста 1893 г.» (табл. на

1) Съ поправками: за вычетомъ изъ Тундринской упр. 14 д. (8 м.) и изъ Лумпокольской упр. 8 д. (5 м.) остяковъ изъ смежныхъ округовъ, застигнутыхъ въ предѣлахъ Сургутскаго окр., и при присоединеніи къ населенію Лумпокольской упр. 12 д. (4 м.) ея остяковъ, застигнутыхъ въ Томскомъ окр. Остяцкое населеніе города Сургута въ 31 д. (23 м.) включено въ вышеприведенныя цифры.

2) Дунинъ-Горкавичъ, ibid.

стр. 58) имѣется еще одна инородческая волость въ Сургутскомъ окр.— Каракольская, не значащаяся въ переписи. Въ ней въ 1893 г. числилось два селенія и 45 д. (31 м.) населенія. Но это небольшое число жителей не объясняетъ причину огромнаго разногласія между данными 1897 г. и 1903 г. Возможно, что, съ одной стороны, цифра 1903 г. слишкомъ высока и что, съ другой, въ переписи имѣются пропуски касательно бродячихъ остяковъ восточной, болѣе глухой, части округа, гдѣ находится Ларіатская инор. управа. Во всякомъ случаѣ о характерѣ прироста остяковъ Сургутскаго окр. пока еще нельзя вполнѣ опредѣленно высказаться, хотя, судя по всему, они имѣютъ небольшой положительный приростъ.

Въ Березовскомъ окр., какъ показано выше, остяцкое населеніе медленно вымираетъ. Это подтверждаютъ и слѣдующія данныя за 69 л. (1828 — 1897 гг.). Мужское населеніе округа понижалось среднимъ числомъ по 0,95 ‰ въ годъ. Изъ обоихъ его участковъ въ Кондинскомъ, занимающемъ южную его часть, оно сравнительно слабо уменьшилось за указанный періодъ времени (по 0,35‰ въ 1 г.), а въ Обдорскомъ, сѣверномъ, убыль его равнялась среднимъ числомъ по 1,50‰ въ 1 г.

Остяц. волости Березовскаго окр.	1828/9 г.[1] м. п.	1840 г.[2] об. п.	1847 г.[3] м. п.	1851 г.[4] м. п.	1868 г.[5] м. п.	1897 г. м. п.	1897 г. об. п.	Сред. ежег. прир. м. п. въ ‰ за пер. 1828—1897 гг.
I. Кондинскій уч.								
1. Котская ин. вол. .	1545	2628	1470	1773*	—	1253[6]	2470[6]	—2,74
2. Подгородная ин. в.	229	328*	220	221	—	230	438	+0,06
3. Казымская » »	525	1274	525*	635	—	762	1484	+6,54
Итого . .	2293	4230	2215	2629*	2255	2245	4392	—0,35

1) Абрамовъ, ibid.

2) Кастренъ: «Reiseber. u. Br. aus d. J. 1845—49», 126 (годъ, къ которому относятся данныя, не указанъ).

3) Семеновъ, ibid.

4) Абрамовъ, ibid. Данныя касательно трехъ послѣднихъ волостей (№№ 3—5) приблизительны: за этотъ годъ даются цифры всего инородческаго населенія этихъ волостей. Не имѣя численности самоѣдовъ этихъ волостей за начало 50-хъ годовъ, мы вычли изъ огульныхъ чиселъ инородцевъ число самоѣдовъ по даннымъ Абрамова за 1828/9 г.

5) «Спис. нас. мѣстъ Тобольской губ.» 1871 г. По Обдорскому уч. взяты №№ селеній 800—841 и 843—857. Въ наше число, такимъ образомъ, не вошли 35 дымовъ остяковъ (и самоѣдовъ), проживавшихъ въ г. Обдорскѣ, въ с. Мужахъ и въ с. Кушеватскомъ. Этотъ пропускъ до извѣстной степени компенсируется включеніемъ русскихъ, проживавшихъ среди остяковъ. Цифра для Кондинскаго уч. получена выключеніемъ изъ числа остяковъ (на стр. CLVIII Списка) вогуловъ Сосвинской и Ляпинской ин. вол. (№№ 760—800). Объ цифры лишь приблизительно вѣрны.

6) Включая Чагины юр., но не Д. Согомскія. 6 д. (4 м.) посторонпихъ остяковъ не приняты въ разсчетъ, но присоединены 12 д. (1 м.) остяковъ Котской ин. вол., зарегистрированныхъ въ Тобольскомъ окр.

Остяц. волости Березовскаго окр.	1828/9 г.[1])		1840 г.[2])	1847 г.[3])	1851 г.[4])	1868 г.[5])	1897 г.		Сред. ежег. прир. м. п. въ ‰ за пер. 1828—1897 гг.
	м. п.	об. п.	м. п.	м. п.	м. п.	м. п.	м. п.	об. п.	
II. Обдорскій уч.									
4. Куноватск. ин. вол.	920	1630	920	911	—		950	1747	+0,47
5. Обдорская » »	1604	2700	1600	1609	—		1313[6])	2444[6])	—2,53
Итого . . .	**2524**	**4330**	**2520**	**2520**	**2447***		**2263**	**4191**	**—1,50**
Всего . . .	**4823**	**8560**	**4735**	**5149**	**4702***		**4508**	**8583**	**—0,95**

Изъ этихъ данныхъ видно, что изъ пяти остяцкихъ инородныхъ волостей Березовскаго округа въ двухъ (Подгородной и Куноватской) населеніе не измѣнилось въ числѣ со времени II Ясачной Коммиссіи; въ двухъ (Котской и Обдорской) оно уменьшилось и лишь въ одной (Казымской) оно показываетъ правильный, хотя и не очень значительный, ростъ. Причины столь большого различія въ коэффиціентахъ прироста Березовскихъ остяковъ лишь отчасти могутъ быть объяснены. Обдорскіе остяки не измѣнялись въ числѣ въ теченіе періода въ 22 года отъ 1828/9 г. по 1851 г., но въ послѣднія 46 лѣтъ (1851—1897 гг.) ихъ число сильно понизилось, именно, съ 1609 м. д. въ 1851 г. до 1313 м. д. въ 1897 г. или на 18,4%. Такая рѣзкая перемѣна въ приростѣ этихъ остяковъ наводитъ на мысль, что или жизненныя условія ихъ со времени 1851 г. сильно измѣнились къ худшему или что ихъ область посѣтили народныя бѣдствія, повлекшія за собою сильную ихъ убыль. О первой причинѣ намъ извѣстно лишь то, что жизненныя условія на Сибирскомъ сѣверѣ почти повсемѣстно измѣнились въ послѣднія десятилѣтія и притомъ не въ лучшую сторону; что же касается до второй, то изслѣдователи края намъ дѣйствительно сообщаютъ объ опустошительной эпидеміи «кроваваго тифа» въ 1855 г., когда, по Шашкову (ibid., 279), въ Обдорскомъ отдѣленіи округа заболѣло 1752 (?!) д. об. п. наличнаго населенія, изъ коихъ умерло 1270 д. или свыше $^2/_3$. Весьма вѣроятно, что Обдорскіе остяки и самоѣды сильно пострадали отъ этой эпидеміи и что она и была причиной ихъ огромной убыли послѣ IX ревизіи. Въ Куноватской ин. вол., смежной съ Обдорской, эта эпидемія менѣе свирѣпствовала и въ виду этого ея населеніе мало измѣнилось въ числѣ со времени 1828/9 г. (возросло на 3,3%).

1—5) см. примѣч. 1—5 на стр. 31.

6) Включая 17 д. (10 м.) остяковъ Обдорской ин. вол., зарегистрированныхъ въ Туруханскомъ краѣ (Енис. губ.).

Сравнительно немного жертвъ она унесла и въ Кондинскомъ Отдѣлѣ (умерло 53 д. изъ 64 д. заболѣвшихъ), въ виду чего убыль его остяковъ, именно остяковъ Котской ин. вол., слѣдуетъ приписать другимъ причинамъ. Ходъ убыли населенія здѣсь нѣсколько иной: населеніе здѣсь представляетъ паденіе численности, начиная съ перваго отчетнаго года, такъ что причина, обусловливающая это явленіе, должна была имѣть длительный характеръ. Въ данномъ случаѣ весьма вѣроятно неблагопріятными моментами являются ухудшеніе экономическихъ условій и обостреніе борьбы за существованіе вслѣдствіе близкаго общенія остяковъ съ крестьянами, а также слишкомъ тѣсное соприкосновеніе ихъ съ обратными сторонами европейской культуры, носителями которой здѣсь являются тѣ же русскіе, а изъ дальнѣйшаго изложенія (гл. V) мы увидимъ, что подобное общеніе очень часто гибельно отражается на инородцахъ, не окончательно ассимилировавшихся съ господствующимъ русскимъ населеніемъ. Въ Котской ин. волости, гдѣ инородцы живутъ въ перемѣшку съ русскими, преобладающими надъ ними своею численностью, они вымираютъ, какъ уменьшаются они и по Оби и Иртышу, въ предѣлахъ Тобольскаго округа, гдѣ малолюдныя остяцкія юрты теряются среди многочисленныхъ русскихъ деревень. Въ Подгородной вол., въ раіонѣ которой русскихъ немного, остяки сохранили свою прежнюю численность, а въ Казымской ин. упр., расположенной не только по Оби, но и по р. Казыму, гдѣ русскихъ вовсе нѣтъ, число жителей постепенно увеличивается. Вообще, эта послѣдняя вѣтвь остяковъ отличается хорошимъ сложеніемъ, здоровьемъ и жизнеспособностью. Нѣкоторые изслѣдователи [Якобій[1]), Дунинъ-Горкавичъ[2])], посѣтившіе ихъ страну, вынесли о нихъ самое лучшее впечатлѣніе, причемъ одинъ изъ нихъ[2]) отмѣчаетъ тотъ фактъ, что, увеличиваясь въ числѣ, они стремятся заселить и смежныя мѣстности, напр., раіонъ противъ притока Оби Назыма (по ост. Мòсома), принадлежащій малочисленнымъ остякамъ нѣкоторыхъ селеній Темлячевской инор. вол. (Тоб. окр.).

Опредѣленіемъ естественнаго приращенія остяковъ Березовскаго окр. занимался и пр. А. Якобій, который при этомъ пользовался исповѣдными росписями, сравнивая между собою цифровыя данныя о численности остя-

1) Ibid., стр. 9—12. По этому автору, Казымцы съ 1043 д. въ 1803 г. достигли къ 1882 г. числа 1404 д., потомъ послѣ эпидемій (?) 1883 и 1885 гг. уменьшились къ 1889 г. до 1029 д. (въ 1893 г. — 1069 д.), но это уменьшеніе при провѣркѣ данныхъ за 1893 г. по отдѣльнымъ селеніямъ, въ которыхъ, по г. Якобію, замѣчается наиболѣе сильная убыль, съ таковыми по переписи, не оправдывается и, вѣроятно, объясняется ихъ выселеніемъ въ другія мѣста (по переписи мы брали приписное населеніе) — ср. сказанное объ этомъ на стр. 13.

2) Ibid., 84—86.

ковъ за годы, раздѣленные десятилѣтними промежутками времени. Изъ его данныхъ, не распространяющихся на Обдорскій приходъ, видно, что Березовскіе остяки за періодъ времени въ 90 лѣтъ измѣнялись въ числѣ такимъ образомъ: въ 1803 г. ихъ было 9124 д.; въ 1833 г. 8484 д.; въ 1843 г. 8836; въ 1863 г. 8280 д. и въ 1893 г. 8264 д. По нашимъ же даннымъ въ разсматриваемомъ округѣ (безъ Обдорской вол.) было въ 1840 г. 5860 д. остяковъ и въ 1897 г. 6139 д. Другими словами, по первымъ даннымъ остяки 8 приходовъ Березовскаго округа за 50 л. со времени 1843 г. уменьшились въ числѣ на 572 д., а по вторымъ за 57 л. съ 1840 по 1897 г. увеличились на 279 д. Слѣдуетъ еще отмѣтить, что за нѣкоторые годы по даннымъ А. Якобія остяки округа безъ Обдорскаго прихода представляютъ бо̀льшую численность, чѣмъ *все* остяцкое населеніе округа по нашимъ даннымъ. Отчасти это вѣроятно объясняется включеніемъ въ его цифры части вогуловъ даннаго округа, что подтверждается сильною ихъ убылью по этому источнику противъ прежнихъ лѣтъ (см. стр. 37 сл.). Общая убыль остяковъ Березовскаго округа (безъ Обдорскаго прихода) за 90 лѣтъ равна по А. Якобію 9,4%, причемъ изъ 8 изученныхъ имъ приходовъ въ 5 (Бѣлогорскомъ, Сухоруковскомъ, Шеркальскомъ и въ двухъ Березовскихъ) остяки за указанный періодъ времени уменьшились въ числѣ и въ 4 (М. Атлымскомъ, Казымскомъ, Мужевскомъ и Чемашскомъ) увеличились. Мы, впрочемъ, не придаемъ большого значенія сопоставленіямъ и выводамъ А. Якобія, потому что въ нихъ не предусмотрѣны вліяніе колебаній случайныхъ цифръ, а также эмиграція и иммиграція (ср. сказанное на стр. 13)[1]).

Остяки Нарымскаго края (Томск. губ.). Васъ-Юганскіе остяки показываютъ огромную убыль за истекшія до переписи 38 лѣтъ: въ среднемъ по 8,5‰ въ годъ (для м.). Проанализируемъ эти данныя. Разобьемъ для этой цѣли Васъ-Юганскую волость на двѣ части, изъ коихъ одна будетъ заключать въ себѣ населеніе, обитающее по Васъ-Югану (внизъ до предѣловъ Ларіатской

---

1) Въ виду того, что границы даннаго округа нынѣ прибл. тѣ же, что и въ началѣ XVII столѣтія, представляетъ не малый интересъ сопоставить данныя о численности остяковъ за 1840 г. съ таковыми за 1640 г. (Буцинскій: «Заселеніе Сибири», 10). Въ 1640 г. въ его 6 волостяхъ (прежняя Бѣлогорская впослѣдствіи была присоединена къ Котской) числилось 675 м. ясачныхъ душъ (въ томъ числѣ 402 д. въ Кондинскомъ и 273 д. въ Обдорскомъ участкѣ). Такъ какъ ясакъ платили взрослые трудоспособные мужчины, то можно принять, что для полученія всего населенія обоего пола въ то время, слѣдуетъ увеличить это число въ 4 и maximum въ 5 разъ. Получается 2700 (3375) душъ обоего пола противъ 8560 д. въ 1840 г. По одному Кондинскому отдѣлу получается 1608 (2010) д. противъ 4230 душъ и по Обдорскому 1092 (1365) д. противъ 4330 д. Хотя положительный приростъ остяковъ за 200 лѣтъ и весьма вѣроятенъ, но все же инородческое (окладное) населеніе Березовскаго окр. въ 1640 г. несомнѣнно исчислено слишкомъ низко—въ XVII ст. еще не всѣ инородцы были положены въ ясакъ.

вол.) и по его притокамъ: Ягымъ-ягъ и Чёртанлы, а другая будетъ охватывать остяцкое населеніе по р. Нюролькѣ (включая и ю. Усть-Нюролькскія). По первому раіону у насъ имѣются данныя за слѣдующіе годы: въ 1859 г.—662 д. (374 м.)[1]), въ 1862[2]) г.—684 д. (378 м.), въ 1867[2]) г.—642 д. (331 м.), въ 1872[2]) г.—546* д. (287* м.), въ 1877[2]) г.—548* д. (294* м.) и въ 1882[2]) г.—668 д. (324 м.). Въ 1897 г. перепись въ этомъ раіонѣ зарегистрировала всего 505 д. (257 м.)[3]), а если принять во вниманіе и жителей этой волости, проживавшихъ внѣ ея предѣловъ, то 585 д. (294 м.). Взявъ эту послѣднюю цифру, мы получимъ убыль остяковъ противъ 1859 г. въ 80 м. или въ среднемъ въ 1 г.—5,6‰.

По другому раіону у насъ имѣются данныя лишь за 1859 г.—286 д. (158 м.)[1]) и за 1897 г.—91 д. (52 м.)[3]). Здѣсь остяки за 38 лѣтъ уменьшились въ числѣ въ три раза. Въ настоящемъ случаѣ невольно напрашивается предположеніе о возможномъ пропускѣ въ данныхъ переписи, исполнители которой могли не разыскать инородцевъ, ушедшихъ въ урманъ за промысломъ (такіе случаи бывали съ Васъ-Юганскими остяками и раньше)[4]). Но Григоровскій, въ 1882 г. посѣтившій Васъ-Юганье, сообщаетъ о численности остяковъ этого раіона: «по словамъ торговцевъ, по Нюролькѣ кромѣ Усть-Нюролькскихъ юртъ есть еще три юрты съ 8 семьями»[2]). При разсчетѣ, согласно даннымъ переписи, по 5 д. на семью, это составитъ 40 д., а съ жителями ю. Усть-Нюролькскихъ, которыхъ по этому автору въ 1882 г. было 39 д., всего будетъ около 80 д. т. е. число близкое къ даннымъ переписи. Выводъ, который можно сдѣлать на основаніи этихъ данныхъ тотъ, что населеніе бассейна Васъ-Югана угасаетъ, причемъ особенно сильно этотъ процессъ совершается въ мѣстности по р. Нюролькѣ. Объяснить эту сильную убыль со времени 1859 г. эмиграціей остяковъ нельзя, потому что выселеніе около 200 душъ остяковъ изъ мѣстностей, гдѣ у нихъ имѣются

---

1) «Спис. нас. м. Томск. губ.» 1868 г. съ поправкой относительно с. Васъ-Юганскаго—см. 1 прим. на стр. 26.

2) Итогъ 25 юртъ Васъ-Юганской вол. (не считая ю. Усть-Нюролькскихъ и Ларіатской вол.) см. — Григоровскій: «Описаніе Васъ-Юганской тундры» (въ «Зап. З.-Сибирск. Отд. И. Р. Геогр. О.», вып. VI, 69 сл.). Данныя его за 1872 и 1877 гг. повидимому слишкомъ низки.

Приводимъ попутно извлеченныя изъ того же источника (l. c.) данныя о численности остяко-самоѣдовъ Ларіатской вол., занимающей нижнюю часть бассейна Васъ-Югана, за тѣ же годы: въ 1867 г. — 130 д. (70 м.), въ 1872 г. — 132 д. (68 м.), въ 1877 г. — 133 д. (70 м.), въ 1882 г. — 103* д. (57* м.) — слишкомъ низкая цифра — и въ 1897 г., по переписи, 132 д. (63 м.). За 30 лѣтъ убыль мужчинъ равна 7 чел.

3) Включая 10 д. (1 м.) остяко-самоѣдовъ (т. к. и въ данныя за предыдущіе годы попала небольшая часть жившихъ среди остяковъ самоѣдовъ).

4) Аналогичный случай имѣлъ мѣсто во время регистраціи 1823 г. (Шашковъ, 129).

собственныя владѣнія, въ другія мѣста — фактъ невозможный и опровергаемый къ тому же статистическими данными (внѣ своего округа они были застигнуты переписью лишь въ числѣ 28 д. (16 м.) — см. 2 прим. на стр. 26).

Вмѣстѣ съ этими отсутствующими общее число приписного населенія Васъ-Юганской вол. равнялось въ 1897 г. 694 д. (361 м.), такъ что вся убыль остяковъ этой волости за 38 л. со времени 1859 г. простиралась до 254 д. (171 м.), что соотвѣтствуетъ средней ежегодной убыли мужчинъ въ 8,45‰.

Резюмируя все вышеизложенное объ угорскихъ остякахъ, мы можемъ сказать, что *въ своей совокупности остяки вымираютъ: изъ четырехъ округовъ, въ которыхъ они проживаютъ, они за послѣднія десятилѣтія уменьшились въ числѣ въ трехъ (въ Тобольскомъ, Березовскомъ и въ Нарымскомъ краѣ) и въ одномъ (Сургутскомъ) ихъ численность слабо увеличилась.*

Вогулы.

Численность Сибирскихъ вогуловъ, обитающихъ въ Туринскомъ окр., въ с.-з. части Тобольскаго окр. (Кондинская ин. вол.) и въ западной части Березовскаго окр. (Сосвинская и Ляпинская ин. вол.) Тобольской губ. представляется за разные годы истекшаго столѣтія въ такомъ видѣ:

Названія округовъ.	1816/7 г.[1]		1838 г.[2]		1858/9 г.		1870 г.[10]		1897 г.[12]	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Березовскій. . .	—	—	1364[3]	2553[4]	1348[5]	2527[6]	1432*[11]	2623[11]	1347	2592
2. Тобольскій . . .	—	—	590	1116	612[7]	1241[7]	—	—	588	1236
3. Туринскій . . .	1602	3196	1589*	3150*	1769[9]	3483[9]	1772	3543	1782	3645
Въ т. ч. кочевыхъ.	—	—	*905**	*1763**	*976*[9]	*1870*[9]	*976**	*1895**	*848*	*1699*
» » » *осѣдлыхъ*	—	—	*684**	*1387**	*793*[8]	*1613*[8]	*796*	*1648*	*934* (777)	*1946* (1648)[13]
Всего . . .	—	—	**3543***	**6819***	**3729**	**7251**	—	—	**3717**	**7473**
Въ т. ч. кочев. и бродячихъ. . . .	—	—	*2859*	*5432*	*2936*	*5638*	—	—	*2783*	*5527*

1) Андріевичъ, II, 99. Изъ общаго числа инородцевъ 3396 д. (1702 м.) мы предположительно вычли 200 д. (100 м.) татаръ — см. прим. 2.

2) Гагемейстеръ, ibid, II.

Такъ какъ осѣдлые обрусѣлые татары Куртумовской упр. Туринскаго окр. въ трудахъ почти всѣхъ изслѣдователей, какъ и въ оффиціальныхъ источникахъ, ошибочно включены въ число вогуловъ указаннаго округа, то весьма вѣроятно, что то же имѣло мѣсто и въ данныхъ 1838 г. Чтобы получить численность однихъ вогуловъ, мы условно выключили изъ приведенныхъ чиселъ 241 д. (111 м.)—численность инородцевъ Куртумовской упр. въ 1858 г. (за болѣе ранніе годы у насъ нѣтъ соотвѣтствующихъ данныхъ). Въ данныхъ нашихъ таблицъ за

Судя по этимъ даннымъ, вогульское населеніе Сибири (мужчины) почти не измѣнилось въ числѣ со времени послѣдней ревизіи до переписи не только въ своей совокупности, но и въ отдѣльныхъ округахъ. За предъидущія десятилѣтія численность Березовскихъ и Тобольскихъ вогуловъ осталась почти той же, а Туринскихъ со времени VII ревизіи (1816/7 г.) возрасла на 10,6% (м. п.).

Разсматривая этотъ вопросъ болѣе детально, мы видимъ, что Березовскіе вогулы (Сосвинской и Ляпинской упр.) почти не измѣнились въ числѣ со времени 2-й Ясачной Коммиссіи. Въ Сосвинской вол. въ 1828/9 г. числилось 580 м. д., а въ 1897 г.—598 м. д. и въ Ляпинской въ 1828/9 г. 784 м. д. и въ 1897 г. — 749 м. Въ виду этого выводъ пр. А. Якобія о вымираніи этихъ вогуловъ и уменьшеніи численности ихъ за 90 л. и 50 л. со времени 1803 г. и 1843 г. до 1893 г. на 24% (Сосвинской на 1% и

1858 и 1897 гг. Куртумовскіе татары не включены. Замѣтимъ попутно, что и инородцы В. и П. Табаринскихъ управъ не чистые вогулы, а помѣсь ихъ съ татарами.

3) Абрамовъ, ibid. (сумма вогуловъ Ляпинской и Сосвинской вол. въ 1828 г.). Въ 1640 г. въ обѣихъ вогульскихъ управахъ Березовскаго окр., по Бупинскому (l. c., 9), числилось 472 ясачныхъ инородца (въ Сосвинской — 325 д. и въ Ляпинской — 147 д.), что могло соотвѣтствовать, если принять 1 ясачную душу равной 4—5 наличнымъ душамъ об. п., 1888—2360 д. об. п. (ср. въ 1840 г. — 2553 д.).

4) Castren, ibid. — численность инородцевъ Сосвинской и Ляпинской упр. въ 1840 г.

5) По Абрамову, ibid., общее число инородцевъ Сосвинской и Ляпинской упр. (за середину 50-хъ годовъ) — 1448 м. д., а такъ какъ среди нихъ есть и самоѣды (въ 1828 г. — 96 д.), то безъ нихъ число вогуловъ равно приблизительно 1348 м. д.

6) Вычислено изъ числа 1348 м. на основаніи отношенія обоихъ половъ по даннымъ за 1838, 1870 и 1897 гг.

7) «Мат. д. изуч. экон. быта гос. крест. и инор. Зап. Сиб.» (Изд. М. Гос. Им.), т. X, прилож., стр. 2.

8) Ядринцевъ: «Сибирск. инор.», 308 (итогъ жителей 3 управъ на стр. 38). Въ 1888 г. (ibid.) число осѣдлыхъ вогуловъ по А. Кауфману было 1690 д. (793 м.), но по всему вѣроятію, это число относится лишь къ тѣмъ вогуламъ, которые проживали въ своихъ паулахъ (селеніяхъ). Менѣе увѣренно это можно сказать относительно цифръ за другіе годы (1858 и 1870 гг.). Число осѣдлыхъ вогуловъ, проживающихъ въ русскихъ деревняхъ, довольно значительно: въ 1897 г. таковыхъ оказалось — 298 д. (157 м.). — Число ясачныхъ вогуловъ въ 1851 г. было 1676 д. (839 м.) — см. «Ж. М. Вн. Д.» 1853 г., стр. 74.

9) «Пам. кн. Тоб. губ. на 1861 г.» (данныя 1858 г.). Изъ числа всѣхъ инородцевъ округа вычтено 241 д. (111 м.) — см. прим. 2. Число кочевыхъ вогуловъ даннаго округа за 1858 г. получено вычитаніемъ изъ всего числа вогуловъ округа числа осѣдлыхъ ихъ представителей.

По Кеппену, ibid., число кочевыхъ инородцевъ округа въ 1852 г. было 995 м.

10) «Обзоръ Тобольск. губ. на 1870 г.» — осѣдлые инородцы безъ Куртумовскихъ татаръ (приблизительныя данныя).

11) «Сп. нас. м. Тобольской губ.» 1871 г. по даннымъ 1868 г. (стр. 37—39) — итогъ жителей селеній №№ 760—800.

12) Данныя переписи. 14 д. (10 м.) застигнутыхъ въ Березовскомъ окр. Туринскихъ вогуловъ присоедины къ Туринскимъ кочевымъ вогуламъ.

13) Въ скобкахъ — безъ вогуловъ, проживающихъ въ русскихъ деревняхъ.

Ляпинской на 48%) лишенъ основанія (по приводимымъ имъ даннымъ исповѣдныхъ росписей число Березовскихъ вогуловъ было: въ 1803 г.—2175 д., 1833 г.— 1999 г., 1863 г.— 1502 д. и въ 1893 г.—1645 д. об. п.).

Тобольскіе вогулы (Кондинская ин. вол.) тоже почти не измѣнились въ числѣ со времени VIII ревизіи. Наибольшія перемѣны произошли съ Туринскими. Ихъ кочевая часть начала, повидимому, угасать со времени VIII ревизіи, причемъ значительное увеличеніе числа этихъ вогуловъ отъ 1838 г. до 1858 г. можно объяснить слишкомъ низкой цифрой 1838 г. Осѣдлые вогулы Туринскаго округа увеличились со времени X ревизіи весьма значительно—на 333 д. (141 м.), что для мужчинъ соотвѣтствуетъ ежегодному среднему приросту въ 4,5 ‰. Но увѣренно сказать, что это увеличеніе зависитъ только отъ естественнаго приращенія, нельзя по той причинѣ, что нельзя поручиться за то, что число 1858 г. дѣйствительно включаетъ въ себя и тѣхъ вогуловъ, которые проживали внѣ своихъ управъ, въ русскихъ волостяхъ, хотя это и вѣроятно, потому что ревизіи имѣли дѣло съ постояннымъ приписнымъ населеніемъ (цифра 1897 г. тоже представляетъ изъ себя постоянное населеніе). Въ 1870 г. число осѣдлыхъ вогуловъ опредѣляли въ 1648 д. (796 м.) и въ 1888 г. въ 1690 д. (793 м.), но въ эти числа почти навѣрное не вошли вогулы, обитавшіе среди русскихъ, или по крайней мѣрѣ главная ихъ часть (см. прим. 8 и 10 на стр. 37). Исключивъ эту ихъ категорію и изъ данныхъ 1897 г., мы получимъ, что число вогуловъ, застигнутыхъ въ предѣлахъ своихъ управъ, было 1648 д. (777 м.) т. е. почти то же число — доказательство въ пользу нашего предположенія.

Изъ трехъ инор. управъ осѣдлыхъ вогуловъ Туринскаго округа сильный ростъ населенія противъ X ревизіи обнаружился въ В. и Н. Табаринскихъ, между тѣмъ какъ населеніе Кошукской мало измѣнилось въ этомъ отношеніи.

Приводимъ еще рядъ данныхъ о численности вогуловъ Туринскаго и Тобольскаго округовъ, взятыхъ вмѣстѣ (Березовскихъ вогуловъ всѣ изслѣдователи, оставившіе цифровыя данныя, считали за остяковъ и не выдѣляли ихъ изъ числа послѣднихъ) за болѣе ранніе періоды времени: въ 1796 г.—1917 м.[1]); въ 1817 г.—2060 м.[1]); въ 1838 г.—2179 м.[2]). Приводимъ для полноты изложенія и данныя за послѣдующіе періоды времени: въ 1858 г.—2381 м.[2]) и въ 1897 г.—2370 м.[2]). Если первыя двѣ данныя вѣрны, то

1) Беръ, ibid. Изъ данныхъ за 1796 и 1817 гг. мы въ виду причины, изложенной въ 2 примѣч. на стр. 36, вычли 100 д., хотя въ данномъ случаѣ мы и не вполнѣ убѣждены въ необходимости такой поправки.

2) Итоги соотвѣтствующихъ цифръ таблицы на стр. 36.

онѣ свидѣтельствуютъ о положительномъ ростѣ вогуловъ за истекшія до X ревизіи 6 и 4 десятилѣтія—въ среднемъ по 4,0‰ въ 1 г.

Со времени же X ревизіи ихъ число почти не измѣнилось. См. также приростъ инородческаго населенія Туринскаго окр., главнымъ образомъ вогуловъ, со времени 1816/7 г. (стр. 21) [съ 1816/7 по 1858 гг. оно въ среднемъ увеличивалось на 1,4‰ и отъ X ревизіи до переписи на 0,2‰ [1])].

Въ общемъ выводѣ можно сказать, что *кочевые и бродячіе вогулы Тобольской губ., подобно остякамъ, не жизнеспособны: въ Березовскомъ и Тобольскомъ округахъ они не измѣнились въ числѣ со времени VIII ревизіи, а въ Туринскомъ уменьшились со времени X ревизіи. Осѣдлые вогулы этого округа, напротивъ, имѣютъ положительный приростъ, компенсирующій убыль кочевыхъ его вогуловъ и въ результатѣ вогулы, какъ Туринскаго округа, такъ и всѣ вогулы губерніи вообще, приблизительно сохранили численность, какую они имѣли въ X ревизію.*

Этотъ выводъ совершенно не вяжется съ утвержденіемъ Гагемейстера (ibid. II, 29), что со времени отъ VIII до IX ревизіи численность вогуловъ уменьшилась на 50%, утвержденіе, которое затѣмъ перепечатали многіе изслѣдователи инородцевъ. Можно присовокупить, что Гагемейстеръ сообщаетъ это свѣдѣніе голословно, не подкрѣпляя его цифровыми данными.

Въ заключеніе мы позволяемъ себѣ привести собранныя авторомъ на мѣстѣ данныя объ естественномъ приращеніи вогуловъ Тобольскаго округа (включая малочисленныхъ остяковъ Нахрачинскаго прихода) на основаніи подлинныхъ метрическихъ книгъ и исповѣдныхъ росписей за періодъ времени въ 86 л.: 1802—1887 гг. (Касательно Рыньинскихъ юртъ той же Кондинской вол., принадлежащихъ къ особому приходу, данныя имѣются лишь за 10 л.: 1878—87 гг.) [2]).

---

1) У Шашкова мы находимъ еще слѣдующія данныя касательно численности вогуловъ (гл. образомъ бродячихъ) Туринскаго окр. за прежніе годы. Въ 5 (? — перечисляются только 4) ихъ волостяхъ (Б. Кондинской, Лиственичной, Сосвинской и Н. Табаринской) въ 1763 г. числилось 555 *платежныхъ* м. д., а въ 1816 г. — 467 д. м. п. и въ другихъ 5 волостяхъ (В. Кондинской, В. Пелымской, Вагильской, Лиственичной и Ворьинской (Усть-Кондинской?) въ 1816 г. было 850 д. об. п. и въ 1830 г. — 740 д. Изъ этихъ данныхъ усматривается, что бродячее вогульское населеніе округа стало показывать отрицательный приростъ уже со второй половины XVIII столѣтія. Сопоставить эти данныя съ таковыми за послѣднія десятилѣтія нельзя потому, что Лиственичную вол. мы не встрѣчаемъ среди вогульскихъ волостей за послѣднія десятилѣтія, въ виду чего мы и не знаемъ, съ какой изъ нынѣ существующихъ волостей она тождественна или къ какой изъ нихъ она присоединена.

Замѣтимъ еще, что въ 6 вогульскихъ волостяхъ Пелымскаго (нынѣ часть Туринскаго) окр.: В. Пелымской, Ворьинской, Вагильской, Сосвинской, Тахтанской и Лиственичной (Подгородной) въ 1640 г., по Буцинскому, числилось 141 ясачная душа.

2) Измѣненіе въ численности Тобольскихъ вогуловъ зависитъ почти исключительно отъ естественнаго приращенія, потому что они почти не выселяются въ другія мѣста и ихъ волость не притягиваетъ выходцевъ изъ другихъ мѣстъ.

Движеніе вогульскаго населенія Тобольскаго округа за періодъ: 1802—87 гг. (относительныя данныя)[1]).

Періоды и приходы.		*Родившихся* об. п.		*Умершихъ*	*Естест. прир.*	*Браковъ.*
		на 100 д. об. п.	на 100 брак.	на 100 умерш.	на 100 д. об. п.	на 100 д. об. п.	на 1000 д. об. п.
1802—1826 гг.	Нахрачинск. прих.	4,5	445	115	3,9	0,6	10,1
	Леушинскій »	3,9	440	141	2,8	1,1	8,9
	Среднее	4,2	443	128	3,3	0,9	9,4
1827—1851 гг.	Нахрачинск. прих.	4,7	461	118	4,0	0,7	10,2
	Леушинскій »	3,8	440	141	2,7	1,1	8,7
	Среднее	4,2	450	129	3,3	0,9	9,4
1852—1876 гг.	Нахрачинск. прих.	4,4	419	108	4,1	0,3	10,6
	Леушинскій »	4,1	519	93	4,3	—0,2	7,9
	Среднее	4,2	468	100	4,3	—0,1	9,1
1877—1887 гг.	Нахрачинск. прих.	4,7	688	103	4,6	0,1	6,8
	Леушинскій »	4,3	542	102	4,3	0,0	8,0
	Среднее	4,5	605	102	4,4	0,1	7,4
За 86 л. . . .	Нахрачинск. прих.	**4,6**	**467**	**112**	**4,1**	**0,5**	**9,8**
	Леушинскій »	**4,0**	**477**	**115**	**3,5**	**0,5**	**8,4**
	Въ среднемъ . . .	**4,25**	**472**	**114**	**3,75**	**0,50**	**9,04**
Рыньинскія юр. (1878—1887 гг.) . .		2,6	283	131	2,0	0,6	(9,2)

1) Абсолютныя данныя, которыя послужили матеріаломъ для этой таблицы, сгруппированы въ нижеслѣдующія двѣ таблицы.

Наличное вогульское населеніе Тобольскаго окр. (итоги численности вогульскаго населенія за отдѣльные годы четырехъ періодовъ разсматриваемаго 86-лѣтія).

Періоды и приходы.		м. п.	ж. п.	об. п.
1802—1826 гг.	Нахрачинск. прих. .	6206	5391	11.597
	Леушинскій » .	7637	7187	14.824
	Итого	13.843	12.578	26.421
1827—1851 гг.	Нахрачинск. прих. .	6706	6193	12.899
	Леушинскій » .	8760	8490	17.250
	Итого	15.466	14.683	30.149
1852—1876 гг.	Нахрачинск. прих. .	7350	6853	14.203
	Леушинскій » .	8963	9490	18.453
	Итого	16.313	16.343	32.656
1877—1887 гг.	Нахрачинск. прих. .	3582	3478	7060
	Леушинскій » .	3789	4208	7997
	Итого	7371	7686	15.057
Всего за 86 л.	Нахрачинск. прих. .	**23.844**	**21.915**	**45.759**
	Леушинскій » .	**29.149**	**29.375**	**58.524**
	Итого	**52.993**	**51.290**	**104.283**
Рыньинскія юрты (1878—1887 гг.) . .		380	270	650

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ теченіе первыхъ двухъ 25-лѣтій истекшаго столѣтія всѣ проявленія движенія вогульскаго населенія округа совершались совершенно одинаково: рождаемость на 100 д. об. п. была 4,2, смертность — 3,3 и въ результатѣ населеніе увеличивалось на 9 д. pro mille ежегодно. Брачность была 9,4‰. Съ середины разсматриваемаго столѣтія наблюдается измѣненіе прироста населенія вогуловъ въ неблагопріятную сторону: при той же рождаемости (4,2%) смертность увеличилась на 30%, дойдя до 4,3%, вслѣдствіе чего естественное приращеніе населенія перешло изъ положительнаго въ отрицательное: — 1,0‰. Наконецъ, въ слѣдующій 11-лѣтній періодъ (1877—1887 гг.) замѣчается нѣкоторое возрастаніе рождаемости и притомъ въ обоихъ приходахъ, въ среднемъ до 4,5%. Хотя и смертность за этотъ періодъ прогрессировала, но слабѣе (4,4%) и въ результатѣ получился ничтожный положительный приростъ въ 1,0‰, а въ итогѣ за 36 лѣтъ съ 1852 г. приростъ вогуловъ округа оказался равнымъ 0. И брачность, начавшая падать съ середины XIX стол., уменьшилась въ разсматриваемомъ періодѣ до 7,4‰ т. е. болѣе чѣмъ на 20%.

Такимъ образомъ, въ первую половину истекшаго столѣтія вогульское населеніе Тобольскаго округа имѣло повидимому хорошій положительный приростъ, но съ тѣхъ поръ перестало расти — выводъ въ своей послѣдней

Движеніе вогульскаго населенія Тобольскаго округа за 86 л.: 1802—1886 гг. (итоги абсолютныхъ данныхъ за каждый годъ).

Періоды и приходы.		*Родившіеся.*			*Умершіе.*			*Естеств. приростъ* (полож. + и отриц.—)			*Браки.*
		м. п.	ж. п.	об. п.	м. п.	ж. п.	об. п.	м. п.	ж. п.	об. п.	
1802—1826 гг.	Нахрачинск. прих.	260	261	521	203	250	453	57	11	68	117
	Леушинскій »	301	280	581	215	196	411	86	84	170	132
	Итого	561	541	1102	418	446	864	143	95	238	249
1827—1851 гг.	Нахрачинск. прих.	312	297	609	262	252	514	50	45	95	132
	Леушинскій »	307	353	660	249	219	468	58	134	192	150
	Итого	619	650	1269	511	471	982	108	179	287	282
1852—1876 гг.	Нахрачинск. прих.	315	313	628	282	297	579	33	16	49	150
	Леушинскій »	377	381	758	398	412	810	—21	—31	—52	146
	Итого	692	694	1386	680	709	1389	+12	—15	— 3	296
1877—1887 гг.	Нахрачинск. прих.	153	177	330	158	164	322	— 5	+13	+ 8	48
	Леушинскій »	194	153	347	183	157	340	+11	— 4	+ 7	64
	Итого	347	330	677	341	321	662	+ 6	+ 9	+15	112
Итого за 86 л.	**Нахрачинск. прих.**	**1040**	**1048**	**2088**	**905**	**963**	**1868**	**135**	**85**	**220**	**447**
	Леушинскій »	**1179**	**1167**	**2346**	**1045**	**984**	**2029**	**134**	**183**	**317**	**492**
	Всего	**2219**	**2215**	**4434**	**1950**	**1947**	**3897**	**269**	**268**	**537**	**939**
Рыньинскія юрты (1878—1887 гг.) .		13	4	17	9	4	13	4	0	4	(6)

части вполнѣ согласный со сдѣланнымъ нами выше и основаннымъ на сопоставленіи данныхъ о численности этихъ вогуловъ за разные періоды истекшаго столѣтія [1]).

---

1) Въ послѣдніе годы собираніемъ данныхъ о прежней численности остяковъ и вогуловъ занимался изслѣдователь этихъ племенъ финляндскій ученый маг. фил. Арт. Каннисто, который ради этой цѣли дѣлалъ выборки изъ данныхъ архивовъ Екатеринбурской и Тобольской епархій за послѣднія 150 лѣтъ. Результаты этихъ работъ еще не обнародованы («Finn.-Ugr. Forschungen», 1906, VI, Heft 2—3, Anzeiger, 72).

Въ дополненіе къ приведеннымъ выше даннымъ о Сибирскихъ финнахъ сообщаемъ нѣкоторыя данныя о приростѣ родственныхъ имъ русскихъ (Архангельскихъ) *лопарей*, мало отличающихся отъ нихъ по своему экономическому положенію, образу жизни и по своимъ занятіямъ. Къ сожалѣнію И. Шмаковъ, который изучалъ вопросъ о приростѣ лопарей, не даетъ полныхъ абсолютныхъ данныхъ метрикъ и духовныхъ росписей лопарскихъ приходовъ, въ виду чего мы лишены возможности освѣтить этотъ вопросъ на столько подробно, на сколько было бы желательно. Ограничимся поэтому сводной таблицей г. Шмакова («Матер. о рождаемости и смертности русскихъ лопарей» въ «Вѣст. Общ. гигіены», авг., 09, 1213—1224).

Названія лопарскихъ приходовъ.	На 1000 д. об. п. (по духовн. росписямъ)		
	рождалось.	умирало.	ест. приростъ.
1. Понайскій (данн. за 30 л.) . .	33,1	32,8	+ 0,3
2. Ловозерскій (данн. за 32 г.) .	29,3	34,7	— 5,4
3. Кильдинскій (данн. за 14 л.) .	38,3	28,0	+ 10,3
4. Пазрѣцкій (данн. за 10 л.). .	41,4	41,4	± 0,0
5. Потозерскій и Печенгскій (данн. за 10 л.)	31,1	21,1	+ 10,0
6. Умбскій и Кандалакскій (данн. за 10 л.)	34,3	17,7 (?)	+ 16,6 (?)
Среднее	**33,39**	**30,43**	**+ 2,96**

Итакъ, по этимъ даннымъ среднее естественное приращеніе лопарей Кольскаго п. о. за послѣднія десятилѣтія не превышаетъ 3,0 ‰ и г. Шмаковъ принимаетъ эту величину за близкую къ истинѣ. Намъ же кажется, что она выше дѣйствительной. Смертность лопарей двухъ послѣднихъ приходовъ (п.п. 5 и 6) не даетъ повидимому вѣрной картины смертности этихъ лопарей, которая должна быть выше (?—нашъ): вѣроятно часть лопарей этихъ группъ проживала вдали отъ своихъ поселковъ и умершіе изъ нихъ не попадали въ метрики своихъ приходовъ, между тѣмъ какъ почти всѣ родившіеся, кромѣ мертворожденныхъ, въ нихъ были занесены и отсюда естественное приращеніе не только этихъ группъ лопарей, но и всѣхъ русскихъ лопарей въ совокупности оказывается преувеличеннымъ. Безъ этихъ двухъ приходовъ средній за послѣднія десятилѣтія коэффиціентъ приращенія русскихъ лопарей врядъ ли будетъ превышать 1,3—1,5‰. Этотъ же коэффиціентъ, мало чѣмъ отличающійся отъ таковаго многихъ Сибирскихъ инородцевъ сѣвернаго типа, болѣе чѣмъ въ 10 разъ меньше коэффиціента прироста всего населенія Европ. Россіи.

Число лопарей по переписи 1897 г.: 1812 д. (922 м.) неполное (часть ихъ ошибочно включена въ число русскихъ Архангельской губерніи).

Самоѣды.

Касательно самоѣдовъ, занимающихъ сѣверную окрайну Сибири, отъ Уральскаго хребта на востокъ прибл. до 72° в. д., мы располагаемъ полными данными по Березовскому округу (Тобольской губ.) и по Енисейскому округу и Туруханскому краю Енисейской губерніи. Что касается до остяко-самоѣдовъ Томской губерніи, то инородческое населеніе (самоѣды и тюрки), обитающее по Оби, въ предѣлахъ Томскаго округа и его Тогоурскаго отдѣленія (Нарымскій край), такъ сильно перемѣшалось между собою и съ русскими, что во всѣхъ трудахъ, оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ, оно въ этнографическомъ отношеніи группируется разно, почему сопоставлять подобныя данныя между собою въ видахъ выясненія интенсивности прироста отдѣльныхъ группъ инородцевъ естественно нельзя. Но и объ этомъ краѣ у насъ имѣются кое-какія данныя, вполнѣ достаточныя, чтобы позволить намъ высказаться о характерѣ прироста его обитателей.

Численность Березовскихъ и Енисейскихъ самоѣдовъ въ 114-лѣтній періодъ времени: 1783—1897 гг. была приблизительно такова (сомнительныя данныя снабжены звѣздочками):

Названія округовъ.	1783 г.[1]		1828 г.		1838 г.		1850 г.[5]		1858/9 г.		1897 г.[9]	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
. Березовскій окр.	2319*	4096*	2572[2]	5140	—	5054[3]	2585	4398*	2573[6]	4756[7]	2488	4696
, Енисейскій »	—	—	—	—	—	—	—	—	74[8]	142[8]	68	140
, Туруханск. край	—	—	—	—	1203[4]	2346[4]	—	—	1167*[8]	2187*[8]	1417	2655
Всего . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	**3814**	**7085**	**3973**	**7491**

1) Словцовъ, II, 357 сл.

2) Цифра м. п. 2572 д. заимствована изъ «Спис. нас. м. Тоб. губ.» 1871 г. (стр. CLX)— происхожденіе ея неизвѣстно. У Абрамова изъ подсчета самоѣдовъ отдѣльныхъ волостей получается 2398 д., число слишкомъ низкое, именно въ Казымской ин. упр. показано 218 м. д. (въ 1897 г. — 273 м.); въ Куноватской — 27 м. (1897 г. — 35 м.), Ляпинской — 96 м. (въ 1897 г. — 48 м.) и въ Обдорской ин. упр. 2057 м. (въ 1897 г. — 2132 м. самоѣдовъ, включая 235 д., застигнутыхъ въ Туруханскомъ краѣ).

3) Гагемейстеръ, II, l. c.

4) Миддендорфъ. Итоги трехъ племенъ — см. стр. 45.

5) Абрамовъ. Число женщинъ слишкомъ мало (1813 д.).

6) «Спис. нас. м. Тоб. губ.» 1871 г. (стр. CLVIII).

7) Семеновъ: «Геогр.-стат. слов.». — Число самоѣдовъ за 1868—69 гг. по таблицамъ «Сп. нас. м. Тоб. губ.» (стр. 39—42) больше чѣмъ по итогамъ того же источника (стр. CLVIII), именно, по подсчету выходитъ, что всѣхъ самоѣдовъ (и бродячихъ остяковъ) въ Березовскомъ окр. 7505 д. (3752 м.), въ т. ч. въ Кондинскомъ уч. 1102 д. (595 м.) и въ Обдорскомъ уч. 6403 д. (3157 м.), противъ 4705 д. (2573 м.) по итогу, приведенному на стр. CLVIII, въ т. ч. 3603 д.

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что Березовскіе самоѣды уменьшились въ числѣ со времени VIII ревизіи. Со времени 1850 г. убыль мужчинъ равна 97 чел., что составляетъ ежегодную убыль въ 0,8‰. Приведенное за 1897 г. число Березовскихъ самоѣдовъ получено изъ наличнаго населенія путемъ цѣлаго ряда поправокъ, именно, путемъ исключенія изъ числа наличнаго населенія округа самоѣдовъ, зашедшихъ сюда изъ Больше-Земельской тундры Архангельской губ. и присоединенія къ нему Березовскихъ самоѣдовъ, живущихъ въ предѣлахъ Туруханскаго края, но причисленныхъ къ Обдорской инор. упр.[9]). Кочующіе въ Сургутскомъ окр. самоѣды, принадлежащіе къ Казымской ин. вол. Березовскаго окр., тоже включены въ число его самоѣдскаго населенія. Число 4696 д. (2488 м.) вѣроятно нѣсколько ниже дѣйствительнаго: возможно, что часть Березовскихъ самоѣдовъ во время переписи находилась въ Печорскомъ у. Архангельской губ. Но ихъ число не должно быть велико, потому что общее число всѣхъ инородцевъ цѣлой Тобольской губ., застигнутыхъ во время переписи въ Печорскомъ у., не превышало 79 д. (48 м.), изъ которыхъ вѣроятно не всѣ были самоѣдами.

Убыло со времени X ревизіи и число остяко-самоѣдовъ Енисейскаго окр. Лишь Туруханскіе (не считая пришлыхъ изъ Березовскаго окр.) показываютъ положительный приростъ со времени VIII ревизіи — средній ежегодный приростъ мужчинъ за послѣдніе 59 лѣтъ у нихъ былъ 3,0‰.

Разсмотримъ теперь приростъ Туруханскихъ самоѣдовъ по отдѣльнымъ ихъ племенамъ. Коренные самоѣды этого края распадаются по своему языку и отчасти по своимъ физическимъ признакамъ и по своему экономическому положенію на три группы: *юраковъ* (2 рода), *Енисейскихъ самоѣдовъ*

(1978 м.) въ Обдорскомъ уч. Остальное число этихъ бродячихъ инородцевъ въ итоговыхъ таблицахъ произвольно отнесено къ остякамъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и общее число инородцевъ въ Березовскомъ окр. въ 1868 г. по этому источнику — 18.320 д. оказывается много большимъ противъ данныхъ за 1797 и 1897 гг. Вообще, данныя «Сп. нас. м.» на основаніи соображеній, высказанныхъ выше (стр. 9), для сопоставленія съ болѣе точными данными мало пригодны.

8) «Спис. нас. м. Енис. губ.» 1864 г. Итогъ самоѣдовъ Енисейскаго окр. полученъ путемъ подсчета жителей 5 улусовъ Надско-Пумпокольскій управы (№№ 508—512 на стр. 26 сл.). Для Туруханскаго края взятъ итогъ численности самоѣдовъ отдѣльныхъ родовъ (стр. 59 сл.). Полученныя цифры — 2187 д. (1167 м.) оказываются, повидимому, неполными.

9) Съ поправкой. Изъ наличнаго числа переписанныхъ въ Туруханскомъ краѣ самоѣдовъ исключены 449 д. (235 м.) самоѣдовъ Обдорской ин. упр. Березовскаго окр., къ которому послѣдніе и присоединены. Къ нему же причислены и 5 д. (4 м.) Березовскихъ самоѣдовъ, переписанныхъ въ Сургутскомъ окр. Изъ наличнаго же числа Березовскихъ самоѣдовъ. 4431 д. (2347 м.) исключены 189 д. (98 м.) самоѣдовъ, перешедшихъ въ Березовскій округъ изъ Печорскаго уѣзда Архангельской губ.—Въ 1907 г. число Березовскихъ самоѣдовъ опредѣлялось въ 5279 д. (2640 м.) — свѣд. окружн. исправника («Пам. кн. Тоб. губ. на 1909 г.»).

и *тавгійцевъ* (4 рода) и *остяковъ* или *остяко-самоѣдовъ* (3 рода)[1]). Первые обитаютъ въ полосѣ тундръ отъ Урала до Енисея, вторые къ востоку отъ нихъ: отъ Енисея до Хатанги, тоже въ полосѣ тундръ, а остяко-самоѣды, за исключеніемъ Тымско-Каракопскаго р., проживающаго въ бассейнѣ р. Таза, обитаютъ, подобно всѣмъ прочимъ остяко-самоѣдамъ, южнѣе, въ полосѣ лѣсовъ.

Группы и роды самоѣдовъ Туруханскаго края.	VIII рев.[2])		X рев.[3])		1897 г.		Ср. ежег. прир. м. п. въ ‰ за пер. 1838—97 гг.
I. *Юраки* (коренные).	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	
1. Береговой родъ	75	69	29*	23*	48	46	—
2. Тазовскій »	166	163	156*	135*	202	164	—
Нераспредѣл. по родамъ. .	—	—	—	—	16	10	—
Итого	**241**	**232**	**185***	**158***	**266**	**220**	**+ 1,75**
II. *Енисейскіе* и *Тавгійскіе самоѣды.*							
1. Карасинскій родъ	112	93	142	139	139	133	—
2. Хантайскій »	118	121	117	106	112	92	—
3. Вадѣевскій »	44	44	56	78	93	84	—
4. Авамскій »	202	214	242	213	336	318	—
Нераспредѣл. по род. . . .	—	—	—	—	7	11	—
Итого	**476**	**472**	**557**	**536**	**687**	**638**	**+ 7,51**
III. *Остяко-самоѣды.*							
1. Карасинскій родъ	52	49	47	41	35	28	—
2. Баихинскій »	109	90[2])	117	91	154	124	—
3. Тымско-Караконскій родъ	325	300	261*	194*	272	227	—
Нераспредѣл. по род. . .	—	—	—	—	3	1	—
Итого.	**486**	**439**	**425**	**326**	**464**	**380**	**— 0,77**

Такимъ образомъ, численность юраковъ опредѣляли въ 1838 г.[2]) въ 473 д. (241 м.); въ 1859 г. въ 343* д. (185* м.) и въ 1897 г. въ 486 д. (266 м.). Какъ и численность Березовскихъ юраковъ, ихъ численность со

---

1) Нѣкоторые авторы относятъ Баихинскихъ самоѣдовъ къ Енисейской группѣ. Объемъ понятій: «Енисейскіе самоѣды» и «тавгійцы» весьма шатокъ: не только у разныхъ авторовъ встрѣчается неодинаковое подраздѣленіе тѣхъ и другихъ на роды, но и у Кастрена въ разныхъ частяхъ его трудовъ.

2) Свѣдѣнія за 1838 г. заимствованы у Миддендорфа (IV, 1438). У Баихинскихъ остяко-самоѣдовъ сдѣлана поправка, именно, число женщинъ увеличено на 60 д. (вм. 109 м. и 30 ж. принято 109 м. и 90 ж.). Карасинскій р. остяко-самоѣдовъ М. ошибочно относилъ къ Енисейскимъ остякамъ. Число юраковъ по Степанову, ibid., 249 м. д.

3) «Спис. нас. м. Енис. губ.» 1864 (стр. 59—60). По «Геогр.-стат. слов.» Семенова юраковъ — 340 д. и тавгійцевъ — 960 д. У Латкина, ibid., (130 сл.) остяко-самоѣдовъ 768 д. (435 м.).

времени VIII ревизіи мало измѣнилась (средній ежегодный приростъ 1,75‰). Данныя 1859 г. не полны, главнымъ образомъ касательно Берегового рода.

Енисейскихъ самоѣдовъ и тавгійцевъ въ 1838 г. было 948 д. (476 м.), въ 1859 г.—1093 д. (557 м.) и въ 1897 г.—1325 д. (687 м.). Со времени 1838 г. ихъ численность увеличивалась среднимъ числомъ по 6,7 (м. 7,5) ‰ въ годъ. Изъ ихъ четырехъ родовъ убыль показываетъ лишь одинъ Хантайскій.

Остяко-самоѣды состояли въ 1838 г. изъ 925 д. (486 м.), въ 1859 г. изъ 751* д. (425* м.) и въ 1897 г. изъ 844 д. (464 м.) т. е. ихъ число (см. мужчинъ) уменьшилось со времени 1838 г. на 22 д. или въ среднемъ по 0,8‰. Изъ ихъ трехъ родовъ приростъ показываетъ лишь одинъ Баихинскій р.

Послѣ переписи 1897 г. самоѣды Туруханскаго края не разъ страдали отъ эпидемическихъ болѣзней, главнымъ образомъ, отъ оспы. Такимъ образомъ, въ 1902 г. отъ названной болѣзни сильно уменьшились Авамскіе самоѣды, писали даже о гибели всей Авамской орды (?!) («Сибир. Торг.-Пром. календ.» 1904/5, стр. 80 сл.). Опять въ 1907 г. оспенная эпидемія была распространена въ краѣ русскими рыболовами, переѣзжавшими сухимъ и водянымъ путемъ съ мѣста на мѣсто. Съ долины Енисея она проникла въ с.-в. тундру, гдѣ свирѣпствовала главнымъ образомъ среди юраковъ и Авамскихъ самоѣдовъ. Вымирали они цѣлыми чумами (по 15 — 20 чел.), причемъ общее число погибшихъ представителей этихъ и другихъ самоѣдовъ простиралось, по слухамъ, до 500 (?) д.[1]), что̀ при ихъ небольшой численности составляетъ огромный процентъ.

Къ остяко-самоѣдамъ принадлежатъ и самоѣды Енисейскаго округа (см. выше) и всѣ самоѣды Томской губерніи. Такъ какъ остяко-самоѣды составляютъ огромное большинство всѣхъ инородцевъ Нарымскаго края (угорскихъ остяковъ мало — см. стр. 26), то измѣненіе численности инородческаго населенія означеннаго края въ то же время рисуетъ картину прироста населенія его остяко-самоѣдовъ. Какъ мы видѣли выше (см. стр. 21), изъ такого сопоставленія выяснилось, что остяко-самоѣды Нарымскаго края вымираютъ[2]). Есть у насъ еще другія данныя касательно

---

1) Мельниковъ: «Туруханскій край» («Вѣстн. обществ. гигіены», янв. 09, стр. 62).

2) Вымираніе ихъ, повидимому, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ очень сильной смертности въ раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. Такимъ образомъ, д-ръ Степановъ зарегистрировалъ въ 1894 г. у Кетскихъ остяковъ на 374 брака 691 живыхъ и 1334 умершихъ дѣтей, что соотвѣтствуетъ 1,8 живыхъ и 3,6 умершихъ дѣтей на 1 бракъ. На 133 брака у русскихъ того же раіона оказалось 372 живыхъ и 549 умершихъ ребенка или на 1 бракъ 2,8 живыхъ и 4,1 умершихъ («Врачъ», 1895 г., № 48).

измѣненія численности самоѣдовъ названнаго края. Въ 12 поименованныхъ ниже волостяхъ остяко-самоѣдовъ Нарымскаго края[1]) по даннымъ 1763 г. числилось 1247 м. (платежныхъ душъ), въ 1816 г.—1110 м. д. (2111 об. п.) и въ 1832 г. — 1808 д. об. п., что показываетъ постепенную и значительную убыль этихъ самоѣдовъ въ прежнее время. Сравненіе этихъ данныхъ съ таковыми за 1897 г. встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія въ отожествленіи двухъ изъ прежнихъ волостей со столькими же настоящими. Если же такое сопоставленіе сдѣлать предположительно[1]), то въ 12 разсматриваемыхъ самоѣдскихъ волостяхъ Нарымскаго края окажется, по даннымъ переписи, всего 612 м. (1183 об. п.), число почти въ два раза меньшее противъ таковаго VII ревизіи. Убыль остяко-самоѣдовъ подтверждается и незначительнымъ числомъ душъ нѣкоторыхъ инородныхъ волостей въ настоящее время (въ Подгородно-Пайдушной, состоящей изъ одного селенія, нынѣ всего 5 д. — 2 м.).

Численность остяко-самоѣдовъ Ларіатской вол. Нарымскаго края, занимающей самое нижнее теченіе р. Васъ-Югана, тоже уменьшилась за истекшія до переписи 30 лѣтъ (см. 2 прим. на стр. 35).

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что остяко-самоѣды Нарымскаго края, подобно Васъ-Юганскимъ остякамъ того же раіона, показываютъ непрерывную убыль со второй половины XVIII стол.

По собственно Томскому округу мы можемъ сдѣлать сопоставленіе численности остяко-самоѣдовъ лишь по 3 волостямъ[2]). Въ 1859 г. въ нихъ числилось 501 д.[3]), въ 1893 г. 543 д. (278 м.)[3]) наличнаго населенія и въ 1897 г. 550 д. (274 м.) наличнаго и 637 д. (323 м.) приписного населенія. Въ этихъ волостяхъ, такимъ образомъ, замѣчается извѣстный положительный приростъ населенія, хотя за точность цифръ 1859 г. (именно женщинъ) и нельзя поручиться.

* * *

Общій выводъ относительно естественнаго приращенія самоѣдовъ Сибири будетъ приблизительно слѣдующій: *остяко-самоѣды и тоараки вымираютъ, Енисейскіе самоѣды и тавгійцы показываютъ положительный при-.*

---

1) Лелькинская, Иштановская, Киргѣевская, Няньжинская, Пиковская, Ларпинская, Подгородно-Пайдушная, III Парабельская, III Отд. Парабельская, IV Парабельская, Тогурская и Тогурско-Порубежная (Шашковъ, ibid., 290). Послѣднихъ двухъ волостей въ данныхъ переписи не значится, но имѣются В. и Н. Тогурскія, которыми мы ихъ и замѣнили для 1897 г.

2) Б.-Байгульско-Чулымско-Остяцкой, М.-Б.-Ч.-Остяцкой и Шепецкой.

3) «Вол. и нас. мѣста 1893 г.», вып. X, 67.

ростъ, но въ виду небольшой численности послѣднихъ ихъ положительный приростъ не въ состояніи вполнѣ уравновѣсить убыль остяко-самоѣдовъ и юраковъ *и въ результатѣ общая численность самоѣдскаго племени постепенно медленно падаетъ*[1]).

Тюрки.

Такъ какъ всѣ инородцы трехъ болѣе западныхъ губерній Сибири внѣ сѣверныхъ, разсмотрѣнныхъ выше, округовъ (см. стр. 19—22) принадлежатъ къ тюркскому племени, то, опредѣливъ приростъ инородческаго населенія болѣе южныхъ округовъ указанныхъ губерній, мы тѣмъ самымъ выяснили бы естественное приращеніе обитающихъ въ нихъ тюркскихъ племенъ. Но имѣющійся статистическій матеріалъ не позволяетъ намъ это сдѣлать во всей полнотѣ: во 1-хъ, границы болѣе южныхъ округовъ съ теченіемъ времени неоднократно подвергались измѣненіямъ; во 2-хъ, часть тюрковъ Бійскаго окр. окончательно приняла русское подданство лишь въ серединѣ прошлаго столѣтія и т. д. Не можемъ мы дать и полныхъ данныхъ о приростѣ отдѣльныхъ частей тюркской группы, частью вслѣдствіе отсутствія и неточности

---

1) О численности Архангельскихъ самоѣдовъ у насъ имѣются слѣдующія данныя Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета («Изв. Арханг. общ. изуч. Русск. Сѣвера», 1909, № 3, стр. 51).

Въ 1844 г. — 5540 д. об. п.	Въ 1885 г. — 5555 д. об. п.
» 1847 г. — 5557 » » »	» 1889 г. — 5424 » » »
» 1850 г. — 5746 » » »	» 1891 г. — 5380 » » »
» 1854 г. — 5893 » » »	» 1893 г. — 5466 » » »
» 1857 г. — 5938 » » »	» 1895 г. — 6858 » » »
» 1863 г. — 6701 » » »	» 1898 г. — 6013 » » »
» 1873 г. — 6050 » » »	» 1900 г. — 5272 » » »
» 1879 г. — 5578 » » »	» 1902 г. — 5430 » » »
» 1880 г. — 5598 » » »	» 1904 г. — 5861 » » »
» 1882 г. — 5994 » » »	» 1906 г. — 6093 » » »

Чрезмѣрныя колебанія численности этихъ самоѣдовъ въ близкіе другъ къ другу годы (за 5 л., съ 1895 г. по 1900 г., они уменьшились на 1586 д., а съ 1900 по 1906 г. увеличились на 821 д.) показываютъ, что эти данныя, вѣроятно заимствованныя изъ записей церковнослужителей, не заслуживаютъ большого довѣрія.

По переписи 1897 г. въ Архангельской губерніи оказалось 3940 д. (2076 м.) самоѣдовъ. Эти цифры несомнѣнно неполныя. Даже возможныя поправки (см. 9 прим. на стр. 44) мало ихъ измѣнятъ. Объясняется эта неполнота, съ одной стороны, тѣмъ обстоятельствомъ, что часть самоѣдовъ, говорившихъ по зырянски, попала въ число зырянъ и, съ другой, что часть ихъ, откочевавшая во время переписи въ наиболѣе глухія мѣста края, повидимому, ускользнула отъ регистраціи (это автору дѣйствительно подтвердилъ покойный секретарь И. Р. Г. О. А. В. Григорьевъ, руководившій переписью въ сѣверныхъ губерніяхъ Европ. Россіи). Не были переписаны и малочисленные самоѣды Новой Земли.

подобныхъ данныхъ за прежнее время, частью вслѣдствіе сбивчивости встрѣчаемыхъ у отдѣльныхъ авторовъ наименованій многочисленныхъ вѣтвей тюрковъ, обусловленной ихъ взаимной ассимиляціей, ихъ обрусеніемъ и отсутствіемъ прочной номенклатуры, которая бы обхватывала всѣхъ тюрковъ Сибири.

Особнякомъ среди всѣхъ тюркскихъ племенъ Сибири, какъ по своему языку, такъ и по физическимъ признакамъ, образу жизни и т. д. стоятъ якуты, главное инородческое племя сѣвера В. Сибири. Съ него мы и начнемъ наше изложеніе.

Якуты.

Такъ какъ якуты составляютъ свыше $^4/_5$ населенія Якутской обл., то характеръ прироста послѣдняго обусловливается главнымъ образомъ естественнымъ приращеніемъ этого племени, а изъ предыдущаго (стр. 18) мы знаемъ, что инородцы Якутской обл. значительно увеличились въ числѣ за истекшія до переписи 80 лѣтъ, причемъ ежегодный средній приростъ мужчинъ у нихъ былъ: для періода времени отъ 1817 до 1835 г. — 10,1‰; для періода отъ 1835 до 1851 г. — 10,8‰ и за послѣднія до переписи 46 лѣтъ всего 3,7‰.

Объ измѣненіи численности однихъ якутовъ (приписное внѣгородское населеніе) у насъ имѣются слѣдующія данныя: въ 1750 г. ихъ, по Георги, насчитывали 34.942 «луковъ»; въ 1783 г. — 42.956 м. д.[1]); въ 1795 г. — 50.066 м. д.[2]); въ 1812 г. отъ 54.264 м. д. до 60.890 м. д.[3]); въ 1817 г. — 64.934 м. д.[1]); въ 1820 г. — ок. 56.000 м. д.[1]); въ 1839 г. — 81.119 м. (кочевое населеніе Якутской обл.)[1]). X ревизія (1859 г.) опредѣлила ихъ число въ данной области (къ которой относятся и цифры предыдущихъ лѣтъ, начиная съ 1812 г. навѣрное и за болѣе ранніе періоды времени — вѣроятно)[4]) въ 100.169 м. (196.595 об. п.)[5]). Перепись 1897 г. зарегистри-

---

1) Беръ (цифра 1783 г. имъ взята у Гейема, цифра 1817 г. у Щукина, цифра 1820 г. по Сперанскому).

2) Гагемейстеръ II, ibid. (цифра V ревизіи).

3) Первая цифра взята у Андріевича, II, 83; вторая по «Казанск. Извѣст.» 1816 г., 404 сл. (VI ревизія), итогъ исправленъ.

4) Въ данныя прежнихъ ревизій могутъ быть включены и Туруханскіе якуты, численность которыхъ, однако, тогда не могла превышать 300 д. об. п. Въ Киренскомъ же округѣ (Ирк. губ.) якуты начали водворяться не ранѣе первой четверти XIX ст. (см. ниже).

5) «Памятная книжка Якутской обл.» 1863 г. (стр. 61—72);—данныя о населеніи городовъ, относящіяся къ 1862 г., не включены (тамъ-же, стр. 34—35).

ровала въ Якутской обл. 107.828 м. (216.177 об. п.)[1]) якутскаго внѣгородского населенія и, наконецъ, въ 1905 г. ихъ число исчисляли въ 231.511 д. об. п.[2]). Изъ этихъ данныхъ можно вывести, что съ 1812 г. по 1839 г. средній ежегодный приростъ якутовъ (мужчинъ) былъ 12,3‰, съ 1839 г. по 1859 г. 11,7‰ и, наконецъ, отъ X ревизіи до переписи (включая города) 2,2 (ж. п. 3,4 и об. п. 2,8) ‰.

Если паденіе коэффиціента естественнаго приращенія якутовъ и дѣйствительно могло имѣть мѣсто вслѣдствіе извѣстнаго, конечно относительнаго, перенаселенія въ центральныхъ, наиболѣе культурныхъ, частяхъ области, то самая высота коэффиціентовъ въ предыдущіе періоды времени и сильное ихъ паденіе послѣ 1859 г. въ значительной степени обусловливаются неполнотой статистическихъ данныхъ за прежніе годы. Между тѣмъ Шашковъ[3]), изслѣдовавшій приростъ инородцевъ Сибири, принимая это сильное возрастаніе якутскаго населенія въ прежнее время за реальный фактъ, приписываетъ его тому «счастливому» положенію, котораго якуты достигли благодаря своему скотоводству.

Для насъ, однако, важно констатировать, что якутское населеніе проявляло непрерывный ростъ со времени первыхъ исчисленій его въ половинѣ XVIII ст. и что въ послѣднія пять десятилѣтій этотъ ростъ былъ довольно медленнымъ.

Болѣе детальныя данныя о приростѣ якутскаго населенія области за періодъ времени 1812—1897 гг. представляются въ такомъ видѣ:

---

1) Данныя 1897 г., какъ и данныя ревизій, касаются лишь якутовъ *инородческаго* сословія. Кромѣ того въ 1897 г. въ области числилось 1233 д. (611 м.) лицъ другихъ сословій: крестьянъ—729 д. (336 м.), мѣщанъ—209 д. (93 м.), казаковъ—160 д. (84 м.) и иныхъ сословій и состояній—135 д. (98 м.), показавшихъ роднымъ языкомъ якутскій (среди нихъ отдѣльные русскіе). Эти лица въ таблицу не вошли на томъ основаніи, что и въ данныхъ ревизій они включены въ общее число лицъ названныхъ сословій, а не присоединены къ инородцамъ. Наибольшее число крестьянъ изъ якутовъ проживаетъ въ Олекминскомъ окр.—584 д. (295 м.). Въ городахъ лицъ разныхъ сословій, кромѣ инородческаго, показавшихъ роднымъ языкомъ якутскій, оказалось 157 д. (73 м.); на внѣгородское населеніе приходится, такимъ образомъ, 1076 д. (538 м.) — см. «Перв. всеобщ. перепись нас. Росс. Имп. 1897 г.» (изд. Ц. Ст. Ком.), Якутская обл., вып. LXXX. (табл. XXIV).

2) «Обзоръ Якутской обл.» 1905 г. — цифра приблизительная, повидимому не охватывающая населенія раіоновъ пріисковъ.

3) Ibid., 287.

Названія округовъ.	1812 г.[1])	1839 г.[2])		1859 г.[3])		1897 г.[4])	
	м. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Верхоянскій. .	4111	4586	9081	5230	10.122	5480	11.002
2. Вилюйскій . .	15.142	19.348	37.968	26.408	50.560	30.521	62.548
3. Колымскій . .	933	1325	2661	1532	3147	1483	3083
4. Олекминскій .	3162	4193	8287	4441	8595	7429	12.362
5. Якутскій . . .	37.542	51.667	105.456	62.558	124.171	62.915	127.182
Итого . .	**60.890**	**81.119**	**163.453**	**100.169**	**196.595**	**107.828**	**216.177**
Въ городахъ .	?	?	?	1204[3])	2266[3])	1992	3801
Всего . .	—	—	—	**101.373**	**198.861**	**109.820**	**219.978**

Приростъ въ 1 г. въ ‰ (+ —).

Названія округовъ.	1812—1839 гг.	1839—1859 гг.	1859—1897 гг.		1839—1897 гг.
	м. п.	м. п.	м. п.	об. п.	м. п.
1. Верхоянскій . .	+ 4,3	+ 7,0	+ 1,3	+ 2,3	+ 3,4
2. Вилюйскій. . .	+ 10,3	+ 18,2	+ 4,1	+ 6,2	+ 10,0
3. Колымскій. . .	+ 15,5	+ 7,8	— 0,8	— 0,8	+ 2,0
4. Олекминскій . .	+ 12,1	+ 3,0	+ 17,7	+ 11,5	+ 13,3
5. Якутскій . . .	+ 13,9	+ 15,4	+ 0,15	+ 0,6	+ 3,8
Итого . . .	**+ 12,3**	**+ 11,7**	**+ 2,0**	**+ 2,6**	**+ 5,7**
Въ городахъ. .	—	—	+ 18,7	+ 19,3	—
Всего . . .	—	—	**+ 2,2**	**+ 2,8**	—

Приведенныя данныя показываютъ, что средній приростъ якутовъ за періодъ времени 1812—1859 г.г. былъ довольно значительный — ок. 12‰, но послѣ X ревизіи онъ сильно упалъ, именно, за 38 лѣтъ до переписи онъ равнялся 2,2‰ (безъ городовъ 2,0‰) у мужчинъ и 3,4‰ или на треть больше у женщинъ, при средней для обоихъ половъ величинѣ въ 2,8 (2,6)‰. Эта значительная разница въ коэффиціентахъ прироста якутовъ того и другого пола объясняется извѣстной неполнотой данныхъ X ревизіи касательно численности женщинъ и вѣроятно данныхъ 1897 г. касательно численности мужского населенія. Съ одной стороны, небольшая часть мужского якутскаго населенія области находилась во время переписи въ урманахъ, на промыслѣ, причемъ за одинокихъ часто некому было дать свѣдѣнія и они могли избѣгнуть регистрацію.

1) «Казанск. Извѣстія», 1816 г., 404 сл.

2) Беръ, l. c.

3) «Пам. кн. Якутск. обл.» на 1863 г. Данныя о городскомъ населеніи за 1862 г., ibid., 34 сл.

4) Инородческое населеніе, безъ другихъ сословій, показавшихъ роднымъ языкомъ «якутскій» (см. стр. 50, прим. 1).

Другая причина замѣченнаго явленія заключается въ эмиграціи якутскаго, преимущественно мужского, населенія за предѣлы области въ теченіе второй половины истекшаго столѣтія. Главный потокъ якутскихъ эмигрантовъ направлялся и направляется нынѣ въ смежный Киренскій окр. Иркутской губ., въ которомъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія числилось всего 25 м. д. якутовъ[1]), въ 1839 г. — 44 м. (92 д. об. п.) кочевыхъ инородцевъ т. е. якутовъ[2]), въ 1861 г. — 866 м. (1699 об. п.)[3]) и въ 1897 г., по даннымъ переписи, 1369 м. (2727 д. об. п.) т. е. за истекшія до переписи 74 года численность якутскаго населенія Киренскаго окр. (нынѣ Суntарско-Олекминская ин. упр.) увеличилось въ 55 разъ и со времени 1861 г. на 58,0%. Во всей Иркутской обл. въ 1897 г. числилось 1378 м. (2739 д. об. п.). Кромѣ Иркутской губерніи якуты эмигрируютъ въ Амурскую обл., именно, въ сѣверный раіонъ пріисковъ, смежный съ Якутскимъ округомъ, гдѣ въ 1897 г. даже въ серединѣ зимы было зарегистрировано 340 д. (245 м.) якутовъ. Небольшая часть якутовъ была обнаружена въ 1897 г. и въ южныхъ округахъ Приморской обл. — 13 д. (9 м.) и на о. Сахалинѣ — 18 д. (12 м.). Или всего было обнаружено представителей этого племени въ указанныхъ краяхъ 3110 д. (1644 м.) противъ 92 д. (44 м.) въ 1839 г. и 1699 д. (866 м.) въ 1859 г. (южныя части Приморской обл., Амурская обл. и о. Сахалинъ присоединены во 2-ой половинѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія и раньше якутскаго населенія не имѣли).

Что касается до болѣе сѣверной части Приморской обл., расположенной къ с. отъ р. Амура, то мы ее въ разсчетъ не приняли на томъ основаніи, что, хотя она съ XVII ст. и принадлежала къ Россіи и тамъ тоже проживали въ небольшомъ числѣ якуты, но общая численность ихъ за болѣе ранніе годы намъ не извѣстна. Замѣтимъ лишь, что якуты въ XVII—XVIII ст. были въ небольшомъ числѣ переведены русскими на побережье Охотскаго моря для заселенія вновь образованныхъ селеній и портовъ, а также ведущихъ къ нимъ трактовъ. По перенесеніи центра русскаго владычества на Тихомъ океанѣ, въ серединѣ 50-хъ гг. истекшаго столѣтія, далѣе на югъ, Охотскій край былъ забытъ и заброшенъ и его осѣдлое населеніе частью разбрелось, но по большей части стало постепенно убывать въ числѣ вслѣдствіе крайне тяжелыхъ экономическихъ условій, частыхъ голодовокъ и очень грустнаго санитарнаго положенія (ср. сказанное ниже о мѣстныхъ корякахъ).

---

1) Труды «Комм. по изсл. землевлад. и землепольз. насел. Забайк. обл.», 1897, V, 152.

2) См. прим. 2 на стр. 51.

3) «Пам. книж. Иркутск. губ.» на 1863 г. — цифра X ревизіи съ присоед. естеств. прироста за 2—3 г. (?)

Въ IX ревизію въ Охотской окр. числилось: 179 м. и 204 ж. якутовъ[1]), а перепись 1897 г. обнаружила въ немъ всего: 137 м. и 123 ж. т. е. на $^1/_3$ меньше, но мы воздерживаемся отъ выводовъ, потому что, какъ указано выше, часть жителей побережья Охотскаго моря повидимому разбрелась.

Небольшое число якутовъ перебралось за послѣднія десятилѣтія изъ Вилюйскаго окр. въ смежный Туруханскій край, гдѣ частью причислилось къ мѣстному Затундрянскому роду якутовъ (см. стр. 58). Опредѣлить число этихъ иммигрантовъ въ настоящее время невозможно, въ виду чего мы и ихъ не приняли въ разсчетъ.

Эти передвиженія якутовъ наглядно обнаруживаются при сопоставленіи данныхъ касательно прироста населенія обоихъ половъ въ отдѣльныхъ округахъ Якутской обл. Такъ какъ женщины меньше принимаютъ участіе въ этихъ передвиженіяхъ, то увеличеніе ихъ численности въ общемъ происходитъ въ отдѣльныхъ частяхъ области гораздо ровнѣе, причемъ оно у нихъ сравнительно съ мужчинами меньше въ Олекминскомъ окр., куда направляется много мужчинъ работать на пріискахъ, и больше въ Якутскомъ окр., откуда идетъ ихъ выселеніе (см. ниже).

Если присоединить якутовъ, застигнутыхъ въ вышеуказанныхъ краяхъ (за исключеніемъ Охотскаго и Туруханскаго), къ проживающимъ въ Якутской области, то общая численность внѣгородского якутскаго населенія будетъ: въ 1839 г. 81.163 м. и 163.545 д. об. п., въ 1859 г. 101.035 м. и 198.294 д. об. п. и въ 1897 г. 109.472 м. и 219.287 д. об. п. Средній ежегодный приростъ якутовъ pro mille будетъ за періодъ въ 58 лѣтъ со времени VIII ревизіи 6,0‰ м. и 5,9‰ об. п. и за періодъ времени между X ревизіей и переписью 1897 г. 2,2‰ м. и 2,8‰ об. п. для внѣгородского (2,3 и 3,0‰ для всего) якутскаго населенія. Такимъ образомъ, болѣе вѣрный приростъ якутскаго населенія слѣдуетъ принять для послѣднихъ десятилѣтій равнымъ 3,0‰.

Какъ видно изъ приведенной таблицы, приростъ якутскаго населенія далеко не одинаковъ въ разныхъ частяхъ области. Если сравнить въ этомъ отношеніи два сѣверныхъ округа (№№ 1 и 3 таблицы), гдѣ занятіемъ населенія служитъ скотоводство и рыболовство (въ сѣверной ихъ части почти только послѣднее и охота) съ болѣе южными округами (№№ 2, 4 и 5), гдѣ его занятіями является скотоводство и земледѣліе, то мы увидимъ, что въ первыхъ онъ почти въ три раза ниже противъ наблюдаемаго въ послѣднихъ (за тѣ же 38 л. до переписи 0,8‰ противъ 2,1‰ у мужчинъ внѣ городовъ).

---

1) Булычевъ: «Путеш. въ В. Сибирь», ч. I, 214.

Что же касается до большой разницы въ приростѣ якутовъ отдѣльныхъ округовъ второй категоріи за послѣднія 4 десятилѣтія, то она въ значительной степени объясняется внутренней миграціей, именно, изъ наиболѣе густо населеннаго Якутскаго округа, искони являющагося главнымъ центромъ якутскаго населенія, во всѣ смежные округа, главнымъ образомъ въ Вилюйскій и Олекминскій, но также въ Верхоянскій окр. (и въ Амурскую обл.), причемъ одновременно съ осѣданіемъ части якутовъ въ этихъ округахъ, часть пришлыхъ и коренныхъ представителей этого племени перебирается дальше: изъ Вилюйскаго окр. въ Олекминскій и изъ этого послѣдняго въ смежный Киренскій окр. (Ирк. губ.). Параллельно съ этимъ передвиженіемъ наблюдается переходъ части якутовъ изъ урочищъ въ города, инородческое населеніе которыхъ растетъ въ 8 — 9 разъ быстрѣе чѣмъ внѣгородское (см. 2 табл. на стр. 51).

Остановимся теперь нѣсколько подробнѣе на приростѣ якутскаго населенія наиболѣе типичныхъ частей области: на Якутскомъ округѣ — центрѣ якутскаго населенія, имѣющаго здѣсь ничтожный приростъ, на Олекминскомъ, самомъ южномъ и хлѣбородномъ и имѣющемъ значительное пріисковое населеніе, и на сѣверной полосѣ области, гдѣ хлѣбопашество смѣняется рыболовствомъ.

Относительно Якутскаго окр. у насъ по 5 его улусамъ (Кангаласскому, тотчасъ послѣ X ревизіи распавшемуся на два: Западный и Восточный К. улусы, Намскому, Батурусскому, Борогонскому и Мегинскому) имѣются статистическія данныя за цѣлый рядъ лѣтъ: въ 1750 г. въ нихъ числилось 21.642 «лука»[1]), въ 1817 г. (?)—35.070 м.[1]); въ 1839 г.—41.733 м.[1]); въ 1859 г. — 54.388 м.[2]) и въ 1897 г. — 54.886 м. Увеличеніе численности якутовъ этихъ улусовъ за 42 г. съ 1817 по 1859 гг. соотвѣтствуетъ ежегодному среднему приросту въ 13,1‰ и за послѣднія до переписи 38 л. (1859 — 1897 гг.) только 0,24‰. Въ остальныхъ двухъ улусахъ округа (Дюпсинскомъ и Баягантайскомъ) числилось въ 1817 г. — 4743 м.[1]), въ 1859 г. — 8170 м.[2]) и въ 1897 г. — 7557 м. якутовъ или за 42 г. между VII и X ревизіями якутское населеніе ихъ увеличивалось ежегодно на 17,2‰ и за послѣдующія 38 лѣтъ (1859—1897 гг.) ежегодно уменьшалось на 2,0‰.

---

1) Беръ, ibid. — Свѣдѣнія о численности платежныхъ душъ якутовъ въ 1739 г. (въ нын. Якутскомъ окр., вкл. Баягантайскихъ тунгусовъ, числилось 9060 «луковъ») — см «Изв. В. Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.», т. XXV, 4—5, стр. 82 сл.

2) «Пам. кн. Якутской обл.» на 1863 г.

Бо̀льшій интересъ можетъ представлять иная группировка улусовъ Якутскаго округа, именно, по характеру ихъ прироста за послѣднія до переписи 38 лѣтъ.

Названія улусовъ.	Число душъ по X ревизіи.[1])		Число душъ по переписи 1897 г.		Приростъ (+ и —) за пер.: 1859-97 гг.	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	об. п.
1. Батурусскій	15.118	15.178	16.373	16.929	+ 1255	+ 3006
2. Баягантайскій	4334	4303	4592	4677	+ 258	+ 632
3. Мегинскій	8931	9134	9208	9377	+ 277	+ 520
4. Намскій	8101	8182	8518	8835	+ 417	+ 1070
Итого	**36.484**	**36.797**	**38.691**	**39.818**	**+ 2207**	**+ 5228**
Въ ‰ въ 1 годъ . . .	—	—	—	—	+ 1,6	+ 1,9
5. Зап. Кангаласскій . . .	17.357	16.416	9532	9396	— 1069	— 1280
6. Вост. » . . .			6756	6809		
7. Борогонскій	4881	4700	4499	4567	— 382	— 515
8. Дюпсинскій	3836	3700	2965	3159	— 871	— 1412
Итого	**26.074**	**24.816**	**23.752**	**23.931**	**— 2322**	**— 3207**
Въ ‰ въ 1 годъ . . .	—	—	—	—	— 2,3	— 1,7
Всего	**62.558**	**61.613**	**62.443**	**63.749**	**— 115**	**+ 2021**
Въ ‰ въ 1 годъ . . .	—	—	—	—	— 0,05	+ 0,43

Такъ какъ за 1897 г. у насъ по Якутской области имѣется лишь *наличное* населеніе и такъ какъ якуты въ числѣ до 1000 д. об. п. проживаютъ въ данномъ округѣ внѣ предѣловъ улусовъ, въ крестьянскихъ селеніяхъ, на оброчныхъ статьяхъ и т. д., не говоря уже о вѣроятной ихъ эмиграціи изъ однихъ улусовъ въ другіе и въ городъ, и изъ даннаго округа въ другія мѣста, то мы не рѣшаемся высказаться въ пользу дѣйствительнаго вымиранія представителей улусовъ второй группы и оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ, можетъ быть до слѣдующей переписи.

Въ Вилюйскомъ окр. населеніе всѣхъ 5 улусовъ увеличилось въ числѣ со времени X ревизіи.

Населеніе Олекминскаго округа, сильно возросшее со времени VI до VIII ревизіи (м. п. по 12,1‰ въ 1 г.), стало сравнительно слабо увеличиваться въ 40 и 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія (3,0‰), но послѣ X ревизіи коэффиціентъ его прироста вновь сильно возросъ вслѣдствіе усилившейся добычи золота по Витиму и Олекмѣ и ихъ притокамъ. За 38 лѣтъ до

1) См. 2 прим. на стр. 54.

переписи якутское населеніе округа прибывало ежегодно на 11,5‰, а мужчины, которые принимаютъ главное участіе въ отхожихъ промыслахъ,— на 17,7‰ (ж. 4,9).

По даннымъ переписи изо всего якутскаго населенія округа 2920 д. (2469 м.) проживало на территоріи тунгусовъ Якуюгапскаго рода, въ раіонѣ пріисковъ Олекминской и Витимской системъ. Судя по почти равной численности обоихъ половъ въ 1839 г., можно заключить, что во время VIII ревизіи этихъ отхожихъ промысловъ почти не существовало. Во время X ревизіи они были слабо развиты: отношеніе половъ было: на 100 м.—92 ж. и, наконецъ, въ 1897 даже въ зимнее время численность пришлаго населенія была столь значительна, что на 100 м. въ округѣ приходилось всего 68 женщинъ, а въ раіонѣ пріисковъ только 18. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что ревизіи имѣли дѣло лишь съ постояннымъ приписнымъ населеніемъ и игнорировали пришлое и временно пребывающее. На этомъ основаніи мы вообще считаемъ рискованнымъ опредѣлять коэффиціентъ прироста якутовъ Олекминскаго округа, пользуясь этими не вполнѣ однородными данными, хотя несомнѣнно, что безъ пришлаго населенія, онъ былъ бы значительно меньше приведеннаго нами въ таблицѣ (ср. выше приростъ ж. п.). Вообще, судя по сообщеніямъ мѣстныхъ изслѣдователей, экономическія условія жителей разсматриваемаго округа далеко не блестящія и эпидемическія болѣзни неоднократно производили тамъ большія опустошенія (въ 1874 г. оспа унесла около $^1/_5$ части его якутскаго населенія), въ виду чего на сильный естественный приростъ его жителей нельзя было разсчитывать уже a priori, хотя указываемый изслѣдователями края фактъ уменьшенія численности якутскаго населенія Олекминскаго округа со времени X ревизіи[1]) и не подтверждается вышеприведенными данными.

Въ наихудшихъ условіяхъ живутъ, однако, якуты сѣверной полосы области. Переселившись туда съ юга, они, вслѣдствіе недостатка луговъ и суровости климата, принуждены были забросить привычное имъ скотоводство и, подобно мѣстнымъ тунгусамъ и юкагирамъ, перейти къ собачьему хозяйству мѣстныхъ рыболововъ и звѣролововъ и отчасти къ разведенію оленей (см. выше).

Въ 3 улусахъ этого сѣвернаго раіона въ 1812, 1859 и 1897 гг. числилось якутовъ-инородцевъ:

---

1) «Отч. И. Русск. Геогр. Общ.», 1897 г., стр. 82 сл.

Названія улусовъ.	1812 г.[1])	1859 г.[2])		1897 г.	
	м. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Колымскій (Кол. окр.)	933	1532	3147	1445[3])	2997[3])
2. Усть-Янскій (Верхоян. окр.) .	364	640	1231	598	1193
3. Жиганскій (Верхоян. окр.) .	952	971	1928	928[4])	1854[4])
Всего	**2249**	**3143**	**6306**	**2971**	**6044**

Въ первый періодъ времени (отъ VI до X рев.) въ первыхъ двухъ улусахъ получился сильный приростъ жителей, а въ слѣдующій (1859 — 1897 гг.) во всѣхъ трехъ улусахъ наблюдается убыль якутскаго населенія, въ общей сложности въ 262 д. (172 м.), соотвѣтствующая ежегодному среднему отрицательному приросту въ $1{,}44^{0}/_{00}$. Первый изъ указанныхъ улусовъ охватываетъ лѣвый берегъ нижней Колымы, второй—низовья р. Яны и третій—нижнее теченіе р. Лены. Относительно бассейна Индигирки мы не могли сдѣлать того же сопоставленія, потому что Эльгетскій улусъ охватываетъ *все* протяженіе этой рѣки, а не только наиболѣе интересующее насъ нижнее ея теченіе. Впрочемъ, всѣ его наслеги показываютъ со времени X ревизіи положительный приростъ.

Что касается до богатства якутовъ Якутской обл. (внѣгород. населеніе безъ Олекм. окр.) дѣтьми, то они въ этомъ отношеніи въ своей совокупности занимаютъ среднее между бурятами и осѣдлыми и полуосѣдлыми тюрками Сибири положеніе. На 100 д. об. п. у нихъ въ 1897 г. числилось 15,5 дѣтей до 5 л. (вкл.) и на 100 ж. отъ 15 до 49 л. — 66 (въ Якутскомъ окр. на 100 д. об. п. приходилось 16,6, въ Верхоянскомъ — 14,1 и въ Колымскомъ — 13,3 дѣтей). Для сравненія сообщимъ, что у русскихъ въ данной области (безъ Олекм. окр.) на 100 д. об. п. въ 1897 г. было 15,4 дѣтей до

---

1) «Казанск. Извѣстія», 1816 г., 404 сл.

2) «Пам. кн. Якутской обл.» на 1863 г.

3) Даже присоединивъ къ этимъ числамъ якутовъ Нижне-Колымскаго общества и обитающихъ среди тунгусовъ (но безъ горожанъ и якутовъ иныхъ сословій), общее число якутовъ округа—3083 д. (1483 м.)—будетъ меньше противъ данныхъ X ревизіи—см. стр. 23.

Въ изданіи «Вол. и нас. м. 1893 г.» вып. IX (табл. стр. 11) число якутовъ Колымскаго ул. показано за 1893 г. въ 1716 м. и 1577 ж., но эти цифры слишкомъ высоки: по Эгинскому наслегу въ этомъ источникѣ даны цифры 213 м. и 193 ж. вм. 34 м. и 40 ж. по X ревизіи и 28 м. и 29 ж. по переписи 1897 г.

4) Въ цифры переписи 1465 д. (742 м.) введена поправка. Изъ сопоставленія данныхъ о численности якутовъ этого улуса по отдѣльнымъ наслегамъ, выяснилось, что въ 3 Хатылинскомъ насл. данныя за 1897 г. несомнѣнно неполны: перепись даетъ для этого наслега цифры 248 д. (130 м.) противъ 609 д. (305 м.) по X ревизіи и 637 д. (316 м.) по «Вол. и нас. м. 1893 г.» Въ виду вѣроятнаго пропуска части населенія этого наслега, мы для него вм. цифръ 1897 г. взяли таковыя за 1893 г.

5 л., причемъ и у нихъ въ наименѣе гостепріимномъ Колымскомъ окр., гдѣ эпидеміи чередуются съ голодовками, число дѣтей замѣтно меньше — 14,7% (не слѣдуетъ, однако, при этомъ забывать, что въ мѣстномъ русскомъ населеніи течетъ много инородческой крови).

Кромѣ Якутской обл. якуты уже въ началѣ XVIII, а вѣроятно еще во второй половинѣ XVII ст., проживали и въ Туруханскомъ краѣ Енисейской губ. Тамъ они бродятъ по р.р. Хатангѣ, Хетѣ и Анабарѣ, занимаясь главнымъ образомъ рыболовствомъ. О численности этихъ якутовъ, принадлежащихъ къ Нижне-Затундринскому и Шорохинскому родамъ (послѣдній обрусѣлъ и живетъ осѣдло у Енисея, образуя сел. Шорохинское), у насъ имѣются слѣдующія данныя:

Названія родовъ.	1838/9 г.[1]		1858/9 г.[1]		1897 г.		Абс. прир. за пер. 1838—97 гг.	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Нижне-Затундринскій	208	380	263	535	425	828	+ 217	+ 448
2. Шорохинскій	19	27	16[2]	33[2]	28	42	+ 9	+ 15
Итого. . .	**227 (296)[3]**	**407**	**279**	**568**	**453**	**870**	**+ 226 (157)**	**+ 463**
Сверхъ того не показавш. рода (мѣстные и пришлые якуты) .	—	—	—	—	72[4]	158[4]		

Сравненію можетъ подлежать лишь мужское населеніе. Данныя 1859 г. и здѣсь вѣроятно ниже дѣйствительныхъ (ср. стр. 9). Приростъ мужчинъ при цифрѣ Степанова за 1835 г. въ среднемъ за 62 г. былъ 9,0‰.

Столь же великъ оказывается и приростъ небольшого якутскаго племени *долганъ* тунгусскаго происхожденія.

Названія родовъ.	1838/9 г.[1]		1859 г.[1]		1897 г.		Абс. прир. за пер. 1838—97 гг.	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Долгано-Эссейскій.	170	250	195	382	255	522	+ 85	+ 272
2. Долгано-Тунгусскій	91	126	108	191	213	425	+ 122	+ 299
Нераспред. по родамъ	—	—	—	—	4	20	+ 4	+ 20
Итого	**261**	**376**	**303**	**573**	**472**	**967**	**+ 211**	**+ 591**

1) Третьяковъ: «Туруханскій край», 159. — данныя VIII и X ревизій (точные годы не указаны).

2) По «Спис. нас. м. Енисейск. губ.» 1864 г. общее число жителей д. Шорохиной (вкл. русскихъ) было 66 д. (29 м.).

3) Въ скобкахъ цифра Степанова за 1835 г. («Енисейская губ.» I, 160).

4) Въ т. ч. проживавшихъ среди русскихъ Затундринскаго с. о. 118 д. (62 м.).

Приростъ мужчинъ со времени VIII ревизіи до переписи равенъ 211 д. или въ среднемъ за 1 г.—13,7‰ (въ особенности сильно возрасла численность Долгано-Тунгусскаго рода). Столь сильное увеличеніе численности, какъ долганъ, такъ и якутовъ Туруханскаго края, несомнѣнно является результатомъ сопоставленія не вполнѣ однородныхъ и точныхъ данныхъ. Данныя VIII и X ревизій вѣроятно слишкомъ низки, въ особенности для женщинъ, а данныя 1897 г. для коренныхъ инородцевъ этихъ родовъ можетъ быть слишкомъ высоки: возможно, что съ теченіемъ времени къ Затундринскимъ якутамъ и къ долганамъ причислились отдѣльныя лица и семьи пришлыхъ изъ Якутской обл. якутовъ и мѣстныхъ объякутившихся тунгусовъ. Въ виду этого мы и не придаемъ большого значенія приведеннымъ даннымъ, но считаемъ, что онѣ достаточно наглядно показываютъ, что, подобно другимъ инородцамъ восточной половины Туруханскаго края: тунгусамъ и Енисейскимъ самоѣдамъ, и мѣстные якуты и долгане не только не уменьшаются въ числѣ, но имѣютъ сравнительно хорошій положительный приростъ[1]).

Резюмируя все вышеизложенное, можно придти къ заключенію, что *всѣ якуты, какъ кочевники Якутской обл., такъ и бродячіе Туруханскаго края (включая долганъ), являются вполнѣ жизнеспособнымъ племенемъ, которое, насколько у насъ хватаютъ данныя, постоянно имѣло положительный приростъ, въ послѣднія 4 десятилѣтія до переписи, однако, довольно слабый. Что касается до полуосѣдлыхъ якутовъ крайняго сѣвера Якутской области[2]), то они, подобно другимъ мѣстнымъ инородцамъ (юкагирамъ, ламутамъ), уменьшились въ числѣ со времени X ревизіи, хотя и не такъ сильно.*

Переходимъ къ другимъ тюркскимъ племенамъ Сибири, въ общежитіи по большей части именуемыхъ «татарами» (на югѣ Томской губерніи также «калмыками»).

Тобольскіе татары и Сибирскіе бухарцы.

Главная масса Тобольскихъ татаръ и отатарившихся Сибирскихъ бухарцевъ проживаетъ въ четырехъ округахъ лѣсо-степной полосы Тобольской губ. Сверхъ того въ Туринскомъ окр. имѣется одна небольшая инородная управа (Куртумовская) обрусѣлыхъ татаръ, которыхъ прежніе изслѣдователи ошибочно причисляли къ вогуламъ.

---

1) Дѣтьми Туруханскіе якуты и долгане сравнительно болѣе богаты чѣмъ всѣ якуты Якутской обл.: на 100 д. об. п. у нихъ въ 1897 г. приходилось 18,0 вм. 15,1 дѣтей до 5 л. (вкл.)

2) Юридически всѣ якуты-инородцы области принадлежатъ къ разряду «кочевыхъ».

Названія округовъ.	1816/7 г.[1])		1858 г.		1897 г.[6])		Средн. ежег. прир. м. п. въ ‰ за періоды: 1817—1858	1858—1897
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.		
1. Тюменскій .	3615	6981	4557[2])	8619[2])	5483	10.724	6,3	5,2
2. Тобольскій .	7297	13.376	9017[3])	16.597[3])	10.748	20.866	5,6	4,9
3. Тарскій. . .	3960	7223	5218[5])	9940[5])	5557	10.773	7,7	1,6
4. Ялуторовскій	1082*[7])	2152*[7])	2059[5])	3867[5])	2525	4732	—	5,7
Итого .	**15.954***	**29.732***	**20.851**	**39.023**	**24.313**	**47.095**	**6,3[8])**	**4,3**
5. Туринскій .	—	—	111[4])	241[4])	113	249	—	0,5

Изъ этихъ данныхъ видно, что Тобольскіе татары (и бухарцы)[9]) имѣютъ положительный и притомъ сравнительно довольно значительный приростъ населенія, коэффиціентъ котораго, какъ почти у всѣхъ инородцевъ Сибири, уменьшился во вторую половину разсматриваемаго 80-лѣтняго періода времени. Незначительность прироста Тарскихъ татаръ за послѣднія до переписи 4 десятилѣтія можно объяснить, частью включеніемъ въ цифры 1859 г. татаръ крестьянъ (изъ ссыльныхъ и добровольно пришедшихъ изъ Европ. Россіи), частью, можетъ быть, выселеніемъ извѣстнаго числа татаръ изъ разсматриваемаго округа послѣ X ревизіи въ Степныя области, гдѣ, главнымъ обра-

---

1) Андріевичъ, ibid., 99 — общее число инородцевъ названныхъ округовъ. Для Тобольскаго окр., гдѣ кромѣ татаръ живутъ еще вогулы и остяки, безъ этихъ послѣднихъ (см. стр. 26; для вогуловъ принято число 1200 д. об. п. — 600 м.).

2) «Мат. для изуч. экон. быта крестьянъ Зап. Сиб.», I и IV — данныя X ревизіи.

3) » » » » » » » » X (прил. 2) » » »

4) Ibid., III; тамъ же данныя за 1883 г. — 114 м. (255 д. об. п.).

5) «Пам. кн. Тоб. губ. на 1861 г.». По «Списк. насел. м. Тоб. губ.» 1871 г. — (внѣгородское населеніе) въ Тарскомъ окр. показано за 1859 г.: 7662 д. (3938 м.). По В. Радлову («Aus Sibirien», I, 245 ff.) за 60-е годы: въ Тарскомъ окр., по даннымъ мѣстнаго ахуна за 1866 г., вѣроятно со включеніемъ пришлыхъ татаръ, 9987 д. (5183 м.) и, по оффиціальнымъ источникамъ, 7866 д. (4046 м.) и въ Ялуторовскомъ окр.: 4358 д. (2262 м.).

6) Данныя общихъ результатовъ переписи — инородцы, показавшіе татарскій языкъ (Сиб. татары и бухарцы). Городское населеніе не принято въ разсчетъ, какъ и въ данныхъ за прежніе годы. Въ 1897 г. татаръ-горожанъ оказалось въ Тобольскѣ 207 д. (131 м.), Тюмени — 75 д. (45 м.), Тарѣ 273 д. (214 м.) и Ялуторовскѣ 2 м. или всего 557 д. (370 м.). Въ другихъ округахъ, кромѣ указанныхъ, нѣтъ татарскихъ волостей, а есть случайно зашедшіе татары, которыхъ нельзя отличить отъ пришлыхъ татаръ и отъ инородцевъ другихъ мѣстностей Имперіи, показавшихъ татарскій языкъ, напр. отъ отатарившихся киргизовъ. Эти инородцы не приняты въ разсчетъ.

7) Цифры слишкомъ низкія: еще въ 1797 г. въ данномъ округѣ числилось 2293 д. (1158 м.) инородцевъ.

8) При вычисленіи этого коэффиціента не приняты въ разсчетъ данныя касательно Ялуторовскаго окр.

9) Безъ обращенныхъ въ крестьянъ бывшихъ казаковъ татарскаго пятисотеннаго полка (Тюм. окр.), татаръ-ссыльныхъ и -крестьянъ.

зомъ въ Семипалатинской обл., проживаетъ нѣсколько сотъ татаръ-инородцевъ.

Изъ сопоставленій численности татаръ-инородцевъ по отдѣльнымъ ихъ волостямъ обнаруживается, что въ Тобольскомъ и Тюменскомъ округахъ они почти повсемѣстно увеличиваются въ числѣ, не исключая и Заболотныхъ татаръ, живущихъ на островахъ суши среди болотъ (Эскалбинская ин. вол. и Чебургинское с. о. Городовой ин. вол. въ Тобольск. окр. и юр. В., Ср. и П. Тарманскія и Янтыковскія Кашегальской ин. вол. въ Тюменскомъ окр.). Нѣкоторое уменьшеніе численности татаръ Истяцкой вол.: въ 1858 г. — 784 д. (387 м.) противъ 679 д. (394 м.) въ 1886 г. и 670 д. (360 м.) въ 1897 г. и убыль мужского населенія Тобольскихъ и Тюменскихъ бухарцевъ при одновременномъ возрастаніи числа женщинъ еще не даетъ намъ права дѣлать заключенія о вымираніи этихъ группъ мусульманъ. Такъ какъ всѣ мѣстные инородцы живутъ въ перемѣшку другъ съ другомъ въ однихъ селеніяхъ, а бухарцы къ тому же окончательно ассимилировались съ татарами, то весьма возможно, что часть представителей Истяцкой вол. и обоихъ Бухарскихъ волостей ошибочно зачислены въ другія волости. Замѣтимъ, однако, что экономическое положеніе Истяцкихъ татаръ, живущихъ по Ишимско-Тобольскому тракту, довольно плачевное.

Надо полагать, что и въ большей части татарскихъ волостей другихъ округовъ наблюдается положительный приростъ населенія.

Въ виду вышеизложеннаго, выводъ Ядринцева о вымираніи Тобольскихъ татаръ и бухарцевъ, сдѣланный къ тому же на основаніи совершенно несравнимыхъ цифръ[1]), слѣдуетъ считать неправильнымъ.

Что же касается до осѣдлыхъ татаръ Куртумовской ин. вол. Туринскаго окр., живущихъ обокъ съ осѣдлыми вогулами того же округа, то они почти не измѣнились въ числѣ со времени X ревизіи.

Барабинцы.

Барабинцы или Барабинскіе татары, составляющіе коренное населеніе Каинскаго округа, слѣдующимъ образомъ измѣнялись въ числѣ въ теченіи истекшаго столѣтія[2]).

---

1) Ядринцевъ, ibid., 32, 33, 277.

2) Въ 1640 г., по Буцинскому (ibid., 10 сл.), въ 6 Барабинскихъ волостяхъ (Тунусъ, Турашъ, Любаръ, Чои, Тереня и Порубежная Барабинская) числилось 166 ясачныхъ душъ.

Въ 1816/7 г. ихъ числилось, по Андріевичу, 4630 д. об. п., въ 1840 г., по разнымъ источникамъ, 4915 д.[1]) и 5005 д.[2]); въ 1854 г.—4946 д.[2]); въ 1859 г.—4419 д.*[1]) и 4454 д.*[4]); въ 1865 г.—4635 д.[3]); въ 1883 г.—4459 д.[5]) и въ 1897 г.—4433 д.[6]). Если ограничиться однимъ мужскимъ поломъ, то получится такой рядъ: въ 1760 г.—2216[2]) плат.(?) д.; въ 1816/7 г.—2472 м.[7]); въ 1854 г.—2547 м.[2]); въ 1865 г.—2361 м.[3]); въ 1878 г.—2382 м.[2]); въ 1883 г.—2277 м.[5]) и въ 1897 г.—2275 м.[6]). Въ обоихъ рядахъ замѣтно постепенное, но вѣрное паденіе численности барабинцевъ, болѣе ясно выраженное въ послѣдній періодъ въ 43 г. (1854—1897 гг.). Коэффиціентъ средней ежегодной убыли въ этотъ періодъ равенъ для м. п. 3,4 и для об. п. 2,5 ‰.

По отдѣльнымъ управамъ измѣненіе численности барабинцевъ съ 1854 по 1897 гг. представляется въ такомъ видѣ:

Ин. управы.	IX ревизія 1854 г.[2])		Перепись 1897 г.		Средній ежег. прир. м. п. въ ‰ (+ —) за 43 г.
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	
1. Барабинская	972	1894	906[6])	1755[6])	— 1,7
2. Каргалинская	59	112	53	122	— 2,6
3. Любейская	139	255	82	179	— 12,2
4. Терепинская	110	220	55	98	— 23,3
5. Тунужская	421	815	385[6])	742[6])	— 2,2
6. Туражская	723	1400	699	1354	— 0,8
7. Чайская	123	250	95	183	— 6,9
Итого	2547	4946	2275	4433	— 3,4

Такимъ образомъ, уменьшеніе численности есть явленіе общее всѣмъ 7 управамъ этого племени, причемъ наиболѣе интенсивно это явленіе проявляется въ Терепинской и Любейской упр., которыя и по болѣе раннимъ свѣдѣніямъ показывали сильную убыль населенія: въ 1865 г., т. е. черезъ 11 лѣтъ послѣ IX ревизіи, численность ихъ жителей не превышала 150 д. (78 м.) и 203 д. (107 м.)[3]).

---

1) Шашковъ, 290.

2) Ядринцевъ, ibid., 51 сл., 277 сл. По Словцову (II, 65) это племя состояло въ 1763 г. изъ 1215 «луковъ».

3) W. Radloff, I, 241—44.

4) «Спис. нас. м. Томск. губ.» 1868 г.

5) «Пам. книж. Томск. губ.» 1884 и 1885 гг.

6) Включая 3 м. Барабинской и 8 м. Тунужской ин. упр., застигнутыхъ въ г. Тарѣ.

7) Андріевичъ, ibid., 99.

Другія тюркскія племена Томской губерніи.

Такъ какъ свѣдѣнія о тюркскомъ населеніи Кузнецкаго и Бійскаго округовъ за прежніе годы весьма неполны и неточны (см. стр. 19), мы здѣсь дѣлаемъ сопоставленіе численности тюрковъ («татаръ») за 1859 и 1897 гг. по остальнымъ округамъ губерніи, хотя и спѣшимъ оговориться, что данныя «Списка нас. мѣстъ Томск. губ.» по свѣдѣніямъ 1859 г. и весьма несовершенны (см. стр. 9).

Названія округовъ.	1859 г.[1])	1897 г.[5])
1. Томскій.	13.797[2]) д. об. п.	14.194[2]) д. об. п.
2. Барнаульскій . .	1389 » » »	1565 » » »
3. Каинскій	4577[3]) » » »	4474[3]) » » »
4. Маріинскій . . .	1847 (2439)[4]) д. об. п.	2595 (2515)[6]) д. об. п.

Не останавливаясь въ виду вышеизложеннаго на этихъ данныхъ, переходимъ къ сопоставленію численности отдѣльныхъ тюркскихъ племенъ губерніи, сгруппированныхъ согласно классификаціи, предложенной акад. В. Радловымъ и нѣсколько дополненной авторомъ настоящаго труда, такъ какъ группировка тюрковъ названнаго ученаго не охватывала всѣхъ ихъ вѣтвей.

Телеуты, которые называютъ себя: *теленгетъ* и *кара-калмакъ* (черными калмыками)[7]), обитаютъ въ 3 округахъ Томской губ. Въ Кузнецкомъ окр. они образуютъ I—II—III Телеутскія инор. управы. Къ нимъ же слѣдуетъ причислять и часть смѣшавшагося съ ними народца *ашкиштымовъ* (часть I полов. Ашкиштымской ин. вол.). Въ Томскомъ окр. они образуютъ Телеутскую ин. управу и въ Бійскомъ Сарасинскую и Быстряпскую. Объ ихъ численности имѣются слѣдующія данныя:

Названія округовъ.	1859 г.	60-е годы.[7])		1897 г.	
	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Кузнецкій окр.. .	—	1498	2991	2170	4428
2. Бійскій » . .	2133	1353	2791	2029	4060
Итого . . .	—	**2851**	**5782**	**4199**	**8488**
3. Томскій окр.. . .	—	—	—	352	728

1) «Спис. нас. м. Томск. губ.» 1868 г., стр. LXXVI и LXXXIX.

2) Включая самоѣдовъ этого округа. На стр. LXXVI «Сп. нас. м.» численность инородцевъ Томскаго окр. въ 1859 г. опредѣлена въ 15.343 д.

3) Кромѣ барабинцевъ въ этомъ округѣ проживаетъ небольшое число пришлыхъ татаръ.

4) См. ниже.

5) Данныя печатнаго труда «Перепись 1897 г.», вып. LXXIX, — наличное число инородцевъ.

6) Въ скобкахъ приписное инородческое населеніе.

7) W. Radloff, I, 215 f.

Если предположить, что данныя за 60-ые годы относятся къ 1865 г., то ежегодный средній приростъ этихъ тюрковъ будетъ 14,8 ‰. Хотя они, какъ всѣ обрусѣлые инородцы, несомнѣнно имѣютъ хорошій приростъ, но все же слишкомъ значительная высота указаннаго коэффиціента вѣроятно объясняется неполнотой прежнихъ данныхъ.

Алтайцы или горные калмыки, обитающіе въ Бійскомъ округѣ, по свѣдѣніямъ разныхъ авторовъ слѣдующимъ образомъ измѣнялись въ числѣ. Въ 60-хъ годахъ акад. В. Радловъ[1]) полагалъ ихъ численность въ 14—15 тыс. душъ, а перепись 1897 г. опредѣлила ее въ 25.434 д. (12.862 м.).

Алтайцы, какъ извѣстно, распадаются на двѣ группы: на калмыковъ I—VII дючинъ или волостей и на алтайцевъ I—II Чуйскихъ волостей [*теленгиты, уланы, телессы*[1])]. Первые изъ нихъ съ 1740 г. начали переходить въ русское подданство. Въ 1810 г. ихъ число опредѣляли въ 1241* м.[3]), въ 1840 г. въ 4100* м.[3]) и въ 1858 г. въ 11.594 д. (5884 м.)[2]). В. Радловъ даетъ за 60-е годы подходящую цифру—11.824 д. (6044 м.)[1]). Въ 1875 г. ихъ число опредѣляли въ 13.373 д. (6799 м.)[2]), въ 1880 г. въ 14.233 д. (7146 м.)[2]) и въ 1897 г. ихъ было зарегистрировано 20.265 д. (10.267 м.). Цифры за 1810 и 1840 гг. и вѣроятно за 1858 и 60-е гг. ниже дѣйствительныхъ, потому что Ядринцевъ опредѣляетъ численность лишь 5 принявшихъ подданство Россіи дючинъ за 1836 г. въ 11.440 д. (6086 м.)[2]). Въ 1897 гг. въ этихъ 5 дючинахъ было 16.787 д. (8516 м.). Средній приростъ этой части горныхъ калмыковъ за 61 г. равенъ 6,55 ‰ въ 1 г.

Численность отдѣльныхъ дючинъ измѣнялась со времени X ревизіи такимъ образомъ (за 1858/9 г. и 1897 г. приписное и за 1880 г. повидимому наличное населеніе):

Названія волостей.	1858/9 г. (X рев.)[2])		1880 г.[2])		1897 г.	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. I Алтайская дючина . .	823	1622	1157	2324	1814	3640
2. II » » . .	788	1575	954	1917	1641	3274
3. III » » . .	662	1310	728	1429	1092	2129
4. IV » » . .	1560	3043	1726	3372	2047	4018
5. V » » . .	1087	2180	1358	2718	1922	3726
6. VI » » . .	371	698	490	1001	586	1180
7. VII » » . .	593	1166	753	1472	1089	2143
Неизвѣстн. » . .	—	—	—	—	76	155
Итого	**5884**	**11.594**	**7146**	**14.233**	**10.267**	**20.265**

1) W. Radloff, I, 215 f.

2) Ядринцевъ: «Сибирскіе инородцы», 109 и 290. Число женщинъ I алтайской дючины нами вычислено. Данныя за 1875 г.—13.373 д. (6799 м.)—и за 1880 г. лишь приблизительно вѣрны.

3) Гагемейстеръ, II, 1, l. c.

Чуйцы или телецгиты до 1865 г. платили дань Китаю и Россіи, почему и именовались еще «калмыками-двоеданцами». Въ 50-хъ годахъ число ихъ (вѣроятно платившихъ Россіи дань) опредѣляли въ 1500 м. д.[1]). Въ 60-хъ годахъ В. Радловъ[2]) полагалъ, что ихъ численность равняется 2—3 тыс. душъ. (Ядринцевъ за 1858 г. даетъ цифру 460 м., которая вѣроятно относится къ тѣмъ изъ нихъ, которые окончательно приняли русское подданство). Въ 1875 г., по Ядринцеву, ихъ было 2228 д. (1160 м.)[3]) и въ 1897 г. ихъ число опредѣлилось въ 5169 д. (2595 м.).

Приростъ обѣихъ группъ алтайцевъ очень большой, въ значительной степени, однако, обусловленный неполнотой прежнихъ данныхъ.

Кумандинцы. За 1869 г. В. Радловъ (I, 212) опредѣляетъ ихъ численность въ 2177 д. (1153 м.), изъ коихъ 1571 д. (831 м.) приходилось на долю Нижнихъ Кумандинцевъ и 606 д. (322 м.) на долю Верхнихъ. Перепись опредѣлила ихъ число въ 4173 д. (2145 м.) наличныхъ и 4092 д. (2102 м.) приписныхъ душъ, изъ коихъ 214 д. (116 м.) обитали въ Кузнецкомъ окр., а остальные въ Бійскомъ. Изъ указаннаго числа было 3205 д. (1650 м.) тюрковъ Нижне-Кумандинской ин. вол. и 887 д. (452 м.) Верхней Кумандинской ин. вол. О приростѣ кумандинцевъ слѣдуетъ сказать то же, что сказано о приростѣ алтайцевъ.

Что касается до родственныхъ имъ **Лебединцевъ**, составлявшихъ Шелкальскую вол. ин. (въ 1858 г.— 514 д. об. п.), то они, по даннымъ переписного матеріала, не могли быть выдѣлены изъ состава другихъ тюркскихъ племенъ края, потому что въ этомъ матеріалѣ, какъ и въ «Спискѣ нас. м. Томской губ. за 1904 г.» и въ изданіи «Волости и населенныя мѣста 1893 г.» (вып. 10), встрѣчается лишь одна инородная волость съ подобнымъ наименованіемъ, именно, Кондомо-Шелкальская ин. вол. Кузнецкаго окр., которую, однако, вѣрнѣе отожествить съ соотвѣтствующей волостью шорцевъ (роды Якши и Чалканъ), тѣмъ болѣе, что своимъ роднымъ языкомъ эти тюрки показали «шорскій».

Томско-Кузнецкіе татары Кузнецкаго окр., повидимому потомки бывшихъ «кузнецовъ» въ отпискахъ казаковъ, распадаются, по В. Радлову, на 7 волостей[4]), которыя мы отожествили со слѣдующими 7-ью ихъ волостями настоящаго времени: Баянской, Камларской, Кумышской I пол., Ячинской,

---

1) Гагемейстеръ, II, 1, l. c.
2) Radloff, I, 215.
3) Ibid., 291.
4) Radloff, I, 214.

Тогульской I (и II) пол. (родъ Торгуль), Шуйской и Ашкиштымской II пол. Въ 60-хъ гг. численность ихъ населенія опредѣляли въ 3507 д. (1704 м.)[1]), а въ 1897 г. перепись зарегистрировала въ нихъ 5464 д. (2631 м.) приписного населенія. Прирость за 30—35 л. весьма значительный и притомъ во всѣхъ управахъ.

Названія инород. управъ.	1860-ые гг.		1897 г.	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Баянская	309	636[2])	537	1113
2. Камларская	125	254	235	507
3. Кумышская I пол.	229	438	370	753
4. Ячинская	296	618	4	886
5. Тогульская I (и II пол.) . .	176	372	299[3])	592[3])
6. Ашкиштымская II пол. . .	214	449	270	558
7. Шуйская	355	740	507	1055
Итого	1704	3507	2631	5464

При иной группировкѣ Кузнецкихъ татаръ, именно, въ 13 волостей, въ которыя войдутъ 6 изъ Томско-Кузнецкихъ (кромѣ Ашкиштымской вол. II пол.) и 7 изъ шорскихъ (Тагапская I и II пол., Казанова, Абинская, Кирецкая, Едеева, Богоракова) въ 1858 г. числилось 8198 д. (4028 м.)[4]), а въ 1897 г. — 6064 д. (3010 м.) наличнаго и 8313 д. (4078 м.) приписного населенія. Небольшая сравнительно прибыль за 29 лѣтъ по всему вѣроятію объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что часть тюрковъ Кузнецкаго и смежныхъ округовъ не показали своей принадлежности къ извѣстнымъ инор. управамъ и нами въ виду этого не могли быть приняты въ разсчетъ при установленіи численности этой ихъ группы. Это подтверждается тѣмъ, что ея составныя части — Томско-Кузнецкіе татары и шорцы — имѣютъ хорошій положительный приростъ.

Къ Томско-Кузнецкимъ татарамъ слѣдуетъ отнести и **Барнаульскихъ татаръ**, выселившихся въ 1764 г. изъ Кумышской ин. вол. Кузнецкаго окр. и образовавшихъ въ Барнаульскомъ окр. самостоятельную Кумышскую вол. II пол. По Ядринцеву, они измѣнялись въ числѣ такимъ образомъ: въ

---

1) См. прим. 4 на стр. 65.

2) Число женщинъ въ этой управѣ по даннымъ В. Радлова несоразмѣрно мало—118 д., въ виду чего мы это число замѣнили вычисленнымъ числомъ 327 д.

3) Въ 1893 г. въ Тогульской ин. упр. I пол. было 534 д. (273 м.) и во II пол. 61 д. (30 м.). («Вол. и нас. м. Том. губ. 1893 г.», вып. X, табл. стр. 8). Въ приведенное за 1897 г. число инородцевъ Тогульской упр. I пол. включена часть жителей ея II пол. (см. 4 прим. на стр. 67).

4) «Вол. и нас. мѣста 1893 г.», X, 69.

1816 г. ихъ числилось 482 д. об. п., въ 1858 г. 1022 д.[1]) и въ 1880 г. — 1236 д.[1]). Перепись 1897 г. обнаружила въ названной управѣ 1463 д. (704 м.) приписанныхъ къ ней инородцевъ. Ежегодный средній ихъ приростъ со времени X ревизіи равенъ 11,1‰, приростъ вполнѣ возможный для обрусѣлыхъ тюрковъ, хотя можетъ быть на его высоту повліяло и причисленіе къ этой управѣ небольшого числа другихъ инородцевъ.

Черневые татары 5 волостей Бійскаго окр. (Кузенской, Кергешской, Комляжской, Южской, Тогульской II пол.) состояли въ 60-хъ годахъ изъ 3464 д. (1794 м.)[2]), въ 1880 г. изъ 3847 д. (1976 м.)[3]) и въ 1897 г. изъ 4662 д. (2359 м.) приписного населенія, что соотвѣтствуетъ среднему ежегодному приросту об. п. со времени 1865 (?) г. въ 9,8 ‰.

Названія инор. волостей.	1860-ые годы.[2])		1897 г.	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Кузенская	275	509	432	837
2. Кергешская	385	768	566	1131
3. Комляжская	756	1461	921	1832
4. Южская	257	489	371	738
5. Тогульская II пол. . . .	121	237	69[4])	124[4])
Итого	**1794**	**3464**	**2359**	**4662**

По другимъ свѣдѣніямъ за 1858 г., однако, въ 6 волостяхъ Бійскихъ Черневыхъ татаръ (вѣроятно въ вышеназванныхъ и въ Кокшинской ин. вол. обрусѣлыхъ инородцевъ, не упоминаемой у В. Радлова) числилось 5400 д. (2822 м.), а въ 1897 г. въ нихъ оказалось 6327 д. (3138 м.) приписного населенія, что соотвѣтствуетъ ежегодному среднему приросту об. п. въ 4,4 ‰.

О Чулымскихъ татарахъ не имѣется полныхъ данныхъ за прежніе годы. Къ тому же и объемъ понятія: «Чулымскіе татары» не у всѣхъ изслѣдователей одинъ и тотъ же: нѣкоторые причисляютъ къ нимъ и обрусѣлыхъ самоѣдовъ того же раіона, отдѣлить которыхъ отъ тюрковъ въ настоящее время дѣйствительно не легко. Въ 6 инор. волостяхъ Маріинскаго окр. въ 1859 г. числилось 2439 д. об. п. тюрковъ[5]), но, вѣроятно, въ это число включены и пришлые тюркп-крестьяне. По другому источнику ихъ число въ

1) Ядринцевъ, ibid., 94 сл.
2) W. Radloff, I, 213.
3) Ядринцевъ, ibid., 291 сл.
4) Данныя неполныя: часть попала въ число Тогульской ин. упр. I пол. — см. стр. 66.
5) «Спис. нас. м. Томск. губ.» 1868, стр. LXXXIII и LXXXIX, а на стр. LXXVI 1555 д. (?!). Объ цифры сомнительны.

данномъ году не превышало 1847 д. Перепись опредѣлила ихъ число въ 2520 д. (1208 м.) приписного населенія.

Названія инород. управъ.	1859 г.[1]	1897 г.[2]
	об. п.	об. п.
1. Кизильдѣевская I и II пол.	218	253
2. Корюковская	343	521
3. Курчиковская	368	395
4. М. Каргачинская	(25)[1]	25
5. Чулымско-Тутальская . .	893	1326
Итого	**1847**	**2520**[2]

Если принять для 1859 г. цифру 1847 д., то средній приростъ чулымцевъ округа за 38 лѣтъ будетъ 9,6 ‰ въ годъ.

Въ 6 волостяхъ чулымцевъ Томскаго окр. въ 1859 г.[1] было 1935 д. и въ 1897 г.—2193 д. (1080 м.)[3] приписного населенія.

Названія инород. управъ.	1859 г.[1]	1897 г.
	об. п.	об. п.
1. Б.-Байгульско-Обская. . .	174	135
2. Б.-Байг.-Чулымская . . .	206	287
3. М.- » » . . .	142	126
4. Б. Каргачинская	513	354
5. Обско-Тутальская	569	777
6. Ячинская	331	514[3]
Итого	**1935**	**2193**

Волости №№ 1, 3 и 4 показываютъ убыль со времени X ревизіи, но слѣдуетъ принять во вниманіе, что часть мѣстныхъ инородцевъ, проживающихъ въ русскихъ волостяхъ, не показали своихъ волостей и поэтому въ цифры таблицы за 1897 г. не попали. Если же ограничиться приведенными итогами, то средній ежегодный приростъ ихъ оказывается 3,5 ‰.

---

1) «Вол. и нас. м. 1893 г., вып. X, 67. Численность М. Каргачинской вол. не показана, почему нами взята цифра 1897 г.

2) Инородцы тюркскаго языка, приписанные къ Маріинскому окр. въ числѣ 700 д. (341 м.), но не показавшіе своей принадлежности къ извѣстной управѣ, не приняты въ разсчетъ, хотя большинство ихъ несомнѣнно принадлежитъ къ Чулымскимъ татарамъ.

3) Включая 29 д. (16 м.) инородцевъ Ячинской ин. упр., застигнутыхъ въ Маріинскомъ округѣ.

Шорцы образуютъ въ Кузнецкомъ окр. 22 волости. В. Радловъ перечисляетъ 21 ихъ родъ[1]), изъ коихъ, однако, мы могли отожествить съ соотвѣтствующими ихъ волостями настоящаго времени лишь 14. Причисляя къ нимъ еще 8 другихъ волостей того же раіона, жители которыхъ показали роднымъ языкомъ «шорскій», мы получили слѣдующія 22 шорскихъ волости. Изъ нихъ 14: Кондомо- и Мрасско-Бежбоякова, Кондомо-Итиберско-Шарагашева, Кондомо-Шалкальская, Кондомо-Барсіятская, Кирецкая, Тагапская I и II пол. (телеутское нарѣчіе), Абинская, Кондомо-Карачерская, Ближне- и Дальне-Каргинскія, Кійская и Кызыльская соотвѣтствуютъ столькимъ же родамъ шорцевъ по В. Радлову. Сверхъ того мы къ нимъ причислили волости: Богоракову, Едееву, Казанову, Кивинскую, Кондомо-Елейскую, Кондомо-Итиберскую, Мрасско-Елейскую и Мрасско-Изушерскую, которыя у В. Радлова не встрѣчаются въ числѣ шорскихъ родовъ.

В. Радловъ опредѣляетъ численность шорцевъ 22 родовъ (волостей) въ 1869 г. въ 10.688 д. (5563 м.)[1]). Если принять, что перечисленныя 22 волости охватываютъ всѣхъ шорцевъ, то въ 1880 г. по даннымъ Ядринцева ихъ было всего 12.848 д. (6599 м.)[2]), а въ 1897 г. ихъ численность опредѣлилась бы въ 14.673 д. (7452 м.). Средній приростъ м. п. со времени 1869 г. равенъ 12,1‰ (об. п. 13,3‰). Если опредѣлить шорскую національность по родному языку, то ихъ численность въ 1897 г. будетъ 12.037 д. (сюда, однако, не вошли обрусѣвшіе представители ихъ).

Мы ограничиваемся этими данными, изъ которыхъ наглядно видно, что *всѣ тюрки Томской губ., за исключеніемъ Барабинскихъ татаръ, сильно увеличились въ числѣ со времени X ревизіи и 60-хъ годовъ*, хотя ежегодный средній приростъ свыше 8 и 10‰ во многихъ случаяхъ и слѣдуетъ объяснить неполнотой прежнихъ данныхъ (можно сказать, что почти всѣ данныя «Спис. нас. м. Томской губ. по свѣдѣн. 1859 г.», а также приведенныя выше цифры за 60-ые годы слѣдуетъ считать ниже дѣйствительныхъ).

Тюрки Енисейской губерніи.

Этихъ тюрковъ съ удобствомъ можно соединить въ 4 группы сообразно съ 4-мя административными дѣленіями, между которыми они распредѣляются въ настоящее время. Таковыми являются:

---

1) «Aus Sibirien», I, 214. Говоря о 22 волостяхъ шорцевъ, онъ перечисляетъ лишь 21 родъ (можетъ быть одному изъ нихъ ссотвѣтствуетъ Тагапская ин. упр., разбившаяся на двѣ половины).

2) «Сибирскіе инородцы», 289.

1) *Мелетскіе* татары (Мелетск. инор. упр. Ачинск. окр.), собственно составляющіе восточную вѣтвь Чулымскихъ татаръ.

2) *Кизыльцы* или *Кизыльскіе* татары (Кизыльск. инор. упр. Ачинск. окр.).

3) *Абаканцы* или *Абаканскіе* татары составляютъ нынѣ Абаканскую степную думу (Минус. окр.), образовавшуюся изъ слiянія прежнихъ Качинской степн. думы и Іюсской инор. управы.

4) Тюрки, входящіе въ составъ думы Соединенныхъ племенъ, иначе называемой Сагайской или Аскызской степной думой, распадаются на много племенъ разнаго происхожденія (тюркскаго, самоѣдскаго и отчасти Енисейскаго). Изъ состава этихъ племенъ, иногда называемыхъ по одному изъ нихъ собирательнымъ именемъ *Сагайцы*[4]), можно выдѣлить племя *Коибаловъ* (самоѣдско-Енисейско-тюркскаго происхожденія), до 1853 г. образовавшее самостоятельную инор. управу. Во время Палласа, въ 1775 (?) г., численность коибаловъ опредѣляли прибл. въ 1400 д.[1]). Въ 1830 г.—въ 1128 д. (635 м.)[2]), въ 1852 г.—1223 д. (670 м.)[3]), въ 1863 г.—578 м.[1]) и въ 1897 г. перепись зарегистрировала 1015 д. (497 м.). Возможно, что послѣднія числа и не даютъ всего числа коибаловъ: часть ихъ можетъ быть значится въ числѣ тюрковъ, не показавшихъ своего рода (собств. племени—см. примѣч. 4), часть можетъ быть присоединилась къ господствующимъ сагайцамъ[5]). Но тѣмъ не менѣе сопоставленіе численности мужского пола за 1852, 1863 и 1897 гг. показываетъ постепенное уменьшеніе ихъ численности.

На долю остальныхъ тюрковъ Аскызской степн. думы т. е. на сагайцевъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова[4]) остается слѣдующее число душъ: въ 1830 г. 7908 д. (3897 м.)[2]); въ 1852 г.—11.491 д. (5889 м.)[3]); въ 1863 г.—6866 м.[1]) и въ 1897 г.—16.436 д. (8213 м.).

---

1) Radloff, I, ibid., 208 и 210.

2) Исчисленіе особой коммиссіи, см. Гагемейстеръ, II.

3) Кузнецовъ-Красноярскій: «Архивъ Аскызской степн. думы», 1892 г.

4) При болѣе точномъ опредѣленіи подъ «сагайцами» слѣдуетъ подразумѣвать небольшое племя тюрковъ, дѣлящееся на двѣ половины. Въ переписномъ матеріалѣ, гдѣ племена этихъ тюрковъ ошибочно именуются «родами», среди послѣднихъ встрѣчаются Сагайскій «родъ» I и II половины, Конбальскій «родъ» и т. д. Сагайское племя состояло въ 1897 г. изъ 3019 д. (1536 м.).

5) Еще В. Радловъ (I, 210) сообщаетъ, что по уничтоженіи (въ 1858 г.) Конбальской ин. упр. ея инородцы были причислены, частью къ Сагайской и частью къ Качинской (Абаканской) степн. думѣ. Перепись не упоминаетъ о конбалахъ этой послѣдней и приведенная за 1897 г. цифра относится всецѣло къ конбалamъ Сагайской думы.

Въ послѣднее число не включена та часть сагайцевъ, которая обитаетъ въ Кузнецкомъ окр.[1]), гдѣ по даннымъ переписныхъ листовъ они группируются въ «Аскызскую инор. управу», хотя вѣроятно они составляютъ часть Аскызской степн. думы Минусинскаго окр. Перепись опредѣлила число этой части сагайцевъ въ 2325 д. (1120 м.).

Общая численность тюрковъ четырехъ упомянутыхъ выше группъ за 1830, 1852, 1859 и 1897 гг. представляется въ такомъ видѣ:

Названія группъ тюрковъ.	1830 г.[2])		1852 г.[3])		1859 г.[4])		1897 г.		Средній ежег. приростъ м. п. въ ‰ за періоды 1830—1859 гг.	1859—1897 гг.
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.		
Ачинскій округъ.										
1. Мелетскіе татары	435	776	—	—	634	1272	753	1517	15,8	4,9
2. Кизыльцы . . .	2282	4362	—	—	2879	5665	4044	7960[6])	9,0	10,6
Итого . . .	*2717*	*5133*	—	—	*3513*	*6937*	*4797*	*9477*	*10,1*	*9,6*
Минусинскій округъ.										
3. Абаканцы . . .	4610	8808	—	—	5336	10.868	6054	11.976[6])	5,4	3,6
4. Сагайцы (включ. конбаловъ). . .	4532*	9036*	6559	12.714	7533	14.722	9830 (8710)	19.776 (17.451)[5])	25,1*	8,0 (4,1)[5])
Итого . . .	*9142*	*17.844*	—	—	*12.869*	*25.590*	*15.884* (14.764)	*31.752* (29.427)[5])	*20,0**	*6,2*
Всего . . .	**11.859**	**22.982**	—	—	**16.382**	**32.527**	**20.681** (19.561)	**41.229** (38.904)[5])	—	**6,6**

1) Объ этой части сагайцевъ нигдѣ кромѣ переписи не упоминается, потому мы и не вполнѣ увѣрены, что она въ данныхъ за предыдущіе годы включена въ полный итогъ сагайцевъ.

2) У Гагемейстера, II, (исчисленіе особой коммиссіи) показана численность абаканцевъ въ 6579 д. (3460 м.). — Тамъ же за 1858 г. дается цифра 14.840 д. об. п. Это же число фигурируетъ и въ изслѣдованіи Кулакова и Кузнецовой («Минус. и Ачинск. инор.» 1898, стр. 11) за 1840 г., причемъ тамъ къ нему ниже прибавлено еще 2229 д. (1150 м.), можетъ быть въ виду присоединенія къ вѣдомству Іюсской инор. упр. (роды: Старо-Іюсскій, Бѣло-Іюсскій и Бирскій). На этомъ основаніи и мы для 1830 г. взяли числа 6579 д. (3460 м.)+2229 д. (1150 м.).

3) Кузнецовъ-Красноярскій, ibid.

4) «Матер. по изсл. землепольз. Ирк. и Енис. губ.» — Енис. губ., т. IV, 2, 85, (данныя X ревизіи). Данныя же «Спис. нас. м. Енис. губ.» 1864 г. за тотъ же 1859 г. много ниже дѣйствительныхъ: число Мелетскихъ татаръ тамъ показано въ 1037 д., Кизыльскихъ — 5176 д., конбаловъ — 829 д., сагайцевъ — 11.721 д. и абаканцевъ — 9995 д.

У В. Радлова за 1863 г. показано 7444 м. и 3012 (?!) ж. въ Аскызской степн. д. (включая конбаловъ) (ibid., I, 207).

5) Въ скобкахъ — не считая сагайцевъ, зарегистрированныхъ въ Кузнецкомъ окр. Томской губ.

6) 136 д. (54 м.) абаканцевъ, зарегистрированныхъ въ Ачинскомъ окр., присоединены къ абаканцамъ Минусинскаго окр. и 605 д. (346 м.) кизыльцевъ, проживавшихъ въ Минусинскомъ окр., къ Кизыльской упр. Ачинскаго окр.

Данныя этой таблицы за 1897 г. показываютъ полную численность тюрковъ названныхъ четырехъ группъ, обитающихъ въ предѣлахъ Ачинскаго и Минусинскаго округовъ (посторонніе тюрки не приняты въ разсчетъ), а также сагайцевъ, переписанныхъ въ Кузнецкомъ окр. (Томск. губ.). Намъ неизвѣстно, отличаются ли такой же полнотой и данныя за прежніе годы, напр., включены ли въ нихъ числа сагайцевъ Кузнецкаго окр., хотя это очень вѣроятно, но, какъ бы то ни было, изъ этой таблицы видно, что въ общемъ Енисейскіе тюрки имѣютъ положительный и притомъ достаточный приростъ населенія—6,6 ‰ въ среднемъ за истекшія до переписи 38 лѣтъ, причемъ онъ выше въ Ачинскомъ окр., гдѣ всѣ инородцы живутъ осѣдло и по большей части занимаются земледѣліемъ, чѣмъ въ Минусинскомъ, гдѣ значительная часть ихъ, именно абаканцы, по сейчасъ ведутъ образъ жизни кочевниковъ. Вліяніе образа жизни на приростъ населенія явствуетъ изъ того факта, что въ то время какъ у осѣдлыхъ сагайцевъ средній ежегодный приростъ за послѣднія 38 лѣтъ былъ равенъ 8,0 ‰, у кочевниковъ абаканцевъ онъ не превышалъ 3,6 ‰ [1]).

Всѣ *вышеприведенныя данныя свидѣтельствуютъ въ пользу жизнеспособности Енисейскихъ тюрковъ.*

Изслѣдованіемъ прироста населенія инородцевъ Минусинскаго окр. за послѣднія десятилѣтія занимался и В. Ю. Григорьевъ. Дѣлая сопоставленія неполныхъ и относившихся лишь къ инородцамъ, проживавшимъ въ предѣлахъ своихъ вѣдомствъ, данныхъ за 1890 и 1891 гг. съ таковыми по X ревизіи, съ одной стороны, и съ позднѣйшими переписями (1901 и 1896 гг.) съ другой, онъ пришелъ къ заключенію, что въ первый періодъ времени (1859 — 1890/1 гг.) сагайцы увеличились въ числѣ, а абаканцы уменьшились, но что во второмъ періодѣ времени у тѣхъ и другихъ обнаружился огромный коэффиціентъ приращенія: у абаканцевъ въ 24,0 и у сагайцевъ въ 17,1 ‰ въ годъ при среднемъ приростѣ населенія всей губерніи въ 12,7‰. Насколько эти выводы согласны съ истиной видно изъ предыдущаго. Самъ авторъ ихъ повидимому былъ смущенъ такой внезапной перемѣной въ направленіи прироста у абаканцевъ и высказалъ по этому поводу слѣдующее соображеніе примирительнаго свойства: «если въ прежнее время процессъ вымиранія

---

1) Среди инородцевъ Сагайскаго вѣдомства въ 1905 г. 25 % хозяйствъ не имѣли запашки, а среди инородцевъ Абаканскаго вѣд. — 80 %. Въ среднемъ на дворъ приходилось запашки: у первыхъ 4,1 дес. и у вторыхъ — 0,6 дес. Скота (при переводѣ на крупный) у первыхъ приходилось на хозяйство 18,4 и у вторыхъ — 41,5 гол. (В. Григорьевъ: «Къ вопр. и позем. устр. инород. Минус. окр.» въ «Изв. И. Р. Геогр. О.» XLII, 1906 г., вып. II—III, 415).

Абакапскихъ инородцевъ имѣлъ мѣсто, то къ настоящему времени, постепенно ослабѣвал, (—откуда это видно?—авт.), по всему вѣроятію является прекратившимся» (В. Григорьевъ, ibid, 409—411).

Подобный же неправильный выводъ можно сдѣлать и относительно прироста Аскызцевъ по книгѣ Кузнецовой и Кулакова (см. 2 прим. на стр. 71). Тамъ за 1896 г., т. е. за годъ до переписи, показана цифра 14.002 д. (7095 м.) противъ 16.203 д. (8805 м.) по свѣдѣніямъ данной степной думы за 1880 г. и противъ 19.776 д. (9830 м.) (см. стр. 71). по переписи 1897 г.

Карагасы.

Карагасы—бродячее племя оленеводовъ и охотниковъ самоѣдскаго происхожденія, скитающееся въ отрогахъ Саянскихъ горъ (главн. обр. въ Нижнеудинск. окр. Иркутской губ.), въ 1838/9 г. состояло изъ 259 м. (500 д.)[1]), въ 1851 г. ихъ число опредѣляли въ 284 м. (543 д.)[2]), въ 1858 г. въ 284 м.[3]), въ 1861 г. 273 м. (513 д. об. п.)[4]), въ 1877 г.—220 м. (456 об. п.)[4]), въ 1887/8 г., по мѣстной переписи, 221 м. (431 об. п.)[5]) и въ 1897 г.—191 м. (389 об. п.) *Убыль карагасовъ огромная*: со времени X ревизіи ея коэффиціентъ былъ для мужчинъ — 8,4 ‰[5]).

Киргизъ-кайсаки.

Киргизъ-кайсаки, въ царствованіе Екатерины II перешедшіе въ предѣлы Томской губ. въ числѣ 4100 кибитокъ, въ 1838 г. состояли изъ 31.543 д. (16.415 м.)[6]). Въ 1897 г. ихъ въ данной губерніи было зарегп-

---

1) Беръ, 108 (бродячее населеніе Нижнеудинск. окр.). У Гагемейстера число карасовъ въ 1838 г. — 209 м. д. (?). Оба числа, повидимому, ниже дѣйствительныхъ. Впрочемъ, здѣсь не приняты въ разсчетъ осѣдлые карагасы (см. прим. 5).

2) Radloff, I, 205.

3) «Матеріалы и т. д.», II т., вып. 2, 180 и «Вол. и насел. м. 1893 г.», IV, 98.

4) «Пам. кн. Иркут. губ.» на 1863 г. и 1879 г.

5) Въ числа за 1887/8 г. и 1897 г., а, вѣроятно, и за болѣе ранніе годы не включены осѣдлые карагасы, проживавшіе (въ 1859 г. въ числѣ 23 д. об. п.) въ д. Тепчетской (Шамановой) на р. Бирюсѣ. — см. «Списокъ населенныхъ мѣстъ Енисейской губ. по свѣд. 1859 г.», XXXIII. Но одна семья этого племени, осѣвшая недавно и проживающая въ Тулуновской вол. (Нижнеуд. окр.), включена. Карагасы, главнымъ образомъ, занимаются звѣроловствомъ, но часть ихъ снискиваетъ себѣ пропитаніе сѣнокошеніемъ и рубкой дровъ для пріисковъ и отчасти отыскиваніемъ золота. Ихъ главное домашнее животное — олень, котораго (вмѣстѣ съ лошадьми) въ 1888 г. приходилось по 14,1 гол. на хозяйство—см. «Матеріалы», ibid., 180—186.

6) Гагемейстеръ, ibid., II.

стрировано всего 24.810 д. (14.451 м.), включая небольшое число мѣстныхъ киргизовъ Бійскаго округа, и сверхъ того 7.547 д. (4205 м.) въ Тобольской губ. Значительная убыль киргизскаго населенія въ первой губерніи противъ 1838 г., въ виду кочевого образа жизни этихъ инородцевъ, не даетъ намъ права дѣлать заключеніе объ ихъ вымираніи: вѣрнѣе предположить, что часть ихъ выселилась въ другія мѣста, въ Степныя области и въ Тобольскую губернію.

* * *

Въ общемъ выводѣ тюрко-татарскія племена трехъ западныхъ губерній Сибири составляютъ въ своей совокупности самую жизнеспособную часть инородческаго населенія страны. Это подтверждается и ихъ сравнительнымъ богатствомъ дѣтьми: на 100 д. об. п. у нихъ въ 1897 г. приходилось 18—19 дѣтей до 5 л. вкл. (у Тобольскихъ—18,7; у Томскихъ—17,8 и у Минусинскихъ — 18,3) — ср. стр. 57.

Резюмируя все вышеизложенное *относительно измѣненія численности тюркскихъ племенъ Сибири (не считая якутовъ), можно сказать, что всѣ они, за исключеніемъ барабинцевъ, койбаловъ и карагасовъ, имѣютъ сравнительно не дурной положительный приростъ, колеблющійся среднимъ числомъ между 4 и 8‰ въ годъ.* Слишкомъ значительное приращеніе населенія нѣкоторыхъ племенъ Томской губ., какъ и быстрый ростъ Енисейскихъ тюрковъ до X ревизіи, по нашимъ даннымъ, въ значительной степени слѣдуетъ приписать неполнотѣ прежнихъ статистическихъ данныхъ.

Выше мы упомянули о трехъ исключеніяхъ среди тюркскихъ племенъ— о барабинцахъ, койбалахъ и карагасахъ, которые въ противоположность всѣмъ остальнымъ тюркамъ Сибири показываютъ отрицательный приростъ населенія. Но, если мы посмотримъ, чѣмъ занимаются эти народности, то придемъ къ заключенію, что онѣ, собственно говоря, не представляютъ исключенія изъ общаго правила, согласно которому у бродячихъ и полуосѣдлыхъ инородцевъ, занимающихся рыболовствомъ, охотой, оленеводствомъ и тому подобными промыслами нѣтъ положительнаго прироста или онъ ничтоженъ. На самомъ дѣлѣ, карагасы—типичные оленеводы и охотники (см. 5 прим. на стр. 73), а барабинцы, хотя и живутъ осѣдло и при производствѣ переписи 1897 г. показали своимъ главнымъ занятіемъ хлѣбопашество, но хлѣбъ сѣютъ они въ небольшихъ размѣрахъ и въ значительной степени спискиваютъ себѣ пропитаніе разведеніемъ скота, рыболовствомъ, рубкой лѣса и черноробочимъ трудомъ[1]). Къ тому же они живутъ бѣдно.

1) Въ 1907 г. у нихъ на 1234 самостоятельныхъ хозяина имѣлось подъ посѣвомъ 1815 дес. продовольств. хлѣбовъ или 1,47 дес. на хозяина; скота у нихъ было: рогатаго (съ

Что касается до конбаловъ, которые и теперь главнымъ образомъ кормятся скотоводствомъ, но также и земледѣліемъ, то уменьшеніе ихъ численности менѣе ясно выражено и отчасти, можетъ быть, обусловливается ассимиляціей ихъ съ другими мѣстными тюркскими племенами.

Монголы.

Буряты.

Частыя смѣшенія у многихъ авторовъ обурятившихся тунгусовъ Забайкальской обл. съ бурятами, добровольное и принудительное перечисленіе въ началѣ истекшаго столѣтія осѣдлыхъ бурятовъ и тунгусовъ въ крестьянское и мѣщанское сословія[1]) и возможное включеніе въ данныя объ инородцахъ за нѣкоторые годы казаковъ-инородцевъ (бурятовъ и тунгусовъ) служитъ извѣстнымъ препятствіемъ для установленія точнаго числа бурятовъ въ прежнее время и слѣдовательно для опредѣленія коэффиціента ихъ прироста.

Такъ какъ буряты составляютъ огромное большинство всѣхъ инородцевъ Иркутской губ. и Забайкальской обл., въ особенности первой, то измѣненіе численности всего ихъ инородческаго населенія съ теченіемъ времени показываетъ въ то же время и ростъ бурятскаго населенія. Позаимствовавъ изъ таблицы на стр. 18 данныя касательно численности инородческаго населенія Иркутской губ. и Забайкальской обл., мы получаемъ слѣдующій рядъ: въ 1816/7 г. — 82.453 м.[2]); въ 1824 г. — 90.792 м.; въ 1839 г. — 106.807 м.; въ 1851 г. — 110.600 м.[3]); и въ 1897 г. — 152.313 м. (не считая казаковъ-инородцевъ).

молодымъ) 4,47 гол.; лошадей (съ жереб.) 2,65 и овецъ и козъ 3,15 гол. на хозяина (свѣдѣнія, полученныя на основаніи разработки въ Центр. Статистич. Комитетѣ данныхъ о посѣвныхъ площадяхъ и о числѣ скота у населенія губерніи).

1) Лишь въ одномъ 1824 г. въ Иркутскомъ, Нерчинскомъ и Верхнеудинскомъ у.у. было перечислено въ сословіе госуд. крестьянъ 6283 душъ м. п. инородцевъ (бурятъ и тунгусовъ), изъ коихъ лишь 425 д. м. п. изъявили на это свое согласіе. Сверхъ того въ томъ же году перечислились въ мѣщанское сословіе 68 инородцевъ м. п.—см. «Комм. д. изслѣд. землевлад. и т. Забайк. обл.», вып. V, прилож., 146 (ср. стр. 9). Подобные крестьяне и мѣщане изъ инородцевъ окончательно обрусѣли и выдѣлить ихъ въ настоящее время изъ состава русскихъ крестьянъ и мѣщанъ по даннымъ переписи нельзя.

2) Андріевичъ, II, 100 (итогъ 5 уѣздовъ, составляющихъ нынѣшнюю Иркутскую губ. и Забайкальскую обл.).

3) Половина населенія об. п. обѣихъ административныхъ единицъ (см. стр. 18).

Этотъ рядъ свидѣтельствуетъ о постоянномъ и сильномъ ростѣ инородческаго, а слѣдовательно и бурятскаго населенія за 80 періодъ времени до переписи. Это увеличеніе населенія соотвѣтствуетъ среднему ежегодному приросту: въ періодъ времени 1816/7—1839 гг. въ 13,5‰; въ періодъ 1839—1897 гг. въ 7,3‰ и за все время отъ 1817 г. до 1897 г. — въ 10,6‰.

Касательно численности однихъ бурятовъ-инородцевъ (не считая казаковъ) у насъ имѣются довольно разнородныя и не вполнѣ точныя данныя:

Въ 1766 г.	— 31.140 [1]) «луковъ».	Въ 1839 г.	— 83.018 [1]) д. м. п.
» 1783 г.	— 49.764 [1]) д. м. п.	» 1852 г. (?)	— 95.000 [3]) » » »
» 1816/7 г.	— 53.730 [1]) » » »	» 1859 г.	— ок. 120.000 [4]) » » »
» 1831 г. [2])	— 72.000—76.000 д. м. п.	» 1897 г.	— 133.973 » » »

Итакъ, судя по этимъ несовершеннымъ даннымъ, бурятское населеніе увеличилось за 22 г. отъ 1817 г. до 1839 г. на 29.288 д. м. п., что равносильно ежегодному приросту въ 24,8‰. За слѣдующія 58 л. до 1897 г. численность бурятовъ возрасла еще на 50.955 м. д. или по 10,6‰ ежегодно (ср. выше). Первый коэффиціентъ несомнѣнно слишкомъ высокъ — онъ объясняется неполнотой данныхъ о бурятскомъ населеніи до 1839 г.; тоже слѣдуетъ сказать и о коэффиціентѣ 13,5‰ (см. выше), хотя онъ и болѣе правдоподобенъ.

По одной *Иркутской* губ. мы имѣемъ еще слѣдующія болѣе детальныя свѣдѣнія касательно численности бурятовъ въ VIII и X ревизію и въ 1897 г.

Названія округовъ.	1839 г. [5]) м. п.	1839 г. [5]) об. п.	1859 г. [6]) м. п.	1859 г. [6]) об. п.	1897 г. [8]) м. п.	1897 г. [8]) об. п.	Средній ежегодн. приростъ м. п. въ ‰ 1839-59 гг.	1859-97 гг.	1839-97 гг.
1. Балаганскій .	51.020	97.821	25.898	50.587	27.480	52.388	—	+1,6	—
2. Верхоленскій .			13.793 [6])	26.156 [6])	12.765	24.736	—	—2,0	—
3. Иркутскій . .			14.640	28.106	16.459	31.577	—	+3,3	—
Итого . .	51.020	97.821	54.331	104.849	56.704	108.701	+3,25	+1,15	+1,92
4. Нижнеудинскій	637	1.214	703 [7])	1.447 [7])	819	1.562	+4,7	+4,6	+4,9
5. Киренскій . .	—	—	—	—	7	10	—	—	—
Всего . .	**51.657**	**99.035**	**55.034**	**106.296**	**57.530**	**110.273**	**+3,27**	**+1,30**	**+2,00**
Въ городахъ .	?	?	241 [7])	277 [7])	375	472	—	—	—
Всего . .	—	—	**55.275**	**106.573**	**57.905**	**110.745**	—	—	—

1) Baer: (цифра за 1766 г. заимствована имъ у Георги и за 1783 г. у Неует). У Андріевича, II, 83, въ VI ревизію (1811/2 г.) показана цифра 72.288. м. п. — число, повидимому, слишкомъ высокое, можетъ быть, вслѣдствіе включенія въ него обурятившихся тунгусовъ Забайкальской обл.

2) Первая цифра Гагемейстера, ibid., II, вторая — см. «Журн. М. Вн. Д.», 1849 г., кн. 25, 423 — половина населенія об. п. (152.000 д.).

3) Гагемейстеръ—половина населенія об. п. (190.000 д.). По Кеппену за 1853 г. въ Забайкальской обл. было 117.271 м. инородцевъ, въ т. ч. 104.948 м. монгольскаго проис-

Изъ этихъ данныхъ видно, что за истекшія между VIII и X ревизіями 20 лѣтъ приростъ бурятовъ былъ весьма небольшой + 3,27‰, а за послѣднія 4 десятилѣтія до переписи совсѣмъ ничтожный: + 1,30‰, причемъ въ одномъ изъ округовъ (Верхоленскомъ) численность этого народа со времени X ревизіи даже уменьшилась на 7,5% или по 2,0‰ въ 1 г. Это обстоятельство заставило насъ предполагать уже a priori, что и въ другихъ округахъ не всѣ группы этихъ инородцевъ имѣютъ положительный приростъ, но что въ общихъ итогахъ эта убыль маскируется болѣе значительнымъ приростомъ другихъ группъ этихъ бурятовъ. Сдѣланное нами въ виду этого сопоставленіе численности бурятовъ за 1859 г. и 1897 г. по отдѣльнымъ вѣдомствамъ прежняго состава дѣйствительно обнаружило, что во всѣхъ трехъ округахъ, гдѣ проживаетъ главная масса этого племени, оно приблизительно въ половинѣ вѣдомствъ показываетъ отрицательный приростъ, именно, въ Иркутскомъ окр. изъ 4 въ 2, въ Балаганскомъ изъ 7 въ 3 и въ Верхолепскомъ изъ 7 въ 4, какъ это видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

хожденія, т. е. бурятовъ, 10.654 м. манчжурскаго и 1669 м. тунгусскаго. Объ послѣднія группы вѣроятно соотвѣтствуютъ тунгусамъ (Амурская обл., гдѣ проживали настоящіе манчжуры, тогда еще не была присоединена). Но самая цифра 117.271 м. слишкомъ велика для Забайкальской обл. (тѣмъ болѣе безъ казаковъ-инородцевъ), т. к. въ 1897 г. въ ней числилось всего 91.078 м. инородцевъ (съ казаками-инородцами — 104.078 м.). Для Иркутской губ. Кеппенъ дастъ цифру 57.656 м. инородцевъ, что соотвѣтствуетъ прибл. 55.300 м. бурятовъ (на долю тунгусовъ, якутовъ и карагасовъ мы полагаемъ 2356 д.: въ 1897 г. ихъ числилось 2673 м.). Эта цифра вполнѣ совпадаетъ съ таковой за 1859 г. (см. стр. 76). Общая численность всѣхъ инородцевъ названныхъ губерній и области въ 1852/3 г. по Кеппену равна 174.927 м. и однихъ бурятовъ 160.248 м. — оба числа слѣдуетъ признать слишкомъ высокими.

4) «Геогр.-Стат. Слов.» П. Семенова—половина числа бурятовъ об. п. (240.000 д.).

5) Беръ — сумма осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ (безъ бродячихъ инородцевъ — тунгусовъ).

6) «Мат. по изсл. земленольз. и т. д.» Ирк. губ., II, вып. 2 (96 сл.) и вып. 6 (10 сл.). По Ольхонскому вѣд. Верхоленск. окр., вслѣдствіе неимѣнія данныхъ о числѣ ревизск. душъ, мы взяли почти тождественныя съ ними окладныя д. м. п. (см. ibid., II, 6 вып., 492). Цифра женскаго пола вычислена на основаніи средняго численнаго отношенія между обоими полами.

7) Такъ какъ въ «Матер. по изсл.», II, 2 (96 сл.) касательно Нижнеудинскаго окр. показана лишь численность бурятовъ Нижнеудинской землицы (въ X рев.—1130 д. [558 м.]), то мы заимствовали соотвѣтствующее число за 1861 г. изъ «Пам. кн. Иркутск. губ.» на 1863 г.: 1447 д. (703 м.) Изъ этого же источника взяты и числа бурятовъ, проживающихъ въ городахъ.

8) Данныя спеціальной разработки переписи, включая 429 д. (264 м.) бурятовъ иныхъ сословій (кромѣ инородцевъ), въ т. ч. 120 д. (57 м.) почетн. гражданъ, 173 д. (93 м.) крестьянъ, 28 д. (16 м.) дворянъ, 17 д. (11 м.) мѣщанъ и т. д. Изъ общаго числа представителей этихъ сословій на долю городовъ приходится всего 15 д. (12 м.) — см. Перепись 1897 г., вып. LXXV. Въ число Нижнеудинскихъ бурятовъ за 1897 г. вѣроятно, включено небольшое число пришлыхъ изъ другихъ округовъ.

Названія округовъ и вѣдомствъ (прежняго и настоящаго состава).		Постоянное населеніе 1859 г. (X рев.)[1] м. п.	Постоянное населеніе 1859 г. (X рев.)[1] ж. п.	Постоянное населеніе 1897 г. (перепись)[1] м. п.	Постоянное населеніе 1897 г. (перепись)[1] ж. п.	Приростъ (+ —) въ абс. числ. м. п.	Приростъ (+ —) въ абс. числ. ж. п.	Приростъ (+ —) въ ‰ въ 1 г. м. п.	Приростъ (+ —) въ ‰ въ 1 г. об. п.
I. Иркутскій округъ.									
1. Кудинское вѣдомство.	Кудинское вѣд..	5970	5508	2502	2388	—	—	—	—
	Абаганатск. вѣд.			1152	944	—	—	—	—
	Ординское вѣд..			2047	1808	—	—	—	—
				5701	5140	— 269	— 368	— 1,20	— 1,44
2. Капсальское вѣдомство.	Капсальск. вѣд..	1827	1640	1237	1097	— 251	— 190	— 3,61	— 3,35
	Алагуев. род. упр.			339	353				
				1576	1450				
Итого		**7797**	**7148**	**7277**	**6590**	**— 520**	**— 558**	**— 1,75**	**— 1,90**
II. Балаганскій округъ.									
1. Молькинское вѣдомство		2320	2217	2134	1876	— 186	— 341	— 2,11	— 3,05
2. Улейское вѣдомство.		1215	1038	995	879	— 220	— 159	— 4,76	— 4,15
3. Бильчирское вѣдомство		4978	4704	4964	4418	— 14	— 286	— 0,07	— 0,82
Итого		**8513**	**7959**	**8093**	**7173**	**— 420**	**— 786**	**— 1,30**	**— 1,92**
III. Верхоленскій округъ.									
1. Ангинское вѣдомство		1962	1829	1536	1441	— 426	— 388	— 5,71	— 5,06
2. Ленское вѣдомство		2698	2515	2180	1927	— 518	— 588	— 5,05	— 5,58
3. Ольхонское вѣд.	Еланцинск. вѣд.	2947[2]	2642[2]	1180	1294	— 600	+ 26	— 5,35	— 2,70
	Кутульское »			1217	1374				
				2347	2668				
4. Хоготовское вѣдомство		1481	1326	1399	1283	— 82	— 43	— 1,46	— 1,17
Итого		**9088**	**8312**	**7462**	**7319**	**— 1626**	**— 993**	**— 4,71**	**— 3,96**
Всего		**25.398**	**23.419**	**22.832**	**21.082**	**— 2566**	**— 2337**	**— 2,66**	**—**
		48.817		**43.914**		**4903**		**— 2,64**	

Итакъ, въ 9 прежнихъ (= 13 новымъ) вѣдомствахъ общей численностью въ 48.817 д. (25.398 м.) за 38 лѣтъ отъ X ревизіи до переписи населеніе уменьшилось на 4903 д. (2566 м.), т. е. болѣе чѣмъ на $^1/_{10}$ часть прежней численности, что соотвѣтствуетъ ежегодной *убыли* въ 2,64‰, въ Верхоленскомъ окр. даже — 3,96‰. Объяснить эту убыль какими либо большими неточностями данныхъ 1897 г. нельзя по слѣдующимъ причинамъ: во 1-хъ, данныя 1897 г. мы получили путемъ подсчета представителей

1) Не считая тунгусовъ, причисленныхъ къ нѣкоторомъ вѣдомствамъ.

2) Объ Ольхонскомъ вѣд. — см. прим. на стр. 79.

принадлежащихъ каждому вѣдомству родовъ, гдѣ бы они ни были застигнуты переписью, съ присовокупленіемъ къ полученному числу осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ, не показавшихъ своего рода, но проживавшихъ въ предѣлахъ вѣдомства. Такимъ образомъ, данныя X ревизіи и переписи являются болѣе или менѣе однородными. Правда, небольшое число бурятовъ изъ непоказавшихъ своего рода проживаютъ внѣ своихъ вѣдомствъ, въ русскихъ селеніяхъ, но ихъ число въ общемъ незначительно, да и врядъ ли возможно отнести ихъ лишь къ вѣдомствамъ съ убывающимъ населеніемъ. Во 2-хъ, въ нашемъ распоряженіи имѣется еще мѣстная перепись 1887/8 гг. экспедиціи по изученію экономическаго положенія сельскаго населенія губерніи, которая въ большинствѣ случаевъ подтверждаетъ наши выводы о вымираніи бурятовъ нѣкоторыхъ вѣдомствъ Иркутской губерніи. Такимъ образомъ, по 6 вѣдомствамъ[1]) изъ 9 и эта перепись удостовѣряетъ убыль бурятскаго населенія со времени X ревизіи и лишь въ трехъ изъ нихъ данныя мѣстной переписи 1887/8 гг. и переписи 1897 г. расходятся въ этомъ отношеніи, показывая въ нихъ положительный противъ 1859 г. приростъ. Эти вѣдомства суть: Кудинское (Иркут. окр.) съ населеніемъ въ 1887/8 гг. въ 11.501 д. (5989 м.), Бильчирское (Балаг. окр.) — 10.109 (5356 м.) и Хоготовское (Верхол. окр.)—2822 д. (1494 м.). Жизнеспособность бурятовъ лишь этихъ трехъ вѣдомствъ можно считать такимъ образомъ подъ сомнѣніемъ.

Относительно значительныхъ колебаній въ численности осѣдлыхъ бурятовъ Нижнеудинскаго округа за прежніе годы слѣдуетъ замѣтить, что данныя 1839 и 1859 гг., повидимому, не однородны. Данныя 1839 г. по всему вѣроятію охватываютъ всѣхъ бурятовъ, постоянно проживавшихъ въ округѣ, а данныя 1859 г. лишь инородцевъ Нижнеудинской землицы («Памятная книжка Иркутской губерніи» на 1863 г. опредѣляетъ численность бурятовъ округа въ 1861 г. въ 1447 д. (703 м.), не считая города, но это исчисленіе, какъ и данныя касательно численности инородцевъ другихъ округовъ по этому источнику, слишкомъ высоко). Что касается данныхъ переписи, то онѣ включаютъ какъ населеніе Нижнеудинской землицы, такъ и пришлыхъ бурятовъ. Хотя въ предѣлахъ самой «землицы» и обитаетъ всего 1192 д. (606 м.), но часть представителей этой управы несомнѣнно проживаютъ въ сосѣднихъ русскихъ волостяхъ, но каково ихъ число мы не можемъ опредѣлить въ виду того, что Нижнеудинскіе буряты, какъ осѣдлые инородцы, утратили дѣленіе на

---

1) По Ольхонскому вѣд. (= настоящимъ Еланцинскому и Кутульскому) мы за отсутствіемъ соотвѣтствующихъ данныхъ въ «Матеріалахъ» прибѣгли къ изданію «Вол. и нас. мѣста 1893 г.» (изд. Ц. Ст. К.), вып. 4, данныя котораго близко подходятъ къ таковымъ мѣстной переписи 1887/8 гг.

роды, а пришлые своихъ родовъ не указали. Другими словами, слишкомъ сильный приростъ Нижнеудинскихъ бурятовъ по нашей таблицѣ не есть явленіе реальное, а зависитъ отъ сравненія неоднородныхъ величинъ. Но, какъ бы то ни было, Нижнеудинскіе буряты, имѣютъ положительный приростъ причемъ измѣненіе численности жителей Нижнеудинской землицы было приблизительно таково: въ 1859 г. 1130 д. (558 м.), въ 1887/8 гг. 1270 д. (663 м.) и въ 1897 г. около 1400 д. (700 м.).

Приростъ бурятовъ губерніи за болѣе ранній періодъ времени можно вычислить такимъ образомъ: въ 1816/7 гг. въ ней кромѣ Киренскаго окр., въ которомъ нѣтъ бурятовъ, числилось (по Андріевичу) 77.444 д. (40.326 м.) инородцевъ. Въ этомъ числѣ могло быть около 1250 м. д. не бурятовъ (ок. 300 д. карагасовъ и 950 тунгусовъ). Бурятовъ, слѣдовательно, было ок. 39.076 м. д. Къ 1839 г. ихъ число возросло на 12.581 м. д., что соотвѣтствуетъ ежегодному среднему приросту въ 14,0‰. Этотъ коэффиціентъ, однако, несомнѣнно слишкомъ высокъ.

Посмотримъ теперь, нельзя ли пролить свѣтъ на жизнеспособность Иркутскихъ бурятъ путемъ изученія ихъ естественнаго приращенія. Сопоставляя данныя обзоровъ губерніи за 4 г.: 1897—1900 г. относительно движенія населенія отдѣльныхъ религіозныхъ группъ ея жителей съ ихъ наличнымъ числомъ по переписи 1897 г., (— позднѣйшихъ данныхъ не имѣется), мы получимъ слѣдующую таблицу (группа православныхъ состоитъ изъ русскихъ, бурятъ, тунгусовъ и якутовъ):

Движеніе населенія Иркутск. губ. за 1897—1900 гг.

Религіозныя группы.	на 100 умершихъ об. п. родившихся.	на 1000 д. об. п. браковъ.	на 100 душъ об. п. родивш.	умерш.	естеств. приростъ.
1. Ламаиты (10,6% Ирк. бурятъ) .	120,5	5,1	3,5	2,9	0,6
2. Язычники (47,7% » ») .	101,6	8,0	2,7	2,7	0,0
3. Православные (см. выше) . . .	130,6	7,0	4,4	3,4	1,0

Изъ этихъ данныхъ видно, что естественное приращеніе у бурятовъ-шаманистовъ, составляющихъ главную массу бурятскаго населенія губерніи, равнялось за послѣднее время 0, между тѣмъ, какъ у ламаитовъ оно простиралось до 6,0‰ у православныхъ разныхъ національностей до 10,0‰. Хотя крайне негигіеничныя условія, среди которыхъ живутъ буряты-язычники, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, но все же слишкомъ довѣрять этимъ даннымъ особенно касательно шаманистовъ, у которыхъ нѣтъ пра-

вильно организованнаго духовенства, которое ведетъ у другихъ религіозныхъ группъ подобныя записи, врядъ-ли возможно.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ относительной плодовитости бурятовъ можно получить и изъ сопоставленія данныхъ о числѣ дѣтей съ таковыми касательно общаго числа бурятскаго населенія извѣстнаго раіона.

Изъ цифровыхъ данныхъ, приведенныхъ въ IV главѣ, усматривается что въ данномъ отношеніи буряты занимаютъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди всѣхъ инородцевъ и послѣднее среди живущихъ въ южной культурной полосѣ Сибири: у нихъ на 100 д. об. п. приходится 14,7—14,8 дѣтей до 5 л. (вкл.) — ср. стр. 57 и 74. Эти данныя наглядно показываютъ сравнительно небольшую жизнеспособность Иркутскихъ бурятовъ, огромное большинство которыхъ живетъ осѣдло и занимается земледѣліемъ. Между тѣмъ какъ у другихъ народовъ Сибири вмѣстѣ съ переходомъ къ полуосѣдлой и осѣдлой жизни число дѣтей значительно возрастаетъ — ср. въ этомъ отношеніи тюрковъ—кочевниковъ (киргизъ-кайсаковъ), полуосѣдлыхъ (якутовъ и минусинцевъ) и осѣдлыхъ — (татаръ Тобольской и Томской губ.), буряты даже въ осѣдлой жизни сохранили свое прежнее малоплодіе.

Разсматривать этотъ вопросъ подробнѣе не входитъ въ рамки нашей задачи. Замѣтимъ лишь, что, какъ явствуетъ изъ приведенныхъ ниже данныхъ, экономическое положеніе этихъ бурятовъ въ общемъ настолько хорошо, — даже вымирающіе Верхоленскіе буряты были въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія богаче удобной и пахатной землей и скотомъ, чѣмъ ихъ сосѣди русскіе, имѣющіе хорошій приростъ населенія, — что приписывать несомнѣнное угасаніе отдѣльныхъ ихъ группъ экономической необезпеченности во всякомъ случаѣ нельзя [1]).

---

1) Сравнительная обезпеченность удобной и пахатной землей крестьянъ и инородцевъ Иркутской губ. въ концѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія видна изъ нижеслѣдующей таблицы:

На одну (приписную) душу приходилось десятинъ:

Округа.	удобной земли		усад., пашни и покоса		пашни съ залеж.	
	инор.	крест.	инор.	крест.	инор.	крест.
1. Иркутскій . . .	25,0	19,3	8,1	5,6	3,1	3,4
2. Балаганскій . .	42,8	19,1	11,7	7,0	5,5	4,7
3. Нижнеудинскій	28,3	37,8	23,6	10,6	3,5	4,7
Итого . . .	37,7	23,8	10,6	7,4	4,7	4,2
4. Верхоленскій	37,9	19,6	11,0	4,6	4,0	3,1

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что инородцы всѣхъ округовъ значительно богаче *удобной* землей и въ частности главныхъ ея трехъ категорій (усадебной, покосной и пахат-

Еще болѣе отрывочны и неполны наши данныя касательно инородческаго, и въ частности бурятскаго, населенія *Забайкальской* обл., до 1853 г. составлявшей часть Иркутской губ. Къ тому же вслѣдствіе обурятенія части мѣстныхъ тунгусовъ почти во всѣ числа бурятовъ данной области за прежніе годы оказывается включеннымъ извѣстное число первыхъ, причемъ мы не въ состояніи въ настоящее время опредѣлить какое именно. Въ виду этого намъ приходится разсматривать обѣ національности вмѣстѣ, что въ виду довольно большой численности Читинскихъ тунгусовъ, ведущихъ осѣдлую жизнь и

ной), чѣмъ крестьяне. Что касается до одной *пахатной* (вкл. залежную), то въ двухъ изъ нихъ инородцы имѣютъ больше пашни и въ двухъ меньше, чѣмъ у крестьянъ, хотя въ итогѣ по всѣмъ округамъ и здѣсь они находятся въ болѣе выгодномъ положеніи. Въ частности буряты и Верхоленскаго округа, имѣющіе, какъ мы видѣли, отрицательный приростъ населенія, богаче крестьянъ землями всѣхъ трехъ категорій.

Распредѣленіе пахатной земли между отдѣльными общинами инородцевъ и крестьянъ губерніи представлялось въ такомъ видѣ: въ трехъ первыхъ округахъ общины съ количествомъ пашни на 1 д. до 2 дес. составляли у тѣхъ и другихъ около 5% (5,2 и 4,9%). Имѣющія отъ 2—3 дес. составляли у первыхъ 20,0 и у вторыхъ 7,5%; отъ 3 до 6 дес.: 43,4 и 80,5%; отъ 6 до 7 дес.: 19,5 и 4,6% и свыше 6 дес.: 11,9 и 2,5%. Въ Верхоленскомъ окр. общины, имѣющія до 2 дес. составляли: у инородцевъ 16,1 и у крестьянъ 8,9%; отъ 2 до 3 дес. 21,0 и 43,4%; отъ 3 до 4 дес.: 32,4 и 43,3%; отъ 4 до 5 дес.: 25,8 и 3,9% и свыше 5 дес.: 4,7 и 0,5%. Такимъ образомъ, крестьяне обезпечены пашней болѣе равномѣрно, чѣмъ инородцы, именно: въ первыхъ трехъ округахъ $^4/_5$ всѣхъ крестьянъ имѣли отъ 3 до 6 дес. и въ Верхоленскомъ 86,7% отъ 2 до 4 дес., между тѣмъ какъ среди инородцевъ въ первыхъ трехъ округахъ, общины, имѣвшія отъ 2 до 7 дес., составляли 82,9% и въ Верхоленскомъ окр. имѣвшія отъ 2 до 5 дес. — 79,2 %.

Отдѣльныя административныя единицы этого округа были слѣдующимъ образомъ обезпечены пахатной землей (мягкой пашней). Въ русскихъ волостяхъ на 100 жителей об. п. приходилось отъ 145 дес. (Тутурская вол.) до 183 дес. (Качугская), а въ бурятскихъ вѣдомствахъ въ В. Кудинскомъ 119 дес., а во всѣхъ остальныхъ отъ 170 дес. (Куленгское вѣд.) до 216 дес. (Ангинское). Такимъ образомъ, лишь въ одномъ В. Кудинскомъ вѣд. буряты были бѣднѣе запашками, чѣмъ русскіе, а въ остальныхъ они въ этомъ отношеніи превосходили русскихъ: у послѣднихъ въ 4 изъ 5 волостей на 100 жителей имѣлось *менѣе* 170 дес. пашни, а у бурятовъ въ 5 изъ 6 — 170 дес. и *больше*.

О богатствѣ бурятовъ Иркутской губ. *скотомъ* имѣются слѣдующія данныя, относящіяся къ 3 ея округамъ (Иркутскому, Балаганскому и Нижнеудинскому).

Разряды жителей.	На 100 жителей об. п. десят. запаш.	гол. скота	На 100 дес. запашки гол. скота	раб. лошад.	На 1 работн. раб. лошад.
1. Крестьяне-старож..	258	144	61	25	2,5
2. » -новоселы	153	96	63	26	1,7
3. Поселенцы	58	46	78	33	0,7
4. Кочевые инородцы.	220	248	70	28	2,1
5. Осѣдлые » .	187	185	98	33	2,6
Въ среднемъ . .	**212**	**167**	**77**	**28**	**2,3**

Изъ этихъ данныхъ видно, что, уступая крестьянамъ-старожиламъ въ размѣрахъ запашки на 100 жителей об. п., инородцы оказываются богаче скотомъ, чѣмъ всѣ категоріи

имѣющихъ хорошее естественное приращеніе, сильно затемняетъ вопросъ, который мы стараемся разрѣшить въ настоящей главѣ. Въ 1816/7 гг. въ Забайкальской обл. внѣ городовъ числилось 82.228 д. (41.050 м.)[1]) инородцевъ, въ 1839 г.—104.325 д. (52.952 м.)[2]), въ 1859 г.—131.000 д. (въ т. ч. 7000 тунгусовъ—число слишкомъ малое)[3]), въ 1869 г.—140.568 д.[4]) и въ 1897 г.—184.987 г. (91.503 м.). Средній ежегодный приростъ мужчинъ за первый періодъ времени отъ 1816/7 г. до 1839 гг. равенъ 13,2‰ и за второй періодъ 1839—1897 гг.—12,6‰ т. е. почти одинъ и тотъ же[5]).

сельскаго населенія русскаго происхожденія. Этотъ выводъ оказывается справедливымъ и для Верхоленскаго округа, какъ это видно изъ нижеслѣдующихъ данныхъ:

Группы населенія.	На 100 жителей об. п.			Рабочихъ лошадей	
	всего скота.	раб. лош.	дойн. кор.	на 100 факт. работниковъ.	на 100 дес. запашки.
1. Крестьяне-старожилы.	140	49	52	188	27
2. » -новоселы .	94	38	36	167	31
3. Поселенцы	36	14	15	67	40
Въ среднемъ. . .	126	46	47	177	28
4. Инородцы-кочевые . .	283	47	101	147	26
5. » -осѣдлые . .	146	47	59	191	34
Въ среднемъ. . .	275	47	98	149	27
6. Крестьяне друг. селен. того же округа. . . .	146	31	32	149	27
Въ среднемъ по окр.	179	46	65	165	27

Изъ данныхъ касательно обезпеченности жителей отдѣльныхъ мелкихъ административныхъ единицъ Верхоленскаго окр. скотомъ видно, что буряты во всѣхъ случаяхъ находятся въ этомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ чѣмъ русскіе, именно, у послѣднихъ на 100 жителей об. п. приходится отъ 115 (Верхоленская вол.) до 142 (Тутурская) головъ скота (въ переводѣ на крупный) и на 1 хозяйство въ среднемъ отъ 5,5 гол. (Илгинская вол.) до 7,3 (Манзурская и Тутурская), между тѣмъ какъ у бурятовъ въ самомъ бѣдномъ скотомъ вѣдомствѣ (Куленгскомъ) на 100 жителей об. п. было 214 гол., а въ самомъ богатомъ (Хоготовскомъ) 345 гол. и на 1 хозяйство приходилось отъ 9,2 гол. (Ангинское вѣд.) до 15,6 гол. (Хоготовское), т. е. количества приблизительно въ два раза большія, чѣмъ у русскихъ.

Всѣ вышеприведенныя данныя относятся къ 1887/8 гг. и заимствованы изъ «Мат. по изслѣд. землепольз. и хоз. быта» Иркутск. губ., II т., вып. III (106 и 110), вып. IV (176) и вып. VI (91—92, 176—177). — Подъ словомъ «скотъ» въ нашихъ таблицахъ подразумѣвается крупный скотъ и мелкій, переведенный въ крупный (при разсчетѣ 10 головъ мелкаго скота = 1 гол. крупнаго).

1) Андріевичъ, II, 99.

2) Baer: «Beitr. z. Kenntn. d. Russ. R.», VII, 89 ff.

3) «Геогр.-стат. слов.» Семенова.

4) «Пам. кн. Забайк. обл.» 1871 г.

5) Естественное приращеніе Забайкальскихъ инородцевъ (бурятовъ и тунгусовъ) за 3 года 1867—69 г.г. было: у ламаитовъ — 9,7‰; у язычниковъ — 2,3‰ и у православныхъ

Изъ этихъ данныхъ можно, повидимому, вывести лишь одно заключеніе, что Забайкальскіе буряты имѣютъ положительный и при томъ довольно значительный приростъ (хотя врядъ ли достигающій 13‰).

Кромѣ того, у насъ имѣются еще нѣкоторыя данныя касательно численности въ разные годы Хоринскихъ бурятъ, составляющихъ главную массу бурятскаго населенія Забайкальской обл. Въ VII рев. ихъ численность опредѣлилась въ 21.116 м. д.[1]) и въ 1824 г. въ 23.258 м. д.[1]), а въ 1838/9 г. въ Хоринскомъ и Агинскимъ вѣдомствахъ, на которыя съ 1833 г. разбились Хоринскіе буряты,—35.297 д. (17.347 м.)[2]) + — д. (7858 м.)[3]) = — д. (25.205 м.), наконецъ, въ 1897 г. ихъ по даннымъ переписи оказалось 53.624 д. (26.169 м.) и 38.567 д. (19.347 м.) = 92.191 д. (45.516 м.), не считая, однако, многочисленныхъ лицъ, проживающихъ внѣ предѣловъ своихъ округовъ. Приростъ ихъ за 80 г. (съ 1816/7 г.) до переписи равенъ ежегодному приращенію населенія въ 14,4‰ и съ 1838/9 г.—13,9‰. Если же мы возьмемъ для 1897 г. цифру Хоринскихъ и Агинскихъ бурятъ по мѣстной переписи Коммиссіи Куломзина лѣтомъ указаннаго года въ 83.405 д. (41.241 м.)[4]), включая и постоянно отсутствующихъ, то коэффиціентъ прироста Хоринскихъ бурятовъ за 81 г. будетъ 11,8‰. И эти данныя, повидимому, свидѣтельствуютъ о сильномъ ростѣ бурятскаго населенія Забайкальской области[5]).

О приростѣ казаковъ-инородцевъ, среди которыхъ буряты составляютъ около 88‰, за болѣе ранніе періоды времени у насъ имѣются слѣдующія данныя: въ 1783 г. ихъ число опредѣляли въ 5273[6]) м. д., въ 1852 г.—

(вмѣстѣ съ русскими) — 9,9‰ — см. «Пам. кн. Забайк. обл.» 1871 г. И здѣсь, какъ и въ Иркутской губ.,язычники имѣютъ меньшій приростъ, чѣмъ ламаиты (ср. стр. 80).

1) «Комм. д. изсл. и т. д.», V, приложеніе, 149. Въ числѣ 23.258 д., повидимому, включены и тѣ хоринцы, которые проживали на земляхъ Нерчинскаго заводскаго вѣд.—2770 сем. или 7007 м. д.

2) Гагемейстеръ, II, 1 ч. У него, однако, въ это число, повидимому, включены и Агинскіе буряты (?).

3) См. 2 прим. на стр. 83.

4) «Комм. д.изсл. и т. д.», III вып. Въ 1893 г. численность Агинскихъ бурятовъ была опредѣлена Агинской степн. думой (см. «Комм.», V, прилож., 211) въ 34.619 д.

5) У насъ имѣются еще данныя о численности главныхъ группъ Забайкальскихъ бурятъ по даннымъ VI ревизіи (1812 г.). Въ 18 родахъ Селенгинскихъ бурятъ числилось 8457 м. д., въ 14 родахъ Кударинскихъ—1978 д., Баргузинскихъ—1720 д., въ 11 родахъ Хоринскихъ — 21.374 д. или всего въ Верхнеудинскомъ окр., охватывавшемъ раньше все с.-з. Забайкалье,—33.529 д. Эти цифровыя данныя по сопоставленіи съ таковыми за 1897 г., по переписи, тоже свидѣтельствуютъ о сильномъ ростѣ Забайкальскихъ бурятовъ (см. статью Словцова въ «Казан. Изв.», 1816, № 84, стр. 392).

6) Беръ, ibid.

въ 11.531[1]) м. д. и въ 1897 г., по переписи—13.700 м. д.[2]) и по даннымъ Коммиссіи Куломзина (III вып.) до 12.203 м. д. Послѣдняя цифра, повидимому, неполная, но и цифру переписи въ сущности нельзя считать полной. Дѣло въ томъ, что во время вторичнаго присоединенія къ Россіи Пріамурскаго края, именно, въ періодъ времени 1857—62 гг. часть Забайкальскихъ казаковъ, въ томъ числѣ и инородцевъ, была выселена на берега Амура и Уссури, гдѣ ихъ потомки образуютъ Амурское и Уссурійское казачьи войска. И позже имѣли мѣсто значительныя выселенія казаковъ въ Пріамурье, главнымъ образомъ въ 1883—89 гг. Цифра же 1897 г. относится лишь къ тѣмъ казакамъ-инородцамъ, которые остались на мѣстахъ, въ Забайкальской обл. Приростъ казаковъ-инородцевъ данной области за первый періодъ въ 69 лѣтъ (1783—1852 гг.) равенъ 17,2‰. Своей высотой онъ напоминаетъ коэффиціенты прироста населенія Забайкальскихъ и Иркутскихъ бурятовъ за прежніе годы (см. стр. 76 и 83). Несомнѣнно, онъ выше дѣйствительнаго и обусловливается, съ одной стороны, неполнотою цифры 1783 г. и, съ другой, вѣроятно послѣдующимъ причисленіемъ къ казачьему сословію другихъ группъ инородцевъ области. За послѣдующій періодъ времени (1852—1897 гг.) средній ежегодный приростъ казаковъ оказывается всего 4,2‰, т. е. почти тотъ же, который получается на основаніи данныхъ о движеніи казачьяго населенія за 1897/8 гг. (см. ниже). Намъ кажется, что этотъ приростъ и слѣдуетъ признать нормальнымъ среднимъ приростомъ бурятскихъ казаковъ за послѣднее до переписи полустолѣтіе. Врядъ ли можетъ значительно превышать этотъ приростъ и коэффиціентъ прироста Забайкальскихъ бурятовъ инородческаго сословія.

Среди казаковъ-инородцевъ области въ 1852 г. имѣлось 9864 м. д. бурятовъ и 1667 м. д. тунгусовъ[1]). Такъ какъ послѣдніе въ настоящее время окончательно обурятились (небольшая часть обрусѣла) и въ религіозномъ отношеніи не отличаются отъ бурятовъ-казаковъ (они, за исключеніемъ небольшого числа православныхъ,—ламаиты), то опредѣлить ихъ численность въ 1897 г. можно было лишь по ихъ приписке къ Акшинскому округу, всѣ казаки-инородцы котораго по происхожденію тунгусы. По переписи 1897 г. казаковъ бурятскаго (и тунгусскаго) языка со включеніемъ небольшого числа обрусѣлыхъ оказалось 1482 м. д. Увеличивъ это число вслѣдствіе неполноты данныхъ объ обрусѣлыхъ казакахъ-тунгусахъ и вслѣдствіе отсутствія

---

1) Гагемейстеръ, II, 1, 72.

2) Въ т. ч. бурятовъ 12.118 м. д. и тунгусовъ 1582 м. д. (см. ниже). Относительно тунгусовъ-казаковъ см. нашу работу: «Оп. геогр. и стат. тунгусовъ», I, 1 вып. (130—136).

во время переписи извѣстнаго ихъ числа въ другихъ округахъ области и въ Монголіи на 100 д. или до 1582 м. д., мы все же получаемъ число тунгусовъ-казаковъ меньшее противъ таковаго за 1852 г. Мы конечно не высказываемся въ пользу вымирапія казаковъ-тунгусовъ и болѣе склонны приписать обнаружившуюся убыль неполнотѣ данныхъ за послѣдній годъ (см. выше), а также извѣстной разнородности тѣхъ и другихъ данныхъ (Коммиссія Куломзина, вып. 3, опредѣлила численность тунгусовъ-казаковъ Акшинскаго окр. въ 1897 г. всего въ 1401 м. д., а оффиціальное изданіе переписи 1897 г., вып. LXXIV, въ 1337 м., не считая окончательно обрусѣвшихъ казаковъ, которыхъ на основаніи статистическихъ данныхъ трудно было выдѣлить изъ состава русскихъ казаковъ округа).

При желаніи провѣрить приростъ Забайкальскихъ бурятовъ путемъ изслѣдованія ихъ движенія населенія, мы сразу встрѣчаемъ большія препятствія: во всѣхъ источникахъ, которые объ этомъ трактуютъ, эти данныя приводятся въ видѣ огульныхъ цифръ по цѣлымъ округамъ, безъ подраздѣленія населенія на національныя, религіозныя и сословныя группы. Нѣсколько лучше дѣло обстоитъ съ казачьимъ населеніемъ, имѣющимъ особое военное управленіе, которое ведетъ статистику населенія болѣе тщательнымъ образомъ. Касательно казачьяго населенія, извѣстный контингентъ котораго, какъ извѣстно, составляютъ казаки-инородцы (буряты и тунгусы), мы, поэтому, имѣемъ болѣе точныя данныя о приростѣ населенія по административнымъ и военнымъ округамъ, причемъ значительное преобладаніе въ одномъ изъ первыхъ бурятскаго элемента и значительный процентъ его въ другомъ замѣтно отражается на высотѣ коэффиціентовъ рождаемости и смертности ихъ казачьяго населенія.

Округа.	% инор. среди казаковъ въ 1897 г. [1]	Процентъ къ насел. об. п. въ 1897—98 гг. [2]		
		родившіеся.	умершіе.	естеств. приращ.
1. Троицко-Савскій	44,0	3,25	2,20	+ 1,05
2. Селенгинскій.	91,6	1,90	1,45	+ 0,45
3. Акшинскій.	11,6	3,60	1,80	+ 1,80
4. Нерчинскій	0,0	5,55	3,85	+ 1,70
5. Нерчинско-Заводскій . .	0,0	5,20	3,25	+ 1,95
6. Читинскій	0,8	4,75	3,55	+ 1,20
Среднее . . .	**16,1**	**4,55**	**2,95**	**+ 1,60**

1) Вычислено по изданію Ц. С. К. Перепись 1897 г., вып. LXXIV. Для Акшинскаго окр. взята цифра 1482 м. (см. выше).

2) «Отч. о сост. Забайкальск. казач. войска» за 1900 г. На основаніи этого же источника составлена и слѣдующая таблица, гдѣ мѣстные казаки сгруппированы по военнымъ

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что въ округахъ, гдѣ инородцы-казаки составляютъ значительный процентъ, коэффиціенты рождаемости и смертности и естественнаго приращенія много ниже противъ наблюдаемыхъ въ округахъ съ почти чисто русскимъ казачьимъ населеніемъ. Въ Селенгинскомъ окр., гдѣ буряты-казаки составляютъ $^9/_{10}$ всего казачьяго сословія, коэффиціентъ рождаемости почти въ 3 раза и коэффиціентъ смертности въ $2^1/_2$ раза ниже противъ таковаго въ другихъ округахъ, гдѣ инородцевъ почти нѣтъ и въ результатѣ естественное приращеніе казаковъ этого округа въ $3 — 4^1/_2$ раза слабѣе противъ другихъ округовъ, кромѣ Троицкосавскаго, гдѣ значительный процентъ бурятовъ замѣтно понижаетъ всѣ эти коэффиціенты. Даже присутствіе среди казаковъ Акшинскаго округа 12 % обурятившихся тунгусовъ оказываетъ замѣтное вліяніе на коэффиціенты движенія казачьяго населенія. Если, такимъ образомъ, присутствіе среди казаковъ Селенгинскаго округа 92 ‰ бурятовъ понижаетъ ихъ естественное приращеніе за указанные два года до 4,5 pro mille, то у чисто бурятскаго населенія соотвѣтствующій коэффиціентъ врядъ ли превышаетъ 4,0‰ — 4,2 ‰.

Тунгусскія племена.

Тунгусовъ Сибири удобно можно соединить въ двѣ большія сборныя группы, изъ коихъ одна будетъ состоять изъ тунгусовъ собственно и другая изъ остальныхъ тунгусскихъ племенъ страны. Касательно первыхъ, обитающихъ во всей восточной части Сибири, отъ 60° в. д. на западѣ до Тихаго океана и морей его бассейна на востокъ и отъ Ледовитаго океана на с. мѣстами до Китайской границы на югѣ, у насъ имѣются, хотя и не полныя, но довольно хорошія статистическія данныя за прежніе годы. Что же ка-

---

округамъ. Округа Селенгинскій и Троицкосавскій образуютъ первый военный округъ области. Въ немъ казаки-буряты составляютъ до 62,5 % и въ виду этого въ немъ коэффиціентъ смертности, рождаемости и естественнаго приращенія много ниже, чѣмъ въ другихъ военныхъ округахъ, изъ коихъ лишь во II % инородцевъ равенъ 5%. За 3-хлѣтіе 1897—99 гг. мы имѣемъ слѣдующія данныя касательно движенія населенія казаковъ четырехъ военныхъ округовъ области:

	Коэфф. рождаем. об. п.	Коэфф. смерти.	естеств. прир. въ ‰.
I военный округъ . . .	2,6	2,0	0,6
II » » . . .	4,2	2,2	2,0
III » » . . .	5,2	3,8	1,4
IV » » . . .	5,6	3,9	1,7
Среднее . .	**4,4**	**3,0**	**1,4**

сается до юго-восточной, сборной, группы тунгусовъ, въ которую входятъ тунгусскія племена, обитающія въ Амурской обл., южной полосѣ Приморской обл. и на о. Сахалинѣ: манегры, гольды, ольчи или мангуны и родственные имъ ороки, орочи, негидальцы и самагиры, то, такъ какъ ихъ область присоединена къ Россіи около времени послѣдней (X) ревизіи, то данныхъ объ ихъ численности за годы до переписи у насъ почти не имѣется, а тѣ, которыя есть, принадлежатъ разнымъ изслѣдователямъ края и отличаются частичнымъ характеромъ и вслѣдствіе частаго смѣшенія между собой отдѣльныхъ племенъ не вполнѣ достовѣрны. Подробности о численности тунгусовъ всѣхъ племенъ и объ ихъ разселеніи по территоріи Сибири — см. нашъ трудъ «Опытъ геогр. и статист. тунгусскихъ племенъ Сибири», I—II т., 1905/6 г.

Тунгусы собственно.

Въ *Енисейской* губерніи тунгусы обитаютъ въ Енисейскомъ окр. и въ Туруханскомъ краѣ:

Енисейскій окр. Въ *Анциферовской* вол. въ X ревизію[1]) проживало 127 д. тунгусовъ Милитскаго рода, кочевавшихъ къ з. отъ Енисея, 98 д. об. п. Питско-Варагонскаго р. и 4 д. Верхне-Чумскаго, обитавшихъ, главнымъ образомъ, къ в. отъ перваго рода. Въ 1897 г. вмѣсто этихъ 229 д. об. п. было зарегистрировано 70 д. (40 м.) тунгусовъ, которые, такимъ образомъ, вслѣдствіе вымиранія представителей названныхъ родовъ уменьшились въ числѣ за 38 лѣтъ въ $3^1/_2$ раза.

Въ раіонѣ, прилегающемъ съ с. къ *Пинчугской* вол., въ 1897 г. было зарегистрировано 385 д. (213 м.) тунгусовъ Каменно-Черноульскаго, Нанудальскаго, Ятоульскаго и II и III Куркугирскихъ родовъ и въ *Кежемской* вол. — 850 д. (434 м.) родовъ I Куркугирскаго, Чемдальскаго, Панкагирскаго и II Лапагирскаго (I Лапагирскій р. нынѣ вымеръ). Итого въ обѣихъ волостяхъ въ 1897 г. числилось 1235 д. (647 м.) коренныхъ тунгусовъ (не считая пришлыхъ) противъ 1206 д. въ 1859 г.[1]). Эти тунгусы, такимъ образомъ, почти не измѣнились въ числѣ со времени X ревизіи, хотя возможно, что численность ихъ въ 1859 г., именно, женщинъ и была выше. Всего же въ округѣ числилось коренныхъ тунгусовъ: 1859 г.—1435 д. и въ 1897 г.—1305 д. *Убыль въ 130 д. соотвѣтствуетъ ихъ ежегодной средней убыли въ* $2{,}4‰$.

---

1) «Списк. нас. мѣстъ Енис. губ.» 1864 г. (Изд. Центр. Стат. Ком.), 58—59.

Туруханскій край. По даннымъ VIII и X ревизій и переписи 1897 г. въ предѣлахъ даннаго края проживало нижеуказанное число тунгусовъ, принадлежавшихъ къ 12 родамъ:

Названія родовъ.	VIII рев. 1835/8 г.[1]		X ревизія 1859 г.[1]		Перепись 1897 г. [2]	
	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.	м. п.	ж. п.
1. Подкаменно-Тунгусскій .	61	(60)	52	44	—[3]	—[3]
2. Жиганскій.	73	(70)	74	70	46	41
3. Боганидскій	57	50	59	49	123	85
4. Чапогирскій (съ частью Панкагирскаго) . . .	131	112	175	96	118	108
5. Усть-Турыжскій	36	26	37	22	36	21
6. II Лѣтній	86	82	97	85	114	99
7. III Лѣтній	59	53	48	40	44	41
8. IV Лѣтній	58	64	61	40	40	40
9. Нижне-Чумскій (съ I Лѣтнимъ).	41	40	36	33	10	13
10. Илимпейскій (Илимпійскій)	208	189	212	160	350[4]	327[4]
Непоказанн. родовъ. . .	—	—	—	—	75	97

Изъ этого сопоставленія усматривается, что изъ 9 родовъ, по которымъ имѣются полныя данныя касательно мужского пола, 5 уменьшились въ числѣ (Нижне-Чумскій, III и IV Лѣтніе, Чапогирскій и Жиганскій), одинъ (Усть-Турыжскій) не измѣнился и 3 (Илимпейскій, II Лѣтній и Боганидскій) увеличились въ числѣ со времени VIII ревизіи. Что касается до значительныхъ колебаній въ численности отдѣльныхъ родовъ за истекшія до переписи шесть десятилѣтій, то, помимо главной причины—большей или меньшей ихъ

---

1) Третьяковъ: «Туруханскій край», 159. Числа женскаго пола для VIII ревизіи заимствованы у Миддендорфа. Данныя касательно ж. п. двухъ первыхъ родовъ у него отсутствуютъ, въ виду чего нами приведены въ скобкахъ предположительныя цифры. Число женщинъ за X ревизію несомнѣнно неполное.

2) Данныя за 1897 г., какъ почти всюду, приведены по нынѣ печатаемой въ Зап. И. Р. Геогр. О. (по Отд. Статист., т. XI) спеціальной разработкѣ авторомъ данныхъ переписи касательно Сибири.

3) Въ переписномъ матеріалѣ не имѣется данныхъ касательно этого рода (см. нашу работу: «Опытъ геогр. и стат. тунг. и т. д.» (ч. I, вып. 2, 158).

4) Если застигнутыхъ во время переписи въ Вилюйскомъ окр. 37 д. (24 м.) тунгусовъ Комбайскаго (?) рода Лимпійскаго вѣд. (?) признать за представителей Илимпейскаго р., то общее число представителей послѣдняго будетъ 374 м. и 340 ж. Сильный ростъ численности Илимпейскаго р., сравнительно недавно перешедшаго отъ занятія однимъ звѣроловствомъ къ оленеводству въ связи съ этимъ послѣднимъ, подтверждаетъ и г. Толмачевъ, лично посѣтившій область этого рода въ 1905 г. Онъ любезно сообщилъ автору, что эти тунгусы обладаютъ большими семьями и имѣютъ вполнѣ жизнеспособный видъ.

жизнеспособности, они могли зависѣть, съ одной стороны, отъ того обстоятельства, что точно зарегистрировать этихъ тунгусовъ, иногда годами не показывающихся на суглапахъ и бродящихъ въ глухихъ тайгахъ, крайне трудно, почему въ разные годы возможно допустить пропуски въ отчетѣ то въ однихъ, то въ другихъ тунгусскихъ родахъ. Съ другой стороны, отдѣльныя части родовъ, проживая въ сосѣдствѣ съ другими родами, нерѣдко причисляются къ этимъ послѣднимъ, что также вліяетъ на численность отдѣльныхъ родовъ. О Подкаменно-Тунгусскомъ родѣ въ матеріалѣ переписи 1897 г. не упоминается (также въ «Сп. нас. мѣстъ по даннымъ 1859 г.» и у Миддендорфа). Можетъ быть въ данныхъ переписи тунгусы этого рода попали въ число тунгусовъ другихъ родовъ.

Если подсчитать численность тунгусовъ указанныхъ родовъ по вышеприведеннымъ тремъ регистраціямъ, то получится, что въ VIII ревизію ихъ численность была 1556 д. (810 м.), въ X ревизію — 1490 д. (851 м.) и въ 1897 г. — 1659 д. (881 м.). Всего же вмѣстѣ съ нераспредѣленными по родамъ тунгусами въ 1897 г. въ Туруханскомъ краѣ было переписано 1831 д. (956 м.) этого племени, изъ коихъ 73 д. (35 м.) происходили изъ Вилюйскаго окр. Вычтя ихъ изъ указаннаго числа и присоединивъ къ нему 37 д. (24 м.) тунгусовъ Туруханскаго края (Илимпейскаго р. ?), застигнутыхъ въ Вилюйскомъ окр., мы получимъ болѣе точное число коренныхъ тунгусовъ края въ 1897 г. 1795 д. (945 м.).

Изъ сопоставленія этого числа съ таковымъ по VIII ревизіи усматривается, что прибыль тунгусовъ со времени 1838 (?) г. равняется, такимъ образомъ, 135 м. д., что соотвѣтствуетъ *ежегодному среднему приросту за періодъ въ 59 лѣтъ въ* $2{,}8‰$.

Въ обѣихъ частяхъ Енисейской губерніи въ 1859 г. числилось 2925[1]) д. об. п. коренныхъ тунгусовъ, а въ 1897 г. — 3100 д. Прибыль за 38 лѣтъ мѣстныхъ тунгусовъ равна 175 д., что составляетъ $1{,}6‰$ въ годъ — коэффиціентъ слишкомъ высокій вслѣдствіе неполноты данныхъ касательно числа женщинъ въ 1859 г.

Иркутская губ. Верхоленскій округъ. Въ *Тутурскомъ* вѣдом. въ 1897 г. оказалось 167 д. (78 м.) противъ 253 д. (116 м.) въ X ревизію 1858/9 г. и 263 д. (124 м.) въ IX ревизію (1851/2 г.)[2]). Раньше ихъ число

---

1) Въ моемъ трудѣ: «Оп. геогр. и стат. тунг.» I т., 1 ч., стр. 168, ошибочно показано 2830 д. и во 2 ч., стр. 45—2825 д.

2) И. Кларкъ: «Зап. Сиб. О. И. Р. Геогр. О.», VI, 1863 г., 88.

было еще больше: Георги во вторую половину XVIII ст. опредѣляетъ ихъ число въ 193 м. д. [1]).

Въ *Очеульскомъ* вѣд. въ 1897 г. было зарегистрировано 401 д. (202 м.) противъ 470 д. (241 м.) въ 1858/9 г. и 510 д. (256 м.) въ 1851/2 г. [2]), а во второй половинѣ XVIII ст. ихъ число простиралось до 347 м. д. [1]).

Если предположить, что и отдѣльные тунгусы, проживающіе въ русскихъ деревняхъ и т. д., за исключеніемъ коч. Качика, принадлежатъ къ Тутурскому и Очеульскому вѣдомствамъ, то наличное населеніе этихъ послѣднихъ будетъ равно по даннымъ переписи 1897 г. 601 д. (300 м.) противъ 723 д. (357 м.) въ X ревизію и 773 д. (380 м.) въ IX ревизію 1851/2 г. *Убыль мужчинъ за 45 л. со времени IX ревизіи равна 4,6 ‰ въ годъ.* Весьма значительна ихъ убыль и съ 60 (?) годовъ XVIII стол.—прибл. на 44,4% — за періодъ времени въ 132 (?) г., если цифра Георги (540) относится къ III ревизіи (1763/6 г.) [1]).

«Главными причинами вымиранія этихъ тунгусовъ являются: въ прежнее время — эпидемическія болѣзни (оспа, горячка) и въ болѣе поздніе періоды — частыя голодовки вслѣдствіе уменьшенія дичи въ лѣсахъ»[3]).

Киренскій округъ:

Названія вѣдомствъ.	Въ 1824 г.[4]) м. п.	Въ 1861 г.[5]) м. п.	об. п.	Въ 1897 г. м. п.	об. п.	Приростъ м. п. (+ —) за 73 л.: 1824—1897 гг. абсол.	‰ въ 1 г.
1. Киренско-Хандинское .	508	291	684*	167	334	— 341	— 9,2
2. Кондогирское	325	171	338	146	293	— 179	— 7,6
3. Курейское.	423	372	748	211	382	— 212	— 6,9
4. Нижне-Илимское . . .	423	169	330	134	274	— 289	— 7,9
Не показавш. вѣд. мѣстные тунгусы	—	—	—	43	93	+ 43	—
Итого . . .	**1679**	**1003**	**2100**	**701**	**1376**	**— 978**	**— 5,8**

1) Ibid., 296. Георги принималъ тунгусовъ этихъ обоихъ вѣдомствъ за бурятовъ Такъ какъ онъ не сообщаетъ года, за который онъ приводитъ численность тунгусовъ, она можетъ относиться къ III ревизіи 1761/3 г. (въ В. Сибири до 1766 г.)—книга его вышла въ 1775 г. (русск. изд. въ 1776 г.). Такъ какъ, однако, вплоть до IV ревизіи 1781/3 г. исчислялось лишь работоспособное мужское населеніе (см. прим. на стр. 7), то можетъ быть приведенныя имъ числа не даютъ полнаго числа тунгусовъ того времени (?).

2) См. 2 прим. на стр. 90.

3) Выдержки въ ковычкахъ и вышеприведенныя данныя касательно Иркутской губ. заимствованы изъ моего труда: «Оп. геогр. и стат. тунг. и т. д.» I т., 2 вып., 45.

4) Указъ Ирк. губ. правл. 18 іюля 1824 г. («Комм. д. изсл. землед. и т. д. Забайк. обл.», V, 153). Оффиціальный характеръ источника заставляетъ довѣрять этимъ цифрамъ.

5) «Памятн. кн. Иркутск. губ.» на 1863 г., стр. 176 сл.

Эти данныя показываютъ ужасающую убыль тунгусовъ округа за истекшіе до переписи 73 года. Объяснять ее нельзя, ни эмиграціей, потому что тунгусы этихъ вѣдомствъ нигдѣ не были застигнуты переписью въ болѣе или менѣе значительномъ числѣ (всего 9 м. въ Туруханскомъ краѣ), ни ошибочностью данныхъ за оба сравниваемые года, потому что свѣдѣнія за промежуточные годы, напр. за 1861 г., показываютъ среднія величины. Оставляя тѣмъ не менѣе въ сторонѣ слишкомъ высокія цифры 1824 г., мы изъ другихъ данныхъ видимъ, что мѣстные тунгусы измѣнялись со времени VII ревизіи такимъ образомъ: въ 1816/8 г. ихъ было 1077 м. (2044 об. п.)[1]), въ 1839 г.—1015 м. (1974 об. п.)[2]), въ 1861 г.—1003 м. (2100 д.)[1]) и въ 1897 г.—701 м. (1376 об. п.)[3]). *Убыль мужского пола за 80 лѣтъ со времени 1817 г. равна 34,9% или 4,4‰ въ годъ и со времени VIII ревизіи—30,9% или 5,3‰ въ годъ.*

Интересно сопоставить съ этими данными чрезмѣрный ростъ якутовъ этого округа со времени 20 годовъ истекшаго столѣтія, правда, главнымъ образомъ, вслѣдствіе иммиграціи (см. стр. 52).

Иркутскій округъ. Численность Голоусинскихъ тунгусовъ опредѣляли въ X ревизію въ 131 д. (63 м.), по мѣстной переписи 1887/8 г.—въ 104 д. (61 м.) и въ 1897 г.—въ 78 д. (34 м.). *Убыль противъ X ревизіи несомнѣнна*, хотя цифра переписи, отчасти вслѣдствіе смѣшенія этихъ тунгусовъ съ бурятами, среди которыхъ они живутъ, по всему вѣроятію и ниже дѣйствительной.

Балаганскій округъ. Число тунгусовъ Мало-Бѣльскаго рода и улуса Ныгдинскаго вѣд. простиралось въ X ревизію до 48 д. (27 м.), въ 1861 г.—44 д. (26 м.)[4]), а въ 1897 ихъ оказалось 41 д. (23 м.)—тоже убыль.

Итакъ, во всей губерніи тунгусы сильно уменьшились со времени X ревизіи и еще больше противъ начала прошлаго столѣтія. Въ виду разнородности данныхъ мы не можемъ привести итоги за указанные годы по гу-

---

1) Андріевичъ, ibid., II, 100—число инородцевъ округа вообще (въ Киренскомъ окр. бурятовъ вовсе нѣтъ, а якуты въ немъ стали селиться, начиная съ первой четверти этого столѣтія).

2) Беръ, ibid., 108 сл. — число бродячихъ и осѣдлыхъ инородцевъ (кочевыми являются одни якуты — 44 м. и 48 ж.).

3) Изъ наличнаго населенія Иркутской губ. мы вычли 37 д. (21 м.), въ т. ч. изъ Киренскаго окр. 32 д. (20 м.) посторонніхъ тунгусовъ и прибавили 9 м., застигнутыхъ въ Турух. краѣ.

4) «Пам. кн. Иркут. губ. на 1863 г.». Данныя этого источника за 1861 г., повидимому, нѣсколько преувеличены, напр., въ Иркутскомъ окр. показано 170 д. (86 м.), въ Верхоленскомъ окр. 841 д. (438 м.), въ т. ч. Тутурскомъ ин. вѣд. 267 д. (131 м.) и въ Очеульскомъ ин. вѣд. 574 д. (307 м.).

берніи, по за 1840 г. у насъ имѣется цифра Гагемейстера (ibid., 24 сл.) для цѣлой губерніи—3401 д. (1716 м.), изъ коихъ 1695 д. (826 м.)[1]) приходились на Киренскій окр. Въ 1861 г. число Иркутскихъ тунгусовъ простиралось до 3155 д. (1553 м.)[2]). Сопоставляя съ цифрой 1840 г. число коренныхъ тунгусовъ губерніи въ 1897 г.—2163 д. (1091 м.)[3]), мы получаемъ убыль тунгусскаго населенія за 57 лѣтъ въ 1238 д. (625 м.), что соотвѣтствуетъ ежегодной средней убыли м. п. въ 6,4‰. Хотя данныя за прежніе годы и не вполнѣ совпадаютъ другъ съ другомъ[1]), *но всѣ они единогласно свидѣтельствуютъ объ очень быстромъ вымираніи Иркутскихъ тунгусовъ.*

Якутская область[4]). Сопоставленіе данныхъ X ревизіи и переписи 1897 г. даетъ слѣдующую таблицу:

Названія округовъ.	Населеніе постоянное въ 1859 г.[5])		Населеніе наличное 1897 г.		Приростъ въ абсол. цифрахъ.	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Вилюйскій . . .	2081	3706	1984	4062	— 97	+ 356
2. Олекминскій . .	497	875	448	858	— 49	— 17
3. Якутскій	3053	5680	2390	4512	— 663	— 1168
4. Верхоянскій . .	822[6])	1559[6])	876	1688	+ 54	+ 129
5. Колымскій . . .	670	1269	553	1111	— 117	— 158
Всего . . .	**7123**	**13.089**	**6251**	**12.231**	**— 872**	**— 858**

Итакъ, при первомъ взглядѣ на эту таблицу мы видимъ, что тунгусское населеніе Якутской области за періодъ времени отъ X ревизіи до переписи 1897 г. значительно уменьшилось въ числѣ, причемъ изъ обоихъ половъ женщины почти не измѣнились въ числѣ (5966 ж. въ 1859 г. и 5980 ж. въ 1897 г.), такъ что вся убыль падаетъ на мужское населеніе. Но дѣлать выводъ на основаніи этихъ данныхъ о вымираніи тунгусовъ и мужчинъ въ частности нельзя уже потому, что данныя за оба года пред-

---

1) Эти цифры за 1840 г. не гармонируютъ съ выше приведенными за 1839 г. и съ данными по Киренскому окр. за 1824 г. За 20-е годы истекшаго столѣтія у насъ имѣется еще другая, отличная отъ предыдущей, цифра тунгусовъ—1427 м. д. (см. «Оп. геогр. и стат. тунг.» I т., 2 вып., 48).

2) См. 4 прим. на стр. 92.

3) См. 3 прим. на стр. 92.

4) Подробнѣе см. нашу работу: «Оп. геогр. и стат. тунг. Сиб.» т. I, 1 вып., 55—98; 2 вып., 48—58 и 113—130. Заимствуя нижеслѣдующія данныя изъ этого труда, мы попутно исправили нѣсколько вкравшихся тамъ ошибокъ (напр. число тунгусовъ въ Верхоянскомъ окр. ошибочно показано за 1859 г. въ 1622 д. (885 м.).

5) «Нам. кн. Якутской обл. на 1863 г.», стр. 61—72.

6) Включая юкагирскія части смѣшанныхъ юкагирско-ламутскихъ родовъ I и II Кунгурскаго и Тюгясирскаго.

ставляютъ величины неудобосравнимыя: за 1859 г. мы имѣемъ дѣло съ приписнымъ постояннымъ населеніемъ, а данныя переписи даютъ въ данномъ случаѣ наличное населеніе. Чтобы получить возможность имѣть правильное сужденіе о ходѣ естественнаго приращенія тунгусовъ Якутской области, надо въ данныхъ 1897 г. произвести соотвѣтствующія поправки, чтобы сдѣлать тѣ и другія однородными. Но это возможно, къ сожалѣнію, не для всей массы тунгусскаго населенія области, хотя и для большей. Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ разсмотрѣнію естественнаго приращенія названнаго племени по округамъ и родамъ, сообщимъ, что причина указаннаго выше значительнаго различія въ приростѣ тунгусовъ обоихъ половъ за 38 лѣтъ до переписи, заключается, съ одной стороны, въ худшей регистраціи женщинъ въ X ревизію, чѣмъ во время переписи, и, съ другой,—въ значительно большемъ участіи мужчинъ въ эмиграціи за предѣлы отдѣльныхъ округовъ и всей области сравнительно съ женщинами. Но что и женщины измѣнились въ числѣ со времени X ревизіи усматривается, напр., изъ факта значительной убыли ихъ въ Якутскомъ окр. и увеличенія ихъ числа въ Вилюйскомъ окр. Это хорошій примѣръ того факта, что для изученія такого сложнаго вопроса, какимъ является естественное приращеніе инородческихъ племенъ, нельзя ограничиваться сопоставленіями значительныхъ ихъ массъ, когда убыль части населенія маскируется болѣе сильнымъ приростомъ остальной его части, но слѣдуетъ расчленить всю совокупность инородческаго населенія на его составныя части, напр., на группы его, обитающія въ отдѣльныхъ округахъ и раіонахъ. Для бродячихъ инородцевъ, которые постоянно передвигаются и мѣняютъ мѣста, и этого, однако, недостаточно и приходиться производить сопоставленія по ихъ волостямъ, инор. управамъ, улусамъ, а вѣрнѣе всего по родамъ. Узнавъ всю совокупность представителей извѣстнаго рода въ 1897 г., независимо отъ того, гдѣ они были застигнуты переписью, т. е. въ данномъ ли округѣ или въ другихъ округахъ[1]), мы получаемъ величину удобосравнимую съ данной X ревизіи. На основаніи подобныхъ сопоставленій и сдѣланы наши нижеслѣдующіе выводы о жизнеспособности тунгусовъ собственно.

Вилюйскій округъ. Численность главныхъ родовъ тунгусовъ Вилюйскаго окр. въ X ревизію и въ 1897 г. (—данныя сдѣланы болѣе или менѣе однородными — см. выше) представляется въ такомъ видѣ:

---

1) Если же извѣстный родъ являлся кореннымъ родомъ нѣсколькихъ округовъ (какъ напр., Эжанскіе, Бетильскій, Бытальскій и т. д.), то намъ, естественно, приходилось ограничиваться только разсматриваемымъ округомъ.

Названія родовъ.	1859 г.[1])		1897 г.		Приростъ (абсол.)	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Шологонскіе	226	382	223	444	— 3	+ 62
2. Хатыгинскій	253	470	390	812	+ 137	+ 342
3. Жахутскій	381	710	303	613	— 78	— 97
4. Кельтятскій	129	237	98	187	— 31	— 50
5. Тогуйскій	106	191	70	137	— 36	— 54
6. Угулятскій	254	486	237	534	— 17	+ 48
7. Брагатскій (Барагатскій). . .	339	523	271	539	— 68	+ 16
8. Бетильскій	116	202	6	11	— 110	— 191
9. Бетюнскій (Бетюльскій)[2]) . .	277	505	228	481	— 49	— 24
10. Чордунскій (Чордутскій). . .	?	?	227	467	+ 227(?)	+ 467(?)

Изъ этихъ данныхъ усматривается, что изъ 10 сравниваемыхъ родовъ одинъ Чордутскій не значится въ данныхъ ревизіи 1859 г., а изъ остальныхъ родовъ *значительное увеличеніе наблюдается лишь въ одномъ* (Хатыгинскомъ) *и восемь показываютъ убыль* (*мужчинъ*).

Сильное увеличеніе численности Хатыгинскаго рода могло произойти отъ причисленія къ нему части другихъ родовъ (можетъ быть Бетильскаго р.). Происхожденіе Чордутскаго рода, если онъ только не пропущенъ въ источникѣ, откуда мы пользуемся данными X ревизіи[3]), намъ неизвѣстно[2]). Ограничиваясь 7-ью первыми родами, данныя по которымъ не внушаютъ сомнѣній, мы видимъ, что въ дѣйствительности въ 6 изъ нихъ мужское населеніе убыло и притомъ несмотря на кажущееся возрастаніе числа Вилюйскихъ тунгусовъ со времени X ревизіи (—см. таб. на стр. 93). Это говоритъ далеко не въ пользу ихъ жизнеспособности. Увеличеніе у нѣкоторыхъ изъ нихъ численности женщинъ не можетъ служить доказательствомъ противнаго (см. стр. 94).

Олекминскій окр.[4]). Въ 1739 г., т. е. приблизительно 100 лѣтъ послѣ основанія Олекминскаго острога, къ нему было приписано 760 *платежныхъ* душъ якутовъ и тунгусовъ[5]). Если считать число вторыхъ въ 260 платежныхъ м. д. (— по даннымъ 1767 г. въ ихъ 4 родахъ[6]) чи-

---

1) «Пам. кн. Якут. обл. на 1863 г.».

2) Въ данныхъ X ревизіи показанъ лишь Бетюльскій р., а въ переписи Бетюнскій. Мы отожествили оба рода. Можетъ быть, однако, Бетюнскій р. ревизіи тождественъ съ Чордунскимъ р. переписи, потому что въ Якутскомъ окр. встрѣчается одноименный родъ якутовъ, принадлежащій къ III Бетюнскому наслегу Батурусскаго улуса, а Бетюльскій р. переписи можетъ быть тождественъ съ Бетильскимъ р. X ревизіи, — но это лишь предположенія.

3) См. 5 прим. на стр. 93.

4) Относительно ссылокъ — см. нашъ трудъ: «Оп. геогр. и стат. тунг.» I т., 2 ч., 52—53 и 127—129.

5) «Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Геогр. О.» т. XXV, 4—5, стр. 82 сл.

6) См. таблицу на стр. 97. Барагатскій р. не принятъ въ разсчетъ (см. о немъ ниже).

слилось 242 «лука»), то на долю якутовъ придется около 500 платежныхъ м. д. Въ VI ревизію (1812 г.) въ 4 тунгусскихъ родахъ числилось 448 м. д., а якутовъ 3162 м. д. Приблизительно черезъ 20 лѣтъ 2 Ясачная Коммиссія (1828/35 гг.) опредѣлила число якутовъ округа въ 4197 м. д., а тунгусовъ въ 491 м. д. Переводя платежныя души инородцевъ въ мужскія всѣхъ возрастовъ,—мы приняли отношеніе 3 : 5—мы получаемъ, что якуты за 90 лѣтъ увеличились въ 5 разъ, въ значительной степени конечно путемъ иммиграціи, а тунгусы возрасли въ числѣ приблизительно на $^1/_8$[1]).

Къ 1897 г. якутское населеніе Олекминскаго округа поднялось уже до цифры 7871 м. д., между тѣмъ какъ тунгусы за это время уменьшились въ числѣ (см. таблицу на стр. 97) Въ результатѣ за всѣ 158 лѣтъ до переписи якуты увеличились болѣе чѣмъ въ 9 разъ, а тунгусы почти не измѣнились въ числѣ, можетъ быть, даже нѣсколько уменьшились.

Детальное разсмотрѣніе того же вопроса по отдѣльнымъ родамъ въ данномъ случаѣ не вполнѣ наглядно выясняетъ, въ какую сторону тунгусское населеніе округа измѣнилось за послѣднія десятилѣтія. Это зависитъ, съ одной стороны, отъ того, что изъ 5 коренныхъ родовъ округа, значащихся въ прежнихъ ревизскихъ сказкахъ, Логоцкій и Брагатскій (Барагатскій) не встрѣчаются болѣе въ послѣдней ревизской сказкѣ: второй—вслѣдствіе его перечисленія въ Вилюйскій округъ и первый—по неизвѣстной причинѣ, можетъ быть, въ виду причисленія его тунгусовъ къ другимъ мѣстнымъ родамъ (къ Киндыгирскому?). Перепись 1897 г. открыла въ предѣлахъ округа изъ коренныхъ родовъ его почти лишь одинъ Жуюганскій р. и ничтожные остатки двухъ другихъ родовъ—Киндыгирскаго и Хахагирскаго (Хахагынскаго) и кромѣ того, зарегистрировала 146 д. (75 м.) лицъ, не показавшихъ своего рода. Исчезновеніе Киндыгирскаго рода можно объяснить его переходомъ послѣ X ревизіи въ предѣлы Амурской обл., въ которой Орловъ въ 50 годахъ не встрѣтилъ этого рода, а Пасвикъ въ 1882 г. обнаружилъ 269 д., т. е. почти то же число, которое приводитъ X ревизія (261 д.). Изъ Амурской обл. часть этихъ тунгусовъ переселилась за Амуръ, въ Китай. Но окончательно рѣшить этотъ вопросъ нельзя потому, что и въ сѣверной полосѣ смежной Забайкальской обл., именно, въ Баргузинскомъ окр., Киндыгирцы являются кореннымъ родомъ.

---

1) Въ нашемъ трудѣ «Оп. геогр. и стат. тунг.» (I т., 2 вып., 52) нами со словъ г. Майнова ошибочно произведено сравненіе численности инородцевъ за 1767 г. съ таковой за послѣдующіе періоды, хотя, эти величины повидимому не удобосравнимы, потому что до 4 ревизіи (1781/3 г.) регистрировались лишь платежныя души.

Судьба Хахагирскаго рода неизвѣстна, можетъ быть часть его причислилась къ сильно увеличившемуся ко времени переписи Жуюганскому роду, а часть находится въ числѣ тунгусовъ, не показавшихъ своего рода. Въ виду этихъ соображеній приводимое ниже сопоставленіе мало содѣйствуетъ выясненію дѣла, хотя на основаніи приведенныхъ выше данныхъ *тунгусы Олекминскаго округа не имѣютъ въ настоящее время положительнаго прироста.*

Названія родовъ.	1859 г.		1897 г.		Абсол. прир. (+ —)	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Жуюганскій	178	339	304	579	+ 126	+ 240
2. Хахагирскій	152	275	16	11	— 136	— 264
3. Киндыгирскій	167	261	3	6	— 164	— 255
Не показавшіе своего рода . .	—	—	75	146	+ 75	+ 146
Итого . . .	**497**	**875**	**398**	**742**	**— 99**	**— 133**

Итакъ, общая численность мужского населенія 3-хъ коренныхъ родовъ округа (о Барагатскомъ р. — см. ниже) уменьшилась со времени X ревизіи на $^1/_5$ часть своего прежняго числа, а если не считать по указанной выше причинѣ Киндыгирскій р., то оставшіеся тунгусы возрасли въ той же пропорціи.

За болѣе раннія годы измѣненіе въ численности коренныхъ родовъ Олекминскаго окр. совершалось, по И. Майнову, такимъ образомъ:

Названія родовъ.	Плат. души.	Постоянное населеніе м. п.					
	1767 г.	1782 г.	1796 г.	1812 г.	1824 г.	1835 г.	1859 г.
1. Жуюганскій . .	64	98	123	152	166	210	178
2. Логоцкій	40	59	65	62	66	69	?
3. Киндыгирскій .	48	57	73	100	99	110	167
4. Хахагирскій . .	90	?	139	134	154	102*	152

Оставляя въ сторонѣ данныя 1767 г., показывающія платежныя души, и данныя IV ревизіи, какъ нѣсколько сомнительныя, мы изъ сопоставленія остальныхъ данныхъ видимъ, что Жуюганскій родъ увеличился за 63 г. отъ V до X ревизіи въ $1^1/_2$ раза, Логоцкій мало измѣнился до VIII ревизіи и не встрѣчается въ позднѣйшихъ регистраціяхъ, Киндыгирскій р. возросъ до VIII ревизіи на $^1/_4$ прежней численности и за послѣдующій періодъ въ 24 года еще на 61%, вѣроятно, вслѣдствіе причисленія къ нему частей другихъ родовъ, и, наконецъ, Хахагирскій р. возросъ въ первыя 28 лѣтъ на $^1/_{10}$ часть и затѣмъ сохранилъ ту же численность вплоть до X ревизіи.

Что касается до Барагатскаго рода, который прежде тоже представлялъ изъ себя коренной родъ Олекминскаго округа, то онъ еще до VIII (?) ревизіи былъ перечисленъ въ Вилюйскій окр., гдѣ перепись и застигла главную его часть. Противъ X ревизіи этотъ родъ уменьшился въ числѣ (см. стр. 95).

Якутскій округъ. Мѣстные тунгусы подраздѣляются на 4 группы, каждая изъ которыхъ (кромѣ второй) распадается въ свою очередь на роды.

1. *Кангаласское* вѣдомство. Въ нижеслѣдующей таблицѣ сопоставлена численность 7 Кангаласскихъ родовъ во время X ревизіи и переписи 1897 г.

Названія родовъ.	1859 г.		1897 г.		Приростъ (+ —)	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. I Белэтскій (Бельдетскій) . . .	174	340	146	293	— 28	— 47
2. II » » . . .	160	274	193	330	+ 33	+ 56
3. III » » . . .	29	54	28	46	— 1	— 8
4. Баягирскіе [1])	163	290	59	111	— 104	— 179
5. Никагирскій.	11	15	11	22	± 0	+ 7
6. Нюрмаганскій (Нюрбинскій). .	91	167	134	237	+ 43	+ 70
7. Шологонскіе [1]).	95	161	195	340	+ 100	+ 179

Для правильной оцѣнки этихъ и ниже приведенныхъ данныхъ слѣдуетъ помнить, что сверхъ того 125 д. (66 м.) переписанныхъ въ 1897 г. въ данномъ округѣ тунгусовъ не показали своей принадлежности къ отдѣльнымъ родамъ.

Изъ приведеннаго сопоставленія видно, что Никагирскій и III Белэтскій роды почти не измѣнились въ числѣ, Шологонскіе, II Белэтскій и Нюрмаганскій увеличились, а остальные уменьшились въ числѣ. Увеличеніе Шологонскихъ и II Белэтскаго рр. объясняется иммиграціей ихъ извнѣ, изъ Вилюйскаго окр. Значительное увеличеніе Нюрмаганскаго р. въ Якутскомъ окр. (31 д. — 16 м. въ Верхоянскомъ) необъяснимо: хотя и этотъ родъ происходитъ изъ Вилюйскаго окр., но переселился онъ въ Якутскій окр. еще до X ревизіи, въ виду чего и не значится между родами перваго по ревизской сказкѣ 1858/9 г. Что касается до убыли въ численности родовъ I Белэтскаго и Буягирскаго (I и II Баягирскаго), то она объясняется переселеніемъ этихъ двухъ родовъ въ Амурскую область, гдѣ часть ихъ и была зарегистрирована подъ названіемъ «орочоновъ» въ западной полосѣ области и

---

1) Въ ревизской сказкѣ 1858/9 г. значатся просто Буягирскій и Шологонскій р., а въ переписномъ матеріалѣ I и II Баягирскіе и I и II Шологонскіе роды.

часть подъ наименованіемъ тунгусовъ. Пасвикъ за 1882 г. даетъ слѣдующія цифры для этихъ родовъ въ предѣлахъ западной части Амурской области: I Белэтскій родъ — 275 д. и Баягирскій р. — 90 д., причемъ происхожденіе ихъ изъ Якутской области не подлежитъ сомнѣнію. Въ 1897 г. въ Амурской обл. было застигнуто 59 д. Белэтцевъ и 39 д. Баягирцевъ[1]).

Принявъ въ соображеніе и этихъ эмигрантовъ т. е. присоединивъ къ цифрѣ 1897 г. по Якутской обл. число застигнутыхъ въ 1882 г. въ Амурской обл. тунгусовъ названныхъ родовъ, мы получимъ, что общее число Белэтцевъ было въ 1859 г.—340 д. и въ 1897 г.—568 д. и Баягирцевъ: въ 1859 г.—290 д. и въ 1897 г.—201 д. Такъ какъ число Белэтцевъ оказывается на много большимъ противъ прежняго, то слѣдуетъ предположить, что, съ одной стороны, они увеличились въ числѣ и, съ другой, что главная часть ихъ выселилась туда еще до X ревизіи. Что касается до Буягирцевъ (Балгирцевъ), то они и при этой поправкѣ показываютъ убыль, отчасти, можетъ быть, объясняемую неполнотой цифры за 1897 г.[1]) и отчасти переходомъ ихъ за Амуръ. Итакъ, Кангаласскіе тунгусы, судя по имѣющимся даннымъ, если не возрасли, то и не уменьшились въ числѣ со времени 1859 г.

2. *Ламунхинскіе* тунгусы. Этотъ родъ, распадающійся на 4 колѣна, состоялъ въ 1859 г. изъ 449 д. (218 м.), а въ 1897 г. изъ 354 д. (190 м.), изъ коихъ 236 д. (124 м.) были зарегистрированы въ Якутскомъ и 118 д. (66 м.) въ Верхоянскомъ округѣ, куда онъ частью выселился. Здѣсь констатируется, такимъ образомъ, убыль въ 28 м. (95 д. об. п.).

3. *Баягантайскіе* тунгусы:

Названія родовъ.	1859 г.[2])		1897 г.		Приростъ (+ —)	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Мямяльскій	274	532	275	510	+ 1	— 22
2. Годиканскій	48	89	18	38	— 30	— 51
3. III Годиканскій.	42	89	—	—	— 42	— 89

Изъ этихъ трехъ родовъ Годиканскій сильно уменьшился въ числѣ, можетъ быть часть его выселилась въ Охотскую окр. (Прим. обл.), гдѣ тоже имѣются представители этого рода, приписанные къ Охотску.

---

1) Въ переписномъ матеріалѣ по Амурской и Якутской обл. лишь часть тунгусскаго населенія распредѣлена по родамъ.

2) Данныя X ревизіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, заимствованы изъ «Пам. кн. Якутской обл. на 1863 г.», стр. 61—72.

III Годиканскій р. совершенно исчезъ изъ даннаго округа, а Мямяльскій родъ не измѣнился въ числѣ: онъ состоялъ въ 1859 г. изъ 274 м. и въ 1897 г. изъ 275 м., изъ коихъ однако 73 д. были переписаны въ Верхоянскомъ округѣ и 30 д. въ Охотской округѣ (Прим. обл.). III Годиканскій родъ, вѣроятно, цѣликомъ выселился въ Охотскую округу, гдѣ, по даннымъ переписи, имѣется III Отдѣльный отъ Годиканскаго р. и два II Годиканскихъ рода, изъ коихъ одинъ названъ еще «Оймяконскимъ» по одной мѣстности, лежащей въ раіонѣ верхней Индигирки, къ востоку отъ Якутскаго округа, но, вѣроятно, принадлежащей къ нему. Представителей этого рода тамъ оказалось почти столько же сколько въ 1859 г. было тунгусовъ III Годиканскаго рода въ Якутскомъ окр. (92 д. противъ 89 д. въ 1859 г.). Кромѣ того слѣдуетъ помнить, что, какъ указано выше, въ предѣлахъ Якутскаго округа (125 д.—66 м.) и Охотской округи имѣется извѣстное число тунгусовъ, не показавшихъ своихъ родовъ. Такимъ образомъ, и здѣсь нѣтъ прямыхъ доказательствъ вымиранія тунгусовъ. Въ данномъ случаѣ они, повидимому, не измѣнились въ числѣ со времени X ревизіи.

4. *Майскіе* тунгусы Якутскаго округа по своему образу жизни оффиціально дѣлятся на *бродячихъ* или оленеводовъ и на *кочевыхъ* или скотоводовъ, часть которыхъ занимается и земледѣліемъ[1]), причемъ дѣленіе это не находится въ связи съ дѣленіемъ ихъ на роды, такъ что въ той и другой категоріи можно встрѣтить представителей однихъ и тѣхъ же родовъ.

Въ 1859 г. и въ 1897 г. численность бродячихъ и кочевыхъ Майскихъ тунгусовъ Якутскаго округа была слѣдующая:

Названія родовъ.	1859 г.		1897 г.		Приростъ (+ —)	
Бродячіе Майскіе тунгусы.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Бытальскій	448	806	259	511	— 189	— 295
2. Кюрбюгдинскій	74	125	59[2])	127[2])	— 15	+ 2
3. Мякагирскій	182	326	80[2])	155[2])	— 102	— 171
4. I Эжанскій	102	176	49	102	— 53	— 74
5. III Эжанскій	282	499	257	454	— 25	— 45

1) Въ 1909 г. по рукописнымъ даннымъ Центр. Статист. Комитета у нихъ было 2225 гол. лошадей, 2870 гол. рогатаго скота и 140 десятинъ пашни, на которой они сѣяли ячмень и яровую рожь.

2) Включая застигнутыхъ въ Удской окр. (Прим. обл.) и въ другихъ мѣстахъ представителей этихъ родовъ. У остальныхъ родовъ приведены лишь тунгусы, переписанные въ Якутской обл., у Кюпскаго рода (стр. 101) только переписанные въ Якутскомъ окр.

Названія родовъ.	1859 г.		1897 г.		Приростъ (+ —)	
Кочевые Майскіе тунгусы.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Бытальскій.	91	168	66	148	— 25	— 20
2. Кюрбюгдинскій.	23	50	18[1])	36[1])	— 5	— 14
3. Кюпскій	56	113	63[1])	141[1])	+ 7	+ 28
4. I Эжанскій.	207	421	239	456	+ 32	+ 35
5. II Эжанскій	211	399	232	456	+ 21	+ 57
6. III Эжанскій	67	137	32	58	— 35	— 79

Изъ этихъ данныхъ видно, что со времени X ревизіи значительно болѣе измѣнились въ числѣ Майскіе бродячіе тунгусы, всѣ роды которыхъ утратили значительную часть своихъ представителей, между тѣмъ какъ у кочевыхъ сильное уменьшеніе показываетъ только III Эжанскій и Бытальскій роды. Если ограничиться для 1897 г. только тѣми тунгусами, которые были зарегистрированы въ предѣлахъ Якутской обл., то окажется, что обѣ категоріи Майскихъ тунгусовъ въ своей совокупности измѣнились въ числѣ такимъ образомъ:

	1859 г.		1897 г.[2])		Приростъ (+ —)	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Бродячіе Майскіе тунгусы .	1088	1932	662	1255	— 426	— 677
2. Кочевые » » .	655	1288	623	1247	— 32	— 41
Итого	1743	3220	1285	2502	— 458	— 718

Итакъ, изъ застигнутыхъ въ 1897 г. въ предѣлахъ области Майскихъ тунгусовъ бродячіе уменьшились на цѣлую треть своего прежняго числа, а кочевые лишь немного. Въ общей сложности Майскіе тунгусы уменьшились въ Якутскомъ окр. противъ X ревизіи на 718 д. (458 м.)

Эта убыль Майскихъ тунгусовъ почти всецѣло находитъ свое объясненіе въ сильной ихъ эмиграціи въ Удскую округу (Прим. обл.) и въ Амурскую обл., причемъ кочевые тунгусы, не требующіе такого простора и болѣе обезпеченные насущнымъ пропитаніемъ, выселились въ значительно меньшемъ числѣ, чѣмъ ихъ бродячіе собратья, занимающіеся оленеводствомъ и звѣроловствомъ. Къ тому же послѣдніе живутъ во внѣшней полосѣ даннаго округа, сопредѣльной съ Удской округой.

---

1) См. 2 прим. на стр. 100.

2) Въ этой таблицѣ не приняты въ соображеніе обрывки другихъ родовъ и тунгусы, не показавшіе своего рода, но въ нее включена часть проживающихъ въ Удской окр. тунгусовъ.

Разсмотримъ теперь измѣненіе въ численности Майскихъ тунгусовъ по отдѣльнымъ ихъ родамъ, принимая послѣдніе во всей ихъ совокупности, т. е. не подраздѣляя ихъ на бродячихъ и кочевыхъ[1]).

Родъ *Кюпскій* возросъ съ 113 д. въ 1859 г. до 141 д. въ 1897 г.

Родъ *Кюрбюгдинскій* слегка уменьшился: въ 1859 г.—175 д., въ 1897 г.—167 д., въ т. ч. 22 д. въ Удской округѣ.

Мякагирскій р. уменьшился въ числѣ: въ 1859 г. въ немъ числилось 326 д. (182 м.), а въ 1897 г. въ Якутскомъ округѣ было обнаружено всего 8 д. и въ Удской округѣ, куда они выселились почти въ полномъ составѣ, 147 д. или всего 155 д. (80 м.). Убыль въ данномъ случаѣ равна болѣе 50%. Въ другихъ мѣстахъ присутствіе этого рода констатировано не было.

Бытальскій р. въ 1859 г.—974 д. (539 м.), въ 1897 г.: въ Якутскомъ округѣ—659 д. (325 м.), въ Удской окр.—440 д., въ Хабаровскомъ окр.—39 д., въ Амурской области—175 д., на островѣ Сахалинѣ—3 д., итого—1.316 д. (699 м.). На основаніи этихъ данныхъ нельзя, однако, выяснить направленіе, въ которомъ совершается приростъ тунгусовъ этого рода. Дѣйствительно, хотя часть Бытальцевъ несомнѣнно выселилась въ Удскую округу и въ Амурскую область, но какъ велика была эта часть трудно опредѣлить, въ виду того, что часть этого рода проживала въ Удской округѣ и раньше.

I Эжанскій р. въ 1859 г.—597 д., въ 1897 г.—558 д. (288 м.) въ Якутскомъ и 81 д. въ Удской, итого—639 д.

II Эжанскій р. въ 1859 г.—399 д., въ 1897 г.—456 д. (232 м.) въ Якутскомъ округѣ и сверхъ того 157 д. въ Удской, или всего—613 д.

III Эжанскій р. въ 1859 г.—636 д., въ 1897 г.—512 д. (289 м.) въ Якутскомъ округѣ и 380 д. въ Удской окр. или всего—892 д.

Если въ виду того, что и эти роды проживали въ Удской округѣ многіе десятки лѣтъ (Миддендорфъ приводитъ за 40-ые годы ихъ численность въ названной округѣ въ 111 д.—59 м.), мы ограничимся лишь тою частью Эжанскихъ родовъ, которая была застигнута въ предѣлахъ Майскаго вѣдомства переписью 1897 г., то окажется, что общая численность этихъ тунгусовъ немного уменьшилась, именно, съ 1.632 д. на 1526 д. (I и III Эжанскіе роды уменьшилось, а II-й, который состоитъ лишь изъ кочевыхъ инородцевъ, увеличился). Но, не подлежитъ сомнѣнію, что послѣ X ревизіи свыше 300 д. этихъ родовъ выселились изъ Якутскаго округа въ Удскую округу (откуда нѣкоторые перебрались на Сахалинъ) и отчасти въ

---

1) С. Паткановъ: «Оп. геогр. и стат. тунг.» I ч., 2 вып., 55 сл.

Амурскую область, такъ что въ данномъ случаѣ, какъ и относительно Бытальскаго рода, слѣдуетъ допустить нѣкоторое увеличеніе общей численности ихъ представителей.

Въ итогѣ за весь Якутскій округъ можно предположить, что *тунгусское его населеніе въ общемъ мало измѣнилось въ числѣ со времени X ревизіи, вѣроятно слегка возросло*, причемъ отдѣльные его роды показываютъ колебанія въ ту и другую сторону. Изъ четырехъ отдѣловъ, на которые подраздѣляются тунгусы Якутскаго округа, наиболѣе жизнеспособными оказываются *Майскіе*, которые *по всему вѣроятію увеличились въ числѣ, Кангаласцы и Баягантайскіе, повидимому, не измѣнились существенно со времени X ревизіи, а Ламунхинскіе уменьшились въ числѣ.*

Верхоянскій окр. Судя по таблицѣ на стр. 93, тунгусы этого округа слегка увеличились въ числѣ со времени X ревизіи. Выдѣливъ, однако, изъ состава его тунгусскаго населенія пришлыхъ изъ другихъ округовъ тунгусовъ въ числѣ 534 д. (Ламунхинскій р.—118 д., Мямяльскій р. 140 д. и т. д.), мы обнаружимъ значительную ихъ убыль противъ 1859 г., далеко не компенсируемую немногими коренными тунгусами этого округа, зарегистрированными внѣ Верхоянскаго округа. Такъ какъ часть мѣстныхъ тунгусовъ сильно перемѣшались съ юкагирами и образуетъ съ ними какъ бы одно смѣшанное племя, которое, однако, оффиціально подраздѣляется на «ламутскіе» и «юкагирскіе» роды и части родовъ, то мы разсмотримъ здѣсь лишь чисто ламутскіе роды, отсылая читателей относительно смѣшанныхъ ламутско-юкагирскихъ родовъ: I Кун(ку)гурскаго и Тюгясирскаго къ главѣ, посвященной юкагирамъ (см. ниже). Замѣтимъ здѣсь только, что эти роды сильно уменьшились въ числѣ со времени X ревизіи.

Названія родовъ [1]).	1859 г.		1897 г.		Приростъ (+ —)	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Жельянскій (Желтанскій) . . .	64	127	58	108	— 8	— 19
2. Каменно-Ламутскій	56	97	—	—	— 56	— 97
3. Кюпскій (Купскій).	126	232	70	140	— 56	— 92
4. Эжанскій.	65	136	33	70	— 32	— 66
Не показавш. своего рода . . .	—	—	31	66	+ 31	+ 66

Итакъ, трое изъ этихъ родовъ сильно уменьшились въ числѣ, а Каменно-Ламутскій вовсе исчезъ изъ Верхоянскаго округа. Относительно этого

---

1) Первые два рода, какъ и смѣшанные съ юкагирами, оффиціально считаются ламутскими, а остальные — тунгусскими. «Ламуты» — мѣстное названіе нѣкоторыхъ тунгусскихъ родовъ, преимущественно живущихъ близъ моря (см. «Оп. геогр. и стат. тунг.» I ч., 1 вып., 24).

исчезновенія можно допустить, что Каменно-Ламутскій родъ перешелъ въ смежный Колымскій округъ, гдѣ онъ слегка возросъ противъ X ревизіи. Но все же приростъ его въ немъ не настолько значителенъ, чтобы покрыть убыль его представителей, обнаруживающуюся при сопоставленіи его численности въ обоихъ округахъ вмѣстѣ. Эжанскій родъ могъ выселиться въ Якутскій окр., гдѣ этотъ родъ многочисленъ, хотя это и мало вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ, именно вторженіе въ Верхоянскій округъ тунгусовъ изъ смежныхъ округовъ и присутствіе лишь ничтожнаго числа Верхоянскихъ тунгусовъ въ другихъ мѣстностяхъ области и являются, повидимому, послѣдствіями вымиранія коренныхъ его тунгусовъ и ламутовъ и связаннаго съ нимъ неиспользованія многихъ хорошихъ охотничьихъ раіоновъ. Вѣрнѣе, поэтому, предположить, что *большая часть ламутскихъ, тунгусскихъ и ламутоюкагирскихъ родовъ округа дѣйствительно уменьшилась въ числѣ* вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся для естественнаго приращенія условій.

Колымскій окр. 8 коренныхъ рода округа, изъ коихъ одинъ (Бетильскій) называется тунгусскимъ, а остальные 7 ламутскими, имѣли въ X ревизію и въ 1897 г. слѣдующую численность:

Названія родовъ.	1859 г.		1897 г.		Приростъ (+ —)	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Бетильскій	131	264	91*	166*	— 40	— 98
2. I (Каменно-) Дельянскій [1]). . .	120	227	100	205	— 46	— 77
3. Отдѣл. отъ I Дельянскаго. . .	26	55				
4. II (Каменно-) Дельянскій [1]) . .	54	98	69	155	— 22	— 8
5. Отдѣл. отъ II Дельянскаго . .	37	65				
6. I Каменный	91	172	106	200	+ 15	+ 28
7. II »	75	141	33	65	— 42	— 76
8. Уяганскій	136	247	133	250	— 3	+ 3
Не показавш. своего рода . . .	—	—	13	52	+ 13	+ 52

Въ виду того, что въ данныхъ переписи не встрѣчаются «Отдѣльные отъ I и II Дельянскихъ роды» и ихъ представители можетъ быть включены въ число I и II Дельянскихъ родовъ, мы сопоставили данныя 1897 г. касательно этихъ родовъ съ соотвѣтствующими ихъ группами по X ревизіи. Въ результатѣ приведеннаго сопоставленія обнаружилось, что за исключеніемъ I Каменнаго рода, часть котораго могла со времени X ревизіи перебраться въ данный округъ изъ Верхоянскаго окр. (см. выше), всѣ остальные роды уменьшились въ числѣ.

---

1) Въ данныхъ ревизской сказки они просто названы I и II Дельянскими родами.

Впрочемъ, относительно Дельянскихъ родовъ нельзя сказать, въ какую сторону они фактически измѣнились со времени X ревизіи, потому что представители этихъ родовъ довольно многочисленны и въ Анадырской и въ Охотской и отчасти въ Гижигинской округахъ Приморской области, причемъ часть ихъ, по крайней мѣрѣ живущихъ въ первой округѣ, именно, I Дельянскій р. въ числѣ 253 д. (124 м.) уплачиваетъ ясакъ въ Колымскомъ округѣ, что показываетъ ихъ происхожденіе изъ даннаго округа.

Что же касается до Бетильскаго и II Каменнаго рода, то они, повидимому, измѣнились въ числѣ. Первый изъ нихъ, какъ было показано выше, почти исчезъ и въ Вилюйскомъ окр. (см. стр. 95). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что цифра переписи касательно этого рода несомнѣнно ниже дѣйствительной, потому что по даннымъ экономическаго обслѣдованія сѣвера Якутской обл. въ 1907/8 гг., сдѣланнаго по распоряженію мѣстнаго губернатора и представленнаго въ видѣ рукописи въ Центр. Стат. Комитетъ, численность его въ 1907/8 гг. простиралась до 227 д. об. п., т. е. была всего на 37 д. меньше цифры 1859 г.

Весьма вѣроятно, что фактически уменьшились и Дельянскіе роды, потому что въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія оспенная эпидемія унесла массу жертвъ въ при-Колымскомъ краѣ.

Итакъ, слѣдуетъ полагать, что *Колымскіе тунгусы дѣйствительно уменьшились въ числѣ со времени X ревизіи.*

* * *

Подводя итогъ всему вышесказанному о приростѣ тунгусскаго населенія Якутской обл., можно съ извѣстною увѣренностью утверждать, что въ общей своей массѣ оно, если принять въ разсчетъ и выходцевъ въ другія области, врядъ ли сколько-нибудь существенно измѣнилось въ числѣ противъ 1859 г., причемъ *изъ 5 округовъ разсматриваемой области убыль тунгусовъ наблюдается въ 3 (Вилюйскомъ, Верхоянскомъ и Колымскомъ), въ одномъ (Олекминскомъ) ихъ численность, повидимому, не измѣнилась и въ одномъ (Якутскомъ), вѣроятно, немного возрасла со времени X ревизіи* — повторяемъ, что мы здѣсь говоримъ о постоянномъ и приписномъ населеніи, наличное же, какъ видно изъ таблицы на стр. 93, въ предѣлахъ области уменьшилось.

Нашъ выводъ подтверждается и сопоставленіемъ огульныхъ цифръ, касающихся численности тунгусовъ области за разные годы, хотя, въ виду того, что въ Верхоянскомъ окр. тунгусы сильно перемѣшались съ юкагирами, приходится дѣлать сравненіе по этимъ обоимъ племенамъ вмѣстѣ: (въ

1859 г. юкагиры составляли ок. $^1/_9$ части общаго числа этихъ инородцевъ). Гагемейстеръ даетъ за 1852 г. численность Якутскихъ тунгусовъ въ 13.550 д. об. п., число, которое значительно больше таковаго за 1859 г.—12.684 д. (6908 м.). Тотъ, однако, фактъ, что этотъ же авторъ даетъ за 1851 г. цифру юкагировъ въ 851 д. об. п. вм. 1686 д. (900 м.) по X ревизіи, бывшей всего 8 лѣтъ спустя, заставляетъ предполагать, что въ число 13.550 д. включена часть юкагировъ, вѣроятно юкагирско-ламутскихъ родовъ Верхоянскаго окр. Присоединяя къ этому числу 851 д. остальныхъ (чистыхъ) юкагировъ, мы для IX ревизіи (1851/2 г.) получаемъ численность обоихъ племенъ въ 14.401 д. об. п., число, почти совпадающее съ таковымъ по X ревизіи—14.370 д. (7808 м.). Въ 1897 г. въ обоихъ этихъ племенахъ числилось 12.891 д. (6595 м.) наличнаго населенія. Если принять въ соображеніе, что число выселившихся за предѣлы области тунгусовъ простирается до 1000 д. об. п. (600 м.), главнымъ образомъ мужчинъ (въ Удскую округу и оттуда отчасти на о. Сахалинъ 500 — 600 д., въ Амурскую обл. 300 — 400 д. и въ Енисейскую губ.—72 д.), то постоянное тунгусское и юкагирское населеніе области должно было быть не менѣе 13.891 д. об. п. (7195 м.). Принимая далѣе во вниманіе, что чисто юкагирскіе и юкагирско-ламутскіе роды Колымскаго и Верхоянскаго окр. уменьшились со времени X ревизіи въ общей сложности на 698 д. (378 м.) (см. стр. 121), выясняется, что безъ этой убыли юкагировъ (и юкагиро-ламутовъ) численность обоихъ племенъ въ 1897 г. была бы—14.589 д. (7573 м.).

Число мужчинъ по даннымъ переписи, какъ видно, оказывается меньшимъ противъ X ревизіи, что свидѣтельствуетъ объ убыли тунгусовъ области за истекшія до переписи 38 л. (увеличеніе же об. п. не имѣетъ большого значенія, въ виду возможной неполноты данныхъ о числѣ женщинъ за 1859 г.[1])).

Итакъ, и эти данныя показываютъ, что *численность тунгусовъ области почти не измѣнилась отъ IX до X ревизіи и съ тѣхъ поръ слегка уменьшилась.*

Приморская область[2]). Относительно этой области у насъ почти нѣтъ свѣдѣній за болѣе ранніе періоды времени. Гагемейстеръ (ibid., II, 24 сл.) упоминаетъ лишь о тунгусахъ Гижигинской округи, опредѣляя ихъ число

---

1) Какъ выше показано, у тунгусовъ и ламутовъ области въ 1859 г. на 6908 м. было 5776 ж. и у юкагировъ на 900 м. — 786 ж. (въ 1897 г. отношеніе половъ у нихъ было болѣе благопріятно).

2) «Оп. геогр. и стат. тунг.» I ч., 1 вып., 58—60.

гадательно въ 500 д., очевидно много ниже дѣйствительнаго. Объ остальныхъ округахъ онъ умалчиваетъ. Миддендорфъ даетъ неполныя данныя о численности Удскихъ тунгусовъ за 40-е годы истекшаго столѣтія и то лишь трехъ ихъ родовъ[1]). Не имѣя, такимъ образомъ, достовѣрныхъ свѣдѣній о прежней численности тунгусовъ данной области, южная половина которой ко времени X ревизіи едва была присоединена къ Россіи, мы все же имѣемъ серьезныя основанія утверждать, что и здѣсь тунгусы сильно уменьшились въ числѣ противъ прежняго. Доказательства этому слѣдующія. Русскіе завоеватели Охотскаго края имѣли въ 60—70-хъ годахъ XVII ст. частыя столкновенія съ многочисленными пѣшими или «сидячими» и «конными», вѣроятно оленными, тунгусами, причемъ численность однихъ первыхъ была настолько значительна, что они выставляли противъ казаковъ отряды воиновъ отъ 300 до 1000 человѣкъ[2]). Такъ какъ нынѣшняя численность осѣдлыхъ тунгусовъ, должно быть потомковъ сидячихъ, не превышаетъ 103 м. д., то слѣдуетъ предположить, что ихъ численность уменьшилась съ тѣхъ поръ по меньшей мѣрѣ въ 10—20 разъ. Главную причину этой убыли тунгусовъ названнаго края слѣдуетъ видѣть въ частыхъ голодовкахъ, отъ которыхъ и по-сейчасъ періодически страдаютъ жители побережья Охотскаго края. Замѣтимъ къ слову, что эту убыль сидячихъ тунгусовъ нельзя объяснить переходомъ ихъ въ оленные тунгусы: во-первыхъ, потому что они были для этого слишкомъ бѣдны и, во-вторыхъ, что важнѣе, потому что они принадлежали къ другимъ родамъ чѣмъ тѣ, которые встрѣчаются среди оленныхъ тунгусовъ[3]).

Столѣтіе позже, именно въ 1766 г., Георги опредѣлялъ число Охотскихъ тунгусовъ (бродячихъ и оленныхъ?) въ 1862 *взрослыхъ мужскихъ душъ*[4]), между тѣмъ какъ перепись 1897 г. обнаружила въ данной округѣ лишь 1892 м. д. *всѣхъ возрастовъ* (или около 783 работоспособныхъ[5])), такъ что и здѣсь за 131 лѣтъ тунгусское населеніе уменьшилось въ числѣ болѣе чѣмъ въ $2^1/_2$ раза. Если даже предположить, что *часть* ихъ съ тѣхъ поръ выселилась въ Гижигинскую округу, то все же убыль ихъ будетъ значительна, потому что въ обѣихъ этихъ округахъ вмѣстѣ *все* мужское тунгусское населеніе въ 1897 г. не превышало 2.784 д., что соотвѣтствуетъ приблизительно 1.153 д. взрослыхъ мужчинъ рабочаго возраста.

---

1) «Оп. геогр. и стат. тунг.» I ч., 2 вып., 106.

2) Ibid., I ч., 1 вып., 28 сл.

3) Ibid., I ч., 2 вып., 105.

4) Georgi, ibid., I, 244.

5) По даннымъ переписи взрослое рабочее населеніе (ясачный возрастъ) Охотской округи (18—50 л.), нынѣ состоящее главнымъ образомъ изъ тунгусовъ, составляетъ 41,4% всего наличнаго.

Отсутствіе прироста у осѣдлыхъ тунгусовъ доказывается и наблюденіемъ полк. Олсуфьева надъ Анадырскими ламутами, которые, судя по церковнымъ книгамъ, не увеличились въ числѣ за послѣдніе годы.

Наконецъ, слѣдуетъ помнить, что жителямъ Удской округи еще памятна сильная оспенная эпидемія, которая посѣтила край въ 60-хъ годахъ истекшаго столѣтія и такъ напугала мѣстныхъ инородцевъ количествомъ жертвъ, которыя она потребовала, что многіе изъ нихъ бросились на югъ и заселили лѣса по лѣвымъ притокамъ Амгуни, по нижнему Амуру и отчасти перебрались на Сахалинъ, гдѣ постоянныхъ тунгусовъ раньше не было. Сѣверо-западъ края посѣтила въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія еще другая подобная же эпидемія.

Амурская область[1]). У насъ не имѣется соотвѣтствующихъ данныхъ объ измѣненіи населенія Амурской области со времени 1859 г. уже потому, что этотъ край тогда былъ едва присоединенъ и X ревизія не была на него распространена. Населеніе его носитъ столь подвижной характеръ, что, даже если бы у насъ имѣлись соотвѣтствующія данныя, онѣ бы намъ мало помогли для рѣшенія вопроса о направленіи прироста тунгусскаго населенія. Дѣйствительно, нынѣ коренные тунгусы составляютъ въ Амурской области незначительное меньшинство, огромное же ихъ большинство представляетъ изъ себя пришлый элементъ, происходящій изъ Якутскаго и отчасти Олекминскаго округовъ Якутской области и изъ Удской округи Приморской и, съ другой стороны, часть коренного и пришлаго населенія перебралась во вторую половину истекшаго столѣтія на правый берегъ Амура, въ Китай. Отчасти вслѣдствіе этого цифровыя данныя касательно численности тунгусскаго населенія Амурской области у разныхъ авторовъ, свѣдѣнія которыхъ относятся къ сравнительно близкимъ эпохамъ, такъ мало согласны между собою.

Забайкальская обл. Наши свѣдѣнія о прежней численности тунгусскаго населенія данной области скудны, неполны и неточны въ значительной степени вслѣдствіе смѣшенія обурятившихся тунгусовъ съ бурятами. Численность бродячаго населенія области (тунгусовъ) простиралось по даннымъ VIII ревизіи (1839 г.) до 2904 д. (1455 м.), изъ коихъ 2791 д. (1362 м.) приходилось на долю Верхнеудинскаго округа, обнимавшаго раньше все с.-западное Забайкалье. Гагемейстеръ[2]) приводитъ за то же время (1840 г.) другія данныя касательно численности бродячихъ тунгусовъ,

---

1) «Оп. геогр. и стат. тунг.» I ч., 2 вып., 60 сл.

2) См. 1 прим. на стр. 109.

именно, 3128 д. (1581 м.), изъ коихъ 2395 д. (1252 м.) приходилось на долю Верхнеудинскаго окр. и 733 д. (329 м.) орочоновъ на долю Нерчинскаго окр. Хотя перепись 1897 г. зарегистрировала въ Забайкальской обл. всего 2722 д. (1410 м.) бродячихъ тунгусовъ, но дѣлать выводъ о вымираніи этой группы тунгусовъ на основаніи лишь приведенныхъ данныхъ нельзя потому, что тѣ и другія данныя неудобосравнимы: данныя переписи относятся къ орочонамъ Читинскаго окр. и къ бродячимъ тунгусамъ Баргузинскаго окр., а Гагемейстеръ, повидимому, даетъ численность орочоновъ Нерчинскаго (собств. Читинскаго) окр. и тунгусовъ Селенгинскаго окр., обитающихъ въ бассейнѣ Селенги и у ю.-в. берега Байкала, не упоминая о Баргузинскихъ.

Кочевая и полуосѣдлая часть Забайкальскихъ тунгусовъ простиралась въ 1840 г., по Гагемейстеру[1]), до 12.094 д. (6043 м.), изъ коихъ было 3376 д. (1763 м.) настоящихъ кочевниковъ. Сопоставляя съ этимъ числомъ численность Забайкальскихъ тунгусовъ, кромѣ бродячихъ, казаковъ и дворянъ, въ 1897 г.—28.293 д. (14.046 м.)[2]), мы получаемъ прибыль населенія за 57 лѣтъ въ 16.199 д. (8003 м.), что соотвѣтствуетъ ежегодному среднему приросту тунгусовъ этихъ категорій въ 23,3 ‰. Приблизительно такой же коэффиціентъ получается и для одной Урульгинской степной думы Читинскаго округа. Численность принадлежащихъ къ ней тунгусовъ была, по Паршину, въ 40-хъ годахъ истекшаго столѣтія (вѣроятно данныя VIII ревизіи) 10.853 д. (5579 м.)[3]), между тѣмъ какъ въ 1897 г. численность представителей этой думы, разсѣянныхъ по всей территоріи области, простиралась до 27.373 д. (13.604 м.)[2]), не считая причисленныхъ къ названной думѣ орочоновъ, что соотвѣтствуетъ ежегодной средней прибыли въ 25,4 ‰. Мы далеки отъ мысли считать эти невѣроятно высокіе коэффиціенты, являющіеся частью результатомъ неточности показаній за прежніе годы и частью смѣшенія обурятившихся тунгусовъ съ бурятами, соотвѣтствующими дѣйствительности, но все же они показываютъ, что кочевые и осѣдлые (юридически «кочевые») тунгусы Забайкальской области несомнѣнно имѣютъ очень хорошій положительный приростъ, что подтверждается и другими данными, имѣющимися касательно этихъ тунгусовъ (см. стр. 110).

* * *

На основаніи всего вышеизложеннаго можно считать установленнымъ, что *осѣдлые и полуосѣдлые* (юридически кочевые) *тунгусы Забайкальской*

1) «Оп. геогр. и стат. тунг.» I ч., 2 вып., 58.
2) Ibid., 2 вып., 210 — всѣ кочевые тунгусы безъ Селенгинскихъ.
3) «Оп. геогр. и стат. тунг.» I ч., 1 вып., 129.

области, снискивающіе себѣ пропитаніе земледѣліемъ и скотоводствомъ, показываютъ, какъ и другіе земледѣльческіе и кочевые народы Сибири (буряты, якуты, татары и т. д.), *положительный приростъ населенія, который у нихъ къ тому же весьма значителенъ*, между тѣмъ какъ *бродячіе тунгусы страны, подобно прочимъ туземнымъ племенамъ Сибири*, занимающимся оленеводствомъ, рыболовствомъ и охотой, *отличаются сравнительно меньшей жизнеспособностью* и въ общей своей массѣ уменьшаются въ числѣ. Мѣстами это явленіе выражено весьма сильно (Иркутская губернія, Верхоянскій и Колымскій округа Якутской обл., Охотская округа Приморской и т. д.), мѣстами, напротивъ, мало замѣтно, такъ что тунгусское населеніе здѣсь какъ бы не измѣнилось въ числѣ за послѣднія десятилѣтія. Лишь въ немногихъ случаяхъ оно показываетъ, повидимому, положительный приростъ (Гурухапскій край). Если мы проанализируемъ это явленіе подробнѣе, то увидимъ, что то же самое происходитъ и съ болѣе мелкими дѣленіями тунгусовъ, именно, съ отдѣльными вѣдомствами и родами, одни изъ которыхъ увеличиваются, другіе убываютъ въ числѣ, независимо отъ того, въ какомъ направленіи совершается приростъ общей массы тунгусскаго населенія того округа или той области, къ которымъ они принадлежатъ.

И у тунгусовъ главной причиной неблагопріятнаго естественнаго приращенія являются плохія санитарныя и экономическія условія. Сами же они въ общемъ довольно плодовиты: на 100 д. об. п. у бродячихъ и полуосѣдлыхъ тунгусовъ (оленеводовъ, звѣролововъ и рыболововъ) приходится отъ 17 до 19 дѣтей до 5 л. (вкл.), причемъ лишь въ очень неблагопріятныхъ въ экономическомъ отношеніи мѣстностяхъ эти коэффиціенты падаютъ до 14—15 и ниже (въ Охотской окр. 14,8; въ Колымскомъ окр.: 13,1%). Столь же незначительный % дѣтей имѣютъ и обурятившіеся кочевые казаки-тунгусы Акшинскаго окр. (Забайк. обл.)—14,1%, хотя представители тѣхъ же тунгусскихъ родовъ, оставшіеся на берегахъ Ингоды и ея притоковъ и принявшіе по примѣру своихъ русскихъ сосѣдей осѣдлый образъ жизни, настолько же богаты дѣтьми, какъ и русскіе крестьяне того же Читинскаго окр. (18,4 и 18,6%).

У гольдовъ Хабаровскаго окр. соотвѣтствующимъ числомъ является 16,6%.

б) Другія тунгусскія племена.

Относительно измѣненія численности другихъ тунгусскихъ племенъ, живущихъ въ Пріамурскомъ краѣ, мы имѣемъ лишь отрывочныя свѣдѣнія, изъ

которыхъ видно, что послѣ вторичнаго занятія русскими бассейна нижняго Амура тамъ стали свирѣпствовать опустошительныя эпидеміи, которыя унесли очень много жертвъ. Такимъ образомъ, въ 1856 г. тамъ появился тифъ и въ томъ же году началась оспенная эпидемія, которая въ теченіе трехъ лѣтъ опустошала указанный край и о. Сахалинъ. Въ 1863 г. среди гольдовъ и другихъ Пріамурскихъ инородцевъ развилась корь, а въ 1877 и 1881 гг. Пріамурье опять, главнымъ образомъ, Уссурійскій край посѣтила оспенная эпидемія. «До оспенной эпидеміи, свирѣпствовавшей на Уссури въ 1877 и 1881 гг., число гольдовъ Сѣверно-Уссурійскаго края было *втрое и вчетверо больше*», говоритъ по этому поводу полк. Надаровъ.

Нѣсколько болѣе подробныя данныя объ измѣненіяхъ численности Пріамурскихъ инородцевъ за послѣднее время мы имѣемъ касательно гольдовъ и орочей Уссурійскаго и Южно-Уссурійскаго округовъ[1]).

Численность *гольдовъ* Сѣверно-Уссурійскаго края (=Уссурійскому округу) полковникъ Надаровъ опредѣлилъ въ началѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія въ 254 д. (112 м.), изъ коихъ было 183 взрослыхъ и 71 дѣтей. Число это, тоже основанное на поголовной (мѣстной) переписи и потому имѣющее значительную степень достовѣрности, на 89 д. (70 м.) меньше противъ числа, полученнаго всеобщею переписью 1897 г. Объяснить это огромное увеличеніе гольдскаго населенія округа — за 13 лѣтъ на 35,0% — можно, съ одной стороны, лучшей ихъ регистраціей въ 1897 г. и, съ другой, притокомъ гольдовъ со времени 1883 г. изъ другихъ мѣстностей, можетъ быть отчасти изъ смежныхъ областей Китая, но не естественнымъ приростомъ. Вѣрнѣе, однако, что г. Надаровъ не включилъ въ свое число гольдовъ съ р. Имы[2]).

Численность *орочскаго* населенія С.-Уссурійскаго края Надаровъ опредѣлилъ въ 1884 г. въ 1170 д. об. п. Общее число ихъ семействъ онъ принялъ въ 171—188, изъ коихъ по р.р. Иману или Имѣ проживало 15—20, по Ваку 8—10, по Бикину 50—60 и по Хору 98. По всему вѣроятію этотъ авторъ подразумѣвалъ подъ словомъ «семья» хозяйство или группу лицъ, жившихъ вмѣстѣ, — это видно изъ того, что онъ и число «семействъ» опредѣлилъ приблизительно. Въ концѣ истекшаго столѣтія (1897 г.) на одно хозяйство у орочей въ этомъ округѣ приходилось отъ 6 (по Имѣ) до 9 (по Хору) душъ, такъ что, если принять среднимъ числомъ норму 7, то при числѣ семействъ по Надарову общее число орочей округа опредѣлилось бы (счи-

---

1) «Оп. геогр. и стат. тунг.», II ч., 45—53 и 90—103.
2) «Оп. геогр. и стат. тунг.», ibid., 49.

тая и 20 д. осѣдлыхъ, у которыхъ на хозяйство тоже приходится 7 душъ) отъ 1.217 до 1.336 д. об. п., т. е. число, значительно превышающее число орочей Уссурійскаго округа по переписи 1897 г. — 883 д. (499 м.) или съ поправками, въ виду вѣроятныхъ пробѣловъ ея касательно орочей бассейновъ рр. Хора и Бикина, 1083—1183 д. Но, если взять болѣе низкое число Надарова 1170 д., то окажется, что за истекшія 13 лѣтъ орочское населеніе округа лишь немного уменьшилось или почти не измѣнилось въ числѣ.

Если провести это сравненіе по отдѣльнымъ рѣчнымъ бассейнамъ округа, то получаются слѣдующіе результаты:

По *Хору* въ 1884 г. числилось 98 семействъ въ 500—600 душъ (если принять среднюю семью, согласно Надарову, въ 5—6 д., по переписи же она состоитъ въ среднемъ изъ 9 д.), между тѣмъ какъ 13 лѣтъ спустя ихъ оказалось, по переписи, 39 хозяйствъ и 353 души, т. е. орочское населеніе здѣсь уменьшилось въ полтора—два раза. Если же численность орочей округа, въ виду вѣроятныхъ пропусковъ въ переписи, увеличить на основаніи другихъ данныхъ до 450—500 д., то убыль орочей не будетъ превышать 50—100 душъ.

По *Бикину* въ 1884 г. проживало 50—60 семействъ, въ 1897 г.— всего 12 хозяйствъ или населеніе этого бассейна съ 300—360 д. уменьшилось до 96 душъ, т. е. въ 3—$3^1/_2$ раза, или, если допустить ту же поправку цифры переписи (см. выше), до 200—250 д.

Раньше число орочей въ бассейнѣ Бикина было еще больше. Именно, до оспенной эпидеміи 1877 г. по Бикину, по словамъ старожиловъ, проживало до 300 семействъ орочей или около 1800 д. об. п., между тѣмъ какъ въ 1897 г. орочское населеніе этой рѣки составляло, даже при поправкѣ цифры переписи, лишь $^1/_9$—$^1/_8$ этого числа и даже въ цѣломъ Уссурійскомъ округѣ въ 90-хъ годахъ было обнаружено не болѣе $^2/_3$ (по неполнымъ данным переписи — $^1/_2$) этого числа.

По *Имь* или *Иману* въ 1884 г. числилось 15—20 семействъ, что соотвѣтствуетъ 90—120 душамъ (съ осѣдлыми на 14 д. болѣе), въ 1897 же году число орочей по этой рѣкѣ возросло до 349 д. об. п. или въ 3—$3^1/_2$ раза. То же касается и гольдовъ этой мѣстности.

По *Баку* орочское населеніе опредѣлилось въ 1884 г. въ 8—10 семействъ или въ 50—70 душъ, а въ 1897 г. тамъ было обнаружено 11 хозяйствъ въ 85 д. И тутъ, значитъ, число орочей слегка возросло.

Такимъ образомъ, за періодъ времени отъ 1884 г. по 1897 г. произошли значительныя перемѣны въ размѣщеніи инородческаго населенія по территоріи округа, причемъ бассейнъ р. Имы служилъ мѣстомъ прилива

орочскаго населенія извнѣ, можетъ быть изъ бассейновъ Хора и Бикина, гдѣ орочское населеніе съ тѣхъ поръ убыло, а также съ морского берега. Но все же въ итогѣ за весь округъ орочи уменьшились въ числѣ противъ прежнихъ лѣтъ.

По Южно-Уссурійскому округу (прежде «краю») у насъ имѣются данныя о численности гольдовъ и орочей вмѣстѣ. У обоихъ авторовъ, которые намъ даютъ численность этихъ племенъ за 70-е годы истекшаго столѣтія, у Аллбьева и Вислинева, изъ коихъ послѣдній лично произвелъ перепись коренного населенія округа, орочи и гольды названы мѣстнымъ сборнымъ терминомъ «тазы». По Аллбьеву въ 1872 г. этихъ тазовъ въ округѣ оказалось 635 д. (428 м.), а по Вислиневу въ 1878 г.—563 д. (289 м.). Изъ нихъ приходилось на Аввакумовскій полиц. округъ: по первымъ даннымъ — 459 д. (297 м.) и по вторымъ — 250 д. (135 м.). Въ 1897 г. въ этой мѣстности (Ольгинскій участокъ) проживало 188 д. (92 м.) этихъ инородцевъ, именно, 185 д. (89 м.) орочей и 3 м. гольдовъ. Такимъ образомъ, въ этомъ раіонѣ за 19 лѣтъ произошло уменьшеніе числа инородцевъ на 62 д. или на 24,8 %.

Въ Сучанскомъ полиц. округѣ въ 1872 г. числилось 176 д. (131 м.), а въ 1878 г. было переписано 173 д. (82 м.) тазовъ. Въ 1895 г., во время выдворенія изъ раіона болѣе нижняго теченія р. Сучана осѣдлыхъ манзовъ ради устройства русскихъ поселеній, часть орочей бассейна р. Сучана, вслѣдствіе ихъ смѣшенія съ манзами, также была изгнана отсюда. Большая часть этихъ манзовъ и тазовъ поселилась по р. Сяо-Суду-хэ, пр. притоку р. (Та-)Суду-хэ, гдѣ они, однако, не были открыты переписью.

Въ Суйфунскомъ пол. округѣ въ 1878 г. было 17 д. (9 м.) тазовъ. Въ настоящее время въ мѣстности этихъ двухъ прежнихъ полицейскихъ округовъ, въ которыхъ въ 1878 г. проживало всего 190 д. (91 м.) тазовъ (т. е. орочей и гольдовъ), перепись ихъ вовсе не отмѣтила, хотя врядъ ли можно предполагать такой пропускъ въ этой регистраціи.

Въ Хапкайскомъ пол. округѣ въ 1878 г. было обнаружено 123 д. (63 м.) тазовъ, въ 1897 г. здѣсь было зарегистрировано 191 д. (120 м.) инородцевъ: 60 д. (36 м.) орочей и 131 д. (84 м.) гольдовъ, проживавшихъ въ бассейнахъ рр. Даубн-хэ и Ула-хэ, въ предѣлахъ нынѣшняго Верхне-Уссурійскаго полицейскаго участка. Здѣсь за 19 лѣтъ съ 1878 г. до переписи инородческое населеніе возросло на 68 д. (57 м.), что составляетъ 55,3% его численности въ 1878 г.! Этотъ огромный приростъ инородцевъ объясняется переселеніемъ ихъ сюда изъ болѣе населенныхъ мѣстъ южной полосы Южно-Уссурійскаго округа, откуда они перебрались въ болѣе глухія мѣст-

ности сѣвера (орочи и гольды) и отчасти сѣверо-востока (орочи). Это подтверждается и значительнымъ увеличеніемъ процента мужского населенія у инородцевъ В. Уссурійскаго полиц. участка.

Что касается до общей численности тазовъ (гольдовъ и орочей) въ Южно-Уссурійскомъ округѣ, то вмѣсто 563 д. об. п. (289 м.) въ 1878 году перепись 1897 г. отмѣтила всего 379 д. (212 м.), что показываетъ убыль за 19 лѣтъ въ 184 д. об. п. или въ 32,7%. Даже если ввести поправку въ показанія переписи (см. выше) и принять число орочей и гольдовъ въ 480 д., то и въ этомъ случаѣ получится убыль въ 83 д. или въ 14,7%.

Итакъ, въ итогѣ по всему Южно-Уссурійскому округу наблюдается сильное уменьшеніе инородческаго населенія противъ прежнихъ лѣтъ въ связи съ сокращеніемъ обитаемой ими площади: въ концѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія Пржевальскій засталъ орочей по всѣмъ рѣкамъ, падающимъ въ Японское море, начиная отъ р. Суйфуна на югѣ, нынѣ же они отступили на востокъ почти на 2°, да и по Та-Суду-хэ ихъ сохранилось очень немного. («Оп. геогр. и стат. тунг.», II ч., 98—103).

Весьма значительную роль въ сокращеніи численности инородцевъ Южно-Уссурійскаго округа играетъ ихъ ассимиляція съ китайцами (дѣти отъ браковъ китайцевъ съ инородками по большей части считаются китайцами, но отчасти къ таковымъ относятся и окитаившіяся инородческія жены китайцевъ), а также эмиграція.

Вышеприведенныя данныя показываютъ, что даже за такой короткій промежутокъ времени какъ 20 лѣтъ *численность тунгусскихъ племенъ Уссурійскаго и Южно-Уссурійскаго округовъ замѣтно уменьшилась, а до эпидеміи 1877 г. она была по меньшей мѣрѣ въ два раза большей противъ настоящаго времени.*

Объ измѣненіи численности *ольчи, негидальцевъ, самагировъ* и *ороковъ* у насъ не имѣется данныхъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что и у нихъ не наблюдается положительнаго прироста.

Что же касается до исчезновенія съ лѣваго, русскаго, берега Амура *бираровъ*, которыхъ Радде въ 50-хъ гг. истекшаго столѣтія еще засталъ въ этомъ районѣ, то они съ тѣхъ поръ вѣроятно въ полномъ составѣ выселились направый, китайскій, берегъ названной рѣки, куда перебралась и большая часть *манегровъ*, раньше тоже обитавшихъ къ с. отъ Амура. За ними туда послѣдовала и часть *орочоновъ* Амурской обл. Можетъ быть этимъ же обстоятельствомъ слѣдуетъ объяснить и полное исчезновеніе изъ бассейна р. Куры той же области племени *кили*, о которомъ повѣствуетъ Л. Шренкъ, изслѣдовавшій край въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія. («Оп. геогр. и стат....», II, 169 сл.»).

Почти исключительно переселеніями объясняется и значительныя колебанія въ численности осѣдлаго *манджуро-дауро-китайскаго* населенія Амурской области за 27 лѣтъ 1870—1897 гг. Въ 1870 г., по Буссе, ихъ число простиралось до 10.646 д. Къ 1881/4 г. оно возросло до 13.923 д., а перепись 1897 г. обнаружила всего 7608 д. (4368 м.)[1]) осѣдлыхъ манчжуро-дауро-китайцевъ. Сильный приростъ ихъ за первый періодъ до 80-хъ годовъ (на 31%) объясняется ихъ переселеніемъ на лѣвый берегъ Амура изъ Китая, а сильная ихъ убыль въ послѣдующій періодъ (на 45%) ихъ обратнымъ выселеніемъ за Амуръ послѣ ряда мѣръ, принятыхъ мѣстными властями, чтобы положить предѣлъ китайской иммиграціи въ Амурскую область[2]).

Палэазіаты [3]).

Подъ терминомъ «палэазіаты» мы подразумѣваемъ сборную группу Сибирскихъ аборигеновъ сѣвернаго типа, обитающихъ на крайнемъ с.в., отчасти на в. и. с. Сибири. Племена, входящія въ составъ этой группы, — чукчи, коряки, камчадалы, юкагиры, чуванцы, гиляки, аины, алеуты, Сибирскіе эскимосы и Енисейскіе остяки, стоятъ по своему языку и отчасти по своему физическому типу совершенно особнякомъ среди другихъ болѣе крупныхъ племенныхъ группъ Сибири и, за исключеніемъ двухъ первыхъ племенъ, не находятся во взаимномъ родствѣ другъ съ другомъ (см. стр. 25).

Въ прежнія времена палэазіаты были гораздо болѣе многочисленны и занимали бо́льшія территоріи, чѣмъ теперь. Отъ столкновенія съ русскими въ XVII ст. эти воинственныя племена пострадали больше, чѣмъ народы урало-алтайскаго корня языковъ. И въ послѣдующіе періоды времени соприкосновеніе съ русской культурой имѣло на нихъ весьма неблагопріятное вліяніе.

Въ виду частыхъ смѣшеній въ трудахъ, посвященныхъ описанію с. и с.в. Сибири, мѣстныхъ инородцевъ разныхъ племенъ между собою, напр. «Енисейскихъ остяковъ съ остяко-самоѣдами, гиляковъ съ ольчами, «сидячихъ» чукчей съ эскимосами, юкагировъ съ ламутами и т. д., сопоставленіе статистическихъ данныхъ о численности этихъ инородцевъ за разные годы требуетъ большого вниманія, не говоря уже о томъ, что и сами эти данныя

---

1) Въ краткомъ изданіи настоящей работы ошибочно показано 7025 д. (4395 м.).

2) «Оп. геогр. и стат. тунг.» II ч., 7—11.

3) Описанію палэазіатовъ въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ посвященъ нашъ трудъ: «Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples palacasiatiques de la Sibérie» 1903 г. (изд. Центр. Стат. Ком.).

по большей части весьма не полны и вообще несовершенны. Для избѣжанія невѣрныхъ выводовъ, которые могутъ лишь затемнять изучаемый вопросъ, автору пришлось подвергнуть всѣ данныя строгой критической оцѣнкѣ и по возможности производить сравненія по болѣе мелкимъ частямъ этихъ инородцевъ, именно, по родамъ и территоріальнымъ группамъ, такъ какъ при этихъ условіяхъ легче избѣжать ошибки, могущія произойти при сравненіи матеріаловъ, въ однородности которыхъ нельзя быть увѣреннымъ [1]).

Енисейскіе остяки [1]).

Енисейскіе остяки, проживающіе въ долинѣ нижняго Енисея, отъ д. Аппиферовой на ю. почти до гор. Туруханска на с., а также по рр. Подкаменной Тунгускѣ, Елогую, нижнему теченію Нижней-Тунгуски, Курейки и нѣкоторыхъ другихъ притоковъ Енисея, имѣли въ 1836/8, 1859 г., 1897 и 1906 гг. приблизительно слѣдующую численность:

Названія родовъ.	1836/8 г.		1859 г. [8])		1897 г.		1906 г. [10])	
	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Верхне-Имбатскій (Турух. край)	221*[2])	372[2])	295	541	272	487	—	—
2. Нижне- » (» »)	162[3])	291[3])	157[4])	303[4])	178	342	—	—
3. Подкаменно-Тунгусскій (Турух. край) . .	51[4])	77[4])	41	67	35	59	—	—
Итого	434*	740*	493	911	485	888	467	892
4. Остяки Енисейскаго окр. (Сымско-Касовскій родъ)	96*[5])	164[6])	87*[5])	161	47[9])	94[9])	?	?
Всего	530*	904*[7])	580*	1072	532	982	—	—

1) Вотъ какъ разнообразны данныя о составѣ Енисейскихъ остяковъ: 1) «Сп. нас. м. Енис. губ.» 1864 г., увѣренно высказывается за Енисейско-остяцкое происхожденіе лишь Сымско-Касовскаго р.; 2) Степановъ («Енис. губ.») считаетъ Е.-остяцкими роды: В. и Н. Имбатскіе, Сумароковскій и Сымскій; 3) Кривошапкинъ упоминаетъ о всѣхъ 4-хъ родахъ нашей таблицы; 4) Миддендорфъ пропускаетъ послѣдніе два рода таблицы и присоединяетъ къ первымъ двумъ Карасинскій (остяко-самоѣдскій); 5) Кастренъ («Reiseberichte u. Briefe») признаетъ первые два рода и Сымскій и т. д. Естественно, что сопоставленіе *общей* численности этого племени за разные годы, если руководствоваться сообщеніями отдѣльныхъ авторовъ, привело бы къ самымъ невѣрнымъ выводамъ.

Въ административномъ отношеніи Енисейскіе остяки подраздѣляются на управы (= родамъ): Подкаменно-Тунгусскую (по В. Н. Анучину въ 1837 г. 41 и въ 1859 г. — 22 рабочихъ [ревизскихъ] душъ), Верхне-Имбацкую (въ 1837 г. — 151 д. и въ 1859 г. — 120 д.) и Нижне-Имбацкую (въ 1837 г. — 84 д. и въ 1859 г. — 70 д.). Всѣ эти управы находятся въ Туруханскомъ краѣ. Сверхъ того въ Енисейскомъ окр. проживаетъ небольшая группа мѣстныхъ обрусѣлыхъ Енисейцевъ—Сымско-Касовскій родъ (см. ниже).

2) Третьяковъ: «Турух. край», 159. Данныя его касательно численности въ VIII ревизію другихъ родовъ внушаютъ мало довѣрія: Н. Имбатскій 246 д. (162 м.) — число жен-

На основаніи этихъ весьма неполныхъ и неточныхъ данныхъ можно заключить, что *со времени X ревизіи численность Енисейскихъ остяковъ (мужчинъ) значительно уменьшилась* (численность остяковъ Туруханскаго края уменьшилась за періодъ 1859—1906 гг. ежегодно на 1,2‰), причемъ это касается 3-хъ изъ четырехъ родовъ при увеличеніи численности одного рода (Нижне-Имбатскаго), хотя за точность цифры 1859 г. этого рода и нельзя поручиться. За предшествующій періодъ Енисейскіе остяки, судя по этимъ даннымъ, возрасли въ числѣ, благодаря сильному приросту Верхне-Имбатскаго р. Но мы болѣе склонны признать данныя VIII ревизіи касательно этого рода ниже дѣйствительныхъ. Въ пользу этого предположенія говоритъ уменьшеніе численности рабочихъ (ревизскихъ) душъ у всѣхъ родовъ Енисейскихъ остяковъ за періодъ времени отъ VIII до X ревизіи (см. 1 прим. на стр. 116). Такимъ образомъ, вѣрнѣе предположить, что *Енисейско-остяцкое населеніе въ дѣйствительности показывало отрицательный приростъ и въ періодъ времени между VIII и X ревизіями.*

Считаемъ не безполезнымъ въ дополненіе къ выше указанной таблицѣ привести еще слѣдующія данныя о движеніи населенія Енисейскихъ остяковъ Туруханскаго края, любезно сообщенныя намъ В. И. Анучинымъ, занимавшимся въ 1905/6 гг. изслѣдованіемъ на мѣстѣ этихъ инородцевъ.

Въ 1906 г. у Туруханской части остяковъ приходилось въ среднемъ на семьянина 3,71 дѣтей об. п., изъ коихъ, однако, лишь 1,98 были въ жи-

---

щинъ слишкомъ мало; Подкаменно-Тунгусскій — 132 д. (90 м.) — число м. п., повидимому, слишкомъ высоко, а число женщинъ слишкомъ мало.

3) По Миддендорфу («Sib. Reise», IV, 2 Th., 1. Lief.) за 1838 г. Численность В. Имбатскаго р. у него 259 д. (151 м.).

4) Кривошапкинъ: «Енис. округъ». — Число женщинъ неполно.

5) Вычислены по процентному отношенію мужского пола къ населенію об. пола у другихъ родовъ въ данный годъ.

6) Получено вычитаніемъ суммы жителей первыхъ трехъ родовъ изъ общаго итога остяковъ.

7) Гагемейстеръ, ibid., II ч.

8) «Спис. нас. м. Енис. губ.» 1864 г. (58—59). Данныя Третьякова (см. 2 прим.) и Латкина (130 сл.) за 1859 г.: В. Имбатск. р.—561 д. (305 м.); Н. Имбатск. р.—198 д. (100 м.) и Подкаменно-Тунгусск. р. — 81 д. (51 м.).

9) Цифры этой гориз. графы за 1859 г. показываютъ численность Сымско-Касовскаго рода, между тѣмъ какъ въ данныхъ переписи 1897 г. свѣдѣній о принадлежности застигнутыхъ въ означенномъ округѣ 94 д. (47 м.) остяковъ къ тому или другому роду не имѣлось, а такъ какъ они были переписаны по *правому* берегу Енисея (р.р. Сымь и Касъ принадлежатъ къ лѣвой половинѣ бассейна Енисея), именно, въ предѣлахъ Анциферовской вол., то весьма вѣроятно, что эти остяки состояли изъ представителей разныхъ остяцкихъ родовъ, случайно забредшихъ въ эту мѣстность.

10) Данныя за 1906 г. любезно сообщены автору В. И. Анучинымъ.

выхъ; у 16% семей вовсе не имѣется и не имѣлось дѣтей. Процентное отношеніе половъ у всѣхъ родившихся у нихъ дѣтей было: 52 м. и 48 ж. и у оставшихся въ живыхъ: 55 м. и 45 ж. Какъ и у другихъ инородцевъ Сибири наибольшая смертность дѣтей падаетъ на возрастъ до 1 года.

Присоединимъ сюда еще % отношеніе дѣтей до 5 л. (вкл.) ко всему населенію об. п. по даннымъ переписи 1897 г.—15,0%. Это число немного меньше таковыхъ угорскихъ остяковъ и Томскихъ остяко-самоѣдовъ (15,6%).

Менѣе достовѣрны за послѣднее время данныя о численности Енисейскихъ остяковъ Енисейскаго окр.[1]), которые за болѣе отдаленные годы состояли лишь изъ представителей Сымско-Касовскаго р. Въ 30-хъ годахъ ихъ численность простиралась до 164 д. об. п. Приблизительно таковой же была ихъ численность въ 1859 г. (161 д.), но позже они сильно пострадали отъ неоднократно посѣщавшихъ край оспенныхъ эпидемій: одна изъ послѣднихъ эпидемій свирѣпствовала въ раіонѣ р. Кети въ 1896 г., т. е. за годъ до переписи. Въ 1906 г. г. Анучинъ опредѣлялъ ихъ численность всего въ 7 семей, что могло соотвѣтствовать населенію приблизительно въ 28 д. об. п., а нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ему писали съ мѣста, что новая оспенная эпидемія сократила ихъ число до 3 семей или приблизительно до 14—16 д. об. п. Такимъ образомъ, за періодъ времени въ 48 лѣтъ численность этого рода уменьшилась въ 10—12 разъ. Весьма вѣроятно, что черезъ немного лѣтъ этотъ остяцкій родъ окончательно вымретъ. Отмѣтимъ попутно, что именно этотъ родъ находился въ наиболѣе тѣсномъ общеніи съ русскими и, хотя обрусѣлъ, но болѣе другихъ пострадалъ отъ обратной стороны цивилизаціи.

При завоеваніи русскими средней Сибири и въ болѣе южныхъ частяхъ Енисейской губ. проживали родственныя Енисейскимъ остякамъ народности (*арины, котты, степные камасинцы, ассаны*). Во время происшедшихъ въ ту эпоху войнъ и передвиженій племенъ они были раздроблены и разсѣялись маленькими группами по всей странѣ. Эпидеміи и войны сильно уменьшили ихъ число, а остальные слились съ мѣстными тюрками, среди которыхъ они поселились, образовавъ отдѣльные ихъ роды. Нынѣ никто изъ нихъ не говоритъ на родномъ языкѣ. О быстротѣ вымиранія этихъ племенъ можетъ служить слѣдующій примѣръ: численность *степныхъ камасинцевъ* въ началѣ истекшаго столѣтія опредѣляли въ 400 м. д., а послѣ оспенной эпидеміи 1840 г. оба ихъ рода вслѣдствіе уменьшенія своей численности слились въ одинъ и поселились въ Пантиковомъ улусѣ (Канск. окр.),

---

1) См. прим. 9 на стр. 117.

въ которомъ въ 1859 г. числилось всего 99 д. об. п.[1]) (небольшая часть ихъ вѣроятно проживала и внѣ его).

Юкагиры.

Въ серединѣ XVII ст., въ первое время посѣщенія русскими с. в. Сибири, юкагиры были многочисленнымъ и воинственнымъ племенемъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми ламутскими родами занимавшимъ обширную приморскую область, тянувшуюся приблизительно отъ нижняго теченія Лены до 135° в. д. (отъ Пулкова). Подчиненіе ихъ и обложеніе ясакомъ шло медленно въ виду пустынности ихъ страны и недоступности многихъ ея частей, расположенныхъ вдали отъ крупныхъ рѣкъ. Еще въ 30-хъ годахъ XVIII ст. была объясачена лишь часть юкагирскаго народа, причемъ число платежныхъ душъ не превышало 427 (не считая Усть-Янскихъ)[2]). Два десятилѣтія позже (ок. 1750 г.) число объясаченныхъ юкагировъ, по Георги, издавшему свою книгу въ 1776 г., повысилось уже до 964 м. д., не считая приписанныхъ къ Алазейскому зимовью, но и въ это время далеко не всѣ юкагиры были положены въ ясакъ. Георги по этому поводу пишетъ: «Ихъ въ пустыняхъ такъ трудно отыскивать, что число не приписанныхъ мужчинъ, также женъ и дѣтей, по крайней мѣрѣ вчетверо превосходитъ въ отношеніи ко всему народу помянутое количество»[3]). Такимъ образомъ, даже по скромному счету общее ихъ число въ серединѣ XVIII ст. не должно было быть менѣе 3—4.000 д. об. п., хотя въ число Георги, по всему вѣроятію, включены чуванцы и часть ламутовъ и тунгусовъ.

Но, какъ около этого времени, такъ и потомъ, въ концѣ XVIII ст., и въ особенности въ началѣ XIX ст., они неоднократно были опустошаемы оспою и голодовками, которыя сильно сократили ихъ число[4]). Весьма гибельно отразилось на юкагирскомъ племени и то обстоятельство, что всю ихъ землю въ теченіе болѣе 70 лѣтъ пересѣкалъ единственный до открытія воднаго пути черезъ Охотское море трактъ изъ Якутска на Анадырь и въ Камчатку[5]). Мало того, что они испытывали вслѣдствіе этого на себѣ чрез-

---

1) «Спис. нас. м. Енис. губ.» 1864 г. (XXXII—XXXIII). Въ 1897 г. ихъ нельзя было отличить отъ мѣстныхъ и пришлыхъ тюрковъ губерніи.

2) Крашенинниковъ («Опис. земли Камчатки». 1786 г.)—по «Essai d'une stat. etc.», 41.

3) Георги: «Опис. вс. обитающ. въ Россійск. госуд. народовъ». 1776 г.

4) Андріевичъ, ibid., II, 352.

5) Чисто юкагирскую область этотъ трактъ пересѣкалъ, начиная отъ Зашиверска (на Индигиркѣ) до Анадырскаго острога, гдѣ еще платила ясакъ 31 душа этого племени. Весьма, однако, возможно, что Крашенинниковъ, который сообщаетъ эти свѣдѣнія, включилъ въ ихъ число и чуванцевъ («Essai d'une stat. etc.», 38 сл.).

мѣрную тягость подводной повинности, отъ которой изнемогали, они, благодаря постоянному и болѣе тѣсному соприкосновенію съ проѣзжавшими чинами, купцами и партіями казаковъ, болѣе другихъ страдали отъ заносныхъ эпидемическихъ болѣзней, на первомъ мѣстѣ отъ оспы.

За послѣдующее время вплоть до X ревизіи у насъ имѣются лишь неполныя данныя ревизій, относящіяся, повидимому, лишь къ юкагирамъ Колымскаго окр.: въ 1781 г.—456 м. д.[1]) (неполная данная); въ 1797 г.—575 м.[2]); въ 1812 г.—316 м.[3]) и въ 1851 г.—851 д. об. п.[2]) Чтобы дополнить этотъ рядъ присовокупимъ сюда численность юкагировъ Колымскаго округа по X ревизіи—639 д. (316 м.)[4]) и по переписи 1897 г.—261 д. (132 м.). Если указанныя данныя дѣйствительно касаются юкагировъ Колымскаго окр., то съ конца XVIII ст. они уменьшились до VI ревизіи на 45 %, затѣмъ почти не измѣнились въ продолженіе 48 л. до X ревизіи, послѣ которой снова уменьшились до переписи еще на 38 %. За весь періодъ въ 100 л. между V ревизіей и переписью ихъ число сократилось почти въ $4^1/_2$ раза.

Дальнѣйшія данныя относятся къ юкагирамъ Колымскаго и Верхоянскаго округовъ Якутской области вмѣстѣ. X ревизія (1859 г.)[4]) зарегистрировала всего 1686 д. об. п. (900 м.), а безъ объюкагирившихся частей двухъ ламутскихъ родовъ—1281 д. (685 м.) этого племени. Въ 1862 г. его численность опредѣляли въ 1518 д.[4]), въ 1879 г. только въ 1081 д.[5]) и въ 1884 г.—786 д.[6]), хотя эти послѣднія данныя, не основанныя на регистраціи населенія, и не отличаются точностью: они, повидимому, вычислены изъ прежнихъ данныхъ путемъ приблизительнаго учета измѣненій, происшедшихъ въ численности населенія вслѣдствіе бывшихъ въ краѣ голодовокъ и эпидемій[7]).

Перепись 1897 г. опредѣлила численность 10 чисто юкагирскихъ родовъ Якутской обл. (не считая 9 д.—4 м. въ Анадырской окр.) всего въ 660 д. (344 м.) или почти въ два раза меньше противъ X ревизіи.

Дадимъ детальное сопоставленіе численности юкагировъ отдѣльныхъ округовъ и родовъ за оба упомянутые года:

---

1) Беръ, ibid., 89 сл.
2) Гагемейстеръ, II, 2.
3) Андріевичъ, II, 83.
4) «Пам. кн. Якутск. обл. на 1863 г.».
5) Семеновъ: «Геогр.-Статист. слов.», V т.
6) «Обзоръ Якут. обл. на 1885 г.».
7) Число 436 д. за 1895 г. («Пам. кн. Якут. обл.» 1895) ни на чемъ не основано.

Колымскій округъ.	1859 г.		1897 г.	
Названія родовъ.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Ушканскій родъ	58	112	37	79
2. I Омотскій »	51	92	18	30
3. II » »	23	54	1	7
4. III » »	64	131	14	26
5. Омолонскій »	61	119	36	64
6. Алазейскій »	37	86	24	47[1])
7. Юкагирскій »	22	45	2	8[2])
Итого	**316**	**639**	**132**	**261**

Верхоянскій округъ.	1859 г.		1897 г.	
Названія родовъ.	м. п.	об. п.	м. п.	об. п.
1. Каменно-Юкагирскій родъ	201	359	107	191
2. Омолонскій родъ	149	238	95	191
3. Буякирскій родъ	19	45	10	17
Итого	**369**	**642**	**212**	**399**
4. I Кунгурскій родъ { юкагирск. часть. .	120	241	258	491[3])
4. I Кунгурскій родъ { тунгусск. » .	183	344		
5. II » » юкагиры .	68	117		
6. Тюгяпирскій родъ { юкагирск. часть. .	27[4])	47[4])	216	399
6. Тюгяпирскій родъ { тунгусск. » .	113[4])	218[4])		
Итого	**511**	**967**	**474**	**890**

Всего представителей чисто юкагирскихъ родовъ въ Якутской обл. было: въ 1859 г. 1281 д. (685 м.) и въ 1897 г.—660 д. (344 м.). Эти данныя наглядно показываютъ огромную убыль (почти на 50%) юкагировъ противъ 1859 г.

Въ Колымскомъ округѣ ихъ число уменьшилось на $^3/_5$ ихъ прежняго числа, что соотвѣтствуетъ ежегодной средней убыли за 38 л. въ 15,5 ‰. Хотя, судя по паденію ихъ численности къ 1879 г. (см. выше) и до начала 80-хъ гг., они и раньше сильно пострадали отъ эпидемій, но несомнѣнно, что рѣшающее значеніе въ данномъ случаѣ имѣла оспенная эпидемія, посѣтившая край въ серединѣ 80-хъ годовъ и, по словамъ свидѣтелей, сократившая

---

1) I Алазейскій р. — 33 д. (18 м.) и II Алазейскій р. (Эрбэткэнъ) — 14 д. (6 м.).

2) Не распредѣленные по родамъ юкагиры.

3) Этотъ родъ въ переписи названъ по б. ч. Кункугурскимъ, лишь 22 д. (10 м.) тунгусовъ этого рода, застигнутые въ предѣлахъ Колымскаго окр. и включенные въ указанное число 491 д. (258 м.), какъ и нѣкоторая часть другихъ юкагировъ, отмѣчены представителями Кунгурскаго р. Подробнѣе объ этомъ родѣ — см. «Оп. геогр. и стат. тунгус.», I ч., 2 вып., 115 сл.

4) Тѣ же числа приводитъ Кеппенъ за IX ревизію.

численность инородческаго населенія мѣстами на $^1/_3$, мѣстами на $^1/_2$ и болѣе[1]). Сильно пострадали юкагиры, какъ и другіе инородцы Колымскаго округа, и отъ періодическихъ голодовокъ, которыя наступаютъ въ годы плохого улова рыбы.

Со времени переписи положеніе Колымскихъ юкагировъ нисколько не улучшилось: они продолжаютъ голодать, болѣть и вымирать, какъ это видно изъ отрывочныхъ данныхъ г. Бутурлина[2]) за зиму 1905/6 г. Въ Юкагирскомъ родѣ по окладному листу 1905 г. значится 22 ревизскихъ душъ и 13 работниковъ, а въ дѣйствительности въ названномъ году въ этомъ родѣ было всего 3 бездѣтныхъ семьи въ 8 д. (4 м.), изъ коихъ въ зрѣломъ возрастѣ (около 40 л.) были лишь 1 м. и 1 ж., а остальные старики. Вслѣдствіе голода въ 1905/6 г. въ Ушкапскомъ р. вымерло 2 семьи Спиридоновыхъ въ 9 д. (7 взрослыхъ и 2 дѣтей), остальные представители этого рода, какъ и 5 семей I Омотскаго р. въ раіонѣ ст. Омолонской, спаслись, благодаря своевременно поданной помощи, хотя нѣсколько дней сидѣли безо всякой ѣды.

Во всей Нижне-Колымской части округа нынѣ числится 135 ревизскихъ душъ юкагировъ, причемъ работниковъ у нихъ было въ 1854 г.—69 чел., а въ 1905 г.—всего 19, и, такъ какъ подать взыскивается по числу ревизскихъ душъ, то эти 19 лицъ обязаны нынѣ уплачивать ясакъ за всѣ 135 душъ, изъ коихъ 116 являются мертвыми душами. Въ Юкагирскомъ р. отношеніе наличнаго работоспособнаго населенія къ ревизскому еще менѣе благопріятно. Тамъ одна работоспособная душа (см. выше) должна не только кормить свою семью, состоящую изъ жены и двухъ престарѣлыхъ родителей, но и внести ясакъ за всѣхъ вымершихъ представителей рода и за оставшихся въ живыхъ, но ставшихъ неработоспособными стариками, въ общей сложности за 22 ревизскихъ души. Это непосильное бремя, лежащее на слабыхъ плечахъ обнищавшихъ и вѣчно голодныхъ людей, естественно ускоряетъ ихъ вымираніе.

Юкагирское населеніе Верхоянскаго округа ради удобства сопоставленія пришлось разбить на двѣ части: на чисто юкагирскіе роды, хотя тоже отчасти смѣшавшіеся съ ламутами, и на ламуто-юкагирскіе, каковы роды: Кунгурскіе и Тюгяпирскій, которые, повидимому, представляютъ изъ себя ламутскіе роды, часть которыхъ вслѣдствіе продолжительнаго совмѣстнаго съ

---

1) Паткановъ: «Оп. геогр. и стат. тунг.», I ч., 2 вып., 72. По оффиціальнымъ источникамъ изъ 900 д. населенія Нижне-Колымской части округа въ эту эпидемію умерло 389 д. или 43,8%, хотя въ виду затруднительности учета бродячаго населенія это число, несомнѣнно, не исчерпываетъ всего числа жертвъ («С.-Петерб. Вѣд.», 21 марта 1901 г.).

2) См. 5 прим. на стр. 127 (стр. 33, 48, 82).

юкагирами обитанія въ одной мѣстности объюкагирились. Раздѣлить эти роды на ихъ составныя части (ламутскую и юкагирскую) по даннымъ переписи не представилось возможнымъ, потому что языкъ въ этихъ краяхъ не можетъ служить руководящей нитью для раздѣленія національностей[1]). Поэтому мы выдѣлили эти роды изъ состава чисто юкагирскихъ родовъ и за 1897 г. представили ихъ численность во всей ихъ совокупности, т. е. безъ подраздѣленія на ихъ составныя части. Какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, численность, какъ чисто юкагирскихъ, такъ и ламуто-юкагирскихъ родовъ Верхоянскаго окр. значительно уменьшилась противъ X ревизіи, хотя и не въ одинаковой степени. Ежегодная средняя убыль первыхъ (мужчинъ) простиралась до 11,2 и вторыхъ до 1,9‰, а за все время въ 38 л. первыхъ въ 42,3% и вторыхъ въ 7,2%.

Въ итогѣ по обоимъ округамъ *чисто юкагирскіе роды утратили со времени X ревизіи 341 д. или почти половину (49,8%) своего первоначальнаго состава, что соотвѣтствуетъ ежегодной убыли въ 13,1‰*. Если даже допустить въ переписи пропуски, то и то ежегодная средняя убыль, хотя бы въ 10‰, свидѣтельствуетъ о быстромъ вымираніи юкагирскаго племени. Спѣшимъ оговориться, что ассимиляція съ тунгусами, якутами и русскими въ этомъ процессѣ вымиранія не играетъ почти никакой роли, потому что приведенныя данныя опредѣляютъ число юкагировъ на основаніи численности представителей отдѣльныхъ ихъ родовъ, а не по языку, который многіе инородцы края заимствовали у своихъ сосѣдей (см. стр. 10 сл.).

За болѣе поздній періодъ времени у насъ есть цифра, показывающая численность юкагировъ за 1904 г.—928 д. (включая юкагирскія части смѣшанныхъ родовъ)[2]). Изъ этого числа на раіонъ средней Колымы съ ея притоками Ясачной и Коркодономъ и на область Омолона, т. е. почти на весь Колымскій окр., приходится 688 д. и на долю тундровыхъ юкагировъ и ламуто-юкагировъ Верхоянскаго окр.—240 д.[2]). На основаніи выше изложеннаго можно полагать, что эти данныя, какъ и данныя за всѣ годы внѣ ревизій и переписи, болѣе или менѣе произвольны.

Сильно уменьшившись въ числѣ, юкагиры въ настоящее время занимаютъ лишь небольшіе островки своей прежней области, именно по р. Алазеѣ и къ востоку отъ нея и по рр. Ясачной и Коркодону, притокамъ средней Колымы, хотя на имѣющихся этнографическихъ картахъ[3]) они и по сей

---

1) Паткановъ, I ч., 2 вып., 174—181.

2) «Пам. кн. Якутск. обл. на 1905 г.».

3) Исключеніе составляютъ карты, приложенныя къ трудамъ знатока юкагировъ В. Іохельсона.

часъ являются единственными владѣльцами той обширной территоріи, которою они владѣли сто лѣтъ тому назадъ[1]).

Мы ничего не говоримъ о юкагирахъ Анадырской окр. Приморской обл., гдѣ перепись отмѣтила 90 д. (42 м.) этого племени. Огромное большинство этихъ юкагировъ (81 д.) проживаютъ осѣдло въ с. Марковѣ и въ сосѣднихъ поселкахъ и, подобно другимъ мѣстнымъ инородцамъ (чуванцамъ, ламутамъ), окончательно обрусѣли, въ виду чего и называются въ оффиціальныхъ источникахъ и очень многими изслѣдователями края, «русскими». Судя по даннымъ о числѣ работоспособныхъ юкагировъ въ 1866 и 1892 гг., и эта ихъ часть не имѣетъ положительнаго естественнаго приращенія (см. 7 прим. на стр. 125).

Чуванцы.

Чуванцы, по В. Іохельсону, являются родственнымъ юкагирамъ племенемъ, говорящемъ на особомъ нарѣчіи юкагирскаго языка. Область чуванцевъ находилась къ востоку отъ прежней области юкагировъ т. е. она была расположена между 133° в. д. на з. и 142° в. д. на в., но кромѣ нихъ въ этомъ раіонѣ обитали и другія народности — юкагиры, коряки и отчасти тунгусы и чукчи.

Чуванцы распадаются по своему образу жизни на полуосѣдлыхъ рыболововъ и звѣролововъ и на бродячихъ оленеводовъ. Первые составляютъ главную часть (50,8%) осѣдлаго населенія поселковъ, расположенныхъ по среднему теченію Анадыри. Въ прежнее время осѣдлые чуванцы проживали и въ низовьяхъ Колымы и Омолона, но теперь они вымерли въ этомъ раіонѣ до нѣсколькихъ человѣкъ (въ 1907 г.: 6 м. и 4 ж.)[2]). Всѣ осѣдлые чуванцы сильно обрусѣли.

Другую ихъ группу образуютъ оленные чуванцы, главная масса которыхъ скитается къ востоку отъ Станового хребта, преимущественно въ верховьяхъ р.р. Пенжины и Анадыри и въ мѣстности, расположенной отъ послѣдней рѣки до устья р. Бѣлой. Отдѣльныя семьи бродятъ и къ западу отъ упомянутаго хребта, въ предѣлахъ Колымскаго окр., къ которому они приписаны и въ которомъ уплачиваютъ ясакъ всѣ бродячіе чуванцы. Къ Анадырской окр. Приморской обл. приписаны лишь осѣдлые чуванцы бассейна Анадыри (см. выше).

О численности чуванцевъ, принадлежащихъ къ Колымскому окр., у насъ имѣются слѣдующія данныя: Въ IX ревизію (1852 г.) ихъ было 214

1) См. нашу работу: «Essai d'une statist. et d'une géogr. etc.», 38—41.

2) См. стр. 105.

д. об. п.[1]), въ X ревизію (1859 г.)—253 д. (134 м.)[2]). Это же число съ небольшимъ измѣненіемъ приводится и за 1862 г. (259 д. об. п.)[3]). Данныя за послѣдующіе годы вплоть до переписи повидимому произвольны, въ виду чего и не представляютъ интереса; таковы данныя за годы: 1879 г. — 130 д.[4]), 1884 г.—138 д.[5]), 1892 г.—145 д. (79 м.)[5]) и 1895 г.—143 д.[3]). Перепись 1897 г. опредѣлила численность ихъ въ 190 д. (99 м.), изъ коихъ 159 д. (86 м.) были переписаны въ Анадырской окр. и 31 д. (13 м.) въ Колымскомъ окр. (въ т. ч. 18 д. — 6 м. осѣдлыхъ). Сравнительно съ X ревизіей данныя переписи обнаружили убыль въ 63 д. (35 м.) или въ 24,9% (об. п.) и 26,1% (м. п.), что соотвѣтствуетъ огромной ежегодной *убыли* въ 6,6‰ и 6,9‰.

И за болѣе поздніе годы данныя о численности чуванцевъ гадательны[6]). Что касается до обрусѣлыхъ чуванцевъ с. Маркова и другихъ поселковъ по Анадыри, образующихъ ихъ Чуванское с. о., то, судя по даннымъ объ измѣненіи ихъ численности за 25 л.: 1866 г.—91 гг., они не уменьшаются въ числѣ подобно своимъ русскимъ односельчанамъ тоже смѣшаннаго происхожденія (крестьянское и мѣщанское с. о.), по, повидимому, даже увеличиваются въ числѣ[7]). Такъ какъ эти окончательно обрусѣлые чуванцы въ сущ-

---

1) Гагемейстеръ, II, l. c.

2) «Пам. кн. Якутской обл. на 1863 г.» — Хатыгинскій родъ.

3) «Пам. кн. Якутск. обл. на 1895 г.», 139 сл.

4) «Геогр.-Стат. слов.» П. Семенова.

5) «Обз. Якут. обл.» за 1885 и 1892 гг.

6) «Общ. обз. Якут. обл. за 1892—1902 гг.» опредѣляетъ ихъ численность въ 1902 г. въ 73 д., а «Стат.-эконом. итоги за 1906 г.» (тр. Якут. обл. стат. ком., 08 г.) въ 5 д.

7) О приращеніи осѣдлаго «русскаго» населенія по р. Анадыри, состоявшаго въ 1892 г. изъ 456 д., въ т. ч. 256 чуванцевъ, 65 юкагировъ, 39 ламутовъ, 84 мѣщанъ и 12 крестьянъ, у насъ имѣются данныя исповѣдныхъ росписей за 1861—1892 гг., изъ коихъ данныя за 1861—1864 гг. не достовѣрны. Вычисливъ среднюю численность жителей за каждое пятилѣтіе, мы получимъ слѣдующій рядъ: 1865—1869 гг. — 420,8 д. об. п.; 1870—1874 гг. — 443,6 д.; 1875—1879 гг. — 450,2 д.; 1880—1884 гг. — 452,2 д.; 1885—1889 гг. — 453,2 д.; 1890—1892 гг. — 477,0 д. (?). Средній ежегодный приростъ въ каждый изъ этихъ періодовъ будетъ: въ 1865—1869 гг. + 4,64 и далѣе: + 1,32; + 0,40; + 0,20; + 4,76 д. или за весь періодъ въ 28 л. при среднемъ населеніи въ 447,5 д. об. п. + 2,26 д. *На 1000 д. ежегодный приростъ будетъ + 5,06.* Очень слабый приростъ населенія въ десятилѣтіе 1880—1889 гг. зависитъ отъ сильнаго повѣтрія дифтерита и отъ другихъ болѣзней, отъ которыхъ умерло много жителей: въ трехлѣтіе 1881—1883 гг. естественное приращеніе на 452 д. было отрицательнымъ: — 1,5; — 0,6 и — 9,7. Замѣтимъ, что при всѣхъ этихъ вычисленіяхъ были исключены 111 д. (51 м. ламутовъ, причисленныхъ къ с. Маркову въ 1883 г. Что касается до сравнительной жизнеспособности отдѣльныхъ частей этихъ осѣдлыхъ анадырцевъ, то въ этомъ отношеніи у насъ имѣются другія данныя: въ 1866 и 1891 гг. число работоспособныхъ (20—50 л.) анадырцевъ разнаго происхожденія было: чуванцевъ—54 и 65; юкагировъ 13 и 14; ламутовъ 6 и 15; мѣщанъ: 35 и 23 и крестьянъ: 6 и 2. Такимъ образомъ, *юкагиры почти не измѣнились въ числѣ* за отчетныя 25 л., крестьяне и мѣщане уменьшились, а *чуванцы возросли* (увеличеніе ламу-

ности представляютъ изъ себя настоящихъ русскихъ, то ихъ болѣе благопріятно сложившееся естественное приращеніе не является исключеніемъ изъ общаго для инородцевъ сѣверной Сибири правила, согласно которому бо́льшая, *бродячая, часть этого племени находится въ стадіи быстраго вымиранія.* Дни юкагировъ и чуванцевъ, такимъ образомъ, сочтены.

Въ XVII ст. на с.в. Сибири, въ тѣхъ же мѣстностяхъ, обитали и другія родственныя имъ племена и вѣтви выше разсмотрѣнныхъ народностей — *омоки, шелаги, ходынцы, анаулы* и другія, исчезнувшія въ первыя десятилѣтія русскаго господства въ краѣ[1]), павши жертвой, частью оружія казаковъ-завоевателей, частью первыхъ занесенныхъ русскими на с.в. Сибири эпидемій. Объ этихъ народностяхъ у насъ не сохранилось никакихъ свѣдѣній. (О нихъ см. статью В. Іохельсона въ «Зап. В.-Сиб. О. И. Р. Геогр. О.», XXVIII, 2).

Чукчи и эскимосы.

Такъ какъ большинство чукчей и по-сейчасъ не считаютъ себя подданными русскаго царя и не платятъ ясака, то вполнѣ естественно, что въ прежнее время численность этого племени исчислялась совершенно гадательно — отъ 4 до 12 тыс. д., а нѣкоторые авторы увеличивали это число даже до 100.000 д.[2]). Перепись опредѣлила число всѣхъ чукчей въ 11.771 д. (5811 м.) или съ поправкой въ виду вѣроятнаго пропуска — въ 12.171 д. (6.011 м.).

По своему образу жизни и по своимъ занятіямъ чукчи распадаются на двѣ группы: на осѣдлыхъ жителей, обитающихъ по берегу Берингова пролива и по Ледовитому океану, на западъ до Чаунской губы (— «сидячіе» чукчи), и на кочевниковъ, скитающихся по всей остальной части чукотской области, на западъ простирающейся до устья р. Индигирки. Первые снискиваютъ себѣ пропитаніе добычей морскихъ животныхъ и отчасти торговлей со своими кочевыми собратьями, которые живутъ почти исключительно оленоводствомъ, почему и называются: «оленными» чукчами.

Единственныя реальныя данныя о численности чукчей, которыя мы имѣемъ за прежніе годы, относятся къ той части кочевыхъ чукчей, которая обитаетъ въ предѣлахъ Колымскаго окр. (Якут. обл.), куда они передвину-

---

товъ объясняется переселеніемъ). Данныя о численности и движеніи осѣдлаго населенія бассейна р. Анадыри заимствованы изъ статьи полк. Олсуфьева: «Общ. очеркъ Анад. окр.», 1896 г. (стр. 30, 35, 75 и 76).

1) См. Patkanov: «Essai d'une statist. et d'une géogr. etc.», 1903, 62 сл.

2) Семеновъ, ibid.

лись въ теченіе первой половины истекшаго столѣтія (на лѣвый берегъ р. Колымы они перебрались въ 1857 г.). Въ 1879 г. ихъ число исчисляли тамъ въ 425 д.[1]), въ 1884 г. — въ 1077 д.[2]), а перепись 1897 г. опредѣлила ихъ число въ 1556 д. (750 м.) или съ поправкой, въ виду возможнаго пропуска Омолонскихъ чукчей, въ 1956 д. (950 м.); въ 1904 г. ихъ численность опредѣляли въ 1853 д.[3]). Но и эти цифры, основанныя (кромѣ переписи) на сообщеніяхъ старшинъ чукчей, лишь приблизительно выражаютъ ихъ численность въ названные годы, причемъ изъ сопоставленія ихъ между собою ничего нельзя вывести, въ виду постоянныхъ передвиженій чукчей изъ Анадырской окр. въ Колымскій окр. и обратно. У насъ, однако, есть извѣстія, что въ годы эпидемій и они сильно страдали. Такимъ образомъ, въ одномъ источникѣ утверждается, что оспенною эпидеміею 1885 г. (см. стр. 121) кочевья чукчей Колымскаго окр. были такъ сильно опустошены, что въ Зап. тундрѣ, расположенной къ западу отъ р. Колымы, численность представителей этого племени сократилась до $^1/_4$ части ихъ прежняго числа[4]). Были слухи и о поголовной гибели чукчей, кочевавшихъ въ верхней части бассейна Омолона того же Колымскаго окр.[5]), но ни подтвержденія, ни опроверженія этихъ слуховъ въ печати не появлялось.

Относительно того, въ какомъ направленіи совершается и совершался раньше приростъ чукчей Анадырской окр., у насъ по причинамъ, изложеннымъ выше, свѣдѣній не имѣется, но нѣтъ основаній предполагать, чтобы это богатое оленями племя, считающееся наилучше обезпеченной матеріально частью населенія на крайнемъ с.в. Сибири, вымирало въ этой своей коренной мѣстности подобно другимъ палеазіатамъ и въ частности Колымскимъ чукчамъ, находящимся въ болѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ русскими и ихъ культурой, тѣмъ болѣе, что спиртъ къ Анадырскимъ чукчамъ проникалъ до послѣдняго времени въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ къ Колымскимъ. Но несомнѣнно, что благосостояніе чукчей по мѣрѣ развитія ихъ сношеній съ американцами и русскими постепенно падаетъ. Даже помимо всѣхъ другихъ причинъ ихъ обѣдненію содѣйствуетъ постоянно усиливающійся спросъ на продукты оленеводства: мясо и шкуры, покрыть который не можетъ сравнительно слабый приростъ оленьихъ стадъ. И вотъ

---

1) См. 2 прим. на стр. 126.
2) «Обзоръ Якут. обл. на 1885 г.».
3) » » » » 1905 г.».
4) «Сибирск. сборн.», 1897, 11.
5) Бутурлинъ: «Отч. уполномоч. М-ва Вн. Д. по снабжен. продовол. въ 1905 г. Колымск. и Охотск. края». 1907 г. (стр. 47).

беззаботные чукчи съ легкимъ сердцемъ сокращаютъ размѣры своихъ стадъ для удовлетворенія по большей части своихъ прихотей, — на основаніи обстоятельнаго изслѣдованія экономическаго положенія Анадырскихъ чукчей полк. Олсуфьевъ[1]) пришелъ къ заключенію, что лишь $^1/_{10}$ часть вымѣниваемыхъ чукчами продуктовъ и предметовъ составляетъ для нихъ дѣйствительную потребность.

И въ виду этого онъ еще въ 80-хъ годахъ истекшаго столѣтія предсказывалъ чукчамъ грустную будущность. Относительно Колымскихъ чукчей его предсказаніе уже сбылось: послѣдніе годы у всѣхъ проживающихъ въ Колымской окр. представителей этого племени обнаружился острый экономическій кризисъ, подготовлявшійся уже давно. Оленеводство у нихъ вслѣдствіе усиленной эксплоатаціи оленьихъ стадъ, вслѣдствіе размножившихся волковъ и эпидемій въ общемъ столь сильно сократилось, что они, лишившись своихъ стадъ, а отчасти и до окончательной потери всѣхъ оленей, стали переходить къ полуосѣдлому образу жизни рыболововъ и ловцовъ морскихъ животныхъ, водворяясь ради этого по берегу Ледовитаго океана, къ з. отъ Чаунской губы[2]), до послѣдняго времени служившей крайнимъ на з. мѣстомъ обитанія осѣдлыхъ чукчей. Вмѣстѣ съ этой перемѣной въ ихъ жизни ихъ экономическое благосостояніе измѣнилось въ худшую сторону (см. ниже).

Сильнѣе чѣмъ кочевые чукчи отъ вліянія европейской (американской) культуры и отъ (американскаго) спирта страдаютъ сидячіе чукчи и ихъ сосѣди *Сибирскіе эскимосы* (племена: айвуаны, вутэлицы и пээки), обитающіе черезполосно съ ними по побережью Берингова пролива, уже потому, что они имѣютъ непосредственныя сношенія съ американцами. Да и матеріальное положеніе сидячихъ чукчей и эскимосовъ хуже, чѣмъ оленныхъ чукчей: послѣдніе вполнѣ обезпечены продуктами оленеводства, а первые существуютъ безбѣдно лишь въ благопріятные годы, въ годы же плохого улова морскихъ животныхъ, истребляемыхъ американскими и канадскими хищническими шхунами, у нихъ наступаютъ голодовки, часто сопровождаемыя эпидемическими болѣзнями. Къ тому же, что касается до одежды и пологовъ для юртъ, то въ этомъ отношеніи они находятся въ полной зависимости отъ оленеводовъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ извѣстный изслѣдователь с.в. Сибири И. Слюнинъ: «Что касается запасовъ продовольствія, то въ этомъ отношеніи оленные и сидячіе чукчи сильно разнятся: первые богачи и аристократы, тогда какъ послѣдніе жалкіе паріи, печально влачащіе

---

1) См. 7 примѣч. на стр. 125 сл.
2) Бутурлинъ, ibid., 71.

свое существованіе у берега моря. Оленному чукчѣ олень составляетъ все въ жизни: онъ имъ питается, имъ пользуется при кочеваніи, изъ оленьихъ шкуръ онъ шьетъ себѣ одежду и обувь . . . . , оленьи шкуры служатъ постелью, пологомъ для спальни, ими укутываютъ юрту. Издѣлія этого народа иногда достигаютъ изящества и служатъ уже какъ предметъ роскоши. Такъ называемый сидячій чукча ничего этого не имѣетъ и на свою морскую добычу долженъ вымѣнять у бродячихъ чукчей всѣ эти предметы первой необходимости: промыслитъ ли онъ нерпу, моржа или лисицу, онъ охотно мѣняетъ на оленьи шкуры, безъ которыхъ его существованіе среди суровой природы не мыслимо»[1]).

И въ результатѣ этихъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій численность сидячихъ чукчей, эскимосовъ и коряцкаго (олюторскаго) племени *кэрэковъ*, обитающаго на п. о., вдающемся въ Берингово море, постепенно уменьшается — съ этимъ согласны почти всѣ изслѣдователи края. Даже сами эти инородцы жалуются на это неблагопріятное явленіе и указываютъ какъ на его главную причину на хозяйничаніе, начиная съ 1860 г., въ мѣстныхъ водахъ американскихъ китобоевъ[2]), которые своимъ хищническимъ промысломъ сильно уменьшили число морскихъ животныхъ, служащихъ главнымъ средствомъ ихъ существованія.

Единственныя статистическія данныя о численности сидячихъ чукчей (безъ эскимосовъ) за прежнее время (годъ не указанъ) мы находимъ у Гагемейстера (II, ibid.). Эти данныя, относящіяся вѣроятно къ 40-мъ или къ началу 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, исчисляютъ эту часть чукчей въ 52 поселка и 1565 юртъ, что могло соотвѣтствовать приблизительно 10.000 д. об. п. Перепись 1897 г. обнаружила 76 поселковъ осѣдлыхъ чукчей (включая и небольшое племя кэрэковъ — см. выше) въ 519 юртъ (хозяйствъ) съ населеніемъ въ 3058 д. (1472 м.), а если принять въ соображеніе и эскимосовъ, то 85 поселковъ въ 705 юртъ и 4365 д. об. п. (2103 м.).

Намъ неизвѣстно, насколько цифры Гагемейстера достовѣрны, но разница между его данными и таковыми переписи настолько велика (она предполагаетъ уменьшеніе численности осѣдлыхъ чукчей на $^2/_3$ противъ прежнихъ лѣтъ), что мы считаемъ за лучшее воздержаться отъ всякихъ выводовъ.

---

1) «Экон. бытъ инор. с.-в. Сибири», 183 («Изв. И. Р. Геогр. Общ.», XXXI, 1895 г., 2 вып.).

2) Олсуфьевъ, ibid., 132.

Кромѣ того у Словцова (II, 65) имѣется свѣдѣніе о численности въ концѣ XVIII ст. (1778 г.) эскимосовъ о. Имолвина въ Беринговомъ проливѣ: 396 д. (203 м.). Въ 1897 г. перепись туда не проникла, но изъ опросныхъ данныхъ выяснилось, что на о. Ратмановѣ въ это время обитало 211 д. (103 м.), изъ коихъ 173 д. (83 м.) въ сел. Ималлнѣ и 38 д. (20 м.) въ сел. Кугненѣ. Если часть ихъ со времени 1778 г. не выселилась на материкъ, то и здѣсь убыль инородцевъ (эскимосовъ) за 119 лѣтъ равна почти 50%.

Въ заключеніе сообщимъ, что чукчи въ общемъ не богаты дѣтьми, въ каковомъ отношеніи уступаютъ эскимосамъ. Въ Анадырской окр., въ которой чукчи составляютъ $^9/_{10}$ населенія, на 100 ж. въ возрастѣ 15—49 л. въ 1897 г. приходилось 55,3 и на 100 д. об. п. 15,5 дѣтей до 5 л. (вкл.). У однихъ чукчей на 100 д. об. п. приходилось въ Анадырской окр. 15,3 и въ Колымскомъ окр. 14,6. Послѣднее число относится къ оленнымъ чукчамъ, первое къ кочевымъ оленеводамъ и къ полуосѣдлымъ звѣроловамъ и рыболовамъ, живущимъ по Берингову проливу и по Ледовитому океану на з. до Чаунской губы. Послѣдніе составляли въ 1897 г. прибл. $^1/_4$ всѣхъ чукчей Анадырской окр. Къ сожалѣнію въ обнародованныхъ Центр. Стат. Комитетомъ результатахъ переписи не имѣется особыхъ данныхъ о каждой изъ этихъ группъ чукчей въ отдѣльности. На этомъ основаніи сопоставлять приведенныя данныя о чукчахъ, среди которыхъ рѣшительно преобладаютъ кочевники-оленеводы, съ таковыми касательно эскимосовъ, принадлежащихъ къ полуосѣдлымъ охотникамъ на морскихъ животныхъ, не вполнѣ удобно. У эскимосовъ % дѣтей до 5 л. былъ 18,7.

Камчадалы.

Въ виду того, что сѣверная часть осѣдлаго населенія Камчатки—такъ называемые Палланцы и Укинцы — до извѣстной степени ассимилировались со своими сосѣдями-камчадалами и мѣстами отъ сліянія этихъ народностей образовалось смѣшанное населеніе со средними племенными признаками, изслѣдователи Камчатки и оффиціальные источники не одинаковымъ образомъ опредѣляютъ національность этой части осѣдлыхъ жителей полуострова: одни относятъ палланцевъ (обитающихъ по берегу Пенжинскаго моря) и укинцевъ (живущихъ по Берингову морю) къ корякамъ, другіе лишь послѣднихъ признаютъ за коряковъ, а въ палланцахъ видятъ окорячившихся камчадаловъ, и третьи, наконецъ, считаютъ камчадалами тѣхъ и другихъ. Послѣдняго взгляда, между прочимъ, придерживались и счетчики,

работавшіе во время переписи 1897 г. Такъ какъ, однако, отдѣльные авторы, толкуя о камчадалахъ и осѣдлыхъ корякахъ, часто не указываютъ, что̀ они подразумѣваютъ подъ этими терминами, то, во избѣжаніе возможныхъ ошибокъ, при сравненіяхъ удобнѣе разсматривать все осѣдлое инородческое населеніе Камчатки какъ одно цѣлое, что тѣмъ болѣе практично, что за очень многіе годы не имѣется данныхъ о распредѣленіи жителей прежней Камчатской области (которая охватывала Петропавловскую и Гижигинскую округи и южную часть Анадырской) по національностямъ.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что статистическія данныя касательно численности инородцевъ Камчатки очень неполны, такъ какъ вплоть до начала XIX ст. регистраціи подвергалась лишь та часть ея населенія, которая была обложена ясакомъ, другими словами, осѣдлые жители, и лишь позже къ платежу подати стали постепенно привлекаться и регистрироваться и кочевые и бродячіе инородцы края, хотя въ первое время и въ незначительномъ числѣ. Послѣднее видно уже изъ того обстоятельства, что даже во время IX ревизіи (1852 г.) изо всѣхъ кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ Камчатки ясакомъ были обложены, по Кеппену, лишь 383 д., что составляетъ около $^1/_3$ ихъ мужского населенія[1]). На этомъ основаніи, отчасти и по другимъ причинамъ, статистическія данныя касательно *кочевого* и *бродячаго*, а слѣдовательно и всего, инородческаго населенія Камчатки и Гижигинской окр. за разные годы оказываются не вполнѣ однородными, почему и не пригодными для взаимныхъ сопоставленій.

Сравненію за разные годы, такимъ образомъ, можетъ подлежать только *осѣдлое* инородческое населеніе Камчатки, т. е. камчадалы и смѣшанное камчадальско-коряцкое населеніе ея сѣв. части. Въ нижеслѣдующей таблицѣ мы дѣлаемъ попытку сгруппировать по морскимъ и рѣчнымъ бассейнамъ и привести въ болѣе или менѣе удобосравнимое состояніе число платежныхъ душъ осѣдлыхъ инородцевъ Камчатки (= нын. Петропавловск. окр.) за 40-ые годы XVIII ст. по Крашенинникову[2]) и за 1900 г. и наличное ихъ населеніе въ 1853 г. и по переписи 1897 г.:

---

1) Всѣхъ бродячихъ инородцевъ въ Камчатской обл., по Кеппену, было 53 м., кочевыхъ 2545 д. (изъ коихъ 383 м. д. объясаченыхъ) или всего тѣхъ и другихъ 2598 д. Вѣроятно эти данныя относятся, однако, ко всей Камчатской обл., потому что въ 1897 г. въ Петропавловской окр. (т. е. на Камчаткѣ) было зарегистрировано всего 642 м. д. оленныхъ коряковъ (ламуты въ то время лишь начали водворяться въ краѣ и число ихъ въ 1855 г. не превышало, по Дитмару, 35 м. д.).

2) «Описаніе земли Камчатки» (2 изд. 1786 г.) II, 4 ч. (249—258). Статистическая часть работы этого автора составлена весьма небрежно: общіе итоги имѣются не всюду, а въ частныхъ итогахъ, горизонтальныхъ и вертикальныхъ, много ошибокъ. Къ тому же въ раз-

	Платежныя души.				Наличное населеніе.			
	около 1741 г.		Въ 1900 г.[4])		1853 г.[5])		1897 г.[6])	
	сел.	«луковъ»	сел.	плат. д.	сел.	д.м.п.	сел.	д.м.п.
I. *Бассейнъ Охотскаго моря.*								
1. Р. Большая (съ прит. Быстрой)	5	91	4	61	4	113	4	184
2. Бассейнъ Охотскаго моря на с. до р. Тигиля (не вкл.) . . .	18	680	16	304	16	469	16	737
3. По р. Тигилю (вкл. р. Напану)[1])	2*	126* *	2	38	2	72	2	90
4. Отъ р. Аманиной на югъ до р. Лѣсной (вкл.) на с..	7	244	7	219	6	336	7	471
Итого . . .	32	1141	29	622	28	990	29	1482
II. *Бассейнъ Камчатскаго моря.*								
1. Бассейнъ рѣкъ К. м. (кр. р. Камчатки) на с. прибл. до м. Столбоваго (не вкл.)	16	412[2])	1	12	1	16	1	45
2. Бассейнъ р. Камчатки (вкл. р. Еловку)	19	962	11	132	11	263	11	322
Итого . . .	35	1374	12	144	12	279	12	367
III. *Бассейнъ Берингова (Восточнаго) моря.*								
1. Отъ м. Столбоваго на с. до р. Карагиной (вкл.) — укинцы (коряки)	8	216[3])	6	73	6	189	6	151
Всего . . .	75	2731	47	839	46	1458	47	2000
Сверхъ того остр. Подкагирскій (въ предѣл. ныи. Гижинск. окр.)	1	35	—	—	1	?	1	20

ныхъ частяхъ сочиненія есть не мало разногласій. Въ виду такой неаккуратности, допущенной при составленіи статистическихъ таблицъ и перечней селеній, разные авторы, пользовавшіеся этимъ трудомъ, неодинаково толкуютъ приведенныя въ немъ данныя.

1) Число острожковъ по Тигилю было въ 1741 г., повидимому, значительно больше (9, которые были подчинены главному остр. Кульваучу), какъ это видно изъ другого мѣста той же книги (I т., 1 ч., 25 сл.).

2) Включая 47 д. вновь объясаченныхъ въ 1738 г. и коряковъ (12 д.), обитавшихъ близъ Авачи, но безъ куриловъ п. о. Лопатки.

3) Включая 30 д. объясаченныхъ коряковъ о. Карагинскаго (не объясаченныхъ на немъ было не менѣе 70 д.). Впослѣдствіи, когда олюторскія селенія материка были сильно опустошены оспой, въ нихъ были переселены коряки съ о. Карагинскаго, который въ теченіе ок. 100 лѣтъ оставался безлюднымъ. Лишь въ концѣ 90-хъ годовъ истекшаго столѣтія 2—3 семьи этихъ коряковъ вновь перебрались на родной островъ.

4) «Лист. Прим. областн. стат. ком.» 1902, № 4.

5) Ditmar: «Reisen in Kamtschatka», I (passim). Не хватающія касательно населенія острожковъ: Ваемполки, Голыгина, Явина, Гапалъ и Ушковскаго числа вычислены пу-

Итакъ, численность селеній или «острожковъ» осѣдлыхъ инородцевъ уменьшилась въ разсматриваемой странѣ (т. е на п. о. Камчаткѣ или въ Петропавловской окр.) за истекшія до переписи $1^1/_2$ столѣтія болѣе чѣмъ въ полтора раза, хотя во время Крашенинникова и не всѣ жители обитали въ селеніяхъ. Что касается населенія, то данныя упомянутаго автора, повидимому, не совсѣмъ полны: во 1-хъ, въ нихъ не включены жившіе на самомъ югѣ Камчатки «курилы», представлявшіе изъ себя помѣсь камчадаловъ съ аинами сосѣднихъ острововъ Курильской гряды, общее число которыхъ, вѣроятно со включеніемъ жителей перваго или первыхъ двухъ острововъ этой послѣдней, было не менѣе 100 м. д.; во 2-хъ, въ серединѣ XVIII ст. еще не были объясачены всѣ мѣстные камчадалы и коряки (не считая оленныхъ коряковъ). Съ этими поправками общее число осѣдлаго инородческаго населенія Камчатки вѣроятно простиралось въ 40-хъ годахъ XVIII ст. до 3.000 платежныхъ душъ. И дѣйствительно, основываясь, повидимому, на болѣе точной регистраціи, Георги за 1760 г. приводитъ бо́льшую численность населенія Камчатки: 72 острожка и 3039 окладныхъ душъ, изъ коихъ къ Большерѣцкому острогу было приписано 22 остр. и 1196 д., къ В. и Н. Камчатскимъ остр. 25 острожковъ и 938 д. и къ Тигильскому остр.: 25 остр. и 905 д.[1]). На этомъ основаніи мы считаемъ себя въ правѣ принять для середины XVIII ст. численность осѣдлаго населенія Камчатки въ 3000 окл. душъ.

Сопоставленіе числа платежныхъ душъ страны въ XVIII ст. съ таковымъ въ XIX ст. встрѣчаетъ, однако, затрудненіе въ неполной однородности понятій «платежная душа» въ прежнее время и въ болѣе поздніе періоды времени. До II Ясачной Коммиссіи (1828/35 гг.) платежъ ясака не былъ

темъ сопоставленія данныхъ за 1853 и 1897 гг. касательно остальныхъ селеній каждаго раіона. Въ данныя Дитмара включены, повидимому, и проживавшіе среди инородцевъ русскіе.

6) Включая камчадаловъ и коряковъ, застигнутыхъ въ русскихъ селеніяхъ. Сверхъ того въ инородческихъ селеніяхъ, указанныхъ въ таблицѣ, проживало 54 м. д. русскихъ.

1) Георги («Опис. вс. обит. въ Росс. гос. народовъ», 1776 г.) собственно показываетъ 73 остр. и 3074 окл. душъ, но мы изъ этихъ данныхъ исключили населеніе Подкагирскаго остр., включенное и въ данныя Крашенинникова, въ виду того, что это селеніе нынѣ принадлежитъ къ Гижигинской окр.

Сравненіе съ данными Крашенинникова по отдѣльнымъ острогамъ невозможно въ виду иной группировки инородцевъ въ 30—40 годахъ XVIII ст. По К. все туземное населеніе Камчатки было приписано къ 3 наиболѣе старымъ острогамъ: Большерѣцкому (18 острожк. и 506 окл. д. м. п.), Верхне-Камчатскому (27 остр. и 986 д. м. п.) и Нижне-Камчатскому или Нижне-Шантальскому (30 остр. и 1239 д. м. п.). Тигильскій острогъ только основывался при отъѣздѣ К., а къ Петропавловскому, повидимому, были приписаны лишь русскіе. (Крашенинниковъ, II т., 4 ч. (2 изд. 1786 г.), 249—58). «Курилы» южной оконечности Камчатки (Лопатки), представлявшіе изъ себя помѣсь камчадаловъ и жителей смежныхъ острововъ Курильской гряды, не были подчинены острогамъ Камчатки, а уплачивали ясакъ непосредственно Охотскому комиссару. Ихъ точное число неизвѣстно (см. выше).

пріуроченъ къ опредѣленной возрастной группѣ (см. прим. на стр. 7—8), а съ 30-хъ годовъ истекшаго столѣтія ясакомъ были обложены всѣ работоспособныя мужскія души въ возрастѣ отъ 18 до 50 л. Если мы, однако, предположимъ, что возрастный составъ платежныхъ душъ во время Крашенинникова и въ послѣднее время былъ приблизительно одинъ и тотъ же, то измѣненіе въ численности осѣдлаго населенія Камчатки отъ 1741 г. по 1900 г. должно соотвѣтствовать отношенію 3000:839 или 7:2, т. е. за періодъ времени почти въ 160 лѣтъ численность осѣдлаго населенія Камчатки уменьшилась въ $3^1/_2$ раза.

Для сопоставленія данныхъ XVIII ст. съ таковыми за 1853 и 1897 гг. надо было выяснить, какому числу мужскихъ душъ могли соотвѣтствовать 3000 платежныхъ души. Для этого мы поступили такимъ образомъ. Опредѣливъ, что мужчины въ возрастѣ отъ 18 до 50 л. составляли въ 1897 г. 45,6% всего мужского внѣгородского населенія Петропавловской окр. (при 72% инородцевъ), мы, принявъ этотъ процентъ и для 1741 г., получили, что 3000 плат. д. могли соотвѣтствовать наличному населенію въ 6580 м. д. или 12—13.000 д. об. п. Это число нельзя считать преувеличеннымъ, потому что въ выше указанное число платежныхъ душъ не были включены мужскія души, одержимыя неизлечимыми недугами, дѣлавшими ихъ неработоспособными.

По Георги для полученія наличнаго населенія изъ платежныхъ душъ необходимо увеличить число послѣднихъ въ 3—4 раза. Продѣлавъ эту операцію надъ числомъ его 3039 плат. д., мы получаемъ число осѣдлаго населенія Камчатки об. п. въ 1760 г. въ 9100—12.200 д., т. е. приблизительно то же число, которое мы вывели изъ данныхъ Крашенинникова.

Другіе авторы опредѣляютъ численность инородческаго населенія Камчатки въ 40 гг. XVIII стол. весьма разнообразно: Шашковъ, не указывая источника, принимаетъ для 1744 г. число въ 20.000 д. об. п., а Ресинъ для 1741 г. только 8200 д.[1]). Число Шашкова слишкомъ высоко для времени Крашенинникова, хотя раньше, до кровопролитныхъ войнъ съ русскими, усмиренія «бунтовъ» камчадаловъ и т. д., во время которыхъ погибло нѣсколько тысячъ инородцевъ, ихъ число, вѣроятно, было не менѣе 20.000 д. об. п. Число же Ресина слишкомъ низко: оно является результатомъ помноженія итога осѣдлаго населенія Камчатки по Крашенинникову—2716 м. д.[2]) на 3.

---

1) «Оч. инор. русск. побер. Тих. ок.» въ «Изв. И. Р. Геогр. Общ.» 1888 г.

2) Этотъ итогъ Крашенинникова не сходится съ выведеннымъ мною на основаніи его данныхъ о числѣ платежныхъ душъ отдѣльныхъ острожковъ (см. 2 прим. на стр. 131).

Словцовъ опредѣляетъ численность инородцевъ Камчатки и двухъ Курильскихъ острововъ въ серединѣ того же XVIII ст. въ 4165 м. д.[1]). Безъ куриловъ (число которыхъ въ 1796 г. было 100 м. д. — см. ниже) населеніе полуострова по этому автору простиралось до 4065 платежныхъ душъ. Хотя онъ и говоритъ объ инородцахъ, но въ это число, вѣроятно, включены и русскіе Камчатки (бродячіе и кочевые инородцы тогда еще не были объясачены).

Изъ сопоставленія трехъ цифръ: 1741 г.—6580 м. д. (см. выше), 1853 г.—1458 м. и 1897 г.—2000 м. (3989 д. об. п.) можно заключить, что съ середины XVIII ст. осѣдлое инородческое населеніе Камчатки уменьшилось до середины XIX ст. въ 4,5 разъ. Въ послѣдніе до переписи 44 г. оно увеличилось на 37,2% и въ результатѣ за все время отъ 1741 г. до 1897 г. оно уменьшилось въ 3,3 раза, т. е. на величину близкую къ выведенной нами выше. При этомъ убыль инородческаго населенія въ первый періодъ далеко не въ одинаковой степени коснулась всѣхъ раіоновъ п.о., именно, судя по 2 и 4 гр. вышеприведенной таблицы, обитатели западнаго берега Камчатки уменьшились въ числѣ за указанный періодъ времени въ 2 раза, а восточнаго—въ 7 разъ, причемъ въ послѣднемъ раіонѣ въ особенности пострадалъ бассейнъ Камчатскаго моря, включая и р. Камчатку: здѣсь инородческое населеніе уменьшилось со времени 1741 г. почти въ 10 разъ.

Обращаясь къ болѣе близкому къ намъ періоду времени (1853—1897 гг.), мы не можемъ не замѣтить, что данныя Дитмара за 1853 г. не извѣстнаго происхожденія: если они заимствованы отъ мѣстной полиціи, то онѣ внушаютъ больше довѣрія, чѣмъ въ томъ случаѣ, если онѣ собраны самимъ авторомъ во время его быстраго проѣзда по краю. Дѣло въ томъ, что онъ несомнѣнно не опрашивалъ каждаго жителя о числѣ членовъ его семьи, а получалъ эти данныя отъ старостъ острожковъ, которые могли сообщать ему свѣдѣнія лишь о взросломъ населеніи, не включая въ нихъ маленькихъ дѣтей. Если это предположеніе вѣрно, то данныя Дитмара за 1853 г. должно считать ниже дѣйствительныхъ и вслѣдствіе этого ежегодный средній приростъ осѣдлыхъ инородцевъ Камчатки за періодъ времени 1853—97 гг. долженъ быть ниже вычисленнаго—8,45‰. Тѣмъ не менѣе, однако, въ положительномъ приростѣ осѣдлаго населенія Камчатки въ настоящее время врядъ ли есть основаніе сомнѣваться. При этомъ, судя по даннымъ таблицы на стр. 132, увеличиваются въ числѣ не только всѣ группы камчадаловъ, но и часть южныхъ осѣдлыхъ коряковъ, именно; палланцы, живущіе

1) «Историч. обозр. Сибири», IV, 17.

по западному берегу полуострова, къ с. отъ р. Тигиля. Наоборотъ несомнѣнную убыль показываютъ укинцы, обитающіе по берегу Берингова моря, къ с. отъ м. Столбоваго.

Положительный приростъ осѣдлаго инородческаго населенія Камчатки подтверждается и другими данными, напр., сопоставленіемъ данныхъ Дитмара за 1853 г. о числѣ домовъ и юртъ въ отдѣльныхъ острожкахъ съ таковыми Тюшова за 1890, 1894 и 1896 гг.[1]), которые почти всюду обнаруживаютъ увеличеніе ихъ числа. Затѣмъ въ пользу этого же говоритъ и болѣе значительный, чѣмъ у большей части палэазіатовъ, процентъ дѣтей у камчадаловъ и осѣдлыхъ коряковъ Петропавловской окр.: на 100 д. об. п. у нихъ приходилось въ 1897 г. 18,8 дѣтей до 5 *л.* (вкл.). Для всего же внѣгородского населенія Петропавловской окр. (72% инородцевъ) на 100 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 44 г. приходилось среднимъ числомъ 85,7 дѣтей, между тѣмъ какъ въ другихъ сѣверныхъ округахъ Сибири нигдѣ не наблюдается числа выше 77,7 (послѣднее число, между прочимъ, показываетъ относительное богатство дѣтьми жителей Командорской округи и всего внѣгородского населенія Тобольской губ.). Отношеніе дѣтей до 5 л. къ числу ж. 15—49 л. — см. гл. IV.

Для полноты изложенія приводимъ еще другія данныя касательно численности инородческаго населенія Камчатской обл. за разные годы XVIII и XIX ст. По Беру, въ 1783 г., по неполнымъ даннымъ, числилось 1530 м. д. камчадаловъ и 450 д. коряковъ[2]). По Андріевичу[3]), въ 1796 г. число камчадаловъ простиралась до 1782 м., олюторцевъ до 246 м. и куриловъ до 100 м. или всего до 2128 м. д. По нему же въ 1811 г. камчадаловъ было 1347 м., коряковъ 1246 м., олюторцевъ 202 м. и куриловъ 83 м. или всего инородцевъ въ Камчатской обл. числилось 2878 м. д. Въ VII ревизію (1817 г.) онъ же опредѣляетъ ихъ численность въ Камчаткѣ въ 3477 д. об. п. (2066 м.), а нѣсколько лѣтъ спустя, въ началѣ 20-хъ годовъ, численность жителей Камчатской обл. была по Беру 2814 м. д.[4]) Шашковъ за это же время (1823 г.) даетъ цифру 2760 д. Въ 1835 г., по Кеппену, въ Камчатской обл. числилось всего 2487* д. м. п. Въ 1850 г. осѣдлыхъ жителей Камчатки («камчадаловъ») было, по Шашкову, 1951 м. д., хотя подсчетъ цифровыхъ данныхъ касательно численности жителей отдѣльныхъ селеній по Дитмару, 3 года спустя (см.

---

1) «По зап. берегу Камчатки», 1906 г., passim.
2) Данныя Шеум'а — Baer, ibid., 99.
3) Ibid., II, 83 и 100.
4) Веръ, ibid., 108.

таблицу на стр. 132) далъ число всего въ 1458 м. д. За это же время (1852 г.) Кеппенъ опредѣляетъ численность всего населенія Камчатской обл. въ 4071 м. д., изъ коихъ 2893 м. д. проживали въ Петропавловской окр., т. е. города. Число же кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ области простиралось въ это время, по этому автору, до 2598 д.

Эти разнородныя и разнорѣчивыя данныя совершенно не пригодны для сопоставленій. Во первыхъ, они относятся не къ одной и той же территоріи: большая ихъ часть даетъ численность жителей всей Камчатской обл., а нѣкоторыя повидимому относятся лишь къ п. о. Камчаткѣ или къ нынѣшней Петропавловской окр.; во 2-хъ, такъ какъ бродячіе и кочевые инородцы области лишь постепенно приводились къ ясаку, то данныя за разные годы охватываютъ не одни и тѣ же группы коренныхъ жителей, причемъ близость итоговыхъ цифръ за отдѣльные годы (1811 г.—2878 м., 1820/5 г.—2814 м.; 1823 г.—2760 м., 1835 г.—2487* м. и 1851 г.—2893 м.) могла во многихъ случаяхъ зависѣть отъ маскированія вымиранія камчадаловъ и осѣдлыхъ коряковъ путемъ включенія въ итоги населенія по области новыхъ группъ вновь объясаченныхъ оленныхъ коряковъ. Нѣкоторыя данныя (напр., 1817 г.—2066 м., въ 1851 г.—1951 м.) вѣроятно, показываютъ лишь осѣдлое инородческое населеніе (въ 1897 г. по переписи 2000 м. д.), а другія все населеніе края, т. е. инородцевъ и русскихъ вмѣстѣ. Къ тому же у цитированныхъ авторовъ не всюду указано, относятся ли приведенныя данныя къ мужскому населенію или къ населенію об. п.

Даже тѣ данныя, которыя ихъ авторы пріурочиваютъ къ извѣстному племени, ничего не даютъ, потому что слово «камчадалы» не одинаково понималось и понимается нынѣ разными изслѣдователями края и оффиціальными источниками (см. стр. 130), а число коряковъ и олюторцевъ, какъ показано выше, постоянно измѣнялось (коряковъ въ 1783 г. насчитывали всего 450 д., а въ 1811 г.—1246 д. и олюторцевъ: въ 1796 г.—246 м. д., въ 1811 г.—202 м. въ 1853 г., по Дитмару, 700—800 д. об. п., а перепись опредѣлила ихъ число въ 1018 д. об. п. — 526 м.).

Въ виду этихъ и другихъ соображеній приведенныя данныя конечно не могутъ служить матеріаломъ для сужденія о дѣйствительныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ съ теченіемъ времени въ численности отдѣльныхъ племенъ или всего инородческаго населенія бывшей Камчатской обл. Между тѣмъ Шашковъ даетъ такой рядъ цифръ, который долженъ изображать прогрессію вымиранія камчадальскаго племени: въ 1744 г.—20.000 д., въ 1823 г.—2760 и въ 1850 г.—1951 д. Первая цифра, какъ показано на стр. 134, несомнѣнно слишкомъ высока для середины XVIII ст., а послѣднія два числа

повидимому, совершенно не однородны между собою и съ первымъ числомъ. Мы бы не остановились на этомъ непригодномъ для сравненія рядѣ чиселъ, если бы онъ не былъ перепечатанъ въ другихъ изданіяхъ и не получилъ такимъ образомъ какъ бы право гражданства.

Возвратимся, однако, къ болѣе достовѣрнымъ числамъ Крашенинникова, Дитмара и переписи (см. стр. 132) и попытаемся выяснить, каковы были причины тѣхъ огромныхъ колебаній въ численности осѣдлаго населенія Камчатки, которыя произошли со времени покоренія ея русскими. Несомнѣнно, что въ первыя десятилѣтія русскаго господства въ странѣ камчадальское населеніе сильно поръдѣло отъ мечей и ружей казаковъ во время непрерывныхъ войнъ и возстаній, а также отъ очень участившихся случаевъ самоубійства среди коренного населенія Камчатки, которое въ это время прибѣгало къ этому радикальному средству при всякихъ тяжелыхъ положеніяхъ въ жизни.

Въ серединѣ XVIII стол. войны и возстанія стали значительно рѣже, но имъ на смѣну явились занесенныя русскими эпидеміи: оспы, «гнилой горячки» и т. д., которыя уносили тысячи жертвъ среди инородцевъ, представлявшихъ для этихъ болѣзней совершенно новую почву. При этомъ, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, наиболѣе пострадалъ отъ этой причины бассейнъ р. Камчатки и побережье Камчатскаго моря (въ послѣднемъ раіонѣ инородческое населеніе почти исчезло). Особенно памятны изъ эпидемій въ концѣ XVIII ст. бывшія въ 1767/9, 1786 и 1799 гг. Жертвъ, унесенныхъ ими, было настолько много, что современники и очевидцы лишь этихъ трехъ эпидемій исчисляли ихъ вдвое выше чѣмъ сколько можно было предполагать всѣхъ жителей на полуостровѣ въ концѣ XVIII ст. Именно, намъ сообщаютъ, что въ 1767/8 г. уронъ камчадаловъ простирался до 20.000 д.[1]), что въ 1786 г. вымерла половина жителей Камчатки[2]), скажемъ 5000 д., причемъ спутникъ Лаперуза, посѣтившій въ 1787 г. названный полуостровъ, исчислялъ, основываясь на словахъ мѣстныхъ жителей, его населеніе въ это время въ $^1/_4$ часть первоначальнаго числа[3]). Наконецъ, въ 1799 г. оспа, по слухамъ, унесла 5000 д.[4]). Итого за указанныя три эпидеміи камчадалы, по указаннымъ источникамъ, потеряли 30.000 д., между

---

1) Шашковъ, ibid.

2) «Изв. В.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.» XXII, 4—5 (стр. 21). Въ это время обезлюдѣли многія цвѣтущія селенія камчадаловъ по восточному берегу полуострова, около 40—45 л. тому назадъ посѣщенныя Крашенинниковымъ и Стеллеромъ.

3) Gerland: «Uber d. Aussterben d. Naturvölker», 3.

4) Эфронъ: «Энциклоп. словарь».

тѣмъ какъ въ дѣйствительности осѣдлое населеніе Камчатки въ этотъ періодъ времени должно было постепенно падать отъ 13 до 6 тыс. д.[1]). Не придавая поэтому большого значенія самимъ цифрамъ, выражающимъ потери камчадаловъ и южныхъ коряковъ отъ эпидемій, мы все же въ нихъ находимъ объясненіе ужасающей убыли населенія Камчатки на рубежѣ XIX стол.

Въ началѣ XIX ст., повидимому, стали проходить послѣдствія остраго перелома въ жизни осѣдлыхъ инородцевъ Камчатки, проявившіяся у нихъ съ такой силою тотчасъ вслѣдъ за ихъ первымъ столкновеніемъ съ новой культурой. Вымираніе, постепенно ослабѣвая, остановилось и съ середины 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія осѣдлые инородцы Камчатки, за исключеніемъ укипцевъ, повидимому, стали увеличиваться въ числѣ и, судя по нѣкоторымъ данным, ихъ положительный приростъ сталъ вполнѣ установившимся фактомъ. Причину этой рѣзкой перемѣны въ приростѣ камчадаловъ и южныхъ коряковъ надо видѣть въ постепенномъ приспособленіи ихъ къ тѣмъ новымъ условіямъ, которыя еще съ начала XVIII ст. установились въ этомъ краѣ, заглохшемъ со времени перенесенія морского центра нашихъ владѣній по Тихому океану изъ Петропавловска въ Николаевскъ и потомъ во Владивостокъ. Съ этого времени въ Камчатку не проникали болѣе никакія новшества и культурныя начинанія, ея не касались никакія преобразованія, обновлявшія другія, болѣе близкія, части Россійской Имперіи, и до нея не доходила переселенческая волна позднѣйшихъ эпохъ. Камчадалы и русскіе, отчасти перемѣшавшись между собою и въ значительный степени ассимилировавшись другъ съ другомъ, выработали совмѣстно очень безхитростную, но довольно хорошо приспособленную къ мѣстнымъ условіямъ, культуру, которая занимаетъ нѣчто среднее между прежней камчадальской и русской крестьянской культурой начала истекшаго столѣтія. И на этой стадіи культурнаго развитія они какъ бы застыли въ теченіе болѣе 100 лѣтъ. Не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы ихъ экономическое положеніе было очень блестяще; напротивъ, камчадалы и русскіе живутъ по большей степени бѣдно и грязно, но объясняется это, главнымъ образомъ, сильной косностью и поголовнымъ невѣжествомъ населенія, которому мѣстныя власти почти не приходили на помощь должнымъ образомъ. Внѣшнія же условія, среди которыхъ они живутъ, вовсе не такъ плохи. Размѣщено мѣстное населеніе очень просторно, отдѣльными селеніями, расположенными у рыбныхъ рѣкъ и вблизи моря, изобилующаго рыбой и морскими животными, и окружены лу-

1) Др. Слюнинъ, напротивъ, исчисляетъ убыль камчадаловъ за весь періодъ времени отъ 1741 до 1885 гг. слишкомъ низко, именно, круглымъ числомъ въ 4.000 д. («Изв. И. Р. Геогр. О.», XXX, 1895, II).

гами, весьма пригодными для разведенія скота, а также обширными лѣсами, богатыми крупной и мелкой дичью и пушнымъ звѣремъ.

Пища у камчадаловъ и мѣстныхъ русскихъ тоже болѣе разнообразна чѣмъ у обитателей другихъ частей Сибирскаго сѣвера. Хотя главной ихъ пищей служитъ рыба, которую они потребляютъ во всѣхъ видахъ, но мясо у нихъ тоже часто бываетъ на столѣ, а также разнообразная растительная пища въ видѣ всевозможныхъ ягодъ, съѣдобныхъ кореньевъ (главнымъ образомъ сараны), которые они отыскиваютъ въ норахъ мышей, также стеблей и листьевъ разныхъ растеній. Но полное невѣжество жителей мѣшаетъ имъ какъ слѣдуетъ использовать всѣ дары природы, которыми они окружены. Такимъ образомъ, добывая въ огромномъ количествѣ прекрасную рыбу, они не умѣютъ ее консервировать и, не имѣя ни соли, ни боченковъ, квасятъ и вялятъ ее, причемъ при сильно влажномъ климатѣ страны получается продуктъ невысокаго достоинства, скоро портящійся при храненіи. Скотоводство у нихъ, несмотря на изобиліе луговъ, слабо развито, хотя со времени 50-хъ годовъ оно и сдѣлало извѣстные успѣхи. Зависитъ это отчасти отъ того, что камчадалы ведутъ полуосѣдлую жизнь и часто покидаютъ свои зимнія жилища ради временнаго промысла въ болѣе далекихъ частяхъ рѣки, у моря и въ лѣсахъ. И, благодаря этому, они лишаютъ себя столь полезныхъ и питательныхъ молочныхъ продуктовъ. Также и огородничество среди мѣстныхъ инородцевъ очень слабо развито, а между тѣмъ, картофель и овощи могли бы помочь жителямъ пережить тяжелое весеннее время, когда другіе зимніе запасы на исходѣ или уже окончились. Судя по сдѣланнымъ опытамъ, и ячмень можетъ культивироваться въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ полуострова, хотя и не обѣщаетъ большихъ и вѣрныхъ урожаевъ. Нынѣ же хлѣбосѣяніе почти не практикуется и у крестьянъ. Однимъ словомъ, рессурсовъ въ странѣ много, но, чтобы мѣстные жители могли ихъ использовать, какъ слѣдуетъ, для этого необходима разумная помощь со стороны правительства (образованнаго общества въ краѣ почти нѣтъ) въ видѣ открытія промысловыхъ и ремесленныхъ школъ, а также въ видѣ меліораціоннаго кредита и т. д.

Что касается до санитарнаго положенія мѣстнаго населенія, то оно столь же грустное, какъ и въ другихъ частяхъ инородческаго сѣвера Сибири: камчадалы и коряки не имѣютъ обыкновенія мыть своего тѣла, а болѣе бѣдные носятъ одежду до тѣхъ поръ, пока она, износившись, не спадетъ въ клочьяхъ съ тѣла, въ виду чего они покрыты насѣкомыми и страдаютъ чесоткой и разными накожными болѣзнями, которыя они, пользуясь одними и тѣми же предметами, легко передаютъ другъ другу: есть селенія, гдѣ до половины жителей поражена сифилисомъ. Весьма распространены у

ныхъ и глазныя болѣзни вслѣдствіе постояннаго дыма въ избѣ. Кромѣ того, значительная часть жителей Камчатки страдаетъ цынгой, малокровіемъ и худосочіемъ — послѣдствія крайне влажнаго климата, весьма антигигіеничнаго образа жизни и по временамъ, именно весной, однообразной и недоброкачественной пищи[1]).

Указанныя болѣзни правда рѣдко смертельны, но онѣ способствуютъ увеличенію числа неработоспособныхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательно обѣднѣвшихъ семей и, подтачивая силы населенія, подготовляютъ почву для нерѣдко посѣщающихъ край эпидемическихъ болѣзней (тифа, оспы, дифтерита и т. д.), которыя къ счастью, хотя и уносятъ много жертвъ, но далеко не столько, какъ въ концѣ XVIII стол.

Несмотря на эти невыгодныя стороны въ жизни мѣстнаго осѣдлаго инородческаго населенія, послѣднее, приспособившись къ существующимъ условіямъ края, бодро выдерживаетъ борьбу за существованіе и увеличивается въ числѣ.

Коряки.

До сихъ поръ была рѣчь о камчадалахъ и осѣдлыхъ корякахъ Петропавловской окр. вмѣстѣ. Попробуемъ теперь сгруппировать всѣ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи данныя касательно однихъ *коряковъ*, какъ указаннаго, такъ и другихъ округовъ Приморской обл.

Данныя объ измѣненіи числа осѣдлыхъ коряковъ Петропавловской окр., именно палланцевъ и укинцевъ, вошли въ нашу таблицу (стр. 132), посвященную осѣдлому инородческому населенію Камчатки вообще. Изъ этихъ данныхъ мы уже знаемъ, что палланцы, составляющіе огромное большинство приведенныхъ подъ № I. 3 и 4 осѣдлыхъ инородцевъ, обитающихъ по с. з. берегу Охотскаго моря, имѣютъ положительный приростъ, а ихъ сосѣди — укинцы, живущіе по Берингову морю (см. № III) — отрицательный. Въ своемъ нижепомянутомъ трудѣ Дитмаръ приводитъ огульныя данныя о численности этихъ группъ коряковъ за 1853 г.[2]) и присоединяетъ къ нимъ соотвѣтствующія данныя касательно каменцевъ, паренцевъ и олюторцевъ,

---

1) Сухая рыба (юккола) почти постоянно портится мухами и червями, отчего превращается къ веснѣ въ труху, которая не только крайне невкусна, но и вредна для здоровья. Даже собаки отказываются отъ нея, а если ѣдятъ, то заболѣваютъ. Такова судьба всѣхъ запасовъ рыбы къ концу зимы въ рыбозапасныхъ магазинахъ края, а между тѣмъ, весна самое голодное время. (Тюшовъ: «По зап. берегу Камчатки», 161 сл. и 249 сл.).

2) «Reisen in Kamtschatka». I, l. c.

изъ коихъ первыя двѣ группы обитаютъ по побережью сѣверной части Пенжинскаго моря, а послѣдняя — по Берингову морю, къ с. в. отъ укинцевъ. Въ нижеслѣдующей таблицѣ эти данныя сопоставлены съ таковыми по переписи 1897 г.:

Группы осѣдлыхъ коряковъ.	1853 г. [1])		1897 г.		
	селен.	д. об. п.	селен.	д. об. п.	(м. п.)
1. Палланцы—по бер. Охотскаго моря отъ р. Аманиной (не вкл.) на югѣ до с. Пусторѣцкаго (вкл.) на с.	7[2])	872	8[2])	968	(479)
2. Укинцы—на с.-вост. побережья Камчатки отъ с. Озерновскаго (вкл.) до с. Карагинскаго на с. (вкл.).	6[3])	413 (373)	6[3])	298	(151)
3. Каменцы и Паренцы — по сѣв. побережью Пенжинскаго моря.	8*	235*	15	928	(423)
4. Олюторцы—по Берингову м., къ с. в. отъ укинцевъ	10	700—800*[4])	12	1018	(526)

Вслѣдствіе неполноты данныхъ касательно послѣднихъ трехъ группъ коряковъ (п.п. 3 и 4) сопоставленію могутъ подлежать лишь первыя двѣ, изъ коихъ палланцы прибыли, а укинцы уменьшились въ числѣ, что согласно съ выводами, сдѣланными на основаніи данныхъ первой таблицы. Первая цифра численности укинцевъ прямо взята отъ Дитмара, причемъ происхожденіе ея намъ неизвѣстно, а вторая (въ скобкахъ) представляетъ изъ себя результатъ подсчета числа жителей шести селеній укинцевъ по даннымъ этого же автора. Въ первомъ случаѣ средняя ежегодная убыль укинцевъ за истекшіе до переписи 44 г. равна 6,3 ‰, а во второмъ 4,6 ‰.

Въ итогѣ коряки этихъ двухъ группъ, представляющіе изъ себя *все осѣдлое коряцкое населеніе Петропавловской окр., слегка уменьшились въ числѣ со времени 1853 г.*

Относительно кочевыхъ, оленныхъ, коряковъ того же округа трудно сказать что-либо положительное, потому что данныя за прежніе годы, съ одной стороны, не полны (см. стр. 131) и, съ другой, по большой части рас-

---

1) «Ueber die Korjaken u. d. ihnen sehr nahe verwandten Tschuktschen» («Mélanges russes», III, 56 сл.).

2) Острожки: Ваемпольскій, Кахтонинскій, Палланскій, Кинкильскій, Лѣсновскій, Подкагирскій и Пусторѣцкій (послѣдніе два въ Гижигинской окр.). Со времени 1853 г. вновь образованъ лишь Ургинскій выс.

3) Остр. Озерновскій, Укинскій, Холюлинскій, Ивашкинскій, Драпкинскій и Карагинскій (всѣ въ Петропавловской окр.).

4) См. 3 прим. на стр. 141.

пространяются на всю Камчатскую обл., предѣлы которой не во всѣ времена были одни и тѣ же. Въ 1851/2 г. Кеппенъ опредѣлялъ численность кочевыхъ инородцевъ указанной области въ 2598 д. (см. 1 прим. на стр. 131), а Дитмаръ почти за то же время (1853 г.) даетъ число 2750 д. для Петропавловской и Гижигинской округъ, включая около 1000 чел. необъясаченныхъ инородцевъ. Между тѣмъ перепись 1897 г. зарегистрировала въ названныхъ двухъ округахъ 3673 д. (1931 м.) кочевыхъ или оленныхъ коряковъ, въ т. ч. 1284 д. (642 м.) въ Петропавловской окр. и 2389 д. (1289 м.) въ Гижигинской (въ Анадырской окр. 75 д.—33 м.). Эти послѣднія данныя, значительно болѣе полныя, чѣмъ остальныя, въ виду высказанныхъ выше соображеній не пригодны, однако, для сопоставленій съ ними. Но весьма значительное для кочевого племени сѣвера богатство оленныхъ коряковъ Петропавловской окр. дѣтьми — на 100 д. населенія об. п. 22,1 дѣтей до 5 л. (вкл.)—заставляетъ насъ предполагать, что оленные коряки Петропавловской окр. должны имѣть внѣ сильныхъ эпидемій положительный приростъ населенія и что въ связи съ этимъ въ подобные періоды, вѣроятно, увеличивается въ числѣ и все коряцкое населеніе округи въ своей совокупности.

Касательно измѣненія численности «сидячихъ» коряковъ Охотской округи, составляющихъ главную часть жителей двухъ селеній (Ямскаго и Туманскаго), у насъ имѣются слѣдующія данныя. Въ 1851/2 г. ихъ число опредѣляли въ 132 м. и 79 ж.[1]), а въ 1897 г. перепись обнаружила въ названной округѣ всего 126 м. и 118 ж. коряковъ. Убыль мужчинъ за 45 л. равна 4,6%, что соотвѣтствуетъ средней ежегодной *убыли* въ 0,1‰. Замѣтимъ къ слову, что въ противоположность къ русскимъ и якутамъ, коряки данной округи не выселялись съ береговъ Охотскаго моря со времени 50-хъ годовъ (см. стр. 53). Богатство дѣтей (до 5 л. вкл.) у нихъ въ 1897 г. выражалось числомъ: 18,2%, что показываетъ, что при болѣе благопріятныхъ санитарныхъ и экономическихъ условіяхъ они могли бы имѣть положительный приростъ.

Затруднительно сказать что-либо опредѣленное касательно жизнеспособности Гижигинскихъ коряковъ, составляющихъ почти все населеніе Гижигинской окр., кромѣ того немногаго, что было упомянуто выше.

Относительно восточной ихъ части — *олюторцевъ* извѣстно, что въ прошлыя столѣтія они неоднократно были опустошаемы оспой и голодомъ, вслѣдствіе чего несомнѣнно уменьшились въ числѣ противъ середины

---

1) Булычевъ, ibid., I ч., 214.

XVIII ст.[1]). Нѣтъ точныхъ данныхъ объ ихъ численности и за 50-ые годы истекшаго столѣтія. Но и въ данномъ случаѣ для сужденія объ ихъ приростѣ могутъ дать нѣкоторыя указанія данныя объ относительномъ числѣ дѣтей у нихъ. Соотвѣтствующія величины: для осѣдлыхъ и кочевыхъ коряковъ округи вмѣстѣ — на 100 д. об. п. 18,4% и для населенія всей Гижигинской окр., гдѣ они составляютъ $^{9}/_{10}$ населенія, на 100 ж. 15—49 л. 71,1 дѣтей до 5 л. (вкл.) — свидѣтельствуютъ, что и они при благопріятныхъ условіяхъ могли бы имѣть положительный приростъ, хотя нынѣ, въ виду частыхъ эпидемій и голодовокъ, они врядъ ли увеличиваются въ числѣ.

Несмотря на то, что относительная численность дѣтей у Анадырскихъ коряковъ олюторской вѣтви — *кэрэковъ*, живущихъ по Берингову морю и занимающихся ловлей морскихъ животныхъ, и небольшой части оленныхъ (см. выше) — 19,6% — еще выше, все же приходится, въ виду вышеуказанныхъ соображеній, причислять и ихъ къ группамъ инородцевъ Сибирскаго сѣвера, не имѣющимъ правильнаго роста населенія. Относительно кэрэковъ это подтверждается и отзывами изслѣдователей края, которые констатировали сильное уменьшеніе ихъ численности противъ прежнихъ лѣтъ (см. стр. 129).

Резюмируя все вышеизложенное касательно прироста коряковъ, можно высказать предположеніе, что *въ виду неблагопріятныхъ жизненныхъ условій все коряцкое племя, несмотря на свое относительное богатство дѣтьми (18,7%)*[2]*, врядъ ли имѣетъ въ настоящее время болѣе или менѣе замѣтное приращеніе населенія* и что вѣрнѣе, что оно лишь сохраняетъ ту численность, которую оно имѣло въ серединѣ истекшаго столѣтія.

Аины.

До 1875 г. южная часть Сахалина (впослѣдствіи Корсаковскій окр.) находилась подъ владычествомъ Японіи, но еще раньше, когда эта часть острова была свободной землей и состояла лишь въ сферѣ вліянія названнаго государства, образованные японцы ее не разъ посѣщали и дважды въ началѣ истекшаго столѣтія (въ 1808 и 1822 гг.) произвели учетъ ея обитателей

---

1) Одной изъ главныхъ причинъ вымиранія осѣдлыхъ олюторцевъ несомнѣнно является ихъ весьма грустное экономическое положеніе, въ значительной степени обусловленное тѣмъ обстоятельствомъ, что болѣе 100 л. тому назадъ мѣстныя власти ихъ разселили вдоль проложеннаго въ тѣ времена тракта изъ Анадырска въ Камчатку, въ мѣстностяхъ бѣдныхъ рыбой и звѣремъ.

2) Не считая осѣдлыхъ коряковъ Петропавловской окр., ошибочно отнесенныхъ въ изданныхъ результатахъ переписи къ камчадаламъ.

аиновъ. Результаты этихъ регистрацій и позднѣйшихъ переписей приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ (данныя кромѣ 1854/7 и 1897 гг. заимствованы у Кириллова[1]).

Въ 1808 г.	— 2847	д. об.	п.	аиновъ.		
» 1822 г.	— 2571	»	»	»	»	
» 1854/7 г.	— 2479[2])	»	»	»	»	
» 1872 г.	— 2426	»	»	»	»	, изъ коихъ по выселеніи въ 1875 г. 843 д. аиновъ на о. Іессо на немъ осталось—1583 д.
» 1897 г.	— —	»	»	»	»	на Сахалинѣ было обнаружено 1394[3]).

Итакъ, за 67 года вліянія и владычества Японіи аинское населеніе Сахалина уменьшилось на 421 д. или среднимъ числомъ по 2,2‰ въ 1 г. и за 22 лѣтъ русскаго владычества (1875—1897 гг.) на 189 д. или по 5,4‰ въ 1 г.

При детальномъ разсмотрѣніи приведенныхъ чиселъ усматривается, что послѣ быстрой убыли населенія въ первыя 14 л. (1808 — 1822 гг.), аинское населеніе въ послѣдующіе 53 года убывало столь медленно, что въ результатѣ средній коэффиціентъ отрицательнаго прироста былъ за этотъ періодъ времени въ пять разъ меньшимъ противъ послѣдующаго 22 лѣтняго періода русскаго господства.

Повальныя болѣзни, главнымъ образомъ, оспа, часто свирѣпствующія въ странѣ аиновъ, сильно сократили ихъ численность. Ф. Депрерадовичъ, не указывая года, сообщаетъ объ убыли ихъ отъ этой причины на 25%. Во время его 7 лѣтняго пребыванія на островѣ населеніе крупнаго аинскаго селенія Тарайка у устья р. Су или Невы, имѣвшее около 300 д., сократилось до 200 съ небольшимъ душъ[4]).

Въ 90-хъ годахъ истекшаго столѣтія оспа на югѣ Сахалина опустошала населеніе не менѣе 2-хъ разъ, причемъ число унесенныхъ ею жертвъ простиралось до 214 д.[1]).

Кромѣ повальныхъ болѣзней убыль аинскаго населенія иногда зависила и отъ случайныхъ причинъ, напр., отъ употребленія въ пищу испорченнаго мяса морскихъ животныхъ. Упомянутый выше авторъ сообщаетъ о гибели

---

1) См. «Сахалинскій календарь» 1898 г. (стр. 38—82). Въ этой статьѣ имѣются хорошія данныя о плодовитости, брачности и смертности аиновъ и объ ихъ санитарно-гигіенической обстановкѣ. Численность аиновъ Сахалина въ серединѣ 80-хъ годовъ по этому автору 1183 д. и въ другомъ мѣстѣ 1312 д. — слишкомъ низка.

2) По Рудановскому — см. у Шренка, ibid.

3) Безъ 49 д. переселившихся на о. Сахалинъ съ о. Іессо.

4) Ф. Депрерадовичъ: «Этногр. очеркъ южн. Сахалина» 1876 г. («Сборн. историч. и статист. свѣд. о Сибири», т. II, вып. 1, стр. 1—2).

отъ этой причины жителей цѣлаго селенія О-Котанъ (въ 175 вер. къ ю. отъ сел. Тарайки), поѣвшихъ мяса полусгнившаго кита, выброшеннаго на берегъ[1]).

Уменьшаясь въ числѣ, аины съ теченіемъ времени стали очищать многія мѣстности, гдѣ они раньше жили. Такимъ образомъ, уже много десятилѣтій какъ они покинули побережье Анивскаго залива, гдѣ раньше обитала ихъ главная масса[1]), а лѣтъ 35—40 тому назадъ они подъ вліяніемъ русской колонизаціи очистили берега рр. Сусуи и Лютоги.

Еще хуже была участь 843 аиновъ, покинувшихъ Сахалинъ въ 1875 г., послѣ уступки его южной части Россіи, и переселившихся на японскій островъ Іессо или Матсмай, въ долину р. Исикари. Ихъ численность продолжала постепенно уменьшаться, а въ 1886/7 г. холерная и оспенная эпидеміи унесли у нихъ такую массу жертвъ, что регистрація ихъ въ 1887 г. обнаружила всего 360 этихъ эмигрантовъ. Другими словами, за 12 лѣтъ своего пребыванія на о. Іессо эти аины потеряли 483 д. или почти $^3/_5$ (57,3%) своего прежняго числа, что соотвѣтствуетъ ежегодной убыли въ 47,8 ‰!

Указанныя числа настолько краснорѣчивы, что не требуютъ дальнѣйшихъ комментарій: *Сахалинскіе аины вымираютъ, независимо отъ того, проживаютъ ли они на родномъ островѣ или на смежномъ о. Іессо.*

Гиляки.

Страна *гиляковъ*[2]) на материкѣ — раіонъ низовьевъ Амура — перешла подъ русскую власть лишь въ самомъ концѣ 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія, а с. часть Сахалина, хотя и входила въ сферу вліянія Россіи нѣсколько раньше, но вовсе не имѣла въ то время русскаго населенія, въ виду чего X ревизія не была распространена на эти едва пріобрѣтенные края.

Акад. Л. Шренкъ, посѣтившій первую мѣстность въ серединѣ 50-хъ годовъ, незадолго до формальной оккупаціи ея Россіей, даетъ слѣдующія данныя о приблизительной численности ея гиляцкаго населенія, вычисленныя имъ на основаніи средняго числа жителей зарегистрированныхъ имъ селеній и жилищъ. Согласно его учету, 1904 гиляковъ обитали по нижнему Амуру,

---

1) См. 4 прим. на стр. 145.

2) Здѣсь имѣются въ виду лишь настоящіе палеазіатскіе гиляки, хотя этимъ именемъ мѣстное населеніе и изслѣдователи края называютъ ошибочно и нѣкоторыя тунгусскія племена — ольчей, отчасти и негидальцевъ и орочей. Первый, кто обратилъ серьезное вниманіе на это смѣшеніе инородческихъ племенъ Пріамурья, былъ цитируемый ниже академикъ Л. Шренкъ.

568 д. вдоль Амурскаго лимана и 1040 д. по берегу Охотскаго моря[1]). Въ послѣдней мѣстности онъ, впрочемъ, самъ не былъ, почему его данныя касательно нея можетъ быть и являются преувеличенными. Въ 1897 г. перепись вовсе не обнаружила въ этой послѣдней мѣстности гиляковъ, которые послѣ оккупаціи страны русскими, вѣроятно, перебрались въ низовья Амура. Общее число гиляковъ на материкѣ Шренкъ опредѣлилъ въ 3512 д., вмѣсто которыхъ перепись нашла всего 2673 д. (1435 м.) т. е. число значительно меньшее.

Численность гиляковъ на о. Сахалинѣ, гдѣ Шренкъ самъ не былъ, онъ опредѣлилъ на основаніи опросныхъ данныхъ и разныхъ вычисленій въ 1704 д. противъ 1969 д. (1118 м.) переписи. Въ общей сложности, такимъ образомъ, численность гиляковъ по даннымъ переписи оказывается на 574 д. меньшей противъ показаній Шренка. Но большого значенія этому сопоставленію придавать нельзя: какъ сильную убыль гиляцкаго населенія на материкѣ слѣдуетъ приписать до извѣстной степени, такъ и значительное увеличеніе ихъ численности на о. Сахалинѣ, всецѣло шаткости исчисленія Шренка. Но все же почти несомнѣнный фактъ, что гиляки не увеличились въ числѣ за послѣднія десятилѣтія. На самомъ дѣлѣ, эпидеміи и среди нихъ производили не малыя опустошенія (въ 1857 г. гиляцкое населеніе низовьевъ Амура сократилось отъ оспы на 20%[2]), да и въ обыкновенное время гиляки, какъ материковые, такъ о. Сахалина, врядъ ли имѣютъ положительный приростъ. Все заставляетъ полагать, что и они, подобно своимъ сосѣдямъ—гольдамъ, орочамъ, тунгусамъ на материкѣ и орокамъ и айнамъ на о. Сахалинѣ, уменьшились въ числѣ противъ прежняго. На о. Сахалинѣ не малымъ тормазомъ для правильнаго прироста гиляцкаго населенія служитъ недостатокъ въ женщинахъ (на 100 м.—76 ж.), особенно на восточномъ его берегу, въ Тымовскомъ окр. (на 100 м.—71 ж.), что мѣшаетъ многимъ мужчинамъ жениться и обзавестись своимъ домомъ. (На материкѣ на 100 м. у гиляковъ приходилось въ 1897 г. 86 ж., а у всѣхъ гиляковъ вообще—82 ж.). Это невыгодное для нихъ обстоятельство усиливается еще невозможностью, согласно ихъ обычному праву, брать себѣ женъ въ своей фратріи. Недостатокъ въ женщинахъ мѣстами принимаетъ такую острую форму, что дѣвушки продаются съ аукціона, а многіе молодые гиляки стараются обезпечить себя женою путемъ покупки 2—3 лѣтнихъ дѣвочекъ и воспитанія ихъ у себя до половой зрѣлости[3]),

---

1) «Объ инородцахъ Амурскаго края», I.
2) Шренкъ, ibid.
3) Миролюбовъ: «8 лѣтъ на Сахалинѣ» («Истор. Вѣстн.» 1900, мартъ).

но это не всѣмъ подъ силу и многіе по неволѣ всю жизнь остаются холостыми [1]).

Алеуты.

При открытіи Командорскихъ острововъ въ 1741 г. они были необитаемы и стали прочно заселяться лишь съ 20-хъ годовъ истекшаго столѣтія обитателями Алеутской гряды и русскими промышленниками и казаками. Въ 1825 г. на о. Беринга было, по Литке, 45 жителей, а о. Мѣдный былъ еще безлюденъ. Въ 1860 г. [2]) число жителей на обоихъ островахъ простиралось уже до 390 д. (въ т. ч. 300 д. на о. Беринга), въ 1875 г. [2])—до 442 д., въ 1881 г. [2])—до 513 д., въ 1892 г. [2])—636 д. и въ 1897 г., по переписи, до 651 д. (въ т. ч. 574 алеутовъ). Въ этомъ значительномъ ростѣ населенія Командорскихъ острововъ, среди котораго алеуты и ихъ метисы составляютъ огромное большинство (въ 1897 г.—85,2%), главную роль играли періодическія переселенія инородцевъ съ Алеутской и Курильской грядъ, напр., въ 1873 г., во время переговоровъ относительно уступки Курильскихъ острововъ Японіи, небольшая часть куриловъ (аиновъ) перебралась на эти острова, а другая вмѣстѣ группой алеутовъ съ острововъ Атту, Атха и изъ Ситхи [3]) сначала была поселена близъ Петропавловска и затѣмъ водворена на югѣ Камчатки, на Желтымъ мысу, для эксплуатаціи вновь открытыхъ лежбищъ бобровъ. Въ виду ихъ плачевнаго экономическаго состоянія они въ 1888 г. были переведены на Командорскіе о-ва, главнымъ образомъ на о. Беринга (см. стр. 148). Такъ какъ между этими двумя водвореніями иммигрантовъ названные острова не приняли сколько-нибудь значительнаго числа новыхъ переселенцевъ, то увеличеніе ихъ населенія съ 451 д. (235 м.) въ 1874 г. по 563 д. (280 м.) въ 1884 г., по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ въ значительной степени должно зависѣть отъ естественнаго приращенія коренныхъ жителей. Прибыль мужского населенія за 10-лѣтній періодъ времени въ 45 д. соотвѣтствуетъ среднему ежегодному приросту въ

---

1) Въ 1901 г. на этомъ островѣ числилось 119 д. семейныхъ и 80 д. одинокихъ взрослыхъ гиляковъ, т. е. послѣднихъ было 40 %; женщинъ (отъ 16 л.) было: семейныхъ 112 и одинокихъ 30; % послѣднихъ 21. («Обз. о. Сахалина за 1900 и 1901 гг.»).

2) Steineger (у Герасимова: «Зап. В.-Сиб. О. И. Геогр. Общ.», XXVIII, 97, № 2). У Слюнина («Изв. И. Р. Геогр. Общ.», XXXI, 1895 г.) имѣются слѣдующія данныя касательно численности обитателей Командорскихъ острововъ за послѣднія десятилѣтія истекшаго столѣтія въ 1872 г. — 434 д.; 1882 — 521 д. и въ 1892 г. — 626 д.

3) Алеуты составляли около $^2/_3$ этихъ переселенцевъ, хотя нѣкоторые авторы неправильно называютъ «куриламн» всю ихъ совокупность.

19,1 ‰ (об. п. въ 24,8 ‰), который, однако, несомнѣнно превышаетъ дѣйствительный.

Что въ этомъ увеличеніи численности алеутовъ естественное приращеніе на самомъ дѣлѣ играетъ главную роль свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что изъ числа 112 д. прибыли 84 человѣка или 75% приходится на долю дѣтей до 10 лѣтняго возраста. Такимъ образомъ, хотя инфильтрація въ среду алеутовъ посторонпихъ лицъ несомнѣнно имѣла мѣсто и въ разсматриваемый періодъ времени, но все же приведенныя данныя, повидимому, свидѣтельствуютъ объ извѣстной жизнеспособности алеутовъ и метисовъ Командорскихъ острововъ. Въ пользу этого мнѣнія говоритъ и тотъ фактъ, что возрастный составъ у нихъ оказывается благопріятнѣе, чѣмъ у большей части палэазіатовъ, именно, на 100 д. об. п. у нихъ въ 1897 г. было 18,5 и на 100 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 49 л. 73,0 дѣтей до 5 л. (вкл.)[1]), причемъ д-ръ Н. Слюнинъ утверждаетъ, что среднее число рожденій у алеутокъ (и метисокъ) равно 6. Впрочемъ, спѣшимъ оговориться, что и на этихъ островахъ по временамъ, повидимому, бываютъ періоды отрицательнаго естественнаго приращенія населенія, вызываемые неблагопріятными условіями жизни. Такимъ образомъ, на о. Беринга за 5 лѣтъ: 1886—1891 гг. зарегистрировано 111 родившихся и 127 д. умершихъ, что соотвѣтствуетъ ежегодной убыли въ 3,2 д. Наибольшая смертность у алеутовъ наблюдается, какъ и у другихъ инородцевъ Сибири, въ раннемъ дѣтствѣ: на 1000 д. умершихъ на дѣтскій возрастъ до 1 г. приходилось 366 д.; въ слѣдующее десятилѣтіе она не превышало 200 д., то же самое число, которое наблюдается и въ возрастной группѣ 30—40 л.[2]).

Къ условіямъ, неблагопріятно вліяющимъ на приростъ этихъ островитянъ, слѣдуетъ отнести: половую распущенность жителей, допускающую раннія половыя сношенія (съ 12—14 л.), венерическія болѣзни, выгравленіе плода, трудныя и спѣшныя работы, на которыхъ принимаютъ участіе и женщины (на о. Мѣдномъ), иногда беременныя, малая молочность мѣстныхъ женщинъ при отсутствіи коровьяго молока для замѣны материнскаго, слишкомъ тѣсные браки между жителями, послѣдствіемъ которыхъ является слабое поколѣніе съ большимъ процентомъ нѣмыхъ, глухонѣмыхъ, калѣкъ, эпилептиковъ и т. д. и многія другія причины[2]).

Вопросъ о томъ, насколько велико участіе естественнаго приращенія въ приростѣ инородческаго населенія Командорскихъ острововъ, не можетъ,

---

1) Въ нѣмецкомъ изданіи этого труда («Rev. Or.», IX, 1—2, 54—95) на 100 ж. возраста 15—44 г. ошибочно показано: 48,0 вм. 77,7.

2) Н. Слюнинъ: «Экон. полож. инор. с.-в. Сибири» («Изв. И. Р. Геогр. О.» XXXI, 1895 г.).

такимъ образомъ, считаться окончательно рѣшеннымъ. Въ общемъ, однако, можно принять, что *естественное приращеніе алеутовъ (и метисовъ) невелико и что при измѣняющихся въ неблагопріятную сторону условіяхъ оно легко переходитъ изъ положительнаго въ отрицательное.*

Такъ какъ эти острова постоянно находились подъ управленіемъ особыхъ аккредитованныхъ правительствомъ компаній по эксплоатаціи морскихъ животныхъ (котиковъ), то лучшія или худшія условія, среди которыхъ живутъ алеуты, оказывались въ полной зависимости отъ личнаго усмотрѣнія правленій этихъ компаній. Въ общемъ, однако, алеуты въ послѣднее время поставлены матеріально лучше, чѣмъ всѣ другіе инородцы сѣверной Сибири, хотя въ сущности ихъ хорошіе заработки мало содѣйствуютъ улучшенію ихъ жизненной обстановки, такъ какъ они по большей части расходуются на прихоти и на предметы роскоши, которыми по своему низкому умственному развитію они не могутъ пользоваться, какъ слѣдуетъ.

Что касается до вліянія на жизнеспособность островитянъ примѣси русской крови — $^2/_3$ мѣстныхъ инородцевъ (по даннымъ переписи касательно жителей о. Мѣднаго) представляютъ изъ себя метисовъ (по мѣстному «креоловъ»), т. е. потомство отъ браковъ русскихъ промышленниковъ и казаковъ съ алеутскими женщинами, — то, судя по аналогіи съ другими мѣстностями Сибири, оно до извѣстной степени способствуетъ повышенію ихъ плодородія, хотя, какъ показали наблюденія, это вліяніе можетъ проявиться въ должной мѣрѣ лишь при болѣе благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ.

Алеуты Алеутской гряды болѣе чистой крови и курилы, покинувшіе родные острова и поселенные въ 1873 г. на п.-о. Камчаткѣ (см. выше), показывали въ теченіе всего времени ихъ пребыванія въ Петропавловской округѣ сильную убыль. Сначала около Петропавловска было водворено 83 д. и годъ спустя еще 15 д. или всего 98 д. алеутовъ и курилovъ. Къ 1880 г. ихъ численность уменьшилась до 75 д., а въ 1884 г. отъ ихъ вслѣдствіе усиленной смертности осталось всего 67 д., т. е. за 10—11 лѣтъ своего пребыванія на п.-о. Камчаткѣ они потеряли цѣлую треть своего прежняго числа, главнымъ образомъ вслѣдствіе эпидемическихъ болѣзней и плачевнаго экономическаго положенія [1]).

Другое доказательство того, что чистокровные алеуты не представляютъ исключенія изъ общаго для палеазіатовъ правила и тоже сильно уменьшились въ числѣ противъ прежняго, показываютъ намъ историческія

---

1) «Сборн. главн. оффиц. докум. по упр. В. Сиб.» (III, 3 вып., 207) и «Сборн. геогр., топогр. и статист. матер. по Азіи» (XXVI т., стат. Волошинова, 293 сл.).

данныя касательно присоединенія къ Россіи Алеутской гряды и острововъ, расположенныхъ близъ побережья Аляски, и касательно перваго времени русскаго господства въ Беринговомъ морѣ, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Изъ этихъ данныхъ[1]), напр., видно, что на о. Кадьякѣ и на п.-о. Аляскѣ въ 1792 г. числилось 6510 д. об. п., въ 1806 г.—3944 д., въ 1817 г. — 4198 д., въ 1821 г. — 3649 д. и въ 1825 г. — 3396 д., т. е. за 33 года населеніе этого раіона сократилось на половину. На Лисьихъ островахъ въ 1781 г. считалось, по Литке [1]), — 1900 м. д., въ 1806 г. — 1898 д., въ 1813 г. — 1508 д., въ 1825 г. — 1478 д. и въ 1830 г. — 1460 д.[2]).

Веньяминовъ[3]) сообщаетъ нѣсколько иныя цифровыя данныя о численности алеутовъ (безъ креоловъ) Уналашскаго отдѣла, т. е. жившихъ на Уналашкѣ и на островахъ Прибылова и на о. Ситхѣ. Въ 1792 г. ихъ было 1235 м.; въ 1806 г. — 1953 д. об. п. (965 м.); въ 1822 г. — 1474 д. (695 м.) и въ 1834 г. — 1494 д. (682 м.). Данныя отдѣльныхъ авторовъ касательно численности алеутовъ нѣсколько расходятся, но это происходитъ частью отъ неодинаковой территоріи, по которой сообщаются данныя, затѣмъ отъ не вполнѣ одинаковаго пониманія слова «алеуты», такъ какъ нѣкоторые авторы включаютъ въ ихъ число и другихъ туземцевъ нашихъ бывшихъ Американскихъ владѣній, частью также креоловъ. Но все же сообщаемыя каждымъ авторомъ данныя неизмѣнно представляютъ изъ себя исходящій рядъ, свидѣтельствующій, что, несмотря на всѣ разногласія между данными, фактъ постепеннаго угасанія чистокровныхъ алеутовъ въ прежнее время не подлежитъ сомнѣнію.

По даннымъ Веньяминова алеутское мужское населеніе убыло за 42 г. почти на половину (на 44,7%), причемъ насильственное выселеніе ихъ въ другія мѣста играло въ этой убыли лишь ничтожную роль. Это уменьшеніе численности алеутовъ даже въ началѣ XIX в., когда условія ихъ

---

1) Литке, I, 124 сл. — П.-о. Аляска или Алякса находится на ю.-з. нынѣшней территоріи Аляски.

2) Gerland, l. c., 3, сообщаетъ слѣдующія данныя о численности жителей Лисьихъ острововъ: въ 1783/7 г., по Ланедорфу, болѣе 3000 д.; въ 1806 г., по Шамиссо, 1334 м. и 570 ж. и въ 1817 г. — 462 м. и 584 ж.

3) «Записки объ островахъ Уналашскаго отд.» 1840 г., II, 182 — 199, 202 — 203 и таблицы.—Русскія владѣнія въ Америкѣ подраздѣлялись на 5 главныхъ отдѣловъ: Ситхинскій, Кадьякскій, Сѣверный, Уналашкинскій и Атхинскій. Послѣдніе два отдѣла охватывали всѣ острова, отдѣляющіе Беринго море отъ Тихаго океана, причемъ Уналашкинскій отд. приблизительно совпадалъ съ группой Лисьихъ острововъ. Данныя И. Веньяминова касаются поэтому лишь алеутовъ Лисьихъ острововъ, включая и проживавшихъ въ другихъ отдѣлахъ (ibid., I ч., VIII).

жизни нѣсколько измѣнились къ лучшему противъ прежняго, подтверждается и данными объ естественномъ приращеніи этихъ инородцевъ за 14 л.: 1822—1837 гг. За этотъ періодъ времени у алеутскаго населенія отдѣла родилось 530 д. и умерло 498 д., такъ что чистая прибыль алеутовъ (безъ креоловъ) равнялась 32 д., что соотвѣтствуетъ всего 1,55‰ прибыли въ годъ — приросту совершенно ничтожному, если принять въ разсчетъ ихъ значительную убыль отъ несчастныхъ случаевъ во время промысла, часть жертвъ которыхъ не попадаетъ въ метрики. Этотъ ничтожный приростъ авторъ въ значительной степени приписываетъ слабой рождаемости алеутовъ (2,57% за указанный періодъ времени), причемъ сообщаетъ, что процентъ женщинъ, имѣвшихъ живыхъ дѣтей, былъ у нихъ, вслѣдствіе цѣлаго ряда неблагопріятныхъ жизненныхъ условій, весьма незначителенъ — въ 20-хъ годахъ XIX ст., по названному автору, одна рожавшая женщина у нихъ приходилась на 9 женщинъ.

Вообще, главными причинами отрицательнаго прироста алеутовъ были весьма плохія экономическія условія, голодовки, повѣтрія и гибель ловцовъ въ морѣ во время промысла. Относительно послѣдней причины замѣтимъ, что они были принуждаемы русскими промышленниками, хозяевами острововъ, и позже Русско-Американской К°, къ которой потомъ перешло господство надъ этими краями, выѣзжать на промыселъ во всякую погоду. Въ случаѣ бури многіе изъ алеутовъ находили смерть въ открытомъ морѣ, причемъ нерѣдко эту участь испытывали цѣлыя ватаги ихъ байдаръ. Въ отдаленное время особенно памятны въ этомъ отношеніи 1796, 1798, 1800 и 1805 гг. Въ послѣдній годъ погибъ, такимъ образомъ, отрядъ байдаръ, вмѣщавшій до 400 ловцовъ. Въ 1799 г. около 150 человѣкъ отравилось, поѣвши ядовитыхъ ракушекъ, и около этого же времени въ сѣверной части Тихаго океана свирѣпствовали эпидемическія болѣзни, которыя повторялись и позже, напр., въ 1834 г. на Алеутахъ господствовала оспа, унесшая, однако, не очень много жизней, потому что большей части жителей во-время успѣли привить оспу.

Несравненно сильнѣе была убыль алеутовъ въ предшествующій періодъ, т. е. за все время до 1790 г., когда посланная на Алеутскіе острова экспедиція Биллингса водворила на нихъ нѣкоторой порядокъ, ограничила произволъ мѣстныхъ русскихъ промышленниковъ и нѣсколько обезпечила правовое положеніе инородцевъ. Этотъ періодъ Веньяминовъ дѣлитъ на двѣ эпохи: на время, предшествующее водворенію на островахъ русскихъ—приблизительно около 1760 г.—и на первое время русскаго господства надъ островитянами (до 1790 г.). Въ обѣ эти эпохи алеуты непрерывно несли огромныя потери отъ насильственныхъ смертей. Въ первую эпоху, неза-

долго до прихода русскихъ, у нихъ чрезвычайно участились войны: междоусобныя и съ сосѣдними народами побережья Америки, о. Кадьяка и т. д.— колошами, аглегмютами и кадьякцами, которыя сопровождались взаимнымъ самоистребленіемъ. Дѣло доходило до того, что въ періодъ этихъ непрерывныхъ войнъ многіе алеуты проводили все время внѣ походовъ въ крѣпостцахъ, боясь нападеній враговъ, въ виду чего не успѣвали заготовить себѣ пищи на зиму и потомъ страдали отъ голода. Отъ этихъ опустошительныхъ войнъ ихъ число сильно уменьшилось, но, если съ приходомъ русскихъ онѣ стали значительно рѣже, то первые русскіе насельники въ свою очередь сильно содѣйствовали уменьшенію численности этихъ добродушныхъ дикарей. Цѣлый рядъ кровожадныхъ промышленниковъ, завладѣвшихъ островами и ставшихъ эксплоататорами труда этихъ инородцевъ, нисколько не щадили ихъ, истребляя ихъ цѣлыми селеніями за малѣйшее непослушаніе или даже за грѣхи ихъ сородичей и сосѣдей, а иногда даже безъ видимой причины. Достаточно сказать, что нѣкоторые изъ этихъ цивилизаторовъ (Соловьевъ, Глотовъ, Нарубинъ и др.) прямо гордились числомъ убитыхъ ими алеутовъ и колошей (напр., число жертвъ, павшихъ отъ руки одного Соловьева, исчисляютъ разные авторы въ 3—5000 д.). Неудивительно, поэтому, что убыль алеутовъ отъ середины XVIII ст. до 1790 г. была столь же ужасающая, какъ и въ предшествующую эпоху войнъ.

Сколько же было алеутовъ въ первой половинѣ XVIII стол.? Этого съ достовѣрностью сказать нельзя, но несомнѣнно, что оно было нѣсколько разъ больше того, которое намъ сообщаютъ первыя ихъ переписи въ концѣ указаннаго столѣтія: это подтверждается преданіями жителей о прежней густотѣ населенія острововъ, о частотѣ селеній и численности ихъ обитателей, о числѣ снаряжавшихся на ловъ и на войну байдаръ и т. д., а также свидѣтельствомъ лицъ, впервые посѣтившихъ эти края. Врядъ ли населеніе Уналашскаго отдѣла было меньше 10—15.000 д. об. п., нѣкоторые предполагаютъ даже, что оно простиралось до 25.000 д., хотя это число можетъ быть и преувеличено и болѣе подходитъ къ общей численности всей Алеутской гряды въ серединѣ XVIII ст. [1]).

---

1) Къ 1860 г. численность всѣхъ алеутовъ уменьшилась до 4645 д. об. п., не считая «креоловъ»-метисовъ, число которыхъ къ названному году простиралось до 1896 д. («Геогр.-Статист. слов.» П. Семенова).

4. Нѣкоторыя данныя о богатствѣ Сибирскихъ инородцевъ дѣтьми.

Какъ было указано выше (см. стр. 14), данныхъ касательно естественнаго приращенія инородцевъ Сибири почти не существуетъ, а тѣ, которыя имѣются, не отличаются достовѣрностью, но все же нѣкоторое представленіе объ относительной жизнеспособности отдѣльныхъ частей инородческаго населенія страны, внѣ періодовъ крупныхъ народныхъ бѣдствій, можно получить и косвеннымъ путемъ, напр., путемъ сопоставленій между собою различныхъ цифровыхъ данныхъ статистическаго матеріала первой всеобщей переписи населенія Имперіи. Такимъ образомъ, сопоставленіе числа дѣтей съ численностью наличнаго взрослаго населенія, женскаго и обоего пола, можетъ намъ дать указанія на счетъ того, какой процентъ родившихся въ каждой племенной группѣ или народности доживаетъ до 1 года или до 5 лѣтъ. Естественно, что при прочихъ равныхъ условіяхъ та народность, у которой бо̀льшее число дѣтей остается въ живыхъ, ео ipso имѣетъ бо̀льшіе шансы легче переносить уронъ отъ эпидемій и голодовокъ и увеличиваться въ числѣ чѣмъ та, у которой это число представляетъ меньшую или прямо незначительную величину.

Конечно, въ данномъ случаѣ мы не имѣемъ возможности изслѣдовать причину этого преимущества первой народности передъ второй, т. е. зависитъ ли оно отъ ея большей рождаемости или отъ меньшей смертности и т. д., но можемъ лишь констатировать самый фактъ бо̀льшаго процента выжившихъ дѣтей. Въ сущности, однако, о преимуществѣ въ данномъ случаѣ слѣдовало бы говорить лишь въ томъ случаѣ, когда бы и другіе признаки, отъ которыхъ зависитъ размѣръ естественнаго приращенія, у нихъ были болѣе или менѣе близкими другъ къ другу, напр., когда бы ихъ брачность, рождаемость и т. д. были приблизительно одинаковыми, потому что, если, напр., у первой народности значительно большій процентъ лицъ заключалъ браки или у нея рождалось больше дѣтей, чѣмъ у второй, то при одинаковомъ процентѣ дѣтей извѣстнаго возраста выживаніе дѣтей у первой оказалось бы на самомъ дѣлѣ меньшимъ, чѣмъ у второй.

При выборѣ возрастныхъ группъ для указанныхъ сопоставленій мы въ значительной степени были стѣснены группировкой статистическаго матеріала въ таблицахъ результатовъ переписи 1897 г., а также вліяніемъ круглыхъ чиселъ (см. стр. 15), въ виду чего мы сочли за наиболѣе благоразумнымъ, за исключеніемъ нижеслѣдующей таблицы, ограничиться лишь

сопоставленіемъ числа дѣтей до 5 л. (вкл.) съ наличнымъ населеніемъ об. п. отдѣльныхъ народностей въ 1897 г. Для большей наглядности мы въ настоящей главѣ, тоже посвященной лишь Сибирскимъ инородцамъ, приводимъ и соотвѣтствующія данныя касательно русскаго населенія разныхъ частей Сибири, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и данныя, касающіяся нѣкоторыхъ другихъ народностей Россійской имперіи.

Названія губерній и округовъ.	% инородцевъ и главн. національ. въ сельск. населеніи.	% дѣтей до 5 л. (вкл.) по отношенію къ	
	инородцы.	числу женщинъ 15—49 л. [1]	всему внѣгородск. нас. об. п.
Березовскій окр. (Тоб. губ.) .	76,1 — остяки, самоѣды, вогулы	64,8	16,1
Сургутскій » (» ») .	83,7 — остяки	67,0	16,1
Туруханск. край (Енис. губ.)	73,2 — самоѣды, тунгусы, якуты	71,9	17,5
Колымскій окр. (Якутск. обл.)	85,5 — якуты, тунгусы, чукчи	51,5	13,5
Верхоянск. » (» »)	95,3 — якуты, тунгусы	61,4	14,4
Якутская обл. (безъ Олекминскаго окр.)	96,8 — якуты, тунгусы и друг.	66,0	15,5
Гижигинская окр. (Прим. обл.)	96,9 — коряки, тунгусы	71,1	18,5
Анадырская » (» »)[2]	100,0 — чукчи, эскимосы	55,3	15,5
Охотская » (» »)	94,3 — тунгусы, коряки	59,6	15,2
Петропавловск. (» »)	72,2 — камчадалы, коряки	81,4	19,2
Командорск. окр. (» »)	85,2 — алеуты и метисы	73,0	18,5
Для сравненія.	разныя національности.		
Тобольская губ.	91,6 — русскіе (6,3% инор.)	70,5	17,1
Атбасарскій у. (Акмол. обл.)	89,6 — киргизы	81,4	18,3
Ферганская обл.	99,7 — тюрки, таджики	49,9	12,6
Самаркандская обл.	99,3 — » »	47,7	12,4
Закаспійская обл.	94,1 — туркмены, киргизы	75,4	16,9
Эстляндская губ.	93,9 — эсты	56,9	14,3
Курляндская губ.	85,0 — латыши	51,3	13,1
Кѣлецкая губ.	92,3 — поляки	82,4	19,4
Обл. Войска Донского . . .	96,1 — русскіе	84,3	21,5

Изъ этихъ данныхъ видно, что въ болѣе западной части сѣвернаго инородческаго раіона, охватывающей сѣверныя полосы Тобольской и Енисейской губ. (Березовскій и Сургутскій окр. и Туруханскій край) инородцы сравнительно не такъ бѣдны дѣтьми, такъ что въ первыхъ двухъ округахъ

---

1) Въ виду притяженія цифры 50, число женщинъ въ возрастѣ 15—49 л. у инородцевъ нѣсколько меньше, а вслѣдствіе этого отношеніе дѣтей до 5 л. къ женщинамъ въ возрастѣ дѣторожденія выше дѣйствительнаго, въ особенности у бродячихъ народностей.

2) Безъ с. Маркова.

они сравнительно немного отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ всего населенія Тобольской губ., приблизительно на $^{9}/_{10}$ состоящаго изъ коренныхъ русскихъ, а въ послѣднемъ даже превосходятъ таковое. Это несомнѣнно говоритъ въ пользу жизнеспособности, при благопріятныхъ условіяхъ, обитающихъ въ этихъ краяхъ народностей, причемъ въ Туруханскомъ краѣ, въ которомъ наблюдаются наивысшіе изъ разсматриваемыхъ трехъ округовъ коэффиціенты дѣтей, населеніе, какъ мы идѣли выше (см. стр. 22), дѣйствительно увеличилось въ числѣ противъ прежнихъ лѣтъ.

Подвигаясь изъ Туруханскаго края на востокъ, мы тотчасъ за р. Анабарой встрѣчаемъ другую картину: въ Верхоянскомъ окр. (Якут. обл.) на 100 женщинъ въ возрастѣ дѣторожденія (15—49 л.) приходится всего 61,4 и на 100 д. об. п. 14,4 дѣтей до 5 л., въ Колымскомъ, расположенномъ къ в. отъ него, 51,5 и 13,5 и въ Анадырской окр. (Прим. обл.) 55,3 15,5, другими словами, здѣсь на 100 женщинъ указанной возрастной группы приходится дѣтей на 5—20% меньше противъ соотвѣтствующихъ величинъ западной части сѣвернаго инородческаго раіона. Тотъ же результатъ получается и при сопоставленіи числа дѣтей до 5 л. съ наличнымъ населеніемъ об. п. въ указанныхъ округахъ: % дѣтей въ нихъ оказываются значительно меньшими (14,4; 13,5 и 15,5%) противъ наблюдаемыхъ въ сѣверныхъ округахъ Тобольской и Енисейской губ. Эти выводы касательно первыхъ двухъ округовъ находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ очень грустными экономическими условіями мѣстнаго населенія и съ его вымираніемъ. Относительно Анадырской окр. у насъ не имѣется достаточныхъ фактическихъ данныхъ за прежніе годы, чтобы имѣть право высказаться въ данномъ случаѣ столь же опредѣленно.

Продолжая анализировать данныя вышеприведенной таблицы, мы можемъ убѣдиться, что, если вся восточная половина сѣвернаго инородческаго раіона отличается значительно пониженнымъ числомъ дѣтей, то восточный инородческій раіонъ, охватывающій 4 сѣверныхъ округи Приморской обл. (пятую — Анадырскую, мы присоединили къ сѣверному раіону —), находится въ этомъ отношеніи въ лучшихъ условіяхъ. Лишь въ одной Охотской окр., гдѣ экономическое положеніе почти столь же безотрадно, какъ и въ Колымскомъ окр. (Якут. обл.), коэффиціенты, показывающіе богатство жителей дѣтьми: 59,6 и 15,2%, приближаются къ таковымъ двухъ неблагополучныхъ сѣверныхъ округовъ Якутской обл. Въ остальныхъ же трехъ округахъ восточнаго инородческаго раіона населеніе сравнительно богато дѣтьми, а такъ какъ инородцы составляютъ огромное большинство ихъ сельскаго населенія, то этотъ выводъ касается, главнымъ образомъ, ихъ.

Изъ сравненія данныхъ касательно богатства дѣтьми жителей Петропавловской, Гижигинской и Командорской округъ съ коэффиціентами дѣтей населенія сѣвера западной полосы Сибири выясняется, что первые имѣютъ бо́льшія семьи, чѣмъ вторые, именно, наименьшее число дѣтей на 100 женщинъ въ періодѣ дѣторожденія, наблюдаемое тамъ, именно въ Гижигинской окр. (71,1%), равно наивысшему во второмъ раіонѣ—въ Туруханскомъ краѣ: 71,9%, а въ другихъ двухъ округахъ сѣверной части Приморской обл. соотвѣтствующія числа оказываются еще болѣе высокими — 73,0 и 81,4%. Еще болѣе рельефные результаты получаются при сопоставленіи числа дѣтей съ наличнымъ населеніемъ об. п. Въ данномъ случаѣ населеніе Гижигинской и Командорской округъ оказывается болѣе богатымъ дѣтьми, чѣмъ все населеніе Тобольской губ. (18,5 противъ 17,1%), а жители Петропавловской окр. (Камчатки) почти не уступаютъ въ этомъ отношеніи, какъ и по первому коэффиціенту, таковымъ Кѣлецкой губ. (19,2 и 81,4% противъ 19,4 и 82,4%), имѣющимъ, какъ извѣстно, хорошее естественное приращеніе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ большимъ % дѣтей населеніе Камчатки замѣтно увеличилось въ числѣ со времени 50-хъ годовъ истекшаго столѣтія (см. стр. 135).

Слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе, что, помимо соображеній, высказанныхъ выше, одинъ фактъ богатства данной группы населенія дѣтьми въ извѣстный моментъ еще не даетъ намъ права дѣлать выводы относительно дѣйствительнаго хода естественнаго приращенія за продолжительный періодъ времени, потому что, во 1-хъ, указанныя % отношенія могли быть раньше иными и, во 2-хъ, потому что эпидемическія болѣзни и голодовки не учитываются нашими данными, относящимися къ одному 1897 г. Такимъ образомъ, мы, пользуясь приведенными сопоставленіями, не можемъ высказаться опредѣленно, выросло ли или уменьшилось противъ прежняго коренное населеніе Гижигинской, Анадырской и другихъ округъ, относительно которыхъ у насъ нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ за прежніе годы. Но при всемъ томъ приведенныя выше сопоставленія имѣютъ для насъ не малую цѣну въ томъ отношеніи, что они даютъ возможность провѣрять наши выводы относительно прироста населенія, полученные путемъ сопоставленія его численности за два года, раздѣленные болѣе продолжительнымъ періодомъ времени, отчасти анализировать самый приростъ и дѣлать нѣкоторыя предположенія относительно будущаго. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ экономическое положеніе жителей почти не измѣнилось за истекшія десятилѣтія, направленіе его дѣйствительнаго прироста, напр. со времени прежнихъ ревизій до переписи, находится по большей части въ полномъ соотвѣтствіи съ ихъ относительнымъ богатствомъ дѣтьми. Но, ко-

нечно, тѣ и другія данныя могутъ и расходиться: сильныя эпидеміи и голодовки, періодически посѣщающія сѣверныхъ инородцевъ Сибири, нерѣдко въ значительно бо́льшей степени вліяютъ на измѣненіе относительной численности отдѣльныхъ группъ населенія, чѣмъ неодинаковые коэффиціенты ихъ естественнаго приращенія или показывающіе ихъ богатство дѣтьми, такъ что группа инородцевъ, отличающаяся бо́льшимъ коэффиціентомъ дѣтей, можетъ вслѣдствіе указанной и другихъ причинъ показывать за извѣстный періодъ времени убыль, между тѣмъ какъ ея менѣе плодовитые сосѣди, которые за это время не испытали подобнаго народнаго бѣдствія, могутъ оказаться увеличившимися въ числѣ.

Вышеизложенныя соображенія хорошо иллюстрируются сравненіемъ данныхъ о богатствѣ дѣтьми инородцевъ Сибири съ таковыми касательно жителей другихъ частей Имперіи. Изъ вышеприведенной таблицы видно, какъ отчасти уже показано выше (стр. 157), что по числу дѣтей Сибирскіе инородцы далеко не занимаютъ послѣдняго мѣста среди народностей Россіи. И среди крупныхъ и болѣе культурныхъ ея народовъ имѣются такіе, которые уступаютъ имъ въ указанномъ отношеніи, напр., въ Эстляндской губ. на 100 женщинъ 15—49 л. приходится всего 56,9 дѣтей до 5 л. и на наличное населеніе об. п. 14,3, т. е. приблизительно столько же, сколько въ неблагополучныхъ округахъ и окру́гахъ сѣвера Сибири: Верхоянскомъ и Охотской, также въ Анадырской, а въ областяхъ Самаркандской и Ферганской съ преобладающимъ осѣдлымъ тюрко-татарскимъ населеніемъ дѣтей меньше, чѣмъ даже въ Колымскомъ окр. (47,7 и 49,9; 12,4 и 12,6 противъ 51,5 и 13,5%), жители котораго завѣдомо вымираютъ. Тѣмъ не менѣе можно доказать неопровержимыми данными, что вслѣдствіе рѣдкости въ указанныхъ губерніи и областяхъ сильныхъ народныхъ бѣдствій ихъ населеніе увеличивается въ числѣ, хотя и медленно, между тѣмъ какъ въ Сибири во многихъ мѣстностяхъ инородцы, имѣющіе значительно больше дѣтей, или идутъ на убыль или еле удерживаютъ свою прежнюю численность.

До сихъ поръ мы разсматривали богатство дѣтьми населенія Сибири по цѣлымъ административнымъ единицамъ (губерніямъ, областямъ и округамъ), въ виду чего характерныя особенности отдѣльныхъ составляющихъ ихъ племенъ болѣе или менѣе ускользали отъ нашего вниманія и, такъ сказать, стушевывались. Теперь переходимъ къ соотвѣтствующимъ даннымъ касательно главныхъ народностей Сибири, а также русскихъ отдѣльныхъ ея мѣстностей (внѣгородское населеніе)[1]).

1) Слишкомъ малое процентное отношеніе дѣтей въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ зависѣть отъ притока извнѣ безсемейнаго люда. Въ приведенныхъ данныхъ этотъ факторъ не

I. Культурная земледѣльческо-скотоводческая полоса.

	% дѣтей до 5 л. (вкл.) ко вс. нас.
I. *Тюрко-татары.*	
Тобольская губ.	18,7
Тарскій окр. (Тоб. губ.)	19,8
Каинскій окр. (Том. губ.)	18,3
Бійскій окр. (Том. губ.)	17,2
Минус. окр. (Енис. губ.)	18,3
II. *Буряты.*	
Иркутская губ. (вся)	14,7
Верхоленскій окр. (Ирк. губ.)	13,9
Забайкальская обл. (вся)	14,8
Баргузинскій окр. (Заб. обл.)	14,0
Селенгинскій окр. (Заб. обл.)	14,1
Верхнеудинскій окр. (Заб. обл.)	12,8
III. *Тунгусы.*	
Читинскій окр. (Заб. обл.)	18,4
IV. *Русскіе.*	
Тобольская губ.	17,0
Томская губ.	17,8
Иркутская губ.	16,9
Забайкальская обл.	18,6
Тургайская обл.	18,7

II. Некультурныя сѣверная и восточная полосы.

I. *Финны:*	1. остяки	15,6 (Берез. окр. 15,6; Сургут. окр. 15,4%)
	2. вогулы	16,6 (Турин. окр.).
II. *Самоѣды*		15,6—16,2 (Томск. губ. 15,6; Берез. окр. 16,1; Турух. край 16,2%).
III. *Тюрки:*	якуты	16,6—18,0 (Якут. окр. 16,6; Турух. край —якуты и долгане—18,0%).
IV. *Тунгусы:*	тунгусы собств.	17,0—19,1 (Якут. окр. 17,0; Турух. край— 18,3; Гижиг. окр. 19,1%).
V. *Палеазіаты:*	1. Енисейск. остяки	15,0 (Турух. край).
	2. Алеуты (и метисы)	18,5 (Командорск. острова).
	3. Камчадалы (вкл. осѣдл. коряк.)	18,8 (Петроп. окр.).
	4. Коряки	18,4—22,1 (Гижиг. окр. 18,4; Петроп. окр. (кочевые) 22,1%).
	5. Чукчи	15,3 (Анад. окр.).
	6. Гиляки (вкл. ольчей)	16,5—22,7 (о. Сахалинъ 16,5; Удск. окр., вкл. ольчей,—22,7%).
	7. Аины	18,6 (бывш. Корсак. окр. о. Сахал.).
	8. Эскимосы	18,7 (Анад. окр.).
VI. *Русскіе*		15,0—20,3 (Берез. окр. 15,0; Турух. край 20,3; Гижиг. окр. 20,1; Петроп. окр. 19,7%).

играетъ роли; во 1-хъ, потому что перепись имѣла мѣсто зимой, когда земледѣльцы и рыболовы, промышляющіе на крупныхъ пескахъ, проживаютъ дома, и, во 2-хъ, потому что эти данныя не распространяются на города, въ которыхъ пришлое населеніе сравнительно многочисленно и зимой. Что касается до инородцевъ, то они въ отхожихъ промыслахъ даже лѣтомъ принимаютъ мало участія. Изъ сѣверныхъ инородцевъ предѣлы своихъ округовъ переступаютъ лишь немногіе оленеводы и звѣроловы (самоѣды, чукчи, коряки и тунгусы) и то почти всегда въ составѣ своихъ семей.

На основаніи приведенныхъ данныхъ можно, повидимому, заключить, что національность отдѣльныхъ группъ населенія играетъ въ данномъ отношеніи не малую роль и это до извѣстной степени справедливо. На самомъ дѣлѣ, въ культурной полосѣ Сибири, гдѣ изъ инородцевъ проживаютъ почти лишь тюрки и монголы (буряты), послѣдніе несомнѣнно значительно менѣе плодовиты, чѣмъ ихъ западные сосѣди — тюрки. Что въ данномъ случаѣ дѣйствительно играетъ роль племенной составъ можно подтвердить примѣромъ Астраханской губ., гдѣ, какъ калмыки (монголы), такъ и киргизы (тюрки), ведутъ кочевую жизнь, причемъ у первыхъ % дѣтей до 5 л. (вкл.) составляетъ 15,3, а у вторыхъ 19,0 % ихъ наличнаго населенія. Что касается осѣдлыхъ тюрко-татаръ Сибири, то они, судя по отрывочнымъ даннымъ таблицы, не менѣе богаты дѣтьми, чѣмъ русскіе. Изъ бродячихъ и полуосѣдлыхъ народностей сѣверной и восточной некультурной полосы страны (— въ нашу таблицу съ цѣлью не включены данныя касательно инородцевъ и русскихъ, проживающихъ въ наиболѣе неблагополучныхъ въ экономическомъ отношеніи мѣстностяхъ) остяки, самоѣды, вогулы, Енисейскіе остяки и чукчи въ общемъ отличаются меньшимъ количествомъ дѣтей (отъ 15,0 до 16,6 %) чѣмъ тунгусы, коряки, камчадалы, алеуты, аины и другіе, у которыхъ соотвѣтствующія числа лежатъ между 17,0 и 22,1%.

Но, отдавая должную дань племенному составу, мы полагаемъ, что было бы большой ошибкой приписывать лишь этому одному фактору столь большую разницу въ величинѣ семей у населенія отдѣльныхъ мѣстностей. Вникая глубже въ этотъ вопросъ, мы можемъ убѣдиться, что едва ли не бо́льшую роль въ данномъ случаѣ играетъ экономическое положеніе жителей и вообще ихъ образъ жизни, причемъ разница въ разсматриваемомъ отношеніи, которая обнаруживается у отдѣльныхъ частей той же племенной группы, живущихъ въ разныхъ частяхъ обширной страны, при различныхъ климатическихъ, экономическихъ и другихъ условіяхъ, и ведущихъ неодинаковый образъ жизни, во многихъ случаяхъ оказывается гораздо болѣе значительной, чѣмъ наблюдаемая у народностей разнаго происхожденія, обитающихъ въ одной и той же мѣстности. Это подтверждается данными нижеслѣдующей таблицы, въ которой показано богатство дѣтьми тунгусовъ, якутовъ, русскихъ и другихъ въ наиболѣе неблагополучныхъ въ экономическомъ отношеніи округахъ Сибири (Колымскій, Верхоянскій и Охотская окр.) и въ другихъ округахъ тѣхъ же сѣверной и восточной некультурныхъ полосъ, гдѣ ихъ жизненныя условія сравнительно лучше.

I. *Неблагополучныя мѣстности.*	% дѣт. до 5 л. вкл.	II. *Мѣстности съ лучшими экономическими условіями.*	% дѣт. до 5 л. вкл.
1. Якуты (Колымск. окр.) . . .	13,3	1. Якуты (Якутск. окр.)	16,6
» (Верхоянск. окр.) . .	14,1	» (Турух. край)	18,0
2. Тунгусы (Колымск. окр.) . .	13,1	2. Тунгусы (Гижиг. окр.) . . .	19,1
» (Охотск. окр.) . . .	14,8	» (Якут. окр.)	17,0
3. Русскіе (Колымск. окр.) . . .	14,7	» (Турух. край) . . .	18,3
» (Охотск. окр.). . . .	15,8	3. Русскіе (Гижиг. окр.)	20,1
4. Чукчи (Колымск. окр.) . . .	14,6	» (Петроп. окр.). . . .	19,7
5. Юкагиры (Колымск. окр.) . .	13,6	» (Турух. край)	20,3

Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что сильное паденіе числа дѣтей у жителей трехъ округовъ лѣвой половины нашей таблицы зависитъ не отъ ихъ племеннаго состава, а обусловливается главнымъ образомъ ихъ плохимъ экономическимъ положеніемъ. Этимъ вѣроятно до извѣстной степени объясняется и низкій коэффиціентъ дѣтей у остяковъ, самоѣдовъ и русскихъ Березовскаго округа (см. стр. 159). Это явствуетъ изъ того, что при лучшихъ жизненныхъ условіяхъ тѣ же народности, какъ видно изъ правой части той же таблицы, имѣютъ значительно большее число дѣтей.

Не столь бросается въ глаза зависимость между богатствомъ отдѣльныхъ частей населенія дѣтьми и культурной стадіей, на которой они находятся. Изъ таблицы на стр. 159 видно, что во многихъ случаяхъ между народностями, живущими земледѣліемъ и скотоводствомъ, съ одной стороны, и спискивающими себѣ пропитаніе рыболовствомъ, звѣроловствомъ и оленеводствомъ, съ другой, не замѣчается значительной разницы въ указанномъ отношеніи, но все же вполнѣ отрицать въ данномъ случаѣ вліяніе образа жизни нельзя. Такимъ образомъ, среди тюрковъ и бурятовъ культурной полосы (см. таблицу на стр. 159) алтайцы и другіе тюрки Бійскаго окр. и Хоринскіе буряты Верхнеудинск. окр., большинство которыхъ и по-сейчасъ ведетъ кочевую жизнь, имѣютъ меньшее число дѣтей, чѣмъ другія вѣтви тѣхъ же народностей, отчасти или вполнѣ перешедшія къ осѣдлой жизни земледѣльцевъ. Этимъ мы, однако, не хотимъ сказать, что кочевники всегда бѣднѣе дѣтьми чѣмъ земледѣльцы [1]).

Болѣе рельефный примѣръ представляютъ въ разсматриваемомъ случаѣ Забайкальскіе тунгусы, часть которыхъ, именно Читинскіе осѣдлые земле-

1) Такимъ образомъ, % дѣтей до 5 л. у киргизовъ Атбасарскаго у. Акмол. обл. 18,3 и во Внутр. Киргизской Ордѣ Астраханской губ. — 19,0% не ниже, чѣмъ у осѣдлыхъ татаръ Сибири (см. стр. 74).

дѣльцы, имѣютъ почти тотъ же % дѣтей, что и русскіе той же области (18,4 и 18,6 %), между тѣмъ какъ другая ихъ часть, именно Акшинскіе обурятившіеся тунгусы-казаки тѣхъ же родовъ, занимающіеся скотоводствомъ, по числу дѣтей (14,1%) почти не отличаются отъ своихъ бурятскихъ сосѣдей (въ Читинскомъ окр. 14,3; Верхнеудинскомъ 12,8; Селенгинскомъ 14,1 %[1]) и т. д.). Въ данномъ случаѣ интересенъ тотъ фактъ, что благодаря ассимиляціи и усвоенію образа жизни своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей — русскихъ и бурятовъ — тунгусы приблизились къ нимъ и по своей плодовитости.

Изо всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ выясняется, что даже наименѣе плодовитыя народности Сибири, каковы буряты (14,7 — 14,8 %), не уступаютъ въ этомъ отношеніи эстамъ (14,3 %) и превосходятъ латышей (13,1 %) и осѣдлыхъ и кочевыхъ Средне-Азіатскихъ тюрковъ (узбековъ Самаркандск. обл.: 12,5 %; сартовъ Ферг. обл.: 12,2; кара-киргизовъ Ферг. обл.: 13,5 % и таджиковъ (въ Сам. обл.: 12,1 и въ Ферг. обл.: 11,6 %), и что другія народности Сибири, имѣющія наиболѣе крупныя семьи, какъ то: тунгусы, алеуты, коряки, камчадалы и т. д. (— въ жилахъ послѣднихъ трехъ течетъ не мало русской крови) съ числомъ дѣтей (до 5 л.) свыше 18% мало чѣмъ отличаются въ указанномъ отношеніи отъ русскихъ, поляковъ и другихъ культурныхъ народовъ Россіи, если только позволить себѣ проводить сравненіе между мелкими и некультурными народностями Сибири съ болѣе крупными и культурными народами, у которыхъ степень выживанія высокихъ возрастныхъ группъ нѣсколько иная.

Принимая во вниманіе, что даже наименѣе плодовитые народы Имперіи, каковы коренные жители Туркестана и Прибалтійскаго края, замѣтно увеличиваются въ числѣ, а другія національности растутъ болѣе быстро, до извѣстной степени пропорціонально численности ихъ потомства[2]), мы полагаемъ, что имѣемъ основаніе утверждать, что при улучшеніи санитарныхъ

---

1) По даннымъ переписи 1897 г. главными занятіями бурятовъ были: у 59,3% Селенгинцевъ — скотоводство и у 38,3% земледѣліе. Изъ Верхнеудинцевъ 89,0% показали скотоводство и 8,8% земледѣліе.

2) Здѣсь имѣется въ виду естественное приращеніе населенія внѣ эпохъ народныхъ бѣдствій. Что же касается до % отношеній дѣтей, то въ Сибири, вслѣдствіе многихъ побочныхъ, мѣшающихъ приросту обстоятельствъ, они въ данномъ случаѣ не могутъ служить вѣрной руководящей нитью. Такимъ образомъ, если въ Верхоленскомъ окр. (Иркутск. губ.), гдѣ бурятское населеніе вымираетъ, % дѣтей и ниже чѣмъ въ цѣлой губерніи (13,9 и 14,7%), то въ Каинскомъ окр. Томск. губ. и въ Тарскомъ окр. Тобольск. губ. % дѣтей (до 5 л.) у татаръ довольно значительный (18,3 и 19,8%), хотя въ первомъ изъ нихъ татарское населеніе идетъ на убыль, а во второмъ оно со времени X ревизіи увеличилось въ числѣ значительно слабѣе, чѣмъ въ другихъ частяхъ Тобольской губ., гдѣ % дѣтей меньше.

и экономическихъ условій Сибири и при вполнѣ возможномъ устраненіи или по крайней мѣрѣ ослабленіи голодовокъ и эпидемій и инородческое населеніе далекаго сѣвера и востока Сибири, въ общемъ, какъ мы видѣли, не столь бѣдное дѣтьми, перестанетъ вымирать и будетъ давать странѣ полезныхъ гражданъ.

Несомнѣнно благопріятное вліяніе на поднятіе жизненныхъ силъ коренного населенія Сибири окажетъ постепенно возрастающее сближеніе ихъ съ русскими и пріобщеніе ихъ къ русской культурѣ, если только при этомъ своевременно будутъ приняты надлежащія мѣры для предотвращенія гибельнаго воздѣйствія на нихъ оборотной стороны этой культуры, въ особенности въ первое переходное время.

---

5. Нѣкоторые выводы.

Наше изслѣдованіе, собственно говоря, не вполнѣ закончено: мы разсмотрѣли почти лишь одну категорію статистическихъ данныхъ касательно прироста инородческаго населенія Сибири. Для того, чтобы имѣть право дать по этому вопросу вполнѣ неоспоримыя заключенія, необходимо было бы столь же обстоятельно изучить и другія категоріи статистическихъ данныхъ касательно этого вопроса: данныя о движеніи населенія и тѣ данныя переписи 1897 г., характеризующія жизнеспособность населенія, которыя не использованы въ предыдущей главѣ. Въ виду причинъ, указанныхъ выше (стр. 15), авторъ не имѣлъ возможности выполнить въ настоящее время и эту часть своей программы. А между тѣмъ ему все-таки было желательно завершить эту работу нѣкоторыми выводами и соображеніями, которыя какъ бы сами вытекаютъ изъ сгруппированныхъ выше статистическихъ данныхъ. Приступая теперь къ этимъ выводамъ, онъ напередъ проситъ снисхожденія у читателей за ту смѣлость, которую онъ на себя взялъ. Оправданіемъ ему можетъ служить вполнѣ естественное желаніе дать изучаемому вопросу болѣе вѣрное освѣщеніе, чѣмъ то, которое можно найти въ вышедшихъ до сихъ поръ въ свѣтъ трудахъ, посвященныхъ приросту коренного населенія Сибири. Дѣйствительно, одни изслѣдователи инородцевъ слишкомъ сгустили краски касательно вымиранія инородцевъ, другіе, основываясь на неточныхъ и неправильныхъ данныхъ, пришли къ выводамъ, во многомъ расходящимся съ истиной.

* * *

Если разсматривать вопросъ о приростѣ инородческаго населенія Сибири съ *территоріальной* или *географической* точки зрѣнія, то можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: *инородцы, обитающіе въ некультурной полосѣ страны*, составляющей не менѣе $^4/_5$ ея территоріи, *а также* проживающіе *въ сѣверной окраинѣ болѣе южной полосы*, гдѣ земледѣліе, хотя и возможно, но не даетъ вѣрнаго обезпеченія и въ виду этого не практикуется коренными жителями, въ общемъ, за немногими исключеніями, *не имѣютъ положительнаго прироста*. Къ этой негостепріимной области слѣдуетъ отнести всю сѣверную и восточную окраины страны, а также лѣсныя, горныя и таёжныя мѣстности, расположенныя въ менѣе высокихъ широтахъ и простирающіяся съ с. и в. на ю. и з., въ южную ея культурную полосу, мѣстами достигая южной границы государства. Подъ сѣверной инородческой областью мы, такимъ образомъ, подразумѣваемъ сѣверныя части губерній: Тобольской (округа: Березовскій и Сургутскій и сѣв. половины Тобольскаго и Туринскаго), Томской (Нарымскій край), Енисейской (Енисейскій окр. и Туруханскій край), Иркутской (Киренскій окр. и с. часть Верхоленскаго окр., внѣ долины Лены) и бо́льшую часть Якутской области, именно. раіоны ея, расположенные внѣ долинъ средней Лены и нижняго теченія ея крупныхъ притоковъ (Вилюя, Алдана), а также внѣ узкихъ полосъ земли, орошаемыхъ среднимъ и верхнимъ теченіемъ рр. Яны и Индигирки.

Восточная инородческая область совпадаетъ съ территоріальными границами Приморской обл. т. е. она ограничена на западѣ Становымъ хребтомъ и р. Уссури и на востокѣ морями, входящими въ составъ бассейна Тихаго океана. Сюда же принадлежитъ весь о Сахалинъ и по всему вѣроятію сѣверная, бо́льшая, часть Амурской обл., хотя отсутствіе какихъ либо болѣе или менѣе точныхъ исчисленій ея бродячаго инородческаго населенія до переписи и постоянныя передвиженія мѣстныхъ тунгусовъ, часть которыхъ перебирается при этомъ даже на правый, китайскій, берегъ Амура, и лишаютъ насъ возможности утверждать это съ достовѣрностью. Бродячія и полуосѣдлыя инородческія племена, населяющія все это необъятное пространство с. и в. Сибири, не имѣютъ въ настоящее время и по большей части не имѣли и въ болѣе ранніе періоды русскаго господства надъ страной правильнаго и болѣе или менѣе замѣтнаго положительнаго прироста за продолжительные періоды времени, а охотничьи и рыболовныя племена отдѣльныхъ мѣстностей (см. ниже) прямо показываютъ болѣе или менѣе значительную убыль противъ X ревизіи и противъ болѣе раннихъ годовъ.

Указанное выше общее для всей Сибири правило представляетъ, однако, въ отдѣльныхъ пунктахъ страны исключенія въ видѣ небольшихъ раіоновъ,

гдѣ и бродячее и полуосѣдлое населеніе сѣвера показываетъ положительный приростъ. Таковыми напр. являются: восточная, бо́льшая, половина Туруханскаго края, на западѣ ограниченная Енисеемъ, гдѣ почти всѣ мѣстные инородцы, независимо отъ ихъ происхожденія (якуты, долгане, тунгусы, Енисейск. самоѣды), увеличиваются въ числѣ, и п. о. Камчатка (за исключеніемъ с.-восточнаго ея побережья).

Извѣстную противоположность инородцамъ сѣверной и восточной окрайны страны составляютъ *живущіе по берегамъ крупныхъ рѣкъ средней полосы Якутской обл. и во всѣхъ годныхъ для сельско-хозяйственной культуры мѣстностяхъ средней и южной Сибири.* Они, за немногими исключеніями, *имѣютъ постоянное положительное естественное приращеніе* населенія и притомъ столь значительное, что эти инородцы увеличиваются въ числѣ, не взирая на бывающія по временамъ и у нихъ повѣтрія и голодовки.

Среди областей этого второго раіона мѣстность, находящаяся у большой кривизны Лены, и долины верхняго и средняго теченія Яны и Индигирки по своимъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ являются, такъ сказать, связующимъ звеномъ между сѣвернымъ инородческимъ и южнымъ культурнымъ раіонами. Въ климатическомъ отношеніи эти мѣстности много хуже южныхъ частей Сибири и земледѣліе въ нихъ возможно лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, не сѣвернѣе г. Якутска, но прекрасные луга въ рѣчныхъ долинахъ благопріятствуютъ здѣсь разведенію рогатаго скота и лошадей. Находясь въ виду этого въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ сѣверные бродячіе инородцы, хозяева описываемой территоріи — кочевые якуты на самомъ дѣлѣ отличаются въ своей массѣ отъ послѣднихъ своимъ положительнымъ приростомъ, благодаря чему и общая численность населенія области постепенно растетъ.

Теперь посмотримъ, въ какой зависимости приростъ первобытнаго населенія Сибири находится отъ его *племеннаго* состава.

I. Область оленеводовъ, звѣролововъ и рыболововъ.

Коренные финны: угорскіе *остяки* (долина Оби отъ границы Томской губ. до Обской губы, нижнее теченіе Иртыша, нижнее и среднее теченіе Конды и бассейнъ Васъ-Югана въ Нарымскомъ краѣ) и бродячіе *вогулы* (с. половина Туринскаго окр., верхнее теченіе Конды въ Тобольскомъ и бассейнъ Сосвы въ Березовскомъ окр.) въ общей своей массѣ мало измѣнились въ числѣ въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ (бродячіе вогулы и осѣдлые остяки Тобольскаго и Березовскаго окр. нѣсколько уменьшились).

Самоѣды. *Юраки*, занимающіе своими кочевьями мѣстности по Обской губѣ, весь бассейнъ р. Таза и на востокъ простирающіеся до Енисея, уменьшились въ числѣ за истекшія 60 лѣтъ. Въ такой же стадіи медленнаго угасанія находятся и *остяко-самоѣды*, живущіе къ югу отъ юраковъ (и отчасти, тавгійцевъ), въ предѣлахъ Туруханскаго края, Енисейскаго и Томскаго округовъ. Лишь *Енисейскіе самоѣды* и *тавгійцы*, обитающіе къ в. отъ нижняго Енисея, показываютъ извѣстный положительный приростъ.

Тунгусскія племена. *Тунгусы*, скитающіеся почти по всей В. Сибири (къ в. отъ Енисея), за немногими исключеніями въ мѣстностяхъ, не пригодныхъ для культуры, въ своей совокупности уменьшились въ числѣ за истекшія 50 лѣтъ, причемъ въ разныхъ частяхъ ихъ обширной страны ихъ приростъ показываетъ значительныя уклоненія въ обѣ стороны. Такимъ образомъ, можно считать болѣе или менѣе установленнымъ, что ихъ число уменьшилось противъ прежняго въ округахъ: Енисейскомъ (Енис. губ.), Киренскомъ и Верхолепскомъ (Ирк. губ.), въ 3 изъ 5 округовъ въ Якутской обл., въ Охотской, и, вѣроятно, въ Удской окр. Приморской обл. (относительно Амурской обл. — см. стр. 164) и увеличились въ числѣ въ Туруханскомъ краѣ и въ Якутскомъ окр. (Якут. обл.). (Относительно осѣдлыхъ вогуловъ и тунгусовъ — см. ниже).

Сильно уменьшились въ числѣ и *орочи*, обитающіе между р. Уссури на з. и морскимъ побережьемъ на в., они же и *гольды* въ Южно-Уссурійскомъ окр., отчасти можетъ быть и въ другихъ округахъ Приморской обл. Насколько можно судить по имѣющимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ о другихъ тунгусскихъ племенахъ, не имѣютъ положительнаго прироста и отчасти находятся въ стадіи вымиранія также и полуосѣдлые *негидальцы*, *самагиры*, *ольчи* и оленеводы *ороки*, скитающіеся по средней части Сахалина. О *бираракъ* и *манегракъ* Амурской обл. — см. стр. 114.

Тюрки. *Якуты* и *долгане* Туруханскаго края показываютъ положительный приростъ, а обитающіе далѣе къ в., въ низовьяхъ Лены, Яны и Колымы полуосѣдлые и бродячіе якуты, въ значительной степени живущіе рыболовствомъ, со времени X ревизіи уменьшились въ числѣ. Къ тюркамъ этой категоріи слѣдуетъ отнести и оленеводовъ — *карагасовъ* самоѣдскаго происхожденія, скитающихся по Бирюсинской тайгѣ (Нижнеудинск. окр.) и въ отрогахъ Саянскихъ горъ. Они тоже уменьшились въ числѣ противъ прежняго.

Въ некультурныхъ сѣверномъ и восточномъ районахъ Сибири обитаютъ и **Палеазіатскія** племена въ своемъ полномъ составѣ. Какъ мы видѣли, къ этимъ племенамъ принадлежатъ: *Енисейскіе остяки* въ долинѣ нижняго

Енисея, численность которыхъ постепенно падаетъ. *Юкагиры*, раньше обитавшіе отъ нижней Яны (вѣроятно даже Лены) на в. до 132° в. д., нынѣ почти вымерли, какъ и ихъ восточные сосѣди — *чуванцы*.

Относительно *оленныхъ чукчей* и *коряковъ* нельзя сказать ничего положительнаго, такъ какъ не имѣется данныхъ объ ихъ численности за прежніе годы. Но, несмотря на значительное число дѣтей у коряковъ, и они, какъ и чукчи, на основаніи разныхъ соображеній, врядъ ли могли сколько-нибудь значительно увеличиться и въ лучшемъ случаѣ сохраняютъ свою прежнюю численность; та же часть оленныхъ чукчей, которая кочуетъ въ предѣлахъ Колымскаго окр., по обѣ стороны р. Колымы, несомнѣнно уменьшилась въ числѣ противъ прежняго вслѣдствіе оспенныхъ эпидемій. Что же касается до *сидячихъ чукчей*, обитающихъ по Берингову проливу и по Ледовитому океану на з. до Чаунской губы, и ихъ сосѣдей по побережью Чукотскаго носа — *азіатскихъ эскимосовъ*, то они, какъ и живущее южнѣе ихъ олюторское (коряцкое) племя *кэрэковъ*, угасаютъ вслѣдствіе частыхъ голодовокъ и эпидемій.

Численность *камчадаловъ* и южной части «*сидячихъ*» *коряковъ* (паллапцевъ и укинцевъ), на рубежѣ XVII ст. простиравшаяся вѣроятно до 20.000 д., сократилась вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ съ русскими въ теченіе XVII — XVIII ст. и вслѣдъ затѣмъ отъ эпидемій и голодовокъ къ IX ревизіи до $^1/_7$ части своей прежней величины. Съ середины же прошлаго столѣтія, вѣроятно однако и раньше, это вымираніе, вслѣдствіе приспособленія жителей къ установившимся въ краѣ новымъ условіямъ, прекратилось и осѣдлое инородческое населеніе Камчатки кромѣ части коряковъ, обитающихъ по берегу Берингова моря (укинцевъ), стало увеличиваться путемъ естественнаго приращенія. Ничего опредѣленнаго нельзя сказать о другой части «сидячихъ» коряковъ, обитающей далѣе къ сѣверу, по побережью Берингова и Охотскаго морей, но на основаніи разныхъ другихъ данныхъ врядъ ли можно считать при настоящихъ условіяхъ жизнеспособной и эту часть коряковъ (см. стр. 142 сл. и 5 прилож.).

Аины южнаго Сахалина угасаютъ, начиная съ начала XIX ст., т. е. съ того времени, когда въ страну стали проникать и селиться въ ней японцы, и это вымираніе продолжается и въ настоящее время. Относительно ихъ сѣверныхъ сосѣдей *гиляковъ*, живущихъ и въ низовьяхъ Амура, у насъ нѣтъ достовѣрныхъ статистическихъ данныхъ, хотя на основаніи нѣкоторыхъ соображеній надо полагать, что и они не составляютъ исключенія изъ общаго правила, въ силу котораго палеазіаты не имѣютъ положительнаго прироста. Относительно Сахалинскихъ гиляковъ можно почти утверждать, что они

уменьшаются въ числѣ и, наконецъ, *алеуты* уменьшились въ нѣсколько разъ со времени присоединенія ихъ области (Алеутской гряды) къ Россіи, но часть ихъ, поселенная на Командорскихъ островахъ, вслѣдствіе сравнительно благопріятныхъ условій жизни, повидимому, увеличивается въ числѣ, хотя извѣстную роль въ этомъ обстоятельствѣ, вѣроятно, играетъ русская кровь, которая течетъ въ жилахъ большей части мѣстныхъ алеутовъ.

II. Южный культурный раіонъ.

Всѣ остальныя кочевыя и осѣдлыя племена Сибири, обитающія въ предѣлахъ культурной полосы Сибири и занимающіяся скотоводствомъ и земледѣліемъ, имѣютъ въ общей своей совокупности, какъ указано выше, положительный приростъ. Сюда принадлежатъ: всѣ тюрки, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше: карагасовъ, долганъ и сѣверныхъ якутовъ; большая часть единственныхъ монголовъ Сибири — бурятовъ, осѣдлая и кочевая часть тунгусовъ Забайкальской обл. и осѣдлые вогулы южной части Туринскаго окр. Остановимся нѣсколько подробнѣе на этихъ народностяхъ.

Тюркскія племена средней и южной полосы Сибири суть: *Тобольскіе татары* и *бухарцы*, многочисленныя тюркскія народности, обитающія въ Томской губ. (*алтайцы, телеуты, черневые татары, шорцы, кумандинцы, Чулымскіе татары* и друг.) и въ западной части Енисейской губ. (*Мелетскіе* и *Кизыльскіе татары* Ачинскаго и *сагайцы* и *абаканцы* Минусинскаго окр.). Всѣ эти племена имѣютъ хорошее естественное приращеніе, колеблющееся въ довольно широкихъ предѣлахъ главнымъ образомъ въ зависимости отъ ихъ образа жизни и занятій (см. ниже). Нѣкоторое исключеніе среди тюркскихъ народностей этой группы составляютъ *барабинцы*, уменьшающіеся въ числѣ (см. стр. 62).

Буряты въ общей массѣ показываютъ положительный приростъ, но нѣкоторыя ихъ группы въ Иркутской губ. уменьшаются въ числѣ. Осѣдлые и въ значительной степени обрусѣлые **тунгусы** Читинскаго окр. Забайкальской обл., обитающіе въ культурной полосѣ долины Шилки, Ингоды и ихъ притоковъ, и кочевые тунгусы южной окраины названной области несомнѣнно увеличиваются въ числѣ, въ особенности первые [1]). О культурныхъ народахъ тунгусскаго происхожденія манчжурахъ и даурахъ Амурской обл., частью погибшихъ во время послѣдней Китайской войны и частью покинувшихъ пре-

1) Замѣтимъ здѣсь, что и часть Майскихъ тунгусовъ Якутскаго окр., имѣющихъ, какъ указано выше, положительный приростъ, занимается скотоводствомъ и земледѣліемъ.

дѣлы Сибири, мы не будемъ распространяться, потому что имѣющіяся касательно ихъ статистическія данныя показываютъ столь значительныя колебанія ихъ численности за разные годы въ ту и другую сторону, что ихъ можно объяснить лишь перекочевками ихъ изъ за Амура въ предѣлы имперіи и обратно (см. стр. 108 и 114 сл.).

Хотя несомнѣнно, что національность имѣетъ немаловажное вліяніе на плодовитость населенія отдѣльныхъ мѣстностей [1]), но все же, какъ можно убѣдиться на основаніи вышеприведенныхъ данныхъ, въ разсматриваемомъ случаѣ племенное происхожденіе врядъ ли имѣетъ рѣшающее значеніе. Судя по этимъ даннымъ, къ болѣе жизнеспособнымъ племенамъ Сибири въ настоящее время принадлежатъ почти одни тюрки и большая часть монголовъ (бурятовъ), а вся палэазіатская группа инородцевъ оказывается въ общемъ менѣе стойкой при столкновеніи съ высшей культурной и даже до прихода русскихъ постепенно уступала свое мѣсто алтайцамъ, менѣе культурнымъ чѣмъ русскіе крестьяне и казаки. Но присутствіе среди вымирающихъ народностей тюрковъ, именно, сѣверныхъ полуосѣдлыхъ якутовъ и бродячихъ карагасовъ, и даже русскихъ рыболововъ (въ Колымскомъ окр.) и среди земледѣльцевъ — барабинцевъ тюркскаго и Иркутскихъ бурятовъ монгольскаго корня, и, наоборотъ, среди увеличивающихся въ числѣ инородцевъ культурной полосы Сибири осѣдлыхъ вогуловъ и тунгусовъ, представляющихъ изъ себя часть осѣвшихъ на землю вогуловъ и тунгусовъ, бродячіе представители которыхъ, какъ мы знаемъ, не отличаются жизнеспособностью, по-видимому, говоритъ въ пользу того, что въ указанномъ явленіи первенствующую роль играетъ, не племенной составъ извѣстной группы инородческаго населенія, не географическое положеніе ихъ областей, а условія, среди которыхъ они живутъ. Это подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что изъ тюркскихъ племенъ Сибири якуты, живущіе въ сѣверной лѣсной полосѣ, имѣютъ меньшій приростъ населенія чѣмъ тюркскія племена, обитающія далѣе къ югу, гдѣ климатическія и почвенныя условія болѣе благопріятны для сельскаго хозяйства. Переходимъ, поэтому, къ вопросу о вліяніи на жизнеспособность инородцевъ ихъ *экономическаго положенія* и вообще *условій ихъ существованія*.

Всѣ сѣверныя племена, обитающія въ сѣверной и средней некультурной полосѣ Сибири, и ихъ сородичи, заселяющіе глухія мѣстности, но также

---

1) Напр. въ Европ. Россіи сравнительно незначительнымъ приростомъ населенія отличаются: калмыки, эсты и отчасти литовско-латышское племя (латыши, литовцы) и весьма сильнымъ приростомъ — русскіе, поляки, нѣмцы и др.

берега рѣкъ и морей восточной окраины страны, находятся на самой низкой ступени соціальнаго и культурнаго развитія и ведутъ частью бродячую жизнь охотниковъ, частью кочевой образъ жизни оленеводовъ и частью живутъ полуосѣдло, даже почти осѣдло, снискивая себѣ пропитаніе рыболовствомъ и промысломъ морскихъ животныхъ. И, какъ было показано выше, именно въ этихъ раіонахъ инородческое населеніе, какъ правило, не отличается жизнеспособностью. Изъ указанныхъ трехъ категорій этихъ инородцевъ почти ни одно рыбачье и охотничье племя не имѣетъ положительнаго прироста, а во многихъ мѣстностяхъ таковыя прямо вымираютъ. Сравнительно въ лучшихъ условіяхъ находятся оленеводы, если только они въ достаточной степени обезпечены оленями (не менѣе 70—100 головъ на семью). Дѣйствительно, инородцы до сихъ поръ наиболѣе богатые оленями— оленные чукчи и коряки, тунгусы Якутскаго, Туруханскаго края, отчасти Охотской и Удской округъ и часть самоѣдовъ крайняго сѣвера Енисейской и отчасти Тобольской губерній — на самомъ дѣлѣ находятся въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ, чѣмъ ихъ сосѣди— рыболовы и охотники и, насколько можно судить по имѣющимся отрывочнымъ даннымъ, внѣ эпохъ губительныхъ эпидемій, какъ правило, не показываютъ убыли населенія [1]), а мѣстами даже увеличиваются въ числѣ. Такимъ образомъ, изъ самоѣдовъ Туруханскаго края наибольшій приростъ населенія имѣютъ самые зажиточные изъ нихъ и экономически наиболѣе независимые: Авамскіе и Вадѣевскіе, многіе изъ которыхъ являются хозяевами тысячныхъ стадъ оленей. Падежи и продажа оленей вслѣдствіе усиленнаго спроса на эти животныя и на продукты оленеводства постепенно сокращаютъ размѣры послѣдняго и у вышеназванныхъ туземцевъ Сибири и принуждаютъ часть ихъ осѣдать около рѣкъ и у берега моря и увеличивать число тѣхъ ихъ сородичей, которые занимаются менѣе вѣрными источниками пропитанія — рыболовствомъ и добычей морскихъ животныхъ. Какъ и охота, эти промыслы, съ каждымъ годомъ дѣлающіяся менѣе выгодными, далеко не всегда въ достаточной степени обезпечиваютъ жителей пропитаніемъ и вотъ, въ виду ихъ бѣдности и непредусмотрительности, у нихъ, особенно если они не имѣютъ кредита или использовали его, нерѣдко наступаютъ голодовки, которыя подготовляютъ удобную почву для всевозможныхъ болѣзней. Да и въ нормальные годы эти инородцы по большей части питаются плохо и однообразно (на с. в. главнымъ образомъ вяленой и квашеной рыбой) и вообще ведутъ самую жалкую и антисанитарную жизнь (ср. стр. 140 сл.). И всѣ эти неблагопріятныя условія являются объ-

1) Явная убыль наблюдается изъ числа оленеводовъ лишь у Березовскихъ самоѣдовъ.

ясненіемъ постепеннаго вырожденія и уменьшенія въ числѣ этихъ рыболововъ и охотниковъ на морскихъ животныхъ.

Въ прежнее время жизненныя условія общей массы этихъ инородцевъ были много лучше: мало того, что живой инвентарь Сибирскихъ водъ и лѣсовъ былъ гораздо богаче, но и добыча охотничьяго, рыболовнаго или морского промысловъ распредѣлялась среди каждой группы инородцевъ настолько равномѣрно, что голодовки наступали рѣже и лишь въ томъ случаѣ, когда «неурожай» звѣря или рыбы охватывалъ цѣлыя мѣстности. Мы здѣсь имѣемъ въ виду существовавшій прежде повсемѣстно въ Сибири, какъ и въ Америкѣ, и нынѣ сохранившійся лишь въ наиболѣе глухихъ частяхъ сѣвера коммунизмъ въ видѣ простѣйшей формы взаимопомощи, благодаря которой всякій бѣднякъ или случайно незапромыслившій инородецъ имѣлъ право на часть добычи болѣе удачливаго или на участіе въ трапезѣ болѣе богатаго, будетъ ли это заколотый олень или запромышленная лодка рыбы или добытый лось или тюлень.

Такъ какъ поднять повсемѣстно падающее оленеводство едва ли возможно въ крупныхъ размѣрахъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, а остановить истощеніе животнаго царства Сибирскихъ лѣсовъ, путемъ введенія болѣе раціональныхъ формъ эксплоатаціи этихъ естественныхъ богатствъ, въ виду обширности и пустынности страны, не легко, хотя и не невозможно, то и улучшить коренньмъ образомъ экономическое положеніе оленеводовъ и охотниковъ Сибири довольно затруднительно.

Нѣсколько легче поднять общій уровень благосостоянія полуосѣдлой части бродячихъ инородцевъ, именно рыболововъ, уже въ виду того, что рыбныя богатства Сибири еще по настоящее время такъ велики, что при разумномъ пользованіи ими они въ теченіе неопредѣленно долгаго періода времени могутъ прокармливать болѣе густое населеніе, чѣмъ которое нынѣ проживаетъ по Сибирскимъ рѣкамъ и озерамъ. Но такое возрожденіе Сибирскихъ рыболововъ, какъ и охотниковъ и оленеводовъ, возможно лишь при осуществленіи цѣлаго ряда строго обдуманныхъ и приспособленныхъ къ каждой мѣстности мѣропріятій, о которыхъ рѣчь будетъ ниже (см. 1 прилож.).

Еще болѣе благопріятный приговоръ можно вынести тѣмъ изъ бродячихъ и полуосѣдлыхъ инородцевъ, которымъ удалось и удастся въ будущемъ перейти къ болѣе вѣрнымъ источникамъ пропитанія—къ скотоводству и хлѣбопашеству: они, какъ показываютъ многіе примѣры, имѣютъ всѣ шансы выжить и дать странѣ здоровыхъ и полезныхъ гражданъ[1]). Напомнимъ,

---

1) См. Паткановъ: «Оп. геогр. и стат. тунг.», I т., 2 вып., стр. 79—81.

однако, что въ силу топографическихъ, климатическихъ и другихъ условій подобный переходъ къ болѣе культурнымъ формамъ хозяйства возможенъ далеко не для всѣхъ изъ нихъ.

Кочевое хозяйство скотоводовъ является средней ступенью культурнаго развитія въ Сибири. Настоящихъ кочевниковъ, которые бы кормились почти исключительно продуктами разведенія скота и лошадей, въ настоящее время въ Сибири сравнительно немного. Значительная часть изъ нихъ практикуетъ и земледѣліе, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ. Сюда принадлежатъ кромѣ пришлыхъ киргизовъ, алтайцы и часть другихъ тюрковъ Бійскаго округа, часть кизыльцевъ Ачинскаго, абаканцы и небольшая часть сагайцевъ Минусинскаго окр., почти всѣ якуты и значительная часть бурятовъ и тунгусовъ Забайкальской обл. (включая бурятскихъ и тунгусскихъ казаковъ), а также около половины Майскихъ тунгусовъ (Якутск. окр.). Инородцы, находящіеся на этой стадіи культурной жизни, несомнѣнно имѣютъ положительный приростъ населенія, хотя, судя по якутамъ, абаканцамъ и бурятамъ-казакамъ, и не очень значительный.

Такъ какъ бродячіе инородцы, главнымъ образомъ тунгусы, переходя къ болѣе высокой культурѣ, обыкновенно обходятъ эту промежуточную ступень культурнаго развитія и прямо садятся на землю и, такъ какъ, съ другой стороны, и кочевники-скотоводы постепенно переходятъ къ земледѣлію, то общее число представителей этой группы (скотоводовъ) тоже постепенно уменьшается, хотя и не вслѣдствіе ея вымиранія. Это особенно рельефно видно изъ сопоставленія процента кочевыхъ и осѣдлыхъ инородцевъ въ настоящее время съ таковымъ за прежніе годы. Согласно законамъ о Сибирскихъ инородцахъ Сперанскаго (1822 г.), всѣ осѣвшіе на землю ко времени извѣстной ревизіи бродячіе и кочевые инородцы перечислялись во время ея производства въ разрядъ осѣдлыхъ инородцевъ. Это продолжалось, однако, приблизительно до VIII ревизіи (1835/9 гг.), а съ тѣхъ поръ подобныхъ перечисленій почти не производилось. И вотъ оказывается, что изъ инородцевъ, ведшихъ въ 30-хъ—40-хъ г.г. и позже кочевую жизнь, гдѣ $^1/_4$, гдѣ $^1/_3$, а гдѣ $^1/_2$ и больше уже фактически живутъ вполнѣ осѣдло и кормятся земледѣліемъ въ связи и съ другими промыслами и занятіями, хотя юридически и по-нынѣ образуютъ группу «кочевыхъ инородцевъ». Даже типичные скотоводы-якуты, живущіе въ странѣ, сравнительно мало пригодной для земледѣлія, научились отъ своихъ русскихъ сосѣдей хлѣбосѣянію и постепенно расширяютъ свои запашки, хотя климатическія условія и ставятъ даже южнымъ представителямъ этого племени не малыя преграды для окончательнаго перехода ихъ къ земледѣлію. Достигнувъ этой послѣдней, высшей для

Сибирскихъ инородцевъ, степени культурнаго развитія, они начинаютъ вести болѣе спокойную и по большей части болѣе обезпеченную жизнь и, какъ правило, быстро увеличиваются въ числѣ. Но, за исключеніемъ тюрковъ-магометанъ Зап. Сибири и отчасти бурятовъ-ламаитовъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ утрачивать свои національныя черты и, подпадая подъ вліяніе своихъ русскихъ сосѣдей, постепенно усваиваютъ ихъ образъ жизни и ассимируются съ ними. Если судить объ этомъ сліяніи по утратѣ роднаго языка и по усвоенію русскаго, то на основаніи данныхъ спеціальной разработки авторомъ матеріала переписи 1897 г. оказывается, что въ настоящее время значительная часть инородцевъ не только осѣдлыхъ, но и другихъ разрядовъ, окончательно обрусѣла[1]). Замѣтимъ, однако, что примѣсь русской крови въ жилахъ бродячихъ и полуосѣдлыхъ инородцевъ, главнымъ образомъ рыболововъ, живущихъ въ очень плохихъ экономическихъ условіяхъ, не всегда въ состояніи произвести замѣтную перемѣну къ лучшему въ ихъ жизнеспособности, именно, усилить ихъ приростъ или даже задержать естественный процесъ ихъ угасанія. Это мы видимъ на южныхъ остякахъ, на остяко-самоѣдахъ, на полуосѣдлыхъ разноплеменныхъ инородцахъ Колымскаго и Охотскаго краевъ и т. д.

Выше мы разсмотрѣли экономическія условія, являющіяся, по нашему мнѣнію, главной причиной разницы, существующей между интенсивностью естественнаго приращенія разныхъ частей инородческаго населенія Сибири. Но кромѣ этой причины и національности, вліяніе которой измѣнить мы безсильны, есть еще многія другія причины, тоже сильно вліяющія на направленіе и характеръ движенія населенія, но имѣющія по большей части мѣстное значеніе. Изъ такихъ причинъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ отмѣтить эпидемическія болѣзни (оспу, тифъ, дифтеритъ и др.), съ необыкновенной силой свирѣпствовавшія и отчасти нынѣ свирѣпствующія среди грязныхъ и полуголодныхъ инородцевъ сѣвера. Отъ этой причины въ предыдущія столѣтія вымерла значительная часть инородческаго населенія сѣверной Сибири, но

---

1) Изъ отдѣльныхъ народностей Сибири болѣе другихъ обрусѣли слѣдующія: *вогулы*— 29,4% говорятъ лишь по русски (большая часть всѣхъ осѣдлыхъ вогуловъ); *остяки* Тобольскаго окр. — 15,4%; *остяко-самоѣды* Томской губ. (Нарымскіе остяки) — 15,9%; *Чулымско-Томскіе татары* (округовъ Томскаго, Мариинскаго и Ачинскаго) — 72,4% говорятъ лишь по русски (въ т. ч. *Мелесскіе татары*—80,4%); *телеуты* (3-хъ округовъ Томск. губ.)—70,1%; *кумандинцы* — 12,3%; *Черневые татары* (Бійскаго окр.) — 28,1%; *кизыльцы* (Ачин. окр.) — 16,0%; *Томско-Кузнецкіе татары* (7 вол. Кузн. окр.) всѣ обрусѣли (100%); *тунгусы собственно*— 31,8%, въ т. ч. въ Читинскомъ окр. (Заб. обл.) — 69,2%, не считая орочоновъ; *юкагиры* — 24,0%; *чуванцы* — 64,9%; *камчадалы* — 57,9% и изъ *бурятовъ* Забайкальскіе въ числѣ 5,2% и Иркутскіе — 12,5% показали во время переписи 1897 г. своимъ роднымъ языкомъ — русскій.

и въ послѣднія десятилѣтія эпидемическія болѣзни причинили нѣкоторымъ племенамъ бродячихъ инородцевъ большой уронъ. Такъ какъ санитарныя условія на сѣверѣ Сибири почти не измѣнились противъ прежняго, то опасность отъ эпидемическихъ болѣзней и по сейчасъ не миновала и въ виду этого даже имѣющія хорошее естественное приращеніе инородческія племена не гарантированы отъ угасанія. Такимъ образомъ, оспа каждыя два-три года посѣщаетъ Туруханскій край, унося всякій разъ немало жертвъ среди мѣстныхъ инородцевъ, большая часть которыхъ отличается обиліемъ дѣтей.

Безотрадную картину безпомощности мѣстнаго населенія въ борьбѣ съ остро-заразными болѣзнями рисуетъ А. Мельниковъ, изслѣдовавшій причины появленія и развитія въ Туруханскомъ краѣ оспенной эпидеміи въ 1908 г.: «Если на основаніи моихъ, правда, немногочисленныхъ наблюденій, говоритъ онъ, принять во вниманіе отсутствіе среди инородцевъ, вопреки распространенному мнѣнію, сифилиса и ничтожную заболѣваемость такими болѣзнями, какъ малокровіе, рахитъ, цынга, легочныя хронической формы, зависящими въ общемъ отъ условій плохого питанія, скученности, отсутствія свѣта, а съ другой стороны и тотъ фактъ, что, несмотря на рядъ неблагопріятныхъ условій, большинство инородцевъ, особенно с.-восточныхъ[1]), отличаются крѣпкимъ сложеніемъ и хорошимъ питаніемъ, очевидно только благодаря обилію идеально хорошаго воздуха тундръ, подвижному образу жизни на воздухѣ и сравнительно хорошей пищѣ, то станетъ понятнымъ, что главнѣйшую причину ихъ вымиранія нужно искать въ заносимыхъ извнѣ эпидемическихъ болѣзняхъ, являющихся у нихъ роковыми и борьба съ которыми при существующей постановкѣ врачебной помощи по своимъ результатамъ равна нулю»[2]). Дѣйствительно, недостаточная организація санитарной части на сѣверѣ, необъятныя пространства края при очень примитивныхъ путяхъ сообщенія и прекращеніе послѣднихъ на цѣлые мѣсяцы, частыя перекочевки инородцевъ и другія причины совершенно парализуютъ и тѣ ничтожныя врачебныя силы, которыя тамъ имѣются. «Спрашивается, говоритъ по этому поводу А. Мельниковъ (ibid., 66), что при такихъ условіяхъ можетъ сдѣлать (врачебный) персоналъ даже при самомъ ревностномъ исполненіи своихъ обязанностей? Но, допустимъ, что такъ или иначе врачъ или фельдшеръ добрался до какой либо инородческой орды, здѣсь на сцену выступаетъ незнаніе языка, его трудность объясненія и условія жизни инородцевъ (холодъ, сырость, грязь

---

1) Рѣчь идетъ о Туруханскомъ краѣ.

2) А. Мельниковъ: «Туруханскій край» («Вѣстн. обществ. гигіены», янв. 1909 г., стр. 62 слѣд.).

чума, плохое питаніе и пр.), исключающія всякую возможность леченія, особенно острыхъ болѣзней, являющихся для нихъ самымъ ужаснымъ бичемъ и въ то же время главнѣйшимъ факторомъ ихъ поголовнаго вымиранія. Въ лучшемъ случаѣ привьетъ врачъ оспу, дастъ какое-нибудь невинное средство и, скрѣпя сердце, оставляетъ ихъ на произволъ судьбы, ибо остальное не въ его силахъ... Наиболѣе губительными для инородцевъ болѣзнями являются тифъ и особенно оспа, при появленіи которой инородецъ, обезумѣвшій отъ ужаса, бросаетъ чумъ съ больными, имуществомъ и бѣжитъ въ глубину тундры, спасаясь отъ нея, но смерть и тутъ преслѣдуетъ его и они умираютъ по дорогѣ, сидя на санкахъ; брошенные же больные гибнутъ отъ голода и стужи»[1]).

Другими причинами, неблагопріятно отражающимися на приростѣ инородческаго населенія Сибири, оказываются его крайне антигигіеническія условія жизни, спаиваніе его торгующими крестьянами, особенно при заключеніи съ нимъ торговыхъ сдѣлокъ, недостатокъ женщинъ, вслѣдствіе численнаго перевѣса у многихъ бродячихъ инородцевъ мужского пола надъ женскимъ, и многія другія причины. Разсмотрѣніе и оцѣнка всѣхъ этихъ причинъ, неблагопріятно вліяющихъ на приростъ инородческаго населенія, не входятъ въ рамки нашей задачи. Интересующіеся этой сторопой вопроса найдутъ много цѣннаго касательно Сибири въ трудахъ, упомянутыхъ выше (на стр. 2). и въ прекрасной монографіи пр. Герланда относительно первобытнаго населенія другихъ странъ свѣта[2]).

Обратимъ здѣсь вниманіе лишь на тотъ фактъ, что гибель инородческаго населенія насильственнымъ путемъ, которая играла столь рѣшающую роль среди факторовъ вымиранія аборигеновъ Америки и Австраліи, въ Сибири имѣла несравненно меньшее значеніе и ограничилась почти лишь временемъ завоеванія страны. При этомъ болѣе другихъ пострадали воинственные и свободолюбивые инородцы с. в. Сибири, принадлежащіе къ палеазіатской группѣ (юкагиры, коряки, чукчи, камчадалы), а также алеуты американскаго происхожденія. На самомъ дѣлѣ эти племена очень уменьшились въ числѣ отъ продолжительныхъ войнъ съ русскими и отъ усмиренія послѣднимп ихъ частыхъ возмущеній. Алеуты, кромѣ того, жестоко эксплоатируемые Россійско-Американской К°, массами гибли въ морѣ во время промысла, а камчадалы во время и вскорѣ послѣ покоренія страны проявили къ тому же столь полное равнодушіе къ жизни, что при малѣйшей неудачѣ или непріятности искали смерти и подобныя самоубійства ихъ приняли такіе обширные

---

1) Въ Колымскомъ и Охотскомъ краяхъ врачебная помощь почти вовсе отсутствуетъ.
2) «Ueber d. Aussterben d. Naturvölker», 1868.

размѣры, что вынудили Екатерину II издать спеціальный указъ въ видахъ огражденія Камчатки отъ обезлюденія. Это равнодушіе къ смерти, значительно менѣе развитое у алтайскихъ племенъ, наблюдалось и у другихъ палэазіатскихъ народностей и въ гораздо большей степени у Американскихъ индійцевъ, съ которыми у нашихъ палэазіатовъ имѣется немало общаго.

Напротивъ, вліяніе спирта, по всему вѣроятію, сказалось въ Сибири, гдѣ инородческое населеніе живетъ въ перемѣшку и въ близкомъ общеніи съ русскими, имѣющими особое пристрастіе къ вину, болѣе губительнымъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ свѣта [1]).

Вообще, подъ вліяніемъ европейской культуры, вторгшейся въ эту дѣвственную страну сѣвера, жизненныя условія коренного населенія измѣнились въ неблагопріятную сторону и это вліяніе продолжаетъ свое дѣйствіе и по-нынѣ и надо полагать окончится полнымъ вымираніемъ однихъ и сліяніемъ съ русскими другихъ племенъ. Наиболѣе гибельнымъ это соприкосновеніе съ высшей культурой естественно оказывается для безпечныхъ и по своему культурному развитію наиболѣе низко стоящихъ бродячихъ инородцевъ. Въ виду случайности ихъ заработковъ они могутъ существовать лишь при наличности кредита, который имъ оказываютъ мѣстные торгующіе крестьяне, но полная зависимость ихъ отъ послѣднихъ въ

1) Приводимъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи крайне неполныя и шаткія данныя о размѣрахъ потребляемаго на инородческомъ сѣверѣ Сибири спирта. Изъ Сургута лишь одни самоѣды ежегодно вывозятъ къ своимъ сородичамъ 1500 ведеръ вина на сумму 13.500 руб., что составляетъ до половины общей суммы ихъ вывоза (Дунинъ-Горкавичъ: «Изв. Р. И. Геогр. О.», т. XL, 1—2 вып., 56, 65 сл.).

Снабженіе чукчей и эскимосовъ спиртомъ уже съ 60-хъ годовъ истекшаго столѣтія практиковалось американскими и канадскими хищническими шхунами, но лишь въ послѣдніе годы, съ возрастаніемъ интереса къ ископаемымъ богатствамъ Чукотской земли и съ проникновеніемъ туда американцевъ, привозъ къ чукчамъ спирта принялъ грандіозные размѣры. По разсчету К. Тульчинскаго, посѣтившаго этотъ край въ 1905 г., ежегодный, хотя и запрещенный нашимъ правительствомъ, ввозъ спирта за Беринговъ проливъ простирается до колоссальной для малочисленнаго и чисто инородческаго населенія края (въ Анадырской окр. 10.000 жителей об. п.) количества въ 1370 ведеръ. Въ самое послѣднее время американцы устроили склады товаровъ, среди которыхъ имѣется и спиртъ, помимо побережья Берингова пролива, еще въ двухъ пунктахъ побережья Ледовитаго океана (въ раіонахъ Колючинской и Чаунской губъ), такъ что теперь спиртъ сталъ проникать въ страну чукчей, какъ съ востока, такъ и съ сѣвера («Изв. И. Р. Геогр. Общ.» 1906 г., II—III, 548; см. также трудъ Бутурлина, ibid.). Такъ какъ все это произошло лишь въ самые послѣдніе годы, то результаты этого спаиванія чукчей и усиленнаго товарообмѣна въ ихъ странѣ еще не выяснились.

Что касается Колымскаго окр. (Якут. обл.), то тамъ на общее населеніе въ 1897 г. въ 7900 д. об. п., изъ коихъ 1400 русскихъ, потребляется ежегодно не менѣе 900 ведеръ спирта (Олсуфьевъ, ibid., т. II, вып. 1).

Этихъ отрывочныхъ данныхъ достаточно, чтобы получить понятіе о томъ громадномъ вредѣ, который должно имѣть на бродячихъ и кочевыхъ инородцевъ Сибирскаго сѣвера массовое потребленіе спирта.

связи съ ихъ непредусмотрительностью имѣетъ послѣдствіемъ, что всѣ они обременены неоплатными долгами и весьма бѣдны. Чѣмъ соприкосновеніе инородцевъ съ русскими тѣснѣе, тѣмъ сильнѣе они отъ этого страдаютъ, потому что, не говоря уже о другихъ невыгодныхъ для нихъ сторонахъ подобнаго общенія, они при своемъ настоящемъ развитіи совершенно не въ состояніи выдержать борьбу за существованіе со своими лучше вооруженными и богаче одаренными сосѣдями. Въ особенности это касается рыболововъ по берегамъ крупныхъ рѣкъ (Оби, Иртышу, Енисею, Колымѣ и т. д.), живущихъ о бокъ и въ перемѣшку съ русскими крестьянами. Несмотря на то, что въ весьма многихъ случаяхъ эти инородцы являются хозяевами богатыхъ рыболовныхъ угодій, отдача которыхъ въ аренду даетъ имъ значительный доходъ, они по большей части представляютъ изъ себя сплошной пролетаріатъ. Напротивъ, въ болѣе глухихъ частяхъ страны, гдѣ русскихъ очень мало и куда вслѣдствіе бездорожья доступъ весьма затрудненъ, инородцы, при прочихъ равныхъ условіяхъ, живутъ сравнительно лучше, менѣе страдая отъ эксплоатаціи, спаиванія, соблазна и непосильной конкурренціи. Такимъ образомъ, живущіе при Енисеѣ инородцы не увеличиваются въ числѣ и частью вымираютъ, между тѣмъ какъ въ восточной половинѣ того же Туруханскаго края, въ бассейнахъ рр. Пясины, Хатанги и Анабары, гдѣ мѣстныхъ русскихъ мало и куда непроходимыя болота, лѣса и возвышенности затрудняютъ доступъ крестьянамъ съ Енисея, инородцы самыхъ различныхъ племенъ прибываютъ въ числѣ. Даже среди одного и того же племени Енисейскихъ самоѣдовъ, имѣющихъ, какъ мы знаемъ, положительный приростъ (см. стр. 45 сл.), извѣстное исключеніе составляетъ ихъ Хантайскій родъ, представители котораго занимаются рыболовствомъ на Енисеѣ и подобно другимъ мѣстнымъ инородцамъ-рыболовамъ умепьшились въ числѣ противъ VIII ревизіи. То же самое наблюдается и въ Тобольскомъ окр., гдѣ остяки четырехъ волостей, имѣющихъ тѣсное соприкосновеніе съ русскими — по Иртышу, Оби и Демьянкѣ — вымираютъ, а жители одной, расположенной по нижней Кондѣ, гдѣ русскія колоніи немногочисленны, до послѣдняго времени увеличивались въ числѣ. Если мы расчленимъ населеніе этой волости на ея составныя части — селенія, то увидимъ, что и среди нея жители тѣхъ юртъ, гдѣ имѣются болѣе значительныя колоніи русскихъ, идутъ на убыль. То же наблюдается и въ другихъ частяхъ Сибири, напр. по А. Якобію въ Березовскомъ окр. Бѣднѣютъ отъ соприкосновенія съ русской культурой и оленеводы, у которыхъ въ настоящее время значительныя стада сохранились лишь въ самыхъ глухихъ и малодоступныхъ частяхъ страны.

Гибельное вліяніе русскихъ (и американцевъ) на сѣверныхъ инород-

цевъ не ограничивается однимъ спаиваніемъ ихъ и эксплоатаціей ихъ труда, но, какъ указано выше, въ значительной степени обусловливается и обостреніемъ борьбы за существованіе. Напр. усиленіе товарообмѣна въ ихъ областяхъ заставляетъ безпечныхъ дѣтей природы тратить почти весь свой заработокъ или свою добычу даннаго года, а иногда и дѣлать долги, на удовлетвореніе разныхъ прихотей и на покупку предметовъ роскоши, часто для нихъ совершенно ненужныхъ и нисколько не улучшающихъ условія ихъ существованія, напр. у алеутовъ роскошь въ жилищахъ идетъ рука объ руку съ отсутствіемъ самаго необходимаго и даже съ временнымъ недоѣданіемъ. Если рыболовы и охотники продаютъ, такимъ образомъ, свой нынѣшній и будущій заработокъ, немало не заботясь о грядущихъ дняхъ, то оленеводы, имѣющіе живой инвентарь, принуждены бываютъ расплачиваться за свои покупки, такъ сказать, наличными деньгами т. е. своими оленями, это же сокращеніе ихъ стадъ, даже помимо сильныхъ падежей оленей, постепенно превращаетъ ихъ въ «сидячихъ» инородцевъ, влачащихъ, какъ было указано (см. стр. 128 сл. и 5 прилож.), самое жалкое существованіе.

Если, такимъ образомъ, соприкосновеніе инородцевъ съ русскими и принесло имъ и приноситъ по-нынѣ огромный вредъ, то все же этотъ вредъ, въ виду низкаго культурнаго развитія русскихъ крестьянъ, особенно въ прежнее время, а также въ виду свойственной русскому человѣку простоты и уживчивости, во многихъ отношеніяхъ оказывается менѣе губительнымъ, чѣмъ вліяніе болѣе культурныхъ и гордыхъ своимъ самосознаніемъ европейцевъ на первобытныя племена другихъ частей свѣта. Не слишкомъ выдѣлявшіеся надъ инородцами своими физическими и духовными потребностями и легко мирившіеся съ самымъ примитивнымъ образомъ жизни, первые русскіе піонеры въ Сибири—казаки, промышленники, вольные люди, поселенцы и т. д. легче сближались съ покоряемыми ими народностями, селились между ними, брали у нихъ женъ и мѣстами вырабатывали modus vivendi средній между инородческимъ и русскимъ и въ одинаковой степени удовлетворявшій обѣ стороны. Въ подобныхъ случаяхъ тѣ и другіе постепенно ассимилировались между собою и образовывали смѣшанныя расы, представляющія, если сосѣдями русскихъ были бродячіе инородцы, пониженіе русской расы, а иногда и инородческихъ, не только въ физическомъ, но и въ духовномъ отношеніи (Колымчане, камчадалы, алеуты). Примѣсь русской крови и усвоеніе нѣсколько болѣе культурнаго образа жизни даетъ этимъ смѣшаннымъ расамъ, часть которыхъ, смотря по сословію и національности отца, оффиціально считается «русскими» и часть—инородцами разныхъ племенъ, правда, нѣкоторыя преимущества въ борьбѣ за существованіе, хотя

бы уже тѣмъ, что уничтожаетъ или ослабляетъ русскую конкурренцію, но все же помѣси русскихъ съ бродячими инородцами сѣвера, вслѣдствіе неблагопріятныхъ экономическихъ условій и весьма негигіеническихъ условій, въ которыхъ они живутъ, по большей части, не увеличиваются въ числѣ и вообще не представляютъ вполнѣ здороваго этническаго элемента.

Несравненно болѣе выгоднымъ для обѣихъ сторонъ оказывается сліяніе русскихъ съ осѣдлыми инородцами-земледѣльцами болѣе южной полосы Сибири (тюрками, бурятами и тунгусами), сліяніе, въ результатѣ котораго получаются здоровыя и жизнеспособныя расы, представляющія изъ себя наиболѣе простое и нормальное и въ то же время наиболѣе выгодное и желательное для государства разрѣшеніе инородческаго вопроса въ Сибири (см. 2 прилож.).

Естественно, что при подобномъ близкомъ общеніи русскаго населенія съ инородцами, между побѣдителями и побѣжденными установились лучшія отношенія, чѣмъ тѣ, которыя существовали и существуютъ нынѣ въ Америкѣ, Африкѣ и Австраліи между бѣлыми колонизаторами этихъ странъ и низшими расами. Тамъ, въ виду слишкомъ большой разницы въ культурѣ и міровоззрѣніяхъ тѣхъ и другихъ, ассимиляція между ними встрѣчаетъ слишкомъ много препятствій. Въ Сибири враждебное отношеніе инородцевъ къ русскимъ и обратно навсегда прекратилось по покореніи страны и продолжалось нѣсколько дольше лишь на крайнемъ ея с.-в., въ области воинственныхъ чукчей и коряковъ (а также въ бывшихъ русско-американскихъ владѣніяхъ), но и послѣдніе были покорены не силою оружія, которое тщетно примѣнялось по отношенію къ нимъ въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, а при помощи мирныхъ сношеній съ ними торгующихъ крестьянъ. Напротивъ, въ Америкѣ, Африкѣ и другихъ странахъ покоренные народы, не только болѣе культурные земледѣльцы и скотоводы, но и охотничьи и рыбачьи племена, стоявшія на самой низкой ступени культурнаго развитія и быстро таявшія отъ соприкосновенія съ Европейской цивилизаціей, никогда не могли и по сейчасъ не могутъ примириться со своими новыми господами и со своимъ новымъ положеніемъ и при всякомъ удобномъ случаѣ поднимаютъ оружіе противъ своихъ притѣснителей, ускоряя тѣмъ самымъ свою гибель, обусловленную въ концѣ концовъ невозможностью для дикарей въ самый короткій срокъ пройти всѣ тѣ стадіи культурнаго развитія, для чего въ Европѣ для болѣе высоко одаренныхъ арійцевъ потребовалось болѣе тысячелѣтія.

* * *

Итакъ, мы видѣли, что бродячіе инородцы страны въ своей массѣ уменьшаются въ числѣ, причемъ чѣмъ тѣснѣе они приходятъ въ соприко-

сновеніе съ европейской культурой, тѣмъ быстрѣе и интенсивнѣе совершается процессъ ихъ обѣдненія, вырожденія и вымиранія. У читателей этой работы невольно можетъ возникнуть вопросъ, является ли это вымираніе, такъ сказать, роковымъ и стихійнымъ явленіемъ, измѣнить которое находится такъ же мало въ нашихъ силахъ, какъ мы не въ состояніи остановить поступательное движеніе прогресса и проникновеніе европейской культуры въ дебри и тундры далекаго сѣвера, или это явленіе не есть непремѣнное послѣдствіе столкновенія первобытныхъ племенъ съ высшей цивилизаціей? Отвѣтимъ на это словами одного изъ послѣднихъ изслѣдователей экономическаго быта обитателей сѣвера В. Сибири С. Бутурлина: «если бродячіе инородцы дѣйствительно вымираютъ, то и причины этого очевидны, временны и устранимы: причина та, что они столкнулись съ цивилизаціей, но цивилизаціей исключительно въ формѣ спирта, сифилиса и торговаго обмана, и съ государственной организаціей, но исключительно въ формѣ требованія ясака» (ibid., 143). Эти слова, сказанныя примѣнительно къ обитателямъ бассейна р. Колымы, въ одинаковой степени справедливы и по отношенію къ коренному населенію всей Сибири и даже, можно сказать, почти для всѣхъ странъ, населенныхъ или бывшихъ раньше населенными дикарями.

Мы рѣшительно высказываемся въ пользу того, что борьба съ вырожденіемъ и угасаніемъ инородцевъ Сибирскаго сѣвера вполнѣ возможна и при извѣстной энергіи обѣщаетъ дать хорошіе результаты: во 1-хъ, инородческое населеніе сѣвера вымираетъ не повсемѣстно, а лишь тамъ, гдѣ жизненныя условія плохи, между тѣмъ какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они лучше, какъ въ Туруханскомъ краѣ и въ Камчаткѣ, оно показываетъ положительный приростъ. Во 2-хъ, тѣ представители коренного населенія, которые вовремя съумѣли приспособиться къ новымъ жизненнымъ условіямъ и до извѣстной степени пріобщиться къ новой культурѣ, не показываютъ, ни вырожденія, ни уменьшенія въ числѣ. Таковы напр. нѣкоторыя племена индійцевъ С. Америки, которыя, перейдя къ осѣдлому образу жизни и къ хлѣбопашеству, достигли сравнительно значительнаго благосостоянія и увеличиваются въ числѣ (см. 3 прилож.). Таковы наши осѣдлые Забайкальскіе буряты и тунгусы, изъ коихъ послѣдніе имѣютъ очень хорошій приростъ населенія, вогулы-хлѣбопашцы южной полосы Туринскаго окр. и Пермской губ., нѣкоторыя обрусѣлыя и полуобрусѣлыя тюркскія племена Томской и Енисейской губерній и другія народности, дикіе собратья и сосѣди которыхъ, сохранившіе свой прежній образъ жизни, обречены на исчезновеніе съ лица земли. Эти факты показываютъ, что содѣйствіе коренному населенію къ переходу къ болѣе усовершенствованнымъ пріемамъ пользо-

ванія естественными благами можетъ предотвратить ихъ гибель. Но при этомъ надо одновременно озаботиться и о поднятіи ихъ благосостоянія, потому что одного перехода къ земледѣльческой культурѣ безъ соотвѣтствующаго улучшенія экономическаго положенія инородческаго населенія во многихъ случаяхъ оказывается недостаточно для желаемой перемѣны. Примѣромъ могутъ служить барабинскіе татары и часть Иркутскихъ бурятъ, которые, несмотря на осѣдлую жизнь и на преобладающее занятіе сельскимъ хозяйствомъ, не отличаются жизнеспособностью.

Въ 3-хъ, въ весьма многихъ случаяхъ вымираніе инородческихъ племенъ, несомнѣнно имѣющихъ положительное естественное приращеніе, зависитъ главнымъ образомъ отъ періодически посѣщающихъ наши отдаленныя окраины народныхъ бѣдствій, именно, отъ опустошительныхъ эпидемій и голодовокъ, устранивъ и ослабивъ которыя, что не представляется, повидимому, дѣломъ не выполнимымъ, можно тѣмъ самымъ остановить и угасаніе этихъ инородцевъ. Приведемъ только одинъ примѣръ: на каждыя 100 душъ инородцевъ Туруханскаго края, которымъ въ 1908 г., въ концѣ эпидеміи, была привита оспа, оказались уже раньше вакцинированными: у якутовъ 81,4, долганъ 69,0, тунгусовъ 58,4, остяковъ 48,8, юраковъ 43,9 и самоѣдовъ 19,6 чел. (у русскихъ 75,7). И въ соотвѣтствіи съ этимъ отъ оспенной эпидеміи 1908 г. наиболѣе пострадали самоѣды (тавгійцы и Енисейскіе) и затѣмъ юраки и остяки (остяко-самоѣды и Енисейскіе остяки) и наименѣе— якуты и русскіе и непосредственно передъ ними долгане и тунгусы (Мельниковъ, ibid., 69).

Такимъ образомъ, если цивилизація имѣетъ свои отрицательныя стороны, отъ которыхъ страдаютъ не только слабыя племена, но и слабые индивидуумы и даже цѣлыя группы населенія среди культурныхъ народовъ, то эта самая цивилизація даетъ и противоядія противъ этихъ вредныхъ вліяній. Мѣры для поднятія экономическаго благосостоянія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для увеличенія способности человѣка успѣшно бороться за свое существованіе, въ общемъ однѣ и тѣ же, касается ли это низшихъ слоевъ населенія культурныхъ народовъ или первобытныхъ племенъ. Вся разница заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ дѣйствовать болѣе осмотрительно т. е. не слишкомъ рѣзко ломать весь прежній бытъ и не слишкомъ внезапно нарушать все сложившееся вѣками міросозерцаніе людей, находящихся еще въ стадіи младенчества, потому что подобную ломку не всегда въ состояніи вынести ихъ хрупкія натуры.

Есть, впрочемъ, еще другая разница: такъ какъ бродячіе инородцы по своему умственному развитію представляютъ изъ себя какъ бы взрослыхъ

дѣтей, то надъ ними безусловно необходимо учредить заботливую опеку, не говоря уже о введеніи общаго образованія, которое желательно для всѣхъ безъ изъятія. Никакія блага цивилизаціи и никакіе высокіе заработки не спасутъ инородцевъ отъ голода, отъ лишеній и отъ вымиранія, если они будутъ предоставлены сами себѣ при ихъ настоящемъ умственномъ кругозорѣ. За примѣрами не далеко ходить: крупныя суммы денегъ, выручаемыя нѣкоторыми остяками и самоѣдами отъ сдачи въ аренду ихъ рыболововныхъ «песковъ», нисколько не улучшаютъ ихъ экономическаго положенія, потому что эти суммы ими по большей части пропиваются. Такимъ же образомъ хорошіе заработки нѣкоторыхъ тунгусовъ позволяютъ имъ обзаводиться разными ненужными для нихъ предметами роскоши, но ихъ жизненная обстановка остается столь же жалкой и неприглядной, какъ и у другихъ дикарей, и голодъ не менѣе часто посѣщаетъ и ихъ грязныя жилища.

Нынѣ, когда европейская цивилизація, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, стала проникать вглубь Сибирской тайги и неизвѣданныхъ урмановъ болѣе ускореннымъ темпомъ, опасность для инородцевъ отъ ея оборотныхъ сторонъ обѣщаетъ сдѣлаться еще большей чѣмъ раньше, если только ихъ оставить въ ихъ прежнемъ положеніи, другими словами, если ихъ предоставить самимъ себѣ и своей собственной судьбѣ. Прельщаемые все бо̀льшей доступностью для нихъ внѣшнихъ вещественныхъ даровъ цивилизаціи, безъ которыхъ они теперь жить не могутъ: водки, чая, табака, сластей, нарядовъ, украшеній и т. д. они начнутъ болѣе прежняго усердствовать на промыслѣ, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе повсемѣстнаго уменьшенія рыбы, дичи и пушного звѣря добыча съ каждымъ годомъ становится все менѣе изобильной, и въ результатѣ они не только ускорятъ истощеніе природныхъ богатствъ Сибирскихъ водъ и лѣсовъ, но и надорвутъ свои жизненныя силы и ослабятъ свою энергію безъ того, чтобы эта чрезмѣрная трата силъ пошла имъ на пользу, хотя бы въ матеріальномъ отношеніи. Имѣнно, доказано, что мѣстами $^1/_3$, мѣстами $^1/_2$, мѣстами $^2/_3$ и $^3/_4$ и даже $^9/_{10}$ товаровъ, вымѣниваемыхъ и пріобрѣтаемыхъ бродячими инородцами, нерѣдко едва обезпеченными насущнымъ хлѣбомъ, представляютъ изъ себя продукты и предметы, которые нисколько не улучшаютъ ихъ образъ жизни, но являются для нихъ излишней роскошью, а отчасти и прямо вредными. Поступающіе такъ инородцы живутъ, такъ сказать, сверхъ своихъ средствъ, они какъ бы не только тратятъ проценты со своего капитала, но постепенно проживаютъ и этотъ послѣдній. Еще нагляднѐе это наблюдается у кочевниковъ-оленеводовъ (чукчей, коряковъ, тунгусовъ и друг.). Они часто продаютъ въ видѣ живого скота и въ видѣ продуктовъ оленеводства не только ежегодный при-

плодъ своихъ стадъ, но путемъ чрезмѣрной ихъ эксплоатаціи мало по малу уменьшаютъ и ихъ численный составъ[1]) (см. стр. 128).

Болѣе опасной для инородцевъ с.-в. Сибири чѣмъ русская культура, передаваемая имъ въ ослабленной и пониженной формѣ, для нихъ является англо-американская, вторгающаяся въ названную страну съ крайняго с.-в. Отъ нея уже сильно пострадали сидячіе чукчи и Сибирскіе эскимосы, а теперь она грозитъ подорвать въ корень благосостояніе и жизненную стойкость кочевой, оленной, части энергичнаго племени чукчей, въ теченіе цѣлаго столѣтія выдерживавшихъ неравную борьбу съ Россіей за обладаніе крайнимъ с.-в. Азіи. Отдаленность ихъ страны и трудный въ нее доступъ спасли ихъ до сихъ поръ отъ русскаго подданства и въ то же время отъ слишкомъ тѣснаго соприкосновенія съ цивилизаціей и, благодаря этому обстоятельству, они еще до недавняго прошлаго сохраняли свою жизненную энергію, свое гордое самосознаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои большія стада оленей. Но послѣдніе годы оленеводство стало сильно падать и у нихъ, а въ Колымскомъ краѣ оно настолько пострадало, что оно уже не въ состояніи прокармливать этихъ кочевниковъ, обстоятельство, которое стало ихъ вынуждать къ осѣданію по берегу океана и къ переходу къ полуосѣдлой жизни рыболововъ и звѣролововъ. Теперь очередь за Анадырскими чукчами, еще недавно слывшими самыми богатыми оленеводами въ Сибири. Достаточно нѣсколькихъ лѣтъ хозяйничанія на Чукотскомъ п.-о. американцевъ и разныхъ русско-американскихъ компаній и участь ихъ будетъ рѣшена. Массовый ввозъ въ ихъ страну спирта (см. стр. 176) и массовая же скупка у нихъ живыхъ оленей и продуктовъ оленеводства несомнѣнно быстро понизятъ уровень ихъ благосостоянія, что косвеннымъ путемъ самымъ гибельнымъ образомъ отразится и на экономическомъ положеніи всѣхъ обитателей сѣвера В. Сибири, для которыхъ оленеводы-чукчи и коряки являются единственными поставщиками зимней одежды изъ оленьихъ шкуръ.

Вотъ при этихъ то условіяхъ раціонально организованная, но, конечно, не номинальная только, опека надъ инородцами можетъ сослужить хорошую службу.

Теперь самое время помочь горю и своевременнымъ вмѣшательствомъ въ видѣ цѣлаго ряда разумныхъ мѣръ, съ одной стороны, остановить хищническое расхищеніе природныхъ богатствъ страны и, съ другой стороны, упорядочить промыслы и урегулировать всю жизнь сѣверныхъ инородцевъ,

---

1) Въ значительной степени благодаря этому обстоятельству большинство Вилюйскихъ тунгусовъ лишилось своихъ оленей, лишь отчасти замѣнивъ ихъ рогатымъ скотомъ.

именно, организовать для нихъ дешевый кредитъ и пункты для вольной продажи наиболѣе необходимыхъ для нихъ продуктовъ и предметовъ по сходнымъ цѣнамъ, въ видахъ освобожденія ихъ отъ кабалы со стороны торговцевъ, поднять ихъ самодѣятельность и содѣйствовать ихъ духовному и умственному просвѣтленію, улучшить ихъ санитарное положеніе и т. д., а на первомъ планѣ оградить ихъ отъ ввоза къ нимъ спирта (см. стр. 176). Лишь при этихъ условіяхъ можно будетъ безъ опасенія за дальнѣйшую участь этихъ пасынковъ нашего отечества взирать спокойнымъ окомъ на тріумфальное шествіе культуры для завоеванія всего міра.

Но, можетъ быть, скажетъ читатель, зачѣмъ волноваться и безпокоиться? угасаніе инородцевъ сѣвера не угрожаетъ интересамъ государства: если бродячіе инородцы сѣвера вымираютъ, а живущіе среди нихъ русскіе живутъ безбѣдно, мѣстами даже зажиточно, то сама логика подсказываетъ, что проще всего былъ бы такой выходъ изъ затруднительнаго положенія: предоставить инородцевъ ихъ участи и занять освободившіяся мѣста русскими колонистами, что могло бы найти оправданіе и съ общегосударственной точки зрѣнія. На это мы можемъ отвѣтить, что замѣнить полуосѣдлыхъ инородцевъ-рыболововъ русскими дѣйствительно возможно и мѣстное рыболовство отъ этого конечно нисколько не пострадало бы, но, прибавимъ, какъ правило, и русскіе сѣвера для того, чтобы образовать здоровое и дѣятельное населеніе, нуждаются въ тѣхъ же мѣропріятіяхъ, которыя мы желаемъ для инородцевъ. Правда, русскіе рыболовы, живущіе въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, по Оби и Енисею, постоянно подновляемые притокомъ свѣжаго элемента изъ Евр. Россіи, показали, что они и сами до извѣстной степени успѣшно могутъ создать себѣ болѣе или менѣе сносныя условія существованія на далекомъ сѣверѣ Сибири. Но не то мы встрѣчаемъ въ сѣверной и восточной полосахъ В. Сибири, гдѣ русское населеніе состоитъ почти исключительно изъ старожиловъ, водворившихся на своихъ мѣстахъ въ первое время по присоединеніи страны къ Россіи или вскорѣ послѣ того. Тамъ наглядно можно видѣть, во что можетъ обратиться при очень тяжелыхъ условіяхъ жизни заброшенный на чужбинѣ и предоставленный самому себѣ русскій человѣкъ. Русское населеніе Камчатки, Охотскаго, Гижигинскаго и въ особенности Колымскаго края представляетъ почти сплошную бѣдноту, оно перемѣшалось съ мѣстными инородцами низшаго типа опустилось и выродилось и физически и духовно (см. 2 прилож.), а въ Колымскомъ краѣ оно даже вымираетъ.

Что же касается до типичныхъ бродячихъ инородцевъ, т. е. до оленеводовъ и звѣролововъ, то ихъ замѣнить русскими нельзя, даже если бы было

признано желательнымъ и необходимымъ преобразовать русскаго крестьянина въ менѣе культурнаго инородца, потому нельзя, что вести постоянно кочевую и бродячую жизнь среди пустынь дикаго сѣвера совершенно невозможно не только для культурнаго человѣка, но, за немногими исключеніями, и для человѣка, лишь отчасти прикосновеннаго къ культурѣ—мы умалчиваемъ здѣсь о зарождающемся на самомъ с.-з. Сибири зырянскомъ оленеводствѣ, отличающимся капиталистическимъ характеромъ и основанномъ на хищнической эксплоатаціи мѣстныхъ ягельныхъ тундръ.

Если вымрутъ инородцы указаннаго типа, обширные Сибирскіе лѣса и тундры надолго обезлюдѣютъ и ихъ цѣнные дары, въ которые одѣвается весь сѣверъ цивилизованнаго и нецивилизованнаго міра[1]), не будутъ болѣе поступать изъ Россіи на міровые рынки, другими словами, часть нашихъ природныхъ богатствъ станетъ пропадать совершенно непроизводительно. Да и самое проникновеніе въ совершенно неизвѣданныя и безлюдныя пустыни сѣвера и изслѣдованіе ихъ встрѣтило бы тогда значительно большія затрудненія, чѣмъ нынѣ, когда экспедиціи и развѣдочныя партіи имѣютъ въ своемъ распоряженіи такихъ прекрасныхъ путеводителей, какими являются мѣстные аборигены, на первомъ мѣстѣ благородные и въ высокой степени честные тунгусы, идеальные охотники и самые типичные обитатели лѣсовъ Стараго Свѣта, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ выработавшіе костюмъ, домашнюю обстановку и образъ жизни, какъ нельзя болѣе приспособленные къ постоянному скитанію по дремучимъ лѣсамъ, горамъ и болотамъ глухого сѣвера. И другія дикія и полудикія племена Сибири имѣютъ свои врожденныя или выработанныя ими въ теченіи вѣковъ задатки, способности и выгодныя духовныя качества. Кромѣ того имъ однимъ извѣстны многіе пріемы промысловъ, они напр. знаютъ секретъ простыми средствами вырабатывать изъ оленьихъ шкуръ прекрасную замшу (ровдугу) и другія ремесла, которыя еще по сейчасъ практикуются исключительно ими. Исчезновеніе инородцевъ, носителей своеобразной и хорошо приспособленной къ суровымъ условіямъ сѣвера, хотя и не высокой, но оригинальной и полезной культуры, безъ сомнѣнія, было бы немалой потерей для будущаго населенія страны.

Но и помимо этого, не является ли прямой обязанностью государства взять подъ свою опеку и помочь стать на ноги этимъ простодушнымъ и всегда вѣрнымъ ему людямъ, своимъ присутствіемъ оживляющимъ его пустынныя

---

1) Культурная часть населенія сѣвера Европы и Америки одѣвается зимой, какъ извѣстно, въ мѣха пушныхъ звѣрей, а жители всего крайняго сѣвера Россійской имперіи и Америки — носятъ въ холодное время года мѣховую одежду, главнымъ образомъ, изъ оленьихъ шкуръ.

окрайны и своимъ трудомъ поддерживающимъ общегосударственное казначейство. Правда, теперь, при чрезмѣрномъ увеличеніи нашего государственнаго бюджета, прибыль отъ продажи пушнины и другихъ продуктовъ промысловъ инородцевъ составляетъ сумму относительно ничтожную, но, если мы удалимся въ глубь вѣковъ, то мы увидимъ, что въ XVII стол. доходы казны отъ продажи только заграницу цѣнныхъ мѣховъ простирались, по исчисленію историка Котошихина, до 400—500 тыс. руб. въ годъ, что при общей суммѣ государственныхъ доходовъ въ тѣ времена, приблизительно въ $1^1/_2$ милліона, составляло до $^1/_3$ его части. Если денежные и другіе доходы расходовались на управленіе страной, главнымъ образомъ на жалованье служилымъ, то ясачная подать мѣхами всецѣло поступала въ казну царя. «Можно съ вѣроятностью сказать, замѣчаетъ по этому поводу Фирсовъ, что инородцы, сами того не подозрѣвая, содѣйствовали развитію самодержавія: не будь въ распоряженіи у Московскихъ царей даровыхъ соболей, лисицъ и пр., власть ихъ можетъ быть имѣла бы иной видъ и иные общественно-экономическіе порядки были бы въ русской землѣ[1])». Такимъ образомъ, въ тѣ отдаленныя времена, когда Русь была еще слаба и, такъ сказать, собиралась, эта вѣрная и значительная по тогдашнему времени матеріальная поддержка со стороны инородцевъ содѣйствовала укрѣпленію царской власти и несомнѣнно помогла нашему отечеству выдти изъ своего труднаго положенія, преодолѣть своихъ многочисленныхъ внѣшнихъ враговъ и создать міровую державу, раскинувшуюся на $^1/_6$ часть суши. И вотъ, если не за свою настоящую дѣятельность и за свою нынѣшнюю скромную лепту, то по крайней мѣрѣ за свои прошлыя заслуги, за тѣ богатые дары, которые они свыше трехъ вѣковъ вносятъ въ сокровищницу русскаго народа, Сибирскіе инородцы имѣютъ, думаемъ, полное право разсчитывать на признательность и на посильную помощь со стороны своего отечества. И это воздаяніе въ видѣ мѣръ, клонящихся къ улучшенію ихъ экономическаго положенія и къ ихъ умственному и нравственному просвѣтленію, должно быть въ одинаковой степени распространено на всѣхъ инородцевъ Сибири, какъ на самыхъ типичныхъ представителей бродячей ихъ части—оленеводовъ и звѣролововъ, такъ и на полуосѣдлыхъ рыболововъ и даже на осѣдлыхъ земледѣльцевъ, потому что въ прошломъ всѣ они были звѣроловами въ большей или меньшей степени, а для многихъ изъ нихъ этотъ промыселъ и по-сейчасъ является, если не главнымъ, то побочнымъ занятіемъ.

---

1) «Энциклопедич. словарь Брокгауза-Эфрона», т. XXIXa. (кн. 58), стат. «Сибирь», 806.

Приложенія.

I. Мѣры для улучшенія экономическаго положенія населенія сѣв. Сибири.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ привести нѣкоторыя мѣропріятія, которыя было бы необходимо принять въ видахъ сохраненія природныхъ богатствъ Сибирскаго сѣвера и для подъема экономическаго быта его населенія и инородцевъ въ частности. Эти мѣры въ общемъ сводятся къ слѣдующему:

1. Упорядочить производство промысловъ, въ видѣ запрещенія хищническихъ пріемовъ лова. Сюда относятся въ рыболовномъ промыслѣ: неводьба слишкомъ большими неводами, захватывающими болѣе $^1/_2$ ширины рѣки, неводьба одновременно съ обоихъ береговъ при незначительномъ разстояніи между «песками», самоловный промыселъ, добыча рыбы зимой у живцовъ во время «замора», перегораживаніе рѣкъ и протокъ изъ «соровъ» въ рѣки при спадѣ водъ и т. д. Въ звѣроловномъ промыслѣ слѣдуетъ признать вредными: преслѣдованіе крупной дичи (оленя, лося) весной во время теленія, устройство для ихъ добычи заборовъ съ ямами или настороженными луками, массовое истребленіе оленей во время ихъ періодическихъ перекочевокъ («плавей»), вынимание для выкармливанія лисятъ изъ норъ, массовая добыча водяной птицы во время линьки и т. д. [1]). Въ кедровомъ промыслѣ слѣдуетъ признать

---

1) Теперь самое время принять энергичныя мѣры для сохраненія крупной дичи и пушныхъ звѣрей Сибири, иначе будетъ поздно. Если названная страна и до сихъ поръ еще сравнительно богата въ этомъ отношеніи, то это слѣдуетъ приписать ея малой населенности и полному отсутствію у мѣстныхъ охотниковъ усовершенствованнаго оружія, но быстрое развитіе и заселеніе Сибири, каковое можно наблюдать въ настоящее время, несомнѣнно будетъ имѣть послѣдствіемъ и быстрое уменьшеніе животнаго царства Сибирскихъ лѣсовъ. Примѣромъ можетъ служить Сѣв. Америка, гдѣ еще въ 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія въ преріяхъ встрѣчались безчисленныя стада бизоновъ, которые, пересѣкая во время своихъ перекодовъ желѣзнодорожный путь, на цѣлые часы останавливали движеніе поѣздовъ. Но уже въ 1900 г. въ Соед. Штатахъ уцѣлѣло едва 1000 головъ этихъ животныхъ, бережно охраняемыхъ въ спеціальныхъ паркахъ. Да и въ Сибири въ теченіе всего 44 лѣтъ со времени открытія Командорскихъ острововъ было окончательно истреблено полезное ластоногое—морская корова. Въ данномъ случаѣ полезно послѣдовать примѣру нѣкоторыхъ зап.-европейскихъ государствъ, которыя уже ввели спеціальные законы для сохраненія полезныхъ дикихъ животныхъ въ своихъ малокультурныхъ колоніяхъ. Такимъ образомъ, напр. въ германской африканской колоніи Камерунѣ всѣ мѣстные охотники обязаны имѣть особые охотничьи билеты, пріобрѣтаемые у правительства и имѣющіе силу въ теченіе одного года. Билеты эти трехъ родовъ и даютъ право на добычу разныхъ животныхъ: 1-й билетъ въ 100 мар. даетъ право убить одно крупное животное: слона, носорога, антилопу, страуса и т. д.; 2-й билетъ въ 5000 м. — на добычу всѣхъ животныхъ и 3-й билетъ въ 25 м. — на добычу болѣе мелкихъ и менѣе цѣнныхъ животныхъ, т .е. всѣхъ, за исключеніемъ обозначенныхъ въ би-

очень вреднымъ способъ собиранія шишки путемъ сваливанія кедровыхъ деревьевъ, что еще по-нынѣ практикуется въ глухихъ частяхъ Сибири. Всѣ подобные вредные промыслы слѣдуетъ безусловно воспретить, а для увеличенія численности пушныхъ звѣрей, дичи и рыбы признать отдѣльные раіоны страны или лишь отдѣльные лѣса и водные бассейны заповѣдными, въ которыхъ всякая добыча полезныхъ животныхъ была бы запрещена. Начало этому уже положено въ Южно-Уссурійскомъ окр. (Прим. обл.). Въ видѣ временной мѣры этотъ способъ увеличить живой инвентарь Сибирскихъ лѣсовъ и водъ можно было бы примѣнить въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

2. Упорядочить и облегчить снабженіе жителей предметами первой необходимости (мукой, солью, кирпичнымъ чаемъ, черкасскимъ табакомъ, металлическими издѣліями, одеждой и т. д.) и принадлежностями и припасами, необходимыми для промысла (бѣлымъ и сѣрымъ хвостовымъ конскимъ волосомъ, пряжей, малокалиберными винтовками, охотничьими принадлежностями, стрихнином ъ и т. д.), которые нынѣ продаются на мѣстѣ по очень высокимъ цѣнамъ, напр. въ Колымскомъ краѣ мука у торговцевъ и каза-

---

летѣ № 1. Но, помимо этого, и сама охота урегулирована въ видахъ сохраненія животныхъ отъ истребленія; такимъ образомъ, запрещены всѣ виды охоты, при которыхъ животныя убиваются массами, напр., путемъ загона въ загороженныя пространства, облавъ, путемъ отравленія ядомъ и т. д.; ограничена охота и во времени. Кромѣ того въ нѣкоторыхъ случаяхъ запрещено убивать и молодыхъ животныхъ и отчасти самокъ. Изъятіе дѣлается лишь для хищныхъ животныхъ, которыхъ можно истреблять во всякое время. За нарушеніе постановленій объ охотѣ виновные подвергаются значительнымъ взысканіямъ — штрафамъ до 1000 мар. и заключенію. Мѣстные инородцы-негры тоже ограничены въ своихъ правахъ на охоту: безъ билета они имѣютъ право добывать лишь мелкихъ животныхъ, для чего отъ остальныхъ жителей (европейцевъ и вообще пришлыхъ) требуется билетъ въ 25 м., а для добычи болѣе крупной и цѣнной дичи и они обязаны пріобрѣсти себѣ соотвѣтствующіе билеты. При этомъ огнестрѣльнымъ оружіемъ они имѣютъ право пользоваться лишь въ предѣлахъ своихъ родовыхъ земель, а внѣ ихъ лишь ловушками и лукомъ. Этими мѣрами прозорливые германцы на долгое время обезпечатъ свои новыя колоніи полезными животными («Tägl. Rundschau», 19 авг. 1908 г.).

А вотъ главныя основанія охраны крупной дичи въ восточно-африканскихъ владѣніяхъ Англіи (правила 1900 г.). Всѣ мѣстныя животныя дѣлятся на три группы:

1) на животныхъ, охота или ловля которыхъ совершенно запрещена. Сюда принадлежатъ: жираффы, дикіе ослы, буйволы, самки или молодые слоны, страусы-самки и т. д.; 2) на животныхъ, запрещеніе относительно которыхъ распространяется на молодыхъ или на самокъ съ молодыми (носороги, гиппопотамы, зебры, антилопы и т. д.) и, наконецъ, 3) на остальныхъ, которыхъ разрѣшено ловить и убивать въ ограниченномъ въ каждомъ случаѣ числѣ (напр. 2 слоновъ-самцовъ, 2 носороговъ, 3 бегемотовъ, 4 зебры, 2 антилопы каждаго рода крупныхъ породъ и 10 мелкихъ, 2 страуса-самца, 10 кабановъ, 10 шакаловъ и т. д.).

Билеты на право охоты двухъ родовъ: 1) для спортсменовъ, стоющій 750 рупіевъ (1275 фр.) и 2) для колонистовъ или чиновниковъ—цѣною въ 150 руп. (255 фр.). Первые даютъ право на большее число животныхъ. Иногда разрѣшается убивать сверхкомплектное число головъ дичи при особой платѣ за каждое добытое животное (носорогъ въ 1901 г. цѣнился въ этомъ случаѣ въ 75 руп., слонъ въ 250 руп., зебра 30 руп. и т. д.). Хищныхъ животныхъ

ковъ продавалась въ 1905 г. по 5—7 руб. за 1 п. и изъ казенныхъ магазиновъ по 11—14 руб. за 1 п.; конскій волосъ у торговцевъ по 50—80 руб. и казною по 30—36 руб. за 1 п. (послѣдняя, впрочемъ, отпускаетъ волосъ весьма плохого качества).

Но, въ виду весьма ограниченнаго подвоза въ край товаровъ, даже и по этимъ очень высокимъ цѣнамъ далеко не всегда представляется возможнымъ пріобрѣсти необходимые предметы и припасы въ требуемомъ количествѣ. Небольшіе ихъ запасы обыкновенно скоро расходятся и жители, не успѣвшіе во время запастись ими, принуждены бываютъ обходиться безъ нихъ и ждать возможности пріобрѣсти ихъ въ слѣдующемъ году. Это обстоятельство, по изслѣдованію г. Бутурлина, является одной изъ главныхъ причинъ бѣдственнаго положенія осѣдлаго рыбачьяго населенія Колымскаго края, которое по роду своего главнаго занятія (рыболовства) не можетъ обойтись безъ конскаго волоса и пряжи; такимъ же образомъ отсутствіе охотничьихъ принадлежностей губитъ звѣролововъ и отсутствіе стрихнина для уничтоженія волковъ наноситъ сильный вредъ мѣстнымъ олепеводамъ.

разрѣшено убивать и безъ билета. Слѣдуетъ замѣтить, что указанныя правила строго соблюдаются, несмотря на пустынность края, такъ какъ слухи и доносы касательно каждаго убитаго крупнаго животнаго быстро доходятъ до ушей мѣстнаго начальства, которое имѣетъ возможность подвергнуть провинившихся строгимъ взысканіямъ. Сверхъ того за исполненіемъ правилъ охоты наблюдаетъ и таможня, гдѣ контролируется число вывозимыхъ отдѣльными лицами шкуръ, роговъ и т. д. («Tour du monde», 1907, 25 сл.).

Мы ограничимся этими примѣрами.

Если мы обратимся къ Сибири, то увидимъ, что мѣры для охраны дичи и пушного звѣря почти вовсе не примѣняются въ этой странѣ, а нѣкоторые сентиментальные изслѣдователи даже ратуютъ за отмѣну вообще всякихъ правилъ, стѣсняющихъ свободу охоты въ Сибирскихъ лѣсахъ, отъ которыхъ яко-бы могутъ пострадать интересы мѣстныхъ инородцевъ-охотниковъ, забывая при этомъ, что полное исчезновеніе дичи будетъ для нихъ и для всей страны еще бо̀льшимъ горемъ. Повторяемъ, что кромѣ необходимости, подъ страхомъ взысканій, воспретить охоту извѣстными способами и въ извѣстные періоды года, безусловно необходимо учредить заповѣдные лѣса и рощи, гдѣ всякая охота была бы запрещена и на первомъ мѣстѣ включить въ число таковыхъ лѣса въ Туринскомъ окр. (Тоб. губ.), въ верховьяхъ Конды и Пелыма, гдѣ, повидимому, еще сохранились въ весьма небольшомъ числѣ бобры, а также мѣстность Желтый мысъ на югѣ Камчатки, гдѣ еще водятся цѣнные морскіе бобры, одно время окончательно истребленные въ этой странѣ, но потомъ вновь перебравшіеся туда изъ какого-нибудь пустыннаго острова побережья. Въ В. Сибири подобныя заповѣдныя рощи содѣйствовали бы распространенію лося, мѣстами тамъ окончательно истребленнаго.

Доказательствомъ, насколько хищнически и понынѣ производится охота на крупную дичь въ Сибири, можетъ служить тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Зап. Сибири утилизируется лишь часть мяса убитыхъ и добытыхъ въ ямахъ лосей и оленей, потому что перевозить ихъ туши въ жилыя мѣста при отсутствіи дорогъ и недостаткѣ перевозочныхъ средствъ или даже ихъ полномъ отсутствіи является дѣломъ слишкомъ затруднительнымъ, а въ лѣтнее время прямо невозможнымъ, а между тѣмъ, благодаря этому, наряду съ потерей цѣннаго продукта, искусственнымъ образомъ поощряется размноженіе хищныхъ звѣрей, напр. столь вредныхъ для оленеводства и скотоводства волковъ.

Снабженіе населенія этими необходимыми ему товарами мѣстныя власти должны взять въ свои руки. Они должны организовать для этой цѣли общественные и казенные склады (гдѣ послѣдніе уже имѣются, слѣдуетъ реорганизовать ихъ соотвѣтствующимъ образомъ), откуда жители могли бы пріобрѣтать по сходной цѣнѣ, на наличныя деньги, и получать въ долгъ всѣ имъ необходимые предметы и продукты. Уплата долга должна быть разсрочена, смотря по роду и цѣнности товара, на 1 г. или на нѣсколько (5—8) лѣтъ (напр. хлѣбъ слѣдуетъ отпускать въ краткосрочную ссуду, болѣе дорогіе предметы, напр. винтовки, въ долгосрочную съ началомъ уплаты долга въ послѣднемъ случаѣ черезъ 2 — 3 г.). Цѣны на отпускаемые товары необходимо установить заготовочныя съ извѣстной надбавкой въ случаѣ ссуды, напр. въ 6% годовыхъ. Въ обезпеченіе долга можно принимать отъ населенія продукты ихъ промысла, не портящіеся отъ храненія (пушнину, мамонтову кость), а при неимѣніи таковыхъ выдавать небольшія краткосрочныя ссуды и подъ другіе товары, а также безъ обезпеченія, подъ круговую поруку общества или рода — вслѣдствіе развитой въ краѣ, особенно у инородцевъ, взаимопомощи и честности послѣднихъ, подобная мѣра не представляла бы большого риска. При пріемѣ отъ должниковъ ихъ добычи въ погашеніе долга необходимо ввести ея оцѣнку не по мѣстнымъ, установленнымъ кулаками, цѣнамъ, а по цѣнамъ, приближающимся къ существующимъ въ ближайшихъ крупныхъ центрахъ, гдѣ эти предметы можно сбывать.

Чтобы подобные магазины оказывали дѣйствительную пользу населенію необходимо, чтобы они были устроены въ надлежащемъ числѣ. Въ настоящее же время значительной части жителей глубокаго сѣвера, при желаніи получить въ ссуду 1 — 2 п. муки, приходится сдѣлать въ оба конца 500 — 800 вер., чтобы добраться до центра, гдѣ имѣется казенный магазинъ, что для жителей, не имѣющихъ оленей, почти невыполнимо.

3. На ряду съ этимъ необходимо улучшить организацію повсемѣстно существующихъ на сѣверѣ рыбо-запасныхъ магазиновъ, чтобы они въ случаѣ голодовки могли оказать дѣйствительную пользу населенію [1]). Для этой цѣли слѣдовало бы реализовать и употребить въ дѣло имѣющіеся у нѣкоторыхъ группъ жителей общественные ссудные и иные капиталы, которые нынѣ, или розданы разнымъ лицамъ въ долгъ или лежатъ безъ всякаго употребленія или существуютъ лишь на бумагѣ. Гдѣ такихъ капиталовъ не имѣется, можно было бы образовать таковые напр. путемъ сдачи въ аренду части общественныхъ угодій.

---

1) См. 1 примѣчаніе на стр. 141.

4. Безусловно необходимъ болѣе строгій надзоръ и установленіе болѣе значительныхъ взысканій за незаконную продажу инородцамъ спирта, напр., какъ это практикуется въ смежной съ Сибирью Аляскѣ, гдѣ туземному населенію строго воспрещено продавать спиртъ, причемъ необходимо въ данномъ случаѣ уничтожить всякаго рода изъятія, которыя въ сущности являются лазейками для обхода закона (напр., разрѣшеніе пріобрѣтенія вина для «собственнаго потребленія», льгота, дѣлаемая въ этомъ отношеніи должностнымъ лицамъ и т. д.). Уничтожить ввозъ спирта инородцами и торговцами въ инородческія кочевья изъ болѣе крупныхъ центровъ: Обдорска, Сургута, Туруханска, Петропавловска и на крайнемъ сѣверо-восточной Сибири изъ винныхъ складовъ «Сѣверо-восточнаго Сибирскаго Общества» на Чукотскомъ п. о. (см. стр. 176). Еще было бы лучше, если бы въ мѣстностяхъ, гдѣ преобладающее населеніе составляютъ инородцы и гдѣ послѣдніе еще мало обрусѣли, продажа спирта была разрѣшена лишь въ отдѣльныхъ болѣе крупныхъ центрахъ съ русскимъ населеніемъ и притомъ безъ права вывоза его за предѣлы селенія. Тамъ же, гдѣ русскаго населенія почти нѣтъ или гдѣ оно малочисленно, какъ напр., въ Охотской, Гижигинской, Петропавловской и Анадырской округахъ Приморской обл., было бы желательно вовсе воспретить продажу вина. Въ пользу этого единогласно высказался и бывшій въ декабрѣ 1908 г. съѣздъ рыбопромышленниковъ Дальняго востока, причемъ мотивами ходатайства передъ властями, составленнаго въ этомъ духѣ, были выставлены не только гибельное вліяніе спирта на инородческое населеніе, но и на рыболовство, такъ какъ часто пьянствующіе рабочіе плохо промышляютъ и прогуливаютъ много времени.

5. Облегчить мѣстному населенію сбытъ своихъ произведеній, на первомъ мѣстѣ пушнины и мамонтовой кости, которыя не портятся при храненіи и всегда имѣютъ хорошую цѣну. Принимать въ казенные и общественные склады на храненіе эти товары, а также рыбу, кедровый орѣхъ и т. п. съ выдачей подъ нихъ небольшихъ краткосрочныхъ ссудъ товарами (см. п. 2). Организовать посредничество по продажѣ продуктовъ промысла помимо торгующихъ крестьянъ и инородцевъ, которымъ къ тому же запрещать производить торговыя сдѣлки въ инородческихъ кочевьяхъ внѣ ярмарокъ, т. е. въ то время, когда цѣны еще не установились.

6. Облегчить инородцамъ бремя податей, а всему населенію тягость подводной повинности. Для этой цѣли, во 1-хъ, слѣдуетъ измѣнить несправедливыя и разорительныя для инородцевъ статьи закона, въ силу которыхъ каждое ихъ общество или каждый ихъ родъ обязаны уплачивать отъ ревизіи до ревизіи сумму ясака, опредѣленную въ послѣднюю ревизію на основаніи

числа платежныхъ душъ. Вслѣдствіе вымиранія извѣстной части инородцевъ Сибирскаго сѣвера число ревизскихъ душъ въ настоящее время во многихъ случаяхъ значительно превышаетъ число годныхъ работниковъ, такъ что одному работоспособному лицу иногда приходится уплачивать ясакъ за 2—3—5—10 и болѣе душъ (см. стр. 122). Необходимо было бы установить, чтобы до пересмотра положенія объ ясакѣ, инородцы вносили ясакъ по числу годныхъ работниковъ, причемъ каждый изъ нихъ уплачивалъ бы ясакъ, причитающійся съ одной ревизской души. Если же это теперь почему либо нельзя исполнить, то хотя бы распредѣлить на первое время всю причитающуюся съ извѣстнаго округа сумму ясака между всѣми его инородцами одной и той же категоріи поровну.

Во вторыхъ, безусловно необходимо облегчить подводную повинность на с. и в. Сибири, крайне обременительную для всего населенія, путемъ сокращенія до возможнаго minimum'а числа подводъ или лодокъ, отпускаемыхъ населеніемъ при проѣздѣ мѣстнаго начальства, должностныхъ лицъ, священниковъ и друг. Весьма желательно было бы перевести эту повинность изъ натуральной въ денежную и уравнять ее между всѣми жителями округа, а если возможно, и губерніи (области), потому что на югѣ, при меньшихъ разстояніяхъ между населенными пунктами, при бо̀льшей населенности мѣстностей и возможности пользоваться лошадьми и пароходами, эта повинность несравненно легче чѣмъ на сѣверѣ. При такой организаціи жители сѣвера могли бы получать извѣстное вознагражденіе за свой чрезмѣрный трудъ по этой повинности, которая иногда въ корень подрываетъ благосостояніе малочисленныхъ поселеній. Въ случаѣ оплаты труда подводчиковъ, слѣдовало бы предоставить этотъ заработокъ самому обществу, а не сдавать его съ торговъ торгующимъ и мѣстнымъ богатѣямъ изъ крестьянъ и инородцевъ, какъ это мѣстами практикуется при сдачѣ въ подрядъ перевозки почты. Гдѣ возможно, было бы полезно пріобрѣтать на общественныя средства, при матеріальной помощи изъ общегубернскихъ средствъ, небольшіе пароходы, которые въ опредѣленные сроки обходили бы по пути всѣ болѣе значительные пункты, возили бы должностныхъ лицъ, чиновъ, почту и попутно занимались бы перевозкой пассажировъ и доставкой къ мѣстамъ назначенія казенныхъ, общественныхъ и частныхъ кладей, окупая этимъ способомъ часть сдѣланныхъ на нихъ затратъ. Несомнѣнно, что по нижнему теченію Оби, Иртыша и Енисея такіе пароходы быстро окупили бы всю свою стоимость и доставили бы населенію много пользы. Весьма полезны они были бы и по другимъ рѣкамъ В. Сибири: Колымѣ, Янѣ, Индигиркѣ, гдѣ въ теченіе всего періода навигаціи освободили бы населеніе отъ вышеуказанной под-

водной повинности крайне тяжелой именно въ это время, обезпечили бы имъ сбытъ ихъ произведеній и дали бы возможность снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ.

7. Улучшить пути сообщенія, необходимыя для облегченія доставки товаровъ на мѣста и для удешевленія сбыта продуктовъ промысловъ, часть которыхъ вслѣдствіе своей небольшой стоимости не выдерживаетъ перевозки на дальнія разстоянія при дорогомъ фрахтѣ (въ настоящее время доставка 1 п. груза изъ Якутска на нижнюю Колыму или обратно обходится 7 руб.). Кромѣ того надо ускорить движеніе не только почты, но и грузовъ (напр. первая отъ Якутска до Среднеколымска, при разстояніи въ 500—600 вер., идетъ 2—3 мѣс.). Для этого было бы полезно проложить на с. нѣсколько новыхъ сухопутныхъ (зимнихъ) трактовъ и заселить ихъ русскими, напр. соединить нѣкоторые пункты нижней Оби съ Пріуральемъ, что усилило бы товарообмѣнъ и ослабило бы существующую на сѣверѣ Тобольской губ. монополію, понизивъ цѣны на товары, служащіе предметомъ ввоза и повысивъ ихъ на мѣстные продукты. Нынѣ же вслѣдствіе отсутствія удобныхъ путей сообщенія многіе мѣстные товары, почти вовсе не имѣютъ сбыта, напр. рыба, главный продуктъ сѣвера Сибири, въ глухихъ частяхъ страны, напр. въ Колымскомъ, Охотскомъ и другихъ краяхъ, вовсе не служитъ предметомъ вывоза даже въ смежныя мѣстности, хотя бы послѣднія и нуждались въ ней. Дѣйствительно, очень часто случается, что плохой уловъ рыбы ограничивается какой нибудь частью рѣки (нижнимъ, среднимъ или верхнимъ ея теченіемъ), а въ другихъ ея частяхъ ея добыча нормальна или хороша, но вслѣдствіе отсутствія путей сообщенія и организованнаго транспорта товаровъ жители первой мѣстности голодаютъ, въ то время какъ населеніе второй бросаетъ ловъ вслѣдствіе отсутствія сбыта своей добычи. Въ лѣтнее время для облегченія сношеній между отдѣльными частями рѣки можно было бы завести небольшіе слабосильные казенные или общественные пароходы (см. выше). Съ этой же цѣлью было бы полезно ознакомить населеніе сѣвера съ парусными судами и обучить его пользоваться ими и строить ихъ: нынѣ паруса почти не примѣняются на с. страны (лишь кое-гдѣ можно встрѣтить прямые паруса на каюкахъ и лодкахъ, но съ лавировкой въ Сибири никто не знакомъ), а въ В. Сибири населеніе мѣстами вовсе не умѣетъ строить даже простыя лодки (на Колымѣ, гдѣ имѣется всего двѣ пилы на все населеніе, лодки строятъ при помощи лишь топора юкагиры и ламуты по р. Ясачной, истребляя при этомъ много цѣннаго лѣса и затрачивая на это огромный трудъ). Непригодность средствъ передвиженія по водѣ во многихъ мѣстностяхъ Сибири, а часто и почти полное ихъ отсутствіе,

сильно затрудняетъ развитіе рѣчного рыболовства, заставляя жителей производить промыселъ лишь въ тихую погоду и у берега, и вовсе исключаетъ морское рыболовство.

На крайнемъ востокѣ и с.в. страны, гдѣ цѣлыя мѣстности совершенно отрѣзаны отъ болѣе культурныхъ частей Россіи, какъ въ Анадырскомъ и Охотско-Камчатскомъ краяхъ (въ первый почта и товары привозятся на русскихъ судахъ одинъ разъ въ годъ; почти такъ же и въ пункты, расположенные по восточному берегу Камчатки, за искл. Петропавловска), весьма желательно развитіе дальняго и близкаго каботажнаго сообщенія въ видахъ противодѣйствія съ каждымъ годомъ все болѣе усиливающемуся вліянію въ этихъ краяхъ иностранцевъ. Равнымъ образомъ большую услугу подъему экономическихъ силъ крайняго сѣвера Сибири могло бы оказать морское сообщеніе побережья Ледовитаго океана, главнымъ образомъ его восточной половины, съ другими частями Россіи, съ Европой, Америкой и культурными государствами Азіи. Въ виду этого было бы желательно вновь вызвать его къ жизни соотвѣтствующими льготами, а нѣкоторымъ болѣе обездоленнымъ мѣстностямъ, каковыми напр. являются Колымскій и Верхоянскій округа Якутской обл., а также Охотская окр., хотя бы въ видѣ временной мѣры, даровать право porto franco подобно тому, какъ Франція поступила по отношенію къ своей бѣднѣйшей провинціи — Савойѣ.

8. Организовать, развить и поднять нынѣ существующіе на с. промыслы введеніемъ усовершенствованныхъ пріемовъ ловли[1]) и сохраненія продуктовъ (солка, консервы), дабы дать возможность вывозить прекрасную рыбу и дичь Сибирскаго сѣвера на далекія разстоянія и, такимъ образомъ, обезпечить имъ сбытъ и хорошія цѣны. Ввести и развить новые промыслы, которые обѣщаютъ дать населенію новые источники благосостоянія: морское рыболовство и звѣриные промыслы въ Ледовитомъ океанѣ и въ губахъ Сибирскихъ рѣкъ, хлѣбосѣяніе, которое при надлежащихъ способахъ культуры несомнѣнно можетъ быть выдвинуто гораздо далѣе на сѣверъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время (опыты въ ст. Родчево въ 80 вер. къ с. отъ Верхнеколымска увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ). Еще большее значеніе можетъ имѣть развитіе огородничества въ видѣ посадки картофеля, рѣпы и другихъ овощей, которыя при не очень плохихъ условіяхъ могутъ давать хорошіе урожаи. Введеніе же въ пищу мѣстнаго насе-

1) Напр. на Колымѣ жители имѣютъ лишь небольшіе невода 35—45 с. длиной и 4—5½ с. шириной, вслѣдствіе чего, по мнѣнію г. Бутурлина (ibid., 96), въ высокую воду они не могутъ захватить неводомъ главный ходъ рыбы. Отсюда возможны неуловы даже при достаточномъ изобиліи рыбы въ рѣкѣ.

ленія растительной пищи несомнѣнно благотворно отзовется на его здоровьѣ, которое на сѣверѣ В. Сибири, вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни и плохой однообразной пищи, вообще нехорошо.

Хотя скотоводство мѣстами и практикуется на с. Сибири, но въ общемъ въ небольшихъ, часто даже ничтожныхъ, размѣрахъ, причемъ вслѣдствіе неумѣнія жителей приспособить это новое для нихъ занятіе къ суровымъ условіямъ климата, численный составъ скота при всякомъ недостаткѣ кормовъ, вслѣдствіе ли лѣтнихъ холодовъ или сильныхъ паводковъ, значительно сокращается. А между тѣмъ просторные луга по нижнему теченію многихъ крупныхъ рѣкъ Сибири, преимущественно западной, какъ бы созданы для обширнаго скотоводства.

9. Для осуществленія изложенныхъ въ п. 8 нововведеній наиболѣе цѣлесообразно было бы устроить на с. Сибири, въ болѣе оживленныхъ центрахъ, образцовыя фермы, рыболовныя предпріятія съ заведеніями для солки и консервированія рыбы, плотничьи и столярныя мастерскія, кузницы и т. д., гдѣ выдѣлывались бы необходимыя для домашняго обихода и для рыболовнаго, охотничьяго, огороднаго и другихъ промысловъ деревянныя и металлическія части и издѣлія. При этихъ учрежденіяхъ было бы желательно открыть ремесленныя и промысловыя школы, въ которыхъ населеніе съ измалу пріучалось бы къ болѣе усовершенствованнымъ пріемамъ ремесленной техники и промысловъ.

10. Усилить заботы о народномъ здравіи путемъ учрежденія по всему сѣверу Сибири должностей врачей, фельдшеровъ, оспенниковъ, акушерокъ и т. д. и замѣщенія ихъ добросовѣстными и знающими людьми. Въ настоящее время эти должности, въ виду очень скудныхъ средствъ, отпускаемыхъ на санитарную часть, существуютъ по большей части лишь на бумагѣ или запяты лицами, мало знакомыми съ медициной. Вмѣстѣ съ симъ необходимо было бы устроить въ главныхъ центрахъ аптеки и лечебницы, обставленныя всѣмъ необходимымъ, чтобы всѣ больные жители имѣли возможность получать безвозмездно скорую медицинскую помощь.

11. Упорядочить правовое положеніе населенія с. Сибири. Въ настоящее время русское населеніе на с. Зап. Сибири, за исключеніемъ трехъ волостей, собственныхъ земель не имѣетъ; почти всѣ земли по Оби и ея притокамъ принадлежатъ инородцамъ (хотя казна признаетъ за ними лишь право пользованія ими). Положеніе этихъ русскихъ крестьянъ и зырянъ (по Оби), проживающихъ по паспортамъ на инородческихъ угодьяхъ часто много лѣтъ, совершенно непормальное. Этихъ русскихъ и зырянъ необходимо надѣлить землей, но, имѣя въ виду оградить и интересы преобладающаго коренного

населенія сѣвера, слѣдуетъ сгруппировать ихъ въ крупныя селенія въ опредѣленныхъ раіонахъ, напр., разселить ихъ вдоль большихъ рѣкъ или значительныхъ трактовъ. Этимъ путемъ не только облегчился бы надзоръ за вредной для инородцевъ дѣятельностью торговцевъ, напр., за ихъ спаиваніемъ ради торговыхъ цѣлей, но и упорядочились бы пути сообщенія (нынѣ напр. мѣстные тракты съ Оби въ при-и за-Уралье идутъ по большей части черезъ совершенно пустынныя или очень слабо населенныя пространства, гдѣ лошадямъ нельзя достать корма, который, поэтому, приходится возить съ собой). Проживать же на чисто инородческихъ угодьяхъ крестьянамъ и зырянамъ должно быть разрѣшено лишь во время промысла и торговыхъ поѣздокъ, потому что замѣчено, что почти повсемѣстно на с. Сибири бродячіе и полуосѣдлые инородцы сильнѣе всего бѣднѣютъ и вымираютъ именно тамъ, гдѣ они находятся въ наиболѣе тѣсномъ соприкосновеніи съ русскими (см. стр. 177).

12. Чрезвычайно важно было бы поднять самодѣятельность мѣстнаго населенія, но на это способны не всѣ его элементы: всѣ инородцы и русскіе нѣкоторыхъ глухихъ мѣстностей В. Сибири вслѣдствіе своего поголовнаго невѣжества, своей косности, апатіи и своего незнакомства съ законами и со своими правами и обязанностями, совершенно не способны предпринять и осуществить что-либо по собственной иниціативѣ и своими собственными силами. Они пока требуютъ опеки, которую было бы полезно сохранить первое время и по введеніи въ странѣ самоуправленія. Въ настоящее время инородцы находятся въ вѣдѣніи и подъ опекой мѣстныхъ полицейскихъ исправниковъ, каковыя должности въ дальнихъ с. и в. Сибири, въ виду очень тяжелыхъ условій жизни и плохого вознагражденія, нерѣдко берутъ на себя люди безъ высшаго образованія и часто мало развитые, косные и не вполнѣ безупречной нравственности. Было бы весьма желательно назначать на эти должности, по примѣру инспекторовъ надъ индійцами въ С. Ш. Америки, лицъ съ большимъ выборомъ, заинтересовавъ ихъ лучшимъ служебнымъ положеніемъ и дальнѣйшимъ движеніемъ по службѣ. Несомнѣнно, что этимъ путемъ возможно было бы привлечь въ самыя глухія части страны людей, не только образованныхъ и энергичныхъ, но и преданныхъ дѣлу, интересующихся жизнью коренного населенія и дѣйствительно заботящихся объ улучшеніи его положенія (вспомнимъ хотя бы только что назначеннаго Пріамурскимъ генералъ-губернаторомъ г. Гондатти, который изъ интереса къ дѣлу самоотверженно провелъ три года на должности окружного исправника Анадырской округи, среди чрезмѣрно тяжелыхъ условій).

Эти исправники-инспекторы изучали бы бытовую, экономическую и другія стороны жизни инородцевъ, наставляли бы и организовали бы ихъ

при всѣхъ необходимыхъ случаяхъ, заботились бы о болѣе выгодной сдачѣ въ аренду инородческихъ угодій, о наиболѣе цѣлесообразномъ использованіи общественныхъ капиталовъ, о своевременномъ снабженіи ихъ всѣмъ необходимымъ и вообще пеклись бы о всѣхъ дѣлахъ и нуждахъ инородцевъ. (Ср. прилож. 3 и 4).

13. Учредить на всемъ сѣверѣ Сибири школы грамотности.

Мы затронули здѣсь лишь часть тѣхъ мѣръ, которыя бы слѣдовало привести въ исполненіе въ видахъ улучшенія экономическаго положенія не только инородцевъ, но и русскихъ глухихъ мѣстностей с. Сибири — мы здѣсь не говоримъ о болѣе южныхъ областяхъ Сибири, гдѣ жизненныя условія сравнительно лучше. При нѣкоторой энергіи провести въ жизнь большую часть этихъ мѣръ серьезныхъ препятствій не представилось бы. Даже большихъ средствъ на это не потребовалось бы, необходимо было бы лишь ассигновать на первое время извѣстныя суммы изъ окружныхъ и губернскихъ земскихъ средствъ и изъ государственнаго казначейства, но взаимообразно, при разсрочкѣ уплаты долга на 8—15 лѣтъ. Уже теперь въ З. Сибири нѣкоторыя подобныя меліораціи производятся на частныя средства крупныхъ рыбопромышленниковъ. Но для болѣе цѣлесообразнаго осуществленія этихъ мѣръ необходимо было бы заинтересовать въ нихъ и привлечь къ содѣйствію и сами мѣстныя инородческія и русскія общества, мѣстами имѣющія свои капиталы и свободныя угодья, которыя можно было бы сдавать въ аренду для полученія необходимыхъ средствъ. Относительно инородцевъ Березовскаго и Сургутскаго округовъ замѣтимъ, что каждое ихъ общество сдаетъ свои рыболовные пески въ аренду самостоятельно, причемъ одни селенія получаютъ отъ этого крупные барыши, другія почти ничего, но, такъ какъ жители первыхъ по большей части пропиваютъ эти деньги и отчасти тратятъ ихъ на пріобрѣтеніе ненужныхъ для нихъ предметовъ, то въ результатѣ сдача инородческихъ угодій въ аренду при нынѣшнемъ способѣ эксплоатаціи вообще большой пользы имъ не приноситъ. Часть этихъ рыболовныхъ угодій можно было бы сдавать въ аренду съ торговъ, причемъ выручку считать достояніемъ всѣхъ инородцевъ округа или хоть волости. За вычетомъ изъ этой суммы причитающагося со всѣхъ инородцевъ округа или волости ясака, остальная ея часть могла бы быть утилизирована на осуществленіе нѣкоторыхъ изъ указанныхъ выше и многихъ другихъ мелліоративныхъ мѣръ, которыя безъ сомнѣнія послужили бы къ поднятію экономическаго положенія мѣстнаго населенія.

Въ настоящее же время сѣверъ Восточной, и отчасти Западной, Сибири, несмотря на свои природныя богатства, почти никакой пользы государству не

приноситъ, а населеніе его мѣстами влачитъ самое жалкое существованіе. Поэтому извѣстная матеріальная помощь населенію и со стороны правительства была бы актомъ мудрой внутренней политики. Это дало бы населенію возможность стать на ноги и начать болѣе дѣятельную и производительную жизнь и въ то же время избавило бы казенный сундукъ отъ необходимости считаться съ постояннымъ ростомъ недоимокъ, съ періодическими ассигновками спеціальныхъ суммъ на подкармливаніе умирающаго отъ голода населенія и снаряжать отъ времени до времени въ разныя части страны дорого стоющія экспедиціи для выясненія того или другого вопроса неотложной важности или для облегченія народнаго бѣдствія, экспедицій, польза отъ которыхъ обыкновенно скоропреходяща и совершенно не находится въ соотвѣтствіи со значительными затрачиваемыми на нихъ суммами.

Мѣры, необходимыя осуществить для возрожденія къ новой жизни Сибирскаго сѣвера, обстоятельно изложены у гг. Бутурлина, Дунина-Горкавича и Слюнина. Кое-что можно найти и у другихъ изслѣдователей данной окраины. См. также 4 приложеніе. Большая часть предложенныхъ здѣсь мѣръ заимствована у первыхъ двухъ авторовъ, нѣкоторыя же изъ нихъ представляютъ изъ себя предложенія автора настоящей работы, отчасти знакомаго съ краемъ.

2. Объ ассимиляціи бѣлыхъ съ цвѣтными расами въ колоніяхъ европейцевъ.

Въ виду того, что ассимиляція инородцевъ съ русскими происходитъ въ обширныхъ размѣрахъ по всей территоріи Сибири и въ виду ея большого значенія для будущности страны, не безъинтересно будетъ сообщить нѣсколько словъ о томъ, каковы бываютъ результаты физическаго скрещиванія европейцевъ съ низкостоящими цвѣтными расами и какъ смотрятъ на подобные смѣшанные браки общество и власти колоній европейскихъ народовъ.

Многочисленныя наблюденія въ заокеанскихъ странахъ привели къ неоспоримому заключенію, что результаты отъ скрещиванія между собою расъ, весьма различныхъ по своимъ физическимъ и духовнымъ качествамъ и находящихся на крайнихъ ступеняхъ культурнаго развитія, въ общемъ неблагопріятны. Хотя наружно потомство отъ такихъ смѣшанныхъ браковъ и занимаетъ середину между обѣими скрещиваемыми расами, но духовно, отчасти и физически, оно по большей части далеко отстоитъ отъ бѣлой расы, нерѣдко не представляя въ то же время и улучшенія цвѣтной расы. Таковы, напр., многочисленные метисы Средней и Южной Америки, мулаты, евразіи—помѣсь европейцевъ съ индусами—и друг., а нѣкоторыя подобныя помѣси представляютъ изъ себя прямо уродливые въ умственномъ, моральномъ

и соціальномъ отношеніяхъ этническіе элементы: таковыми, напр., являются *замбо* Ср. и Южной Америки — помѣсь негровъ съ индійцами, отчасти и выродившіеся и окончательно перемѣшавшіеся съ туземцами потомки португальскихъ колонистовъ португальскихъ колоній въ с.-з. Индіи и въ ю. Африкѣ.

Несмотря на то, что англосаксы и германцы изъ чисто физическихъ соображеній весьма неохотно вступаютъ въ перекрестные браки съ цвѣтными расами и что таковые встрѣчаютъ препятствія въ цѣломъ рядѣ соціальныхъ условій, и тѣ немногіе (законные и незаконные) брачные союзы этого рода, которые еще заключаются въ мѣстностяхъ, гдѣ мало бѣлыхъ женщинъ, встрѣчаютъ, въ особенности въ послѣднее время, самое рѣзкое осужденіе, какъ со стороны общества, такъ и стороны духовенства, и даже заинтересованныхъ правительствъ. Такимъ образомъ, на имѣвшемъ мѣсто въ Лондонѣ въ 1908 г. панамериканскомъ конгрессѣ, на которомъ присутствовало много представителей высшаго духовенства изо всѣхъ частей Британской имперіи, изъ С. Штатовъ С. А. и т. д., было почти единогласно выражено мнѣніе, что физическое скрещиваніе бѣлой расы съ цвѣтными является зломъ, съ которымъ необходимо бороться.

Въ этомъ же году на общемъ собраніи Колоніальнаго Общества въ Бременѣ было высказано аналогичное положеніе: «Браки между цвѣтными и бѣлыми въ германскихъ протекторатахъ не должны быть запосимы въ списки, предназначенные для бѣлыхъ. Дѣти отъ подобныхъ браковъ должны считаться цвѣтными». И въ соотвѣтствіи съ этимъ губернаторъ Германской В. Африки сдѣлалъ распоряженіе, чтобы браки между туземцами и европейцами впредь не были допускаемы, а въ Германской Ю.-Зап. Африкѣ о томъ же позаботилось само общество, которое на своемъ общемъ собраніи рѣшило, что бѣлые и цвѣтные, которые до сихъ поръ были полноправными гражданами общины, потеряютъ права таковыхъ, если они заключатъ брачные союзы съ туземными женщинами или вступятъ съ ними въ незаконную связь. И въ такомъ положеніи дѣло обстоитъ почти во всѣхъ германскихъ и англійскихъ колоніяхъ.

Несмотря на всю категоричность подобныхъ рѣшеній и на тѣ тяжелыя послѣдствія, которыя ожидаютъ лицъ, отступившихъ отъ этихъ правилъ, дѣйствительные результаты отъ нихъ могутъ, однако, получиться лишь въ случаѣ, если одновременно съ ихъ изданіемъ колоніи съ преобладающимъ мужскимъ бѣлымъ населеніемъ будутъ въ должной мѣрѣ обезпечены бѣлыми женщинами («Zeitschr. f. Socialwissensch.»), 9, 1909, 524 сл.).

Въ Сибири ни ученые (антропологи, врачи, соціологи и т. д.), ни общество, ни правительство, не интересовались смѣшанными расами, происшед-

шими отъ перекрестныхъ браковъ и сожительствъ русскихъ съ разноплеменными коренными обитателями страны, и поэтому и не изучали ихъ серьезно съ физической, духовной и нравственной точки зрѣнія. Но тѣ немногія свѣдѣнія, которыя о нихъ имѣются, на основаніи общихъ наблюденій и впечатлѣній и на основаніи данныхъ объ ихъ образѣ жизни и дѣятельности, приводятъ къ заключенію, что потомство отъ скрещиванія русскихъ съ болѣе культурными инородцами южной части страны — татарами, бурятами, осѣдлыми тунгусами и вогулами — является жизнеспособнымъ, трудолюбивымъ и полезнымъ для страны населеніемъ. Напротивъ, метисы отъ браковъ и сожительствъ русскихъ крестьянъ и мѣщанъ съ инородческими женщинами Сибирскаго сѣвера и сѣверо-востока — въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (Колымскій окр., Охотская, Командорская и Петропавловская округи) почти все осѣдлое и полуосѣдлое населеніе подобнаго смѣшаннаго происхожденія — несомнѣнно представляютъ изъ себя пониженіе средняго уровня русскаго племени, не показывая въ очень многихъ случаяхъ и повышенія первоначальнаго инородческаго. Будущимъ изслѣдователямъ края предстоитъ рѣшить вопросъ, насколько эти невыгодные результаты ассимиляціи инородцевъ сѣвернаго типа съ русскими зависятъ отъ самаго скрещиванія указанныхъ разнородныхъ элементовъ и насколько они обусловливаются очень неблагопріятными экономическими, санитарными и другими условіями указанныхъ полосъ Сибири.

Нѣкоторыя данныя объ ассимиляціи инородцевъ Сибири съ русскими можно найти въ нашемъ предъидущемъ трудѣ («Опытъ геогр. и стат. тунг. плем. Сиб.», I ч., 2 вып., гл. 4), въ трудахъ Ядринцева, главнымъ образомъ въ книгѣ «Сибирскіе инородцы», passim, и у другихъ изслѣдователей.

3. О численности индійскаго населенія Соед. Штатовъ и о количествѣ принадлежавшей ему земли въ періодъ времени 1880—1907 г.г.

Когда говорятъ о вымираніи коренного населенія, то обыкновенно прежде всего вспоминаютъ о мѣдной расѣ Америки, которая наиболѣе пострадала въ этомъ отношеніи при столкновеніи съ европейской культурой. Хотя и въ настоящее время многія индійскія племена охотниковъ и рыболововъ продолжаютъ вымирать, но все же значительная ихъ часть, успѣвшая усвоить нѣкоторые зачатки этой цивилизаціи и болѣе или менѣе приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, нынѣ имѣетъ извѣстный положительный приростъ. Такъ дѣло обстоитъ и въ Соед. Штатахъ С. Америки, относительно численности коренного населенія которыхъ имѣются слѣдующія свѣдѣнія отчетовъ Коммиссіи по Индійскимъ Дѣламъ за отдѣльные годы періода времени: 1880—1907 г.г.

	Площади индійскихъ резервацій (въ тыс. акровъ).	Численность индійск. населенія об. п.
1880 г.	154.741,5	256.127
1890 г.	104.314,3	243.524
1900 г.	77.865,4	270.544
1907 г.	53.549,1	298.472

Изъ этихъ данныхъ, какъ будто, выходитъ, что послѣ нѣкотораго уменьшенія въ числѣ въ десятилѣтіе 1880—90 г.г. индійское населеніе С. Штатовъ значительно увеличилось въ числѣ въ теченіе послѣдующихъ 17 лѣтъ. Хотя положительный ростъ всего индійскаго населенія Штатовъ въ настоящее время и очень вѣроятенъ, потому что значительная часть его поставлена въ довольно благопріятныя условія и пріобщилась до извѣстной степени къ европейской культурѣ, но все же основываться лишь на вышеприведенныхъ данныхъ при подобномъ заключеніи было бы рисковано. Это явствуетъ изъ данныхъ тѣхъ же отчетовъ и за тѣ же годы, но касательно отдѣльныхъ штатовъ. Мы ограничимся лишь нѣкоторыми изъ нихъ.

Названія штатовъ и территорій.	Численность индійскаго населенія об. п.			
	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1907 г.
1. Монтана	21.650	10.842	10.076	10.459
2. Нов. Мексико.	23.452	10.998	8.480	18.564
3. С. Каролина	2.200	3.000	1.436	1.550
4. Техасъ.	290	290	290	470
5. Индійская территорія . .	76.895	68.225	86.265	102.993
6. Вашингтонъ	14.289	9.830	9.827	8.538

Чрезмѣрныя колебанія въ численности коренныхъ обитателей приведенныхъ штатовъ за указанные годы свидѣтельствуютъ о томъ, что эти данныя не однородны и вслѣдствіе этого непригодны для сопоставленія въ видахъ выясненія естественнаго приращенія индійцевъ. Происходятъ эти колебанія отъ цѣлаго рода причинъ: отъ измѣненій раіоновъ и границъ индійскихъ резерваціи въ разные годы, отъ перечисленій индійцевъ изъ однихъ раіоновъ въ другіе, отъ причисленій индійцевъ, не принадлежавшихъ раньше къ обществу извѣстной резерваціи, отъ подобныхъ же отчисленій и т. д.

Даже цифры, показывающія общую численность краснокожаго населенія Штатовъ за разные годы, не представляютъ полныхъ и притомъ однородныхъ величинъ, въ виду того, что данныя отчетовъ Коммиссіи касаются не всѣхъ индійцевъ государства, а лишь той ихъ части, которая водворена

въ резерваціяхъ, причемъ и составъ этой ихъ части не является постояннымъ. Еще труднѣе опредѣлить численность индійцевъ и вообще цвѣтныхъ расъ путемъ переписей населенія. Дѣйствительно, въ виду отсутствія въ Соед. Штатахъ сословій и въ виду ассимиляціи части индійцевъ съ бѣлыми, при частой утратѣ при этомъ роднаго языка, не имѣется ни одного надежнаго статистическаго признака, которымъ можно было бы руководствоваться при опредѣленіи численности краснокожихъ на основаніи данныхъ переписей населенія. Даже на цвѣтъ кожи, особенно въ случаяхъ преобладанія европейской крови, нельзя положиться, тѣмъ болѣе, что метисы и мулаты вообще склонны отрицать свое происхожденіе съ одной стороны отъ цвѣтныхъ предковъ; да къ тому же физическіе признаки не примѣнимы при общихъ переписяхъ населенія.

Не малый интересъ представляетъ лѣвая половина 1 таблицы, показывающая площади индійскихъ резерваціи въ отчетные годы. Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что при сильномъ ростѣ населенія Соед. Штатовъ, индійцы не могли сохранить за собою своихъ прежнихъ обширныхъ земель, потому что правительство Штатовъ, уступая настоятельнымъ требованіямъ колонистовъ, жаждавшихъ свободныхъ земель, принуждено было постепенно отбирать ихъ у коренного населенія. За отчетныя 27 лѣтъ послѣднее потеряло, такимъ образомъ, около $^2/_3$ владѣній, которыя ему принадлежали еще въ 1880 г. Впрочемъ, признавая все же за индійцами право собственности на земли резерваціи, правительство С. Ш. всегда вознаграждало ихъ за это соотвѣтствующимъ образомъ. Значительныя средства, накопившіяся, благодаря этому, въ кассахъ резерваціи, дали опекунамъ или инспекторамъ индійцевъ возможность поднять ихъ экономическое положеніе и надлежащимъ образомъ озаботиться объ улучшеніи ихъ санитарныхъ и другихъ условій и объ ихъ духовномъ просвѣтленіи.

Данныя вышеприведенныхъ таблицъ заимствованы изъ «Statist. abstract of the U. S.» за 1907 г. (Departm. of Commerce and Labor).

4. Какъ Данія управляетъ Гренландіей.

Управленіе Даніей ея полярной колоніей Гренландіей во многихъ отношеніяхъ можетъ считаться образцовымъ. Въ виду того, что физическія условія этой страны близко подходятъ къ таковымъ нашихъ окраинъ, расположенныхъ на глубокомъ сѣверѣ, то не безъинтересно будетъ сообщить въ нѣсколькихъ словахъ, что̀ Данія сдѣлала спеціально для просвѣщенія и поднятія экономическаго положенія мѣстнаго населенія.

Управленіе страной производится двумя опытными инспекторами, по-

лучающими около 6000 кр. (1 кр. = 52,5 коп.) жалованья и являющимися единственными представителями власти въ колоніи. Полиція, за отсутствіемъ въ ней надобности, не существуетъ. Просвѣщеніемъ завѣдываютъ 5—6 священниковъ, которые нѣсколько разъ въ годъ объѣзжаютъ свои обширные, но малолюдные, приходы. Ихъ помощниками являются, такъ называемые, «катехиты», которые живутъ разбросанно по всей странѣ и исполняютъ обязанности сельскихъ учителей и по праздникамъ, при отсутствіи священника, говорятъ прихожанамъ проповѣди. Катехиты—образованные молодые люди, по большей части эскимосы, прошедшіе 6-лѣтній курсъ мѣстной семинаріи въ главномъ центрѣ колоніи—Готхопѣ. Часть изъ нихъ со временемъ дѣлается священниками. Для этой цѣли каждый годъ двое катехитовъ отправляются правительствомъ въ Копенгагенъ для прохожденія дополнительнаго курса наукъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Пробывъ затѣмъ еще 2 года на мѣстѣ служенія, въ Гренландіи, они производятся въ священники. Тщательный выборъ лицъ, которыя впослѣдствіи займутъ постъ священника, и хорошее вознагражденіе, съ 3-лѣтними прибавками, вполнѣ гарантируютъ высокія качества и ревностную службу тамошнихъ духовныхъ отцовъ. Дѣйствительно, уже давно всѣ эскимосы хорошіе христіане и вполнѣ грамотны, да и по своему умственному развитію они стоятъ далеко впереди нашихъ сѣверныхъ инородцевъ.

Хорошо поставлена въ Гренландіи и медицинская часть: въ каждомъ изъ пяти округовъ страны имѣется по врачу, больницѣ и аптекѣ, причемъ лѣкарства выдаются населенію даромъ. Каждый врачъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи моторную лодку для объѣзда своего участка. Матеріально врачи тоже хорошо обезпечены: первое ихъ жалованіе 4000 кр., по періодически они получаютъ прибавки.

Вся торговля въ колоніи въ рукахъ правительства, которое содержитъ необходимое число казенныхъ лавокъ, снабжающихъ населеніе всѣми припасами и предметами, въ которыхъ оно нуждается. Спиртъ въ продажѣ не имѣется и ввозъ его въ Гренландію воспрещенъ. Роль его у эскимосовъ играетъ кофе, которое они очень любятъ. Частнымъ торговцамъ, даже датчанамъ, въѣздъ въ колонію не разрѣшенъ. Совершенно закрыта колонія и для иностранцевъ, которые могутъ ее посѣщать лишь съ разрѣшенія датскаго М-ва внутреннихъ дѣлъ («Нов. Вр.», 8 янв. 1910 г.).

5. Охотскіе коряки и ихъ экономическое положеніе.

Общее впечатлѣніе, которое производятъ на свѣжаго человѣка коряки с. Ямского (Охотск. окр.), весьма неблагопріятное. Они низкаго роста, слабаго тѣлосложенія и отличаются впалой грудью и тонкими руками и ногами.

Они имѣютъ видъ людей плохо питающихся и слабосильныхъ, хотя на промыслѣ и въ греблѣ они и проявляютъ достаточную силу и выносливость. Это неблагопріятное впечатлѣніе усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что многіе изъ нихъ страдаютъ сифилисомъ и обезображены послѣдствіями этой болѣзни.

Ихъ главной пищей является юккола или сушеная на воздухѣ рыба, часто сильно попорченная отъ сырой погоды. Благодаря вѣчной задолженности купцамъ, они находятся въ какомъ то «заколдованномъ кругѣ, изъ котораго они не выходятъ, терпятъ вѣчную нужду и голодъ и замѣтно вымираютъ. Признаки ихъ общенія съ культурнымъ міромъ выражаются только въ ихъ странной одеждѣ, да въ пьянствѣ. Вся ихъ жизнь настолько примитивна, все въ ней такъ жалко и бѣдно, что приходишь невольно къ выводу, что этихъ несчастныхъ людей съ умысломъ держатъ въ черномъ тѣлѣ для лучшей эксплоатаціи. Въ ихъ обиходѣ нѣтъ, ни топоровъ, ни гвоздей, ни порядочныхъ ножей — эти вещи составляютъ предметы роскоши. Постройки, видѣнныя нами на Ямской косѣ, лѣтнемъ пребываніи коряковъ, а также и описанная въ Ямскѣ, поражаютъ своимъ жалкимъ и неряшливымъ видомъ. Невидно даже попытки, въ предѣлахъ возможнаго, обставить свою жизнь поудобнѣе и практичнѣе. Повидимому эти люди такъ поглощены своей чисто желудочною нуждою, что у нихъ недостаетъ стремленія и энергіи на мысли объ улучшеніи своего положенія». (Фонъ-Дербекъ: «Изъ отч. о плаван. парох. Охотска»въ «Медиц. прибавл.» къ «Морск. сборн.», окт. 1909 г., 217).

6. Къ стр. 5 и 16. Острая экономическая нужда проявилась у значительной части инородцевъ Сибири уже въ первыя десятилѣтія по покоренія страны русскими и уже тогда служила препятствіемъ для ихъ правильнаго прироста. Обремененные непосильнымъ налогомъ (ясакомъ) обнищавшіе инородцы принуждены бывали продавать и закладывать русскимъ не только все свое имущество, безъ надежды когда-либо выкупить его, но и своихъ женъ и дѣтей. Многіе вслѣдствіе бѣдности, отчасти и вслѣдствіе недостатка женщинъ, часть которыхъ перешла въ собственность безсемейныхъ русскихъ, не могли обзавестись семьей и всю жизнь жили одинокими. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ половина и болѣе коренныхъ жителей представляла, такимъ образомъ, безсемейный пролетаріатъ. Типичный примѣръ этого рода приводитъ Буцинскій (ibid., 325): въ Коурдацкой волости (въ ныи. Тарскомъ уѣздѣ) по записи 1741 г. оказалось, что на 147 умершихъ татаръ лишь у 5 остались жены и дѣти, всѣ остальные умерли по вышеуказаннымъ причинамъ безсемейными.

Важнѣйшіе источники [1]).

1. Гагемейстеръ: «Статистическое Обозрѣніе Сибири», 1854 г., II т.

2. Baer: «Zunahme d. eingeborenen Bevölkerung Sibiriens», 1845 («Beitr. z. Kenntn. d. russ. Reich's», B. VII, S. 89—117).

3. Шашковъ: «Сибирскіе инородцы въ XIX стол.» («Историч. этюды», т. II, 169—292). (При составленіи этого труда Шашковъ пользовался слѣдующими архивными дѣлами, а) Дѣломъ Высоч. утвержд. Ясачной Комм. 1828—1835 гг. (въ XIII т.) и б) Дѣломъ объ учрежд. инородч. управъ 1853—1865 гг.).

4. Кеппенъ: «IX ревизія», 1857 г.

5. Ядринцевъ: «Сибирскіе инородцы», 1891 г.

6. «Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйств. быта населенія Иркутской и Енисейской губерній», II т., вып. 2, 3 и 6, т. IV, 2 вып.

7. «Матеріалы для изученія экономич. быта госуд. крестьянъ и инор. Зап. Сибири»: т. I, IV и X (гл. обр. главы о населеніи и таблицы).

8. Результаты переписи населенія 1897 г., вып. LXXII—LXXX.

9. С. Паткановъ: «Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ (на основаніи спеціальн. разработки матеріала переписи 1897 г.) — нынѣ печатается въ «Зап. И. Р. Геогр. О., по Отд. Стат.», т. XI.

10. —— «Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири», I—II ч., 1906 г. («Зап. И. Р. Геогр. Общ., по Отд. Этногр.», т. XXXI).

11. —— «Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples palaeasiatiques de la Sibérie», 1903 (изд. Ц. Ст. К. для IX сессіи Междун. Стат. Инст. 1903 г.).

12. —— «Die Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie», 1897, I т.

13. «Волости и населенныя мѣста» (изд. Ц. Стат. Ком.), 1893 г. — (всѣ губерніи и области Сибири кромѣ Приморской обл. и о. Сахалина).

14. «Списокъ населенныхъ мѣстъ Тобольской губ.», 1871 г. (изд. Центр. Стат. Ком.).
» » » Томской » 1868 » » » » »
» » » Енисейской » 1864 » » » » »

15. «Памятная книжка Якутской обл. на 1863 г.».

16. » » Иркутской губ. на 1863 г.».

17. Андріевичъ: «Сибирь въ XIX стол.», 1889, I ч.

18. Абрамовъ: «Березовскій край» («Зап. И. Р. Геогр. Общ.», XII, 1857).

19. Георги: «Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ народовъ», 1776 г.

20. Труды «Коммисс. для изслѣдов. землевлад. и землепольз. Забайкальск. обл. (подъ предсѣдат. ст.-секр. Куломзина)», 1897 г., гл. обр. т. I и V (passim).

21. Буцинскій: «Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ насельниковъ», 1889 г.

22. Словцовъ: «Историческое обозрѣніе Сибири», 1886 г.

23. Якобій: «Остяки сѣверной части Тобольск. губ.» («Ежег. Тоб. губ. музея», IX).

24. Кузнецовъ-Красноярскій: «Приходныя окладныя ясачныя книги Томскаго у. 1706—1718 г.г.», 1893.

25. A. Castren: «Reiseberichte u. Briefe aus d. J. 1845—49», 1856 г.

26. «Географически-статистическій словарь» П. Семенова.

27. Дунинъ-Горкавичъ: «Тобольскій сѣверъ», 1904 г.

28. «Обзоръ Тобольской губ. на 1870 г.» (изд. Тоб. губ. стат. ком.).

29. Третьяковъ: «Туруханскій край», 1871 г.

30. Степановъ: «Енисейская губернія», 1835 г.

31. W. Radloff: «Aus Sibirien» (2 Ausg.), 1893.

---

1) Остальные источники указаны въ выноскахъ.

32. Middendorf: «Reise in den Norden u. Osten Sibiriens», IV, 1875.

33. Кривошапкинъ: «Енисейскій округъ» («Зап. И. Р. Геогр. О.», 1863 г.).

34. Крашенинниковъ: «Описаніе земли Камчатки» (2 изд.), 1786 г.

35. Олсуфьевъ: «Общій очеркъ Анадырской округи» («Зап. Пріам. Отд. И. Р. Геогр. Общ.», II т., вып. 1).

36. Бутурлинъ: «Отчетъ уполномоченнаго М. Вн. Д. по снабженію продовольствіемъ въ 1905 г. Колымскаго и Охотскаго края», 1907 г.

37. Ditmar: «Reisen u. Aufenthalt in Kamtschatka in d. J. 1851—55», I, 1890 («Beitr. z. Kenntn. d. russ. R.», 3 Folge, B. VII).

38. Gerland: «Ueber d. Aussterben d. Naturvölker», 1868.

39. Тюшовъ: «По западному берегу Камчатки» («Зап. И. Р. Геогр. Об., по общей геогр.», т. XXXVII, № 2, 1906).

40. А. Мельниковъ: «Туруханскій край» («Вѣстн. обществ. гигіены», янв. 1909 г.).

41. Шренкъ: «Объ инородцахъ Пріамурскаго края», I, 1885 г.

42. Н. Слюнинъ: «Экон. пол. инор. с.-в. Сибири» («Изв. И. Р. Геогр. О.», XXXI, 1895 г.).

Оглавленіе.

Предисловіе. III

I. *Общія замѣчанія.* . . . . . 1— 15

II. *Измѣненіе численности инородческаго населенія Сибири по губерніямъ (областямъ) и округамъ* . . . . . 16— 24

III. *Измѣненіе численности отдѣльныхъ племенъ инородцевъ* . . . . . 24—153

1. Коренные финны . . . . . *24— 42*
Остяки. . . . . 24— 36
Вогулы. . . . . 36— 42

2. Самоѣды . . . . . *43— 48*

3. Тюрко-татары . . . . . *48— 74*
Якуты . . . . . 48— 59
Зап. Сибирскіе татары и бухарцы. . . . . 59— 61
Барабинцы. . . . . 61— 62
Тюркскія племена Томской губ. . . . . 63— 69
» » Енисейской губ. . . . . 69— 73
Карагасы 73
Киргизъ-кайсаки . . . . . 73— 74

4. Монголы . . . . . *75— 87*
Буряты . . . . . 75— 87

5. Тунгусскія племена . . . . . *87—115*
Тунгусы собственно . . . . . 87—110
Другія тунгусскія племена . . . . . 110—115

6. Палеазіаты. . . . . *115—153*
Енисейскіе остяки. . . . . 116—119
Юкагиры. . . . . 119—124
Чуванцы . . . . . 124—126
Чукчи и эскимосы. . . . . 126—130
Камчадалы . . . . . 130—141
Коряки. . . . . 141—144
Аины . . . . . 144—146
Гиляки. . . . . 146—148
Алеуты. . . . . 148—153

IV. *Нѣкоторыя данныя о богатствѣ Сибирскихъ инородцевъ дѣтьми.* . . . . . 154—163

V. *Нѣкоторые выводы* . . . . . **163—186**
1. Приростъ инородцевъ въ отдѣльныхъ географическихъ областяхъ. . . 164—165
2. » » въ зависимости отъ ихъ племеннаго состава. . . 165—169
3. » » » » » » занятій и образа жизни . 169—173
4. Общія соображенія касательно прироста инородцевъ, ихъ вымиранія и сліянія съ русскими . . . . . 173—179
5. Возможно ли (и желательно ли) остановить вымираніе инородцевъ и поднять ихъ экономическое благосостояніе? . . . . . 179—186

Приложенія . . . . . **187—204**
1. Нѣкоторыя мѣры для улучшенія экономическаго положенія населенія сѣвера Сибири . . . . . 187—198
2. Объ ассимиляціи бѣлыхъ съ цвѣтными расами въ европ. колоніяхъ . . 198—200
3. О численности индійскаго населенія Соед. Штатовъ и о количествѣ принадлеж. ему земли (за 1880—1907 гг.) . . . . . 200—202
4. Какъ Данія управляетъ Гренландіей . . . . . 202—203
5. Охотскіе коряки и ихъ экономическое положеніе . . . . . 203—204
6. Добавленіе къ стр. 5 и 16 204

Главнѣйшіе источники . . . . . 205—206

Оглавленіе . . . . . 207—208

ГЛАВНѢЙШІЕ ТРУДЫ ТОГО ЖЕ АВТОРА.

1. «Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири» (Изданіе Министерства Гос. Имуществъ).

Вып. I. Тюменскій округъ (5 волостей), 1888 г.

Вып. X, XII и XX. Тобольскій округъ, 1891—1893 г.

2. «Волости и населенныя мѣста», 10 вып. — Томская губ., 1893 г. (изд. Центр. Стат. Комит.).

3. «Dépouillement des données sur la nationalité et classification des peuples de l'empire russe d'après leur langue» (изд. Центр. Стат. Комитета для VII сессіи Междунар. Статист. Института 1899 г.).

4. «По гаціендамъ и руинамъ Юкатана» — путевые наброски («Землевѣдѣніе», 1896 г. III т., 1—4 вып., «Наблюдатель», 1895 г., VI, 98—130, и «Сѣверъ», 1895 г., №№ 6—12).

5. «По Демьянкѣ» — бытовой и экономическій очеркъ («Зап. Зап.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.», кн. XVI, вып. II—III).

6. «Типъ остяцкаго богатыря по остяцкимъ былинамъ и героическимъ сказаніямъ», 1891 г. («Жив. Стар.», III—IV, 1891 г. и отдѣльные оттиски).

7. «Die Irtysch-Ostjaken u. ihre Volkspoesie» (изд. Имп. Русск. Акад. Наукъ).

I. T. Ethnographisch-Statistische Uebersicht, 1897.

II. T. Ostjakische Texte mit deutscher u. russischer Uebersetzung nebst Erläuterungen mit einer phototypischen Tafel, einer Tafel in Farbendruck u. einer Karte), 1900.

8. «Ueber das Volk der Sabiren» («Revue Orientale», Budapest, 1900, I, 4).

9. «Irtysch-Ostjakisch - Ungarisch - Deutsches Wörterverzeichniss» (въ Nyelvtudományi közlemények, XXX köt., 4 füz., 1900, XXXI köt., 4 füz., 1901, и въ видѣ отдѣльнаго выпуска въ «Ugor Füzetek», 14 szám, подъ заглавіемъ «Irtisi-osztják szojegyzék», 1902.

10. «Aperçu statistique et ethnographique de la province de l'Amour» (изд. Центр. Стат. Комит. для VIII сессіи Междун. Статист. Института 1901 г.).

11. «Главнѣйшія данныя по статистикѣ населенія крайняго востока Сибири — Приморская и Амурская области и о. Сахалинъ» («Временникъ Ц. Ст. Ком.» № 52, 1903 г.).

12. «Essai d'une statistique et d'une géographie des peuples palaeasiatiques de la Sibérie» (изд. Центр. Стат. Комит. для IX сессіи Междун. Стат. Инст. 1903 г.).

13. «Опытъ географіи и статистики тунгусскихъ племенъ Сибири», I т., 1—2 вып., II т. (съ 3 племенн. картами) 1906 г. («Зап. И. Р. Геогр. Общ. по Отд. Этногр.», т. XXXI, ч. 1—2).

14. «Versuch einer Geographie u. Statistik der Tungusenstämme Sibiriens» («Revue Orientale». IV—VI Jahrg., 1903—1905, и въ видѣ отдѣльнаго изданія въ «Public. du Com. Hongr. de l'Assoc. Intern. pour l'explor. de l'Asie Centr. et de l'Extr. Orient.», 1) — сокращенное изданіе труда подъ № 13.

15. «Laut- u. Formenlehre der Süd-Ostjakischen Dialekte» (auf Grund der Sammlungen u. grammatischen Aufzeichnungen von S. Patkanow bearbeitet von D. R. Fuchs) (въ «Revue Orientale», 1906, VII, 1—3; 1909, X, 3; 1910, XI, 1—4 и въ видѣ отдѣльнаго изданія, 1911 г.).

16. «Племенной составъ населенія Россійской Имперіи» («Сводъ по Имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія 1897 г.» (изд. Центр. Стат. Комит.), II т., 1905, 1—39).

17. «Статистическія данныя, показывающія племенной составъ населенія Сибири, языкъ и роды инородцевъ» (поселенныя и поволостныя таблицы и выводы изъ нихъ) — результатъ спеціальной разработки авторомъ подлиннаго матеріала переписи 1897 г. — печатается въ «Зап. И. Р. Геогр. Об., по Отд. Стат.», т. XI.

18. «Внѣшнее пассажирское движеніе между Россіей и другими государствами за періодъ времени 1897—1907 г.г.» («Ежегодникъ Россіи» 1909 г. — изд. Ц. С. К.).

19. «Краткій очеркъ колонизаціи Сибири» («Ежегодникъ Россіи» 1907 г.).

20. «Лекціи по отечествовѣдѣнію» — Сибирь и Средняя Азія, 1905—06 г.г. (гектогр. изд. Ц. С. К.).

21. «О приростѣ инородческаго населенія Сибири» («Ежегодникъ Россіи» 1908 г.)—краткое изданіе настоящаго труда. — То-же по предварительнымъ даннымъ подъ заглавіемъ «Ueber d. Zunahme d. Urbevölkerung Sibiriens» («Revue Orient.», 1908, 54—94).

22. «Эмиграція изъ Россіи въ Соед. Штаты С. Америки за десятилѣтіе 1900—1909 г.г.» («Ежегодникъ Россіи» 1910 г.) — печатается.

К/5245

БИБЛИОТЕКА МГПИ им. К. ЛИБКНЕХТА

Новая цена ... р. ... к.

Нова цена
р. ___ к.